

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ПСКОВСКАЯ
СУДНАЯ ГРАМОТА
И ЕЕ ВРЕМЯ

**Развитие феодальных отношений
на Руси XIV-XV вв.**

Под редакцией Н. Е. НОСОВА

ЛЕНИНГРАД
"НАУКА"
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

В монографии исследуются социально-экономические, политические и правовые проблемы, связанные с крупнейшим памятником средневекового законодательства на Руси — Псковской Судной грамотой, на фоне сложной эпохи становления Русского централизованного государства.

Книга рассчитана на специалистов-историков.

А $\frac{10604-525}{042(02)-80}$ 4-80 0505010000

© Издательство «Наука», 1980 г.

Введение

Крупнейшим достижением советской исторической науки является конкретизация и развитие ленинского положения о феодализме на Руси. В трудах Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, И. И. Смирнова, Б. А. Романова, В. В. Мавродина, Б. А. Рыбакова, А. А. Зимина, В. Т. Пашуто и других советских историков социально-экономические и политические отношения Киевской Руси подверглись глубокому и всестороннему анализу. Вскрыто и основное направление социального процесса в XI—XIII вв. — это развитие феодальной вотчины со свойственным ей сеньериальным режимом за счет земель крестьянских общин с их относительно свободным населением, зависящим от феодального государства.¹ Наряду с сеньериальными (вотчинными) развиваются и государственные формы феодальной эксплуатации.²

Сравнительно менее изучены конкретные этапы и формы дальнейшего развития феодальных отношений. Специфика периода феодальной раздробленности Руси — временное ослабление политического единства, своего рода феодальный полицентризм.

¹ «Основным и определяющим в этом развитии являлся процесс роста феодальной земельной собственности за счет экспроприации феодалами общинных крестьянских земель. . . При этом вместе с процессом количественного роста феодально зависимого населения происходят глубокие качественные изменения в самой структуре феодально зависимого населения» (С м и р н о в И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. М.—Л., 1963, с. 23).

² Черепнин Л. В. 1) Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 128—278; 2) Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. — В кн.: Новосельцев А. Н., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 126—251; Пашуто В. Т. 1) Черты политического строя Древней Руси. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение, с. 11—76; 2) Особенности структуры Древнерусского государства. — Там же, с. 77—127; P a s c h u t o W. Gesetzmässigkeiten und Besonderheiten der Entwicklung des Feudalismus in Russland bis zum 17 Jahrhundert. — In: Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. Bd. 1. Berlin, 1977, S. 121—134.

При этом, однако, сохраняется культурное и идеологическое единство — залог будущего национального возрождения в составе единого Русского централизованного государства, продолжается развитие феодальных отношений во всех областях общественной жизни, развиваются элементы феодальной государственности, феодальное право. Как все это происходило конкретно? Предлагаемая книга — попытка дать ответ на этот вопрос исходя из Псковской Судной грамоты — крупнейшего кодекса феодального права эпохи раздробленности Руси.

Псковская Судная грамота положена в основу исследования по двум причинам. Прежде всего меня привлекала сама Грамота. После Правды и на протяжении трех веков — это наиболее полный и разносторонний кодекс русского права. Исследовать возможности этого уникального юридического памятника для воссоздания исторической действительности — задача сама по себе заманчивая, более того, увлекательная. Вторая причина связана с особенностями актового материала, обычно привлекаемого для характеристики социально-экономических отношений XIV—XV вв.

Акты, сохранившиеся главным образом в архивах монастырей Северо-Восточной Руси и прекрасно изданные в последние десятилетия,³ дают возможность проследить конкретную историю развития феодального землевладения и живые черты основных социальных типов — крупного и мелкого феодала, свободного и зависимого крестьянина. Но этот материал связан преимущественно с XV веком, XIV же век остается в основном вне его поля зрения. Кроме того, хорошо освещающая вопросы аграрной истории, сохранившиеся акты не дают возможности увидеть все феодальное общество в целом, все многообразное содержание его жизни. Два ярко очерченных социальных антипода, феодал и крестьянин, показаны в реальном действии — борьбе на меже, действии существенно важном, но не исчерпывающем все содержание общественных отношений. Эти ограничения, хронологические и сюжетные, заставили обратиться к принципиально иному источнику, который, уступая актовому материалу в конкретной реальности, превосходит бы его в широте охвата социальных явлений и главное — в трактовке этих явлений как взаимосвязанных частей одного целого. Таким источником и оказалась, по моим представлениям, Псковская Судная грамота.

В историографии Псковской Судной грамоты можно наметить два основных этапа. На первом этапе Грамота изучалась главным образом как юридический памятник, и основными ее исследователями (начиная с первого издателя Н. Н. Муракевича) были историки-юристы. В этот период была выработана традиция передачи текста Грамоты (разбивка на статьи), поставлен ряд вопросов

³ АСВР, I—III; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., ч. I. М., 1951; ч. II. М., 1956.

юридического содержания памятника и истории его текста.⁴ На втором этапе Грамота привлекает внимание прежде всего как источник по социально-экономической истории. Попытки такого подхода были сделаны еще в дореволюционной историографии.⁵ Наиболее плодотворно эта тенденция развивается в советское время. В трудах М. К. Рожковой, П. А. Аргунова, Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, Б. Б. Кафенгауза, И. Д. Мартысевича, И. И. Полосина, А. А. Зимина и других советских исследователей выработан принципиально новый подход к памятнику как к историческому источнику, предложен ряд интересных гипотез происхождения Грамоты и истории ее текста и, что наиболее существенно, подвергнуты тщательному изучению социально-экономические категории, прежде всего изорничество.⁶ Тем не менее Грамота еще не привлекалась в полной мере для исследований основных социальных проблем ее времени. Внимание историков по давней традиции приковывается либо к Киевской Руси с ее Русской Правдой, либо к единому Русскому государству с его Судебниками и богатым актовым материалом. Псковская Судная грамота остается пока вне основного потока научно-исторической мысли.

Своей цели я рассчитывал достичь путем решения двух связанных между собой задач. Во-первых, по возможности полно изучить саму Грамоту в ее связях с другими законодательными памятниками, прежде всего и больше всего с Русской Правдой. Во-вто-

⁴ Псковская Судная грамота, составленная на вече в 1467 г. Издана по списку, хранящемуся в библиотеке кн. М. С. Воронцова. Одесса, 1847; Псковская Судная грамота (1397—1467). Изд. 2-е. Одесса, 1868; Э г е л ь м а н И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. СПб., 1855; Христоматия по истории русского права, вып. 1. Сост. М. Владимирский-Буданов. Изд. 5-е. СПб.—Киев, 1899, с. 148—190; М р о ч е к - Д р о з д о в с к и й П. Н. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов. — Юрид. вестн. Моск. юрид. о-ва, 1884, май—июнь, с. 74—131, и др.

⁵ Б е л я е в И. Крестьяне на Руси. М., 1861 (далее цит. по: Изд. 4-е. М., 1903); М и х а й л о в П. Е. Юридическая природа землепользования по Псковской Судной грамоте. СПб., 1914; Б о г о с л о в с к и й М. М. Крестьянская аренда в Псковской Судной грамоте. — Истор. изв., издаваемые Истор. о-вом при Моск. ун-те, 1917, № 2, с. 3—46, и др.

⁶ Р о ж к о в а М. К. К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной грамоты. Л.—М., [1927]; А р г у н о в П. А. Крестьянин и земледелец в эпоху Псковской Судной грамоты. К истории сеньерьяльных отношений на Руси. (Отд. оттиск из «Ученых записок Саратов. гос. ун-та», 1925, т. IV, вып. 4); Г р е к о в Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. 1. Изд. 2-е. М., 1952, с. 434—469; К а ф е н г а у з Б. Б. Древний Псков. М., 1969; Ч е р е п н и н Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М.—Л., 1948, с. 408—447; М а р т ы с е в и ч И. Д. 1) Псковская Судная грамота. [М.], 1951 (далее — М а р т ы с е в и ч И. Д. ПСГ); 2) Общественно-политический строй и право Псковской феодальной республики XIV—XV вв. Автореф. докт. дис. М., 1965; Псковская Судная грамота. Перевод и комментарий проф. И. И. Полосина. — Учен. зап. МГИИ им. В. И. Ленина, 1952, т. LXV, вып. 3 (далее — Полосин); Псковская Судная грамота. Перевод и комментарий А. А. Зимина. — В кн.: ПРП, II, с. 282—383 (далее — Зимин, ПСГ).

рых, на базе самой Грамоты попытаться реконструировать хотя бы некоторые черты социально-экономической действительности ее времени, особенно новые черты, отличающие время Грамоты от времени Правды. Исходной точкой всего исследования, своего рода началом отсчета является, таким образом, Русская Правда. Этот памятник многократно глубоко и всесторонне исследовался, чем создавалась достаточно прочная и разработанная историографическая традиция. Особенно существенно, что Правда, чрезвычайно богатая по содержанию, рисует основные социальные типы Руси XI—XII вв., в первую очередь такие наиболее важные в перспективном плане фигуры, как феодал-вотчинник и зависимые от него люди — закуп, холоп, смерд. Сравнительно исчерпывающая характеристика этих фигур в научной литературе позволяет в какой-то мере избрать их в качестве эталонов для изучения общественного развития последующих веков.

В соответствии с поставленными задачами книга состоит из двух частей. Первая из них посвящена собственно Псковской Судной грамоте — в ней делается попытка анализа содержания этого памятника на фоне Русской Правды и некоторых других источников. Вторая часть — опыт реконструкции основных типов зависимых людей. Особую роль играет последняя глава книги. Написанная по другим материалам, в другом ключе, она служит своего рода эпилогом всего исследования.

Благодарю всех моих товарищей — первых читателей и судей, всех, кто помог написать и издать эту книгу.

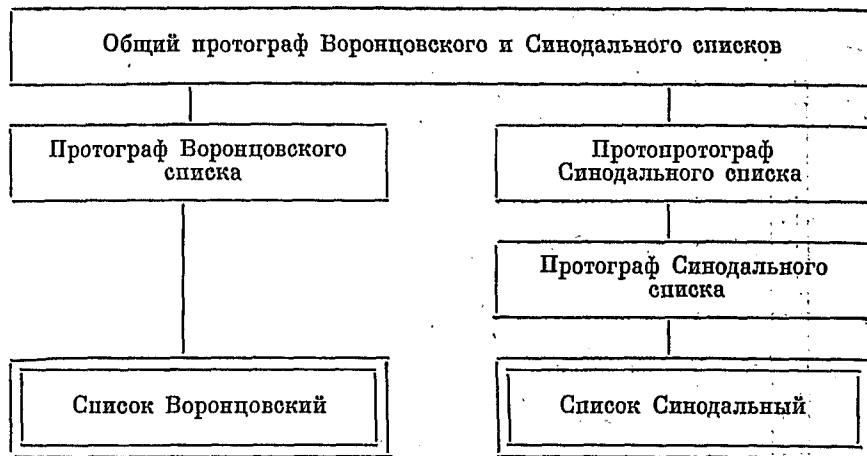
Наблюдения над списками Псковской Судной грамоты (далее — ПСГ)⁷ — Воронцовским (В), включающим весь известный текст Грамоты, и Синодальным (С), содержащим последние двенадцать статей по принятой в настоящее время нумерации, приводят к выводу, что эти списки независимы друг от друга. В пользу этого вывода говорят прежде всего кодикологические наблюдения над сборниками, в состав которых входят изучаемые списки. В этих сборниках нет ни одной общей статьи, кроме текста ПСГ; по-видимому, сборники составлялись совершенно независимо друг от друга и в разных местах: Синодальный сборник — в Москве, Воронцовский — в Вологде или на Белоозере.⁸

Наблюдения над списками дают также возможность предположить, что оригиналы списков В и С тоже не совпадали. В частности, список С восходит, вероятно, к оригиналу с киноварными инициалами статей; промежуточный этап — список, таких инициалов не

⁷ Текст ПСГ в дальнейшем приводится по: ПРП, II, с. 286—301.

⁸ Алексеев Ю. Г. Палеографические наблюдения над списками Псковской Судной грамоты. — Вспомогат. истор. дисциплины, X, Л., 1978, с. 73.

имевший, но сохранявший места для них. Это предположение обосновывается отсутствием в списке С начальных букв статей.⁹ Список В был сделан, надо полагать, с оригинала, в котором были не киноварные, а чернильные инициалы: составитель Воронцовского сборника перенес в список В эту особенность его оригинала, а в остальных частях своего сборника широко пользовался киноварью.¹⁰ Взаимоотношение списков можно представить в виде стеммы:

Наблюдения над списками древнерусских законодательных памятников, прежде всего Русской Правды, приводят к выводу, что деление памятника на статьи было очень устойчивым и сохранялось на протяжении столетий. Так, списки Правды Синодально-Троицкой группы, относящиеся в своем большинстве к XV—XVI вв., сохраняют в основном структуру текста общего протографа Троицкого и Синодального списков, сложившегося во всяком случае не позже конца XIII в.¹¹ Основным техническим приемом выделения статей как элементов структуры памятника были заглавные буквы — инициалы (по большей части, хотя и не обязательно, киноварные). Применяя эти наблюдения к спискам ПСГ (деление на статьи в совпадающей части списков В и С тождественно), можно проследить структуру текста, деление Грамоты на статьи в предполагаемом общем протографе В—С, не всегда совпадающее с тем, которое принято Н. Н. Мурзакевичем и М. Ф. Владимирским-Будановым, а вслед за ними всеми последующими издателями.

⁹ Там же, с. 75.

¹⁰ Там же, с. 77.

¹¹ Там же, с. 82—83.

[1]	Се суд княжен...	1, 2
[2]	А которому посаднику...	3, 4
[3]	А которому княжому человеку...	5
[4]	А которой посадник...	6
[5]	А кримскому татю...	7, 8
[6]	А коли будет с кем суд о земли...	9, 10, 11
[7]	А которой истец...	12
[8]	А кто у кого имеет землю...	13
[9]	А кто положит доску...	14
[10]	А только будет заклад...	14
[11]	А у приказников...	14
[12]	А у котораго...	15
[13]	А о зблюдении...	16, 17
[14]	А кто по волости...	18
[15]	А кто имеет искати зблюдения...	19
[16]	А кто на кого имеет...	20, 21, 22, 23, 24
[17]	А которой позовник...	25, 26
[18]	А где учинится бой...	27
[19]	А кто на ком имеет сочить...	28
[20]	А которой человек...	29
[21]	А кто имеет дават...	30
[22]	А кто имеет сочяти...	30
[23]	Хто на ком имеет...	31
[24]	А которой человек поручится...	32, 33
[25]	А у которого исковетина...	34, 35
[26]	А на котором человеке...	36
[27]	А которому человеку поле...	37
[28]	А кто имеет на ком сочит...	38
[29]	А которой мастер...	39
[30]	А которой наивит...	40
[31]	А которой наивит плотник...	41
[32]	А которой государь...	42
[33]	А иному отроку не быти...	42
[34]	А которой кочетник...	43
[35]	А государю на изорники...	44, 45
[36]	А которой человек у человека...	46
[37]	А кто што купил на чужей земли...	47
[38]	А кто почнет на волостелях...	48
[39]	А княжим людем...	49
[40]	А княжой человек...	49
[41]	А княжен писец...	50
[42]	А коли изорник...	51
[43]	А только государь...	51, 52
[44]	Аже сын отца или матерь...	53
[45]	А штобы и по суду...	54
[46]	А у кого поймаются...	55
[47]	А также, кто купил...	56
[48]	А кто возмет пристава...	57
[49]	А на суд помочю не ходити...	58
[50]	А хто опрочне имеет...	58, 59
[51]	А татю веры...	60
[52]	А князю и посаднику грамот...	61
[53]	А кто на ком имеет чего искати...	62
[54]	А которой изорник отречется у государя...	63
[55]	А которые пристави...	64
[56]	А которой пристав поедет...	65

[57]	А которой пристав или дворянин...	66
[58]	А истец, приехав с приставом...	67
[59]	А посаднику всякому за друга...	68
[60]	И всякому властелю...	69
[61]	А за церьковною землю и на суд...	70
[62]	А одному пособнику...	71
[63]	А которому человеку будет кормля...	72
[64]	А которому человеку на ком будет...	73
[65]	А кто почнет имать...	74
[66]	А на коем серебро имати...	74
[67]	А которой изорник...	75
[68]	А старому изворнику...	75
[69]	А которой изорник с села...	76
[70]	...псковским и судьям...	76, 77
[71]	А которому князю человеку...	78, 79
[72]	А коли придет грамота...	79
[73]	А кто с ним побьется...	80
[74]	А на приставное...	81
[75]	А княжой писец...	82
[76]	А только княжой писец...	82
[77]	А которому псковитину...	83
[78]	А которой изорник поумреть...	84
[79]	А у которого человека, у государя...	85
[80]	А будет у изорника брат...	86
[81]	А только будет конь или корова...	86
[82]	А изорник поимается за живот...	87
[83]	А у которого человека помреть...	88
[84]	А у которой жены...	89
[85]	А у которого человека помрет жена...	90
[86]	Такое же коли мужь помреть...	90
[87]	А у кого помрет сын...	91
[88]	А чем невестька клеплеть...	91
[89]	А кто на ком учнет искать...	92
[90]	А у кого стулится должник...	93
[91]	А которой вятини брат...	94
[92]	А которой меньшии брат...	95
[93]	А где учинится головщина...	96, 97
[94]	А которой человек с приставом...	98
[95]	А которой истец на судней роте...	99
[96]	А которой человек при своем животе...	100
[97]	О торговли и о поруке...	101
[98]	А которой мастер...	102
[99]	А подсоседник на государи...	103
[100]	А которому с ким сушлетка...	103
[101]	А которых исы вымут...	104
[102]	А которых чюженземець...	105
[103]	А кто с ким ростяжуются...	106
[104]	А кто коли заклад положит...	107
[105]	А которой строке пошлинной...	108
[106]	А которой строка в сей грамоте...	108
[107]	А попы и дяконы...	109
[108]	У которого человека имутся...	110
[109]	А кто пред господю...	111
[110]	А боран присужать...	112
[111]	А за гусак...	112
[112]	А за утицу...	112

Последние восемь статей в списках ПСГ и ее изданиях совпадают. В отдельных случаях предлагаемое деление меняет смысл текста, в некоторых других — вносит новые оттенки, во всяком случае думается, что это деление, содержащееся в самих списках, не может быть игнорировано ни издателями, ни исследователями ПСГ.¹²

Деление на статьи — только одна сторона вопроса о структуре памятника. Другая не менее важная сторона — порядок размещения статей. В историографии ПСГ эта проблема обсуждалась неоднократно. Делались попытки рассматривать памятник как результат постепенного напластования статей, расположенных в хронологическом порядке (И. Е. Энгельман, а за ним почти все дореволюционные исследователи), произвольно переставлять статьи (Б. Б. Кафенгауз), выделять в составе Грамоты отдельные уставы князей (Л. В. Черепнин), вычленять большое количество редакций, датировемых иногда с точностью до одного года (И. И. Полосин). Отдавая должное всем этим гипотезам как этапам в изучении структуры ПСГ, я тем не менее прихожу к несколько иным выводам.

По моим наблюдениям, Грамота распадается на три части. Первая часть — ст. [1]—[41] (1—50) — характеризуется господством текста систематизированного, т. е. сведенного в тематические разделы, вне разделов статей здесь почти нет. Для второй части — ст. [42]—[94] (51—98) — характерно сочетание систематизированного и несистематизированного текста. Тематические разделы охватывают около трех четвертей общего числа статей этой части, но они нередко возвращаются к сходным сюжетам и постоянно перебиваются отдельными самостоятельными статьями. Третья часть — ст. [95]—[120] (99—120) — характерна полным господством несистематизированных статей. Таким образом, степень систематизации материала явно убывает по мере приближения к концу памятника. Такая особенность — специфическое свойство ПСГ. Пространная Правда его не знает. Ее статьи расположены в более или менее систематизированном порядке до самого конца; последняя часть Правды — Устав о холопах — отличается даже большей композиционной цельностью, чем большинство других разделов памятника. Закон Судный Людем Пространной редакции также сохраняет единство композиционных принципов во всем своем тексте; оно нарушается только в самом конце памятника вследствие приписки трех русских статей. Постепенное понижение степени систематизации текста ПСГ не может быть объяснено ни ошибками писца, ни особенностями мышления средневекового кодификатора, группировавшего и располагавшего

¹² На возможность выделения статей по их инициалам обратил внимание В. Г. Гейман, готовя издание ПСГ в конце 1930-х гг. (Гейман В. Г. Псковская Судная грамота. Вводная статья. (Машиннопись). ГИПБ, Рукоп. отд., ф. 1133, № 69, л. 26—27).

статьи не так, как это сделал бы юрист XIX—XX вв.; против такого предположения говорит сам факт этого понижения. Объяснение этого феномена можно искать только в истории текста памятника.

Проблемы истории текста ПСГ также многократно обсуждались в литературе.¹³ Наибольшие споры вызывали интерпретация даты, содержащейся в заголовке списка В, и личность в. кн. Александра, упоминаемого там же, в более широком смысле — вопрос об источниках и времени составления ПСГ. В своей работе над историей текста ПСГ я пришел к следующим выводам. Наиболее древним законодательным памятником Господина Пскова была грамота в. кн. Александра Невского (а не Тверского). Эта грамота, упоминаемая в послании во Псков митрополита Киприана 12 мая 1395 г.,¹⁴ в переработанном виде («выписки») вошла вместе с приписками псковских пошлин в состав свода 1397 г., первой редакции ПСГ. Свод 1397 г. в дальнейшем неоднократно редактировался — включались новые статьи, исключались старые, проводилась систематизация статей. Заметны следы редакции 1409—1424 гг., которую можно условно назвать второй редакцией Грамоты. Дошедший до нас памятник можно (также условно) назвать третьей редакцией ПСГ, возникшей после 1462 г. Эта редакция включила второй свод с дополнениями, сделанными позже и еще не успешными подвергнуться систематизации. Таким образом, сложившись к концу XIV в., свод псковской пошлыны продолжал развиваться, оставаясь живым, действующим правом вечевое города-земли от самых ранних этапов складывания этого права до последних его десятилетий.

Такова очередная рабочая гипотеза о происхождении и отдельных этапах создания ПСГ. Как и у других гипотез, у нее есть свои достоинства и недостатки, как и они, она не может претендовать на окончательное решение поставленных вопросов. Единственное положение, которое мне представляется принципиально важным и в существе своем достаточно убедительным — это необходимость подхода к дошедшему до нас тексту как к единому целому своду. Этот свод носит на себе следы своего происхождения, но скорее всего не является ни механической суммой своих источников, ни хаотической смесью их разрозненных обломков. Независимо от того, как представлять себе историю нашего памятника, основным и наиболее существенным моментом в его изучении должен быть анализ конкретного содержания дошедшего до нас текста.

¹³ См.: Алексеев Ю. Г. Вопросы истории текста Псковской Судной грамоты. — Вспомогат. истор. дисциплины, XI. Л., 1979, с. 49—57.

¹⁴ РИБ, VI, стб. 233—236.

КНЯЗЬ, ПОСАДНИК И СОТСКИЙ

Основы судебного устройства Господина Пскова определяются начальной статьей ПСГ: «Се суд княжеи. Оже клеть покрадут за вомком или сани под полстью или воз под титягою или лодью под подубы, или въ яме или скота украдают или сено сверху стога имать, то все суд княжой, а продажи 9 денег. А разбой, наход, грабеж 70 гривен, а княжая продажа — 19 денег, да 4 денги; князю, и посаднику, и владычню наместнику судьи на суд не судит, ни судиям ни наместнику княжа суда не судите» (ст. 11).¹ Новгородская Судная грамота также начинается со статей, определяющих форму судебной организации (ст. 1—5). С аналогичных статей начинается и Судебник 1497 г. Помещение статьи об организации суда в начале текста ПСГ не случайность, а закономерное явление, отражающее структуру, свойственную законодательному кодексу XIV—XV вв.

Итак, первая же статья псковского кодекса устанавливает в качестве основного принципа судебного устройства вечевое городаземли дуализм; на первое место среди судей поставлен князь, но рядом с ним стоит посадник.² Суд княжой — это суд по особо

¹ В изданиях ПСГ приведенный текст обычно разрывается на две статьи; ст. 2 начинается со слов «и владычню наместнику» (в издании А. А. Зимина — со слов «князю и посаднику»). Однако в палеографическом отношении весь приведенный текст представляет собой одну статью, выделенную заглавной буквой.

² В литературе этот факт оценивается по-разному. И. Е. Энгельман считает, что ПСГ указывает «на лицо князя, как на средоточие судебной власти», которую, однако, князь делит с посадником (Энгельман И. Систематическое изложение. . . , с. 99). А. А. Зимин отмечает, что «князь во Пскове был руководителем верховной судебной коллегии», причем «по ряду дел мог быть суд князя без участия посадников» (Зимин, ПСГ, с. 329). В противоположность этим исследователям И. И. Полосин видит в ст. 1 существенное ограничение судебных прав князя: «Новгородская верхушка в своем пригороде. . . разрешала князю судить только очень узкий круг дел» (Полосин, с. 55). На ограничение судебных функций князя во Пскове указывает и И. Д. Мартысевич: «Князю принадлежал суд не по всем делам, а лишь по определенным категориям дел» (Мартысевич И. Д. ПСГ, с. 58). Однако приводимый тут же И. Д. Мартысевичем перечень дел с участием князя свидетельствует о его достаточно широкой судебной компетенции.

тяжелым уголовным преступлениям, из которых статья называет конкретно разбой и кражу из закрытого помещения. Однако сфера деятельности князя-судьи отнюдь не ограничивается судом по преступлениям, упомянутым в этой статье. Князь судит суд о земле (ст. [7] (12)), о бое и грабеже (ст. [16] (20)), получает продажу со стороны, проигравшей «поле» (ст. [27] (37)), продажу за голову (убийство), т. е. судит суд об убийстве (ст. [93] (96—97)), получает судебный штраф за оскорбление суда с того, «кто. . . силою в судебню полезет, или подверника ударит» (ст. [49] (58)) и «кто пред господою ударит на суде своего истьца» (ст. [109] (111)). При участии князя решаются все уголовные и наиболее важные гражданские дела. Отстранение от решения таких дел низших судей на местах приводит к централизации суда в руках высшей феодальной власти. Особое положение князя-судьи подчеркивается тем, что суд происходит у него «на сенех» (ст. [2] (4)). Князь выступает как главный судья и гарант правопорядка веча-вого города-земли. Признание князя в таком качестве равносильно признанию его политической власти и означает включение Пскова в систему феодальной княжеской иерархии — политической системы, характерной для русского средневековья.³

В судебной системе Пскова роль князя не ограничивается его личным судом. Ст. [3] (5) говорит о княжом человеке, «которому. . . ехат на пригород наместником». Он тоже судья — целует крест «судит прямо». В ст. [38] (48) упоминается волостель. В ст. [39] (49) княжой человек едет на судебное следствие; в ст. [41] (50) княжой писец пишет судебные документы — позовницу, бессудную, приставную; в ст. [75] (82) он пишет кроме этих грамот также и судницу о земле, а в ст. [77] (83) — грамоту за рубеж. В ст. [48] (57) князь дает своего человека — пристава — «обыскивати татбы». Из ст. [55] (64) выясняется, что этот пристав может «человека позвать на суд», «росковать», но также и «сковати», а ст. [94] (98) свидетельствует, что деятельность такого пристава при исполнении им служебных обязанностей может дать повод для обвинения его в головшине («. . . жонка в то время детя выверже, да пристава учнет головшинной окладати. . .»). Князь дает пристава для участия в оценке и изъятии имущества беглого или умершего изорника (ст. [69] (76), [78] (84)). Согласно ст. [50] (59) князь назначает подверника — человека, ответственного за соблюдение порядка в судебном заседании. По ст. [71] (78, 79) княжой человек ездит

³ Л. В. Черепнин определяет эту систему как «феодално-иерархическую политическую структуру, оформленную сетью договорных отношений между князьями на началах сюзеренитета-вассалитета» (Черепнин Л. В. Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII в. — В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 30). К этому удачному определению я бы добавил еще упоминание о договорных отношениях между князьями и городами-землями. Нельзя, на мой взгляд, согласиться с мнением И. Д. Мартысевича, что «Псков до середины XV в. . . ни в какой степени не зависел от Москвы, будучи в полном смысле слова суверенным государством» (Мартысевич И. Д. Общественно-политический строй и право. . ., с. 4).

на межу — участвует в разборе земельных тяжб; княжой дьяк читает в судебном заседании грамоты «коли имуть тягатыя о земли или о воде». Таким образом, Грамота рисует целую систему княжих людей, которая пронизывает все звенья, все этажи судебно-административного устройства Пскова и возглавляется самим князем. Осуществление князем его функций немислимо, как и во времена Правды, без собственного аппарата управления.

Новгородско-княжеские докончания XIII—XV вв. включают в качестве обязательного пункта отказ князя от создания своей системы управления на местах путем назначения волостей: «А волости ти, княже, новгородскихъ своими мужи не держати, нъ держати мужи новгородскими».⁴ В противоположность этому ПСГ допускает назначение княжих мужей на пригороды в качестве наместников (ст. [31](5)). Перед нами два варианта в организации местного управления вечевых городов-земель. Позиции князя и его аппарата в Пскове были, как видно, более сильными, а сфера действия этого аппарата более широкой. Обратная сторона этого явления — относительная слабость псковского боярства, псковских мужей, потенциальных конкурентов мужей княжих. Остается открытым вопрос о причинах и времени появления такого различия между судебно-административными институтами Новгорода и Пскова. Связан ли княжеский наместник-волостель с псковской стариной XIII—XIV вв. или появился позже? Найти ответ на этот вопрос пока не удастся. Нельзя, однако, не обратить внимание на особое — пограничное — положение Псковской земли, которое объективно способствовало, с одной стороны, усилению политических связей Пскова с великим князем, с другой — усилению власти местного князя — формального организатора обороны Пскова.

Для характеристики деятельности наместника-волостеля особый интерес представляет ст. [38](48).⁵ Понимание этой статьи связано с определенными трудностями. Но во всяком случае несомненно, что в ней речь идет о посулах, вымогаемых волостелем, и об ответных действиях со стороны местных жителей.⁶ Эти дей-

⁴ ГНП, № 1, с. 9 — См. там же: № 2, с. 10; № 3, с. 12; № 6, с. 15; № 7, с. 17; № 9, с. 19; № 10, с. 21; № 14, с. 27; № 15, с. 29; № 19, с. 35; № 22, с. 40; см.: Янин В. Л. Грамота кн. Святослава Ольговича 1137 г. — В кн.: Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 248—249.

⁵ «А кто почнет на волостелях посула сачить да и портище соимет или конь сведеть, а молвить так: „в посуле есмь снял или конь свел“, — ино быти ему в грабежи, кто в посули снял или коня свел».

⁶ По мнению И. И. Полосина, эта статья «ополчается на злоупотребления чиновников. . . с привлечением их к ответственности за вымогательство, как за грабеж» (Полосин, с. 80). Близкого мнения и А. А. Зимин (Зимин, ПСГ, с. 357). Однако сама статья содержит прямую речь — «в посуле есмь снял» — от лица того, кто снял, а не от лица волостеля, с которого сняли. Следовательно, к грабежу приравняются не действия волостеля, а действия того, «кто почнет. . . посула сачить». Так и повышают это место И. Е. Энгельман

ствия приравниваются к грабежу. Вымогательство посулов волостелем признается явлением естественным и во всяком случае распространенным. Такой волостель вполне отвечает характеристике, данной в Мериле Праведном: он и «мьзду емлетъ», и «неправду судить», и «люди продаетъ». ⁷ Но если в представлении автора соответствующей статьи Мерила пострадавшие от неправого суда только к «князю плачють», тщетно пытаюсь найти у него управу на «злаго судию», то в живой исторической действительности обиженные персонажи ПСГ действуют иначе. Волостель, повинный в вымогательствах, т. е. в неправом суде, находится под реальной угрозой расправы со стороны людей. Эта расправа, очевидно, столь же распространена, как и сами вымогательства, и псковский закон пытается защитить не в меру жадного волостеля от возмездия со стороны его «подопечных», готовых отнять у него коня и даже снять портище. Но иск к волостелю не беспорядочный самосуд разъяренной толпы, а действие, вероятно, привычное и опирающееся на свою традицию, теперь отрицаемую феодальным законом. Это действие на произвол, а остаток древнего права, своего рода иска взакличь не обидчика и имеет общую классовую природу с выступлениями князя и владимирцев XII в. против княжеских тиунов. Широкое распространение исков населения к наместникам и волостелям — характерная и важная черта русского средневековья. Она отмечена много лет спустя в царском приговоре об отмене кормлений: «. . . Многие грады и волости пусты учинили наместники и волостели. . . тѣхъ градов и волостей мужичья многие коварства содѣяша и убийства их (наместников и волостелей, — Ю. А.) людемъ, и какъ ѣдутъ с кормленей и мужики многими иски отыскивають. . .». ⁸ Итак, действия тиуна-волостеля в реальной жизни фактически сдерживаются активным противодействием народных масс. Это противодействие актам произвола и беззакония более эффективно и чувствительно для «злаго судии», чем моральные сентенции Мерила. Еще более важно, что наместник-волостель повсюду — и в вечаевой земле, и вне ее — имеет дело не с беззащитным, безответным и безропотным населением, как это иногда изображается в литературе, а с людьми, сознающими свое право и готовыми активно стоять за это право, — наместник-волостель сталкивается с местным миром.

Одним из наиболее важных должностных лиц княжого аппарата Правды является вирник. На важность функций этого сборщика уголовных штрафов указывает подробная регламентация «шюкона вирного», содержащаяся как в Пространной (ст. 9), так и в Краткой Правде (ст. 42). В памятниках XIII—XV вв. этот

(Систематическое изложение. . . , с. 81) и М. Ф. Владимирский-Буданов (Христоматия. . . , с. 167, примеч. 109).

⁷ МП, л. 64.

⁸ ПСРЛ, XIII, с. 267. — Ср.: З и м и н А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 422—431; Н о с о в Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, с. 373—378.

термин отсутствует. Значит ли это, что к XIV в. взмемчилась сама система взимания уголовных штрафов, а следовательно, и суда по уголовным делам? Ответить на этот вопрос трудно за отсутствием прямых указаний источников. Но косвенные указания есть. Странствующий княжой судья упоминается в новгородско-княжеских докончаниях XIII—XIV вв.: «...Судии твоему ездити по волости, ехати имъ межень по Петровѣ дни», «А судье слати на Петровъ день, тако пошло».⁹ Следовательно, в Новгородской земле XIII—XIV вв. поездки княжеского судьи были не архаикой, а живым реальным явлением, нуждавшимся в регламентации. Насколько такой проезжий суд был нежелателен для местного населения, указывают попытки избавиться, откупиться от него. Согласно второй договорной грамоте Новгорода с в. кн. Ярославом Ярославичем (1266—1267 гг.), «...судь... отдалъ Дмитрии съ новгородци бежичяномъ и обонижаномъ на 3 лѣта». Но это скорее исключение — еще в середине XV в. в договоры включается старое условие «судеи слати по волостемъ на Петровъ день, какъ пошло». Только в договоре с Казимиром Литовским новгородцы пытаются ликвидировать «проѣжжей судъ», устанавливая за него постоянный выкуп.¹⁰

Процесс отмирания проезжего суда завершается только в конце XV в. Белозерская Уставная грамота 1488 г. не знает уже никаких подобных поездок — наместник сидит в городе, а по станам ездят только доводчики, не имеющие права ни судить, ни собирать самостоятельно никаких поборов.¹¹ Так поездки вирника на сбор виры в виде своего рода полудья постепенно вытесняются новой системой суда и собирания штрафов — уголовный суд сосредоточивается в городе, где живет наместник, а обязанность доводчиков только доставлять преступников на суд. Эта новая система судуправления свидетельствует о значительном развитии судебно-административного аппарата в XIV—XV вв. Если Ян Вышатич имел реальную власть над белозерцами только во время пребывания в их городе, то наместник XV в. сохраняет контроль над ними постоянно, пользуясь системой своих доводчиков. Уголовный суд из эпизода превращается в постоянно функционирующий институт. Проезжий суд странствующего судьи-вирника, пришедший в XI—XII вв. на смену личному суду князя, в XIV—XV вв. в свою очередь вытесняется новой системой суда, опирающейся на постоянный штат доводчиков, связанных с наместником-волостелем. Какое же место в этой эволюции княжого суда занимают порядки, отразившиеся в статьях ПСГ? Она знает приставов и подвойских,

⁹ ГИП, № 1, с. 10; № 3, с. 13. — Едва ли можно в этой статье видеть запрещение государственной администрации въезжать на территорию вотчинника-иммуниста и сближать таким образом новгородско-княжеские докончания с иммунитетными грамотами князей, как это делает Л. В. Данилова (Д а н и л о в а Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, с. 64).

¹⁰ ГИП, № 2, с. 11; № 22, с. 41; № 77, с. 131.

¹¹ АСВР, III, № 22, с. 38.

назначаемых для следствия по конкретным делам и берущих определенные ездовые пошлыны. В этом смысле она близка к Двинской Уставной грамоте 1397 г., которой известны «дворяне», получающие «хоженое» по расстоянию.¹² Судя по тому, что княжой человек может при этом быть заменен псковитином «ис тех же ездов» по вольному найму, он не является постоянным судебным исполнителем в отличие от доводчика Белозерской Уставной грамоты и земельщика Судебника 1497 г. Таких штатных агентов судебно-полицейского аппарата ПСГ еще не знает. Но не знает она уже и проезжего суда новгородско-княжеских докончаний XIII—XIV вв. Судебно-административный аппарат ПСГ в том виде, в каком он нам известен, отражает уровень развития, достигнутый к XIV в., скорее, к концу этого века.

В какой мере князь и его люди фактически осуществляют функции, предоставляемые им ПСГ? Несмотря на немногочисленность дошедших до нас псковских актов, в нашем распоряжении есть документы, отвечающие на этот вопрос. Рядную грамоту Тешаты и Якимы писал «Довмонтовъ писецъ». Грамота скреплена печатью с изображением св. Тимофея, патрона кн. Довмонта-Тимофея (1266—1299 гг.).¹³ Эта рядная грамота, памятник деятельности княжого писца, может служить иллюстрацией ст. [41](50) или ст. [75](82). Из нее вытекает далее, что обе эти статьи дают не исчерпывающий перечень документов, оформляемых княжими писцами, а только примерный — ни та, ни другая статья не упоминают о рядной грамоте. Рядная свидетельствует и о том, что княжой аппарат функционирует во Пскове во всяком случае за много десятков лет до кодификации псковского права в 1397 г. Деятельность этого аппарата — старое явление псковской жизни.

Одним из весьма любопытных документов, отражающих деятельность князя во Псковской земле, является грамота в. кн. Александра и посадника Твердила смердам-рожитчанам на спорное земельное угодье.¹⁴ Спор, идущий в литературе по поводу личности в. кн. Александра, следует решить в пользу отождествления его с Александром Невским. По своей дипломатике грамота заметно отличается от правых грамот XV в., но этого еще не достаточно для датировки, так как правых грамот XIV в. практически мы не знаем. В пользу датировки грамоты временем Александра Невского можно представить два аргумента. Из всех князей с именем Александр, связанных с Псковом, только Невский был великим князем: Александр Тверской утратил этот титул к моменту прибытия во Псков, а другие князья его никогда не имели. По наблюдениям

¹² Там же, № 7, с. 21.

¹³ ГНП, № 331, с. 317. — В. Л. Янин по стилистическим признакам считает, что эта печать не старше второй половины XIV в. (Янин В. Л. Вислые печати Пскова. — СА, 1960, № 3, с. 243). «Довмонтовъ писецъ», как мне кажется, был писцом уже умершего князя Довмонта — при жизни князя он был бы титулован иначе.

¹⁴ ГНП, № 348, с. 337—338.

В. Л. Янина, изображение на печати, скреплявшей грамоту («на коне человек»), характерно для печатей Александра Невского, а не кн. Александра Михайловича.¹⁵ Составители ГНП отметили, что «Твердило известен как псковский изменник. . . , изгнанный. . . Александром Невским; поэтому совместное упоминание этих имен невозможно; другой Твердило нам не известен».¹⁶ Но этот аргумент отвести довольно легко: мы не знаем имен псковских посадников XIII в., поэтому не можем утверждать, что во времена Александра Невского не было посадника Твердила. Совпадение его имени с именем изменника Твердила Иванковича ни о чем не говорит. Напротив, для XIV в. известны имена многих посадников, хотя и не всех; тот факт, что среди них нет ни одного Твердила, понижает вероятность отнесения грамоты с его именем к XIV в. Известен и посадник времен кн. Александра Михайловича — это Шолога или Солога, который вел переговоры с Иваном Калитой и занимался градостроительной деятельностью. Правда, Тихоновский список Псковской I летописи упоминает рядом с ним и других посадников («И послаша псковичи послове. . . Шологу посадника со инѣми посадники со старѣшими»), но в Архивском списке той же летописи вместо посадников читается «бояры», а Псковская III летопись называет и имена этих бояр или посадников: Твердила среди них нет.¹⁷ Из датировки грамоты смердам-рожитчанам временем Александра Невского следует, что князь вел суд по земельным делам уже в середине XIII в.

К последним годам Господина Пскова относится правая грамота Снеготорскому монастырю, данная от имени кн. Ярослава Васильевича в 1483 г.¹⁸ Она полностью соответствует нормам ПСГ, что подчеркивается в литературе.¹⁹ Ободная грамота 1490/91 г. сохранилась в отрывке. «Господи́нь князь псковский» выступает в ней как глава псковской власти, принимающий решение по важному делу, связанному с землевладением слобожан.²⁰ И на заре политического бытия Господина Пскова, и на закате этого бытия князь действительно выступает как судья по важней-

¹⁵ Я н и н В. Л. 1) Вислые печати Пскова, с. 241—242; 2) Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. II. М., 1970, с. 23—24, 255, 258. — Это важное наблюдение В. Л. Янина не дает возможности принять гипотезу Л. В. Черешнина, что «документ в дошедшей до нас редакции составлен. . . в XV в. на основе каких-то письменных актов или устных сведений» (Ч е р е ш н и н Л. В. Псковские грамоты конца XV в. как исторический источник. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 434).

¹⁶ ГНП, с. 338.

¹⁷ ПЛ, I, с. 17; II, с. 23—24, 91—92. — См.: Ка ф е н г а у з Б. Б. Посадники и боярский совет в древнем Пскове. — Истор. записки, 33. М., 1950, с. 175—178.

¹⁸ ГНП, № 340, с. 326—328.

¹⁹ Зимин, ПСГ, с. 285. — А. А. Зимин публикует эту правую грамоту как приложение к ПСГ (там же, с. 325—327).

²⁰ НПГ, № 32, с. 71—72.

шим гражданским делам — делам о земельной собственности — в соответствии с нормами ПСГ.

Итак, суд княжой в ПСГ — живая реальность. По своему объему функции, осуществляемые князем и его людьми, соответствуют тому, что можно наблюдать в Русской Правде. Они охватывают основные стороны жизни феодального общества. Статьи ПСГ о княжом суде отражают не постепенно нарастающее расширение компетенции князя и его мужей в условиях вечевого города, как считает И. И. Полосин,²¹ а прежде всего старый, традиционный комплекс судебно-административных прерогатив верховной власти. Статьи о княжом суде фиксируют в основном старые нормы, сложившиеся еще во времена Правды. Бытование этих норм в вечевом городе-земле свидетельствует о их повсеместном распространении на Руси XIII—XIV вв. Отсюда вытекает, что даже в эпоху наибольшего развития феодальной раздробленности и ослабления политического единства Русской земли, на Руси сохранилось единство основных принципов феодального суда-управления, сложившихся во времена Русской Правды. Сохранение этого единства — важная черта всей эпохи.

Вместе с тем Грамота знает и новые аспекты деятельности князя и его аппарата. Это споры, связанные с имуществом изворника, а также оскорбление суда. Включение этих казусов в сферу княжого, т. е. высшего феодального, суда означает ее расширение, что отвечает основной тенденции развития феодального общества и государства.

Наиболее существенное отличие судебного устройства ПСГ от Правды в том, что князь ПСГ судит не единолично, а во главе судебной коллегии, в состав которой входят посадник и сотские. В соответствии с этим князь ПСГ в отличие от норм Правды и близкого к ней Мерила не является единственным носителем моральной ответственности за суд, ее с ним разделяет посадник — «судити им. . . взираа в правду по крестному целованью. А не всудят в правду, ино бог буди им судиа на втором пришествии Христове» (ст. 121(4)).²² Суд княжой в ПСГ — это суд князя и посадника. Князь как таковой — без посадника и вне господы — упоминается только как получатель уголовного штрафа-продажи.

Подобно тому как в госпode князь заседает рядом с посадником и сотскими, так и во всех других звеньях суда-управления

²¹ «Бояре не подпускали князя к народу; все гражданские дела. . . не подлежали суду князя. Князю не давали разбирать и. . . дела об убийстве. К делам о разбое, о нападении, о грабеже князь был допущен позже». «Князь постепенно собирал различные судебные дела в своих руках. Сперва он добился. . . права суда по уголовным делам среднего масштаба. . . , затем. . . начал борьбу с разбоем. . . , наконец. . . добился суда и по делам о головшине» (Полосин, с. 55, 99).

²² В издании А. А. Зимина слово «правда» дается с заглавной буквы.

княжой человек действует не единолично. Рядом с княжеским наместником на пригороде существует посадник погородский и староста пригородский (ст. [70] (77)). Ст. [39] (49) предусматривает возможность посылки на судебное следствие не только княжого человека, но и подвойского и даже простого псковитина. Общее положение на этот счет содержит ст. [74] (81): княжие люди ездят с псковскими «по половинам». Ст. [41] (50) и [75] (82) позволяют писать грамоты помимо княжеского писца и запечатывать их помимо самого князя. По ст. [50] (59) в суде рядом с княжеским подверником «быть. . . от Пскова человеку же». Подверник — это далеко не рядовой человек. Это, скорее, глава судебной охраны. О высоком значении подверника, по крайней мере в позднее время, свидетельствует тот факт, что в акте 1491 г. «старым придверником» оказывается сотский Фома.²³ Должность подверника является, таким образом, ступенькой на пути к членству в господе. Ставя в подверники своих людей, выходцев из городской верхушки, господа могла оказывать существенное влияние на ход судебных заседаний «у князя на сенех». По ст. [71] (78, 79) княжой человек едет на межу не один, а только с сотскими. Грамоту в суде о земле княжой дьяк читает тоже не один, а по очереди с дьяком городским. Княжеская администрация отдельно не существует — она всюду смыкается с независимой администрацией вечевого города-земли.

Один из главных моментов новгородско-княжеских докончаний — «. . . бес посадника ти, княже, волости не роздавати, ни грамоть даяти. . .». В дальнейшем этот пункт развивается: «А бес посадника ти, княже, суда не судити, ни волости раздавати, ни грамоть ти даяти».²⁴ Новгородский князь так же не имеет своего особого суда, как и князь псковский.²⁵ Лапидарная формула новгородско-княжеских договоров оживает и наполняется конкретным содержанием в статьях ПСГ. Являясь формально главой господы, князь — судья и правитель — по рукам и ногам связан вечевыми органами во главе с посадником.

²³ НПГ, № 32, с. 72.

²⁴ ГНП, № 1, с. 9; № 3, с. 12; № 6, с. 15; № 7, с. 17; № 9, с. 19; № 10, с. 21; № 14, с. 27; № 15, с. 29; № 19, с. 35; № 22, с. 40. — Этот пункт новгородско-княжеских договоров заново отредактирован в ст. 2 Новгородской Судной грамоты: «А посаднику судити суд свои с наместники великого князя по старине; а без наместников великого князя посаднику суда не кончати» (ПРП, II, с. 242). Л. В. Черепнин, вероятно, прав, видя в этой статье вставку в позднюю редакцию Новгородской Судной грамоты, сделанную по указаниям великого князя (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I, с. 381). Но не исключено, что эта вставка появилась на месте более ранней статьи, соответствовавшей нормам договоров с князьями.

²⁵ В. И. Сергеевич считает, что князь не имеет в Новгороде XIII в. ни законодательной, ни правительственной власти (Сергеевич В. Древности русского права, т. II. Изд. 3-е. СПб., 1908, с. 88—89). Это, однако, не совсем точно — князь не лишен власти вообще, но делит ее с посадником, представителем города-земли.

Вече упоминается в ПСГ в двух контекстах. Ст. [2] требует «без исправы человека не погубити ни на суду, на вечи». А. А. Зимин предлагает конъектуру «ни на суду, [ни] на вечи». И. И. Полосин читает «на суде на вече». Для понимания этого текста имеют существенное значение следующие за ним слова: «А князь и посадник на вечи суду не судят. . .». Эти слова издатели ПСГ считают началом новой самостоятельной статьи (ст. 4). Однако в рукописи эти слова не выделены заглавной буквой и могут рассматриваться как непосредственное продолжение предыдущего текста. В обоих случаях речь идет о судебных функциях веча. «На суду, на вечи» оказывается можно «без исправы» человека «погубити» — такова жизненная практика, против которой выступает ПСГ. Еще более важно продолжение — «на вечи суду не судят». Это продолжение, как видим, тоже изложено в негативной, запретительной форме. Надо полагать, что это не случайно. ПСГ отменяет старую и вводит новую норму — отменяет суд на вече и переносит его к князю на сени. Перед нами важная судебная реформа. Суть ее — ограничение судебных функций веча. Эту реформу следует рассматривать в плане дальнейшего развития и формализации феодального суда: скорая расправа на вечевой площади, где человека легко «без исправы» «погубити», заменяется строго регламентированным судом князя и посадника. О том, что вечевые собрания XII—XV вв. фактически судили суд и чинили расправу, сохранилось много летописных известий. Реформа, вводимая ПСГ, имела целью борьбу с таким вечевым самосудом, ведущим свое начало, вероятно, из глубокой старины. Она преследует цель укрепления феодального порядка. Ограничение судебных функций веча направлено против остатков, пережитков древней демократии; социальная сущность реформы — ослабление влияния рядовых исковитинов, участников веча, и соответственно усиление влияния и власти феодальной верхушки. Еще важнее упоминание веча в ст. [105]—[106] (108). Здесь речь идет о законодательных функциях высшего органа городской общины. Наличие этих статей в последней редакции ПСГ свидетельствует о сохранении веча его политического значения до самых последних десятилетий существования вечевого города-земли. Ст. [105] и [106] по существу своему отражают древние вечевые порядки. Надо полагать поэтому, что они читались уже в редакции 1397 г., завершая ее текст.²⁶ ПСГ с самого начала до самого конца произвана духом вечевого законодательства.

В советской историографии по вопросу о вече высказываются разные мнения. С. В. Юшков относит вечевые собрания к числу совещаний «основных феодальных групп или групп, так или иначе связанных с феодалами».²⁷ В. Л. Янин считает, что «землевла-

²⁶ Алексеев Ю. Г. Вопросы истории текста Псковской Судной грамоты, с. 67.

²⁷ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, с. 195.

дельцы составляли значительный процент вечников», а участники веча, не принадлежавшие к привилегированным сословиям, «находились под сильнейшим влиянием „своих“ феодалов». В более поздней работе В. Л. Янина этот тезис звучит еще сильнее: вече не народное собрание, собственно для народа на нем нет места.²⁸ С этим мнением фактически солидарен М. Х. Алешковский: члены вечевой общины Новгорода — бояре, основатели города и первые его поселенцы.²⁹ На крайних позициях стоит П. П. Толочко, который считает, что и до образования феодального государства «при существовании родоплеменной знати, старцев, предводителей дружин вече не было всенародной сходкой», «этот. . . институт никогда не был органом народовластия, широкого участия демократических низов в государственном управлении».³⁰ В. Т. Пашуто находит, что «вече — один из наиболее архаических институтов народовластия — было использовано собственниками земли и поставлено на службу государству в форме своеобразной феодальной демократии».³¹ Таким образом, в противоположность П. П. Толочко В. Т. Пашуто признает эволюцию веча как института в условиях феодального общества. Согласно Б. Д. Грекову, «вече ведет свое происхождение от родового строя»; «вечевые собрания в городах оживляются. . . по мере роста отдельных частей Древнерусского государства и, в частности, городов».³² На аналогичных позициях стоят М. Н. Тихомиров и А. Л. Шапиро.³³ По мнению Л. В. Черепнина, «вече — это высший орган городского управления в эпоху раннего феодализма, собрание горожан разного социального статуса», орган, выросший «из народного собрания догосударственного времени», орган, в котором «достаточно громко звучит голос горожан, и это накладывает свой отпечаток на те или иные государственные решения», участники веча — «горожане и даже рядовая масса горожан, простые люди, торгово-ремесленное население города, „черные люди“».³⁴

²⁸ Я н и н В. Л. 1) Новгородские посадники. М., 1962, с. 340; 2) Проблемы социальной организации Новгородской республики. — История СССР, 1970, № 1, с. 50—51. — Близкую точку зрения высказал и И. Д. Мартысевич: «Вече состояло из представителей господствующего класса — феодалов и купцов — и зависящих от них мелких купцов и ремесленников» (М а р т ы с е в и ч И. Д. ПСР, с. 59).

²⁹ А л е ш к о в с к и й М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV вв. — СА, 1974, № 3, с. 105.

³⁰ Т о л о ч к о П. П. Вече и народные движения в Киеве. — В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972, с. 130, 142.

³¹ П а ш у т о В. Т. Черты политического строя Древней Руси, с. 33—34.

³² Г р е к о в Б. Д. Киевская Русь. — В кн.: Избр. тр., т. II. М., 1959, с. 297.

³³ Т и х о м и р о в М. Н. 1) Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956, с. 217—225; 2) Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 154—156; Ш а п и р о А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977, с. 94.

³⁴ Ч е р е п н и н Л. В. Пути и формы политического развития Друсских земель XII — начала XIII в., с. 33, 47, 27.

Близкую точку зрения на вече как на народное собрание раннефеодальной эпохи высказал и И. Я. Фроянов. Вече — «упорядоченное совещание. . . с соблюдением правил», а «не хаотическая толпа, кричащая на разный лад»;³⁵ вечевые сходы — «суть народные собрания в буквальном смысле слова. . . нет досаднее заблуждения, чем то, согласно которому народ на вече является чем-то вроде послушной овечки в руках знати».³⁶ К аналогичным выводам на основе наблюдений над ганзейскими и ливонскими документами приходит И. Э. Клейненберг: «Ганзейские документы. . . поддерживают представление, что вече было действительно работоспособным органом власти и не со случайным, а с постоянным составом, который мог несколько дней подряд обсуждать один и тот же сложный вопрос и принять обдуманное решение».³⁷ История псковского веча изучена Б. Б. Кафенгаузом. Он убедительно показал, что «на вечевых собраниях вместе с феодалами участвовали и „средние“, „молодые“, „мелкие люди“, „препростая чадь“». Вечевые собрания облегчали для широкой массы возможность контроля над деятельностью властей; эти собрания нередко противопоставляются боярскому совету, на который опирается феодальная знать.³⁸ Если С. В. Юшков, а также В. Л. Янин, И. Д. Мартысевич и особенно П. П. Толочко в большей или меньшей мере отрицают народный характер вечевых собраний, то Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, И. Я. Фроянов, А. Л. Шапиро и Б. Б. Кафенгауз признают его существенной чертой веча. Вместе с тем едва ли можно отрицать, что характер вечевых собраний не оставался неизменным на протяжении многих веков и что основной тенденцией веча было постепенное усиление роли феодальных элементов как на вечах, так и вне ее. В этом смысле заслуживают внимание точки зрения В. Л. Янина и В. Т. Пашуто.

Хотя на вече собирались главным образом рядовые горожане, тем не менее нет оснований видеть в вечевых собраниях прямое отражение влияния растущего ремесла и торговли. В этой связи представляет интерес исследование Я. Н. Щапова. Он убедительно, на мой взгляд, показал территориально-общинный, а не ремесленно-профессиональный характер кончанской и уличанской организации Новгорода. Я. Н. Щапов исходит в сущности из доказан-

³⁵ И не «беспорядочное стихийное собрание», где «решения принимались не голосованием, а криком», как оценивают вече, например, авторы книги «Псков. Очерки истории» (Л., 1974, с. 50).

³⁶ Фроянов И. Я. Вечевые собрания 1146—1147 гг. в Киеве. — Вестник Ленингр. ун-та. История. Язык. Литература. 1977, вып. 2, с. 34, 35—36. — Труднее согласиться с другим мнением И. Я. Фроянова, что «торг, шумный и многолюдный, мгновенно превращался в вечающую сходку, если в ней ощущалась потребность» (Фроянов И. Я. Вече в Киеве 1068—1069 гг. — В кн.: Из истории феодальной России. Л., 1978, с. 45).

³⁷ Клейненберг И. Э. Известия о новгородском вече первой четверти XV в. в ганзейских источниках. — История СССР, 1978, № 6, с. 175.

³⁸ Кафенгауз Б. Б. Вече в древнем Пскове. — История СССР, 1966, № 6, с. 123.

ного В. Н. Бернадским и особенно В. Л. Яниным отсутствия территориального деления Новгорода по социальному признаку.³⁹ Он, вероятно, прав, полагая, что «протоструктура уличанской организации не была новгородской особенностью, но имела более широкое распространение в древнерусских городах X—XI вв.». Существенно важным моментом для характеристики городской общины и ее органов управления представляется наблюдение Я. Н. Щапова, согласно которому в уличанскую организацию входят наряду с непривилегированными уличанами также бояре, купцы и житьи люди — «все они, кроме боярских холопов, имели право голоса в уличанских вечах». Из этих наблюдений вытекает принципиальная однородность структуры городской и сельской общин раннефеодальной Руси (что и подчеркивается автором): и та, и другая представляли собой территориальные организации.⁴⁰ Но в отличие от сельской общины, из которой рано выделился и которой рано начал противостоять феодал-антагонист, городская община включает в себя и феодальные элементы: именно они «благодаря своему экономическому и политическому положению определяли политику улицы и стояли во главе ее организации».⁴¹ Отсюда вытекает далее, что уличанские, кончанские и городские веча не были сходками цеховых ремесленных организаций, а пред-

³⁹ Вопреки М. Н. Тихомирову, пытавшемуся найти в Новгороде «противоположность между аристократическими и демократическими частями города» (Т и х о м и р о в М. Н. Древнерусские города, с. 243).

⁴⁰ Следует отметить, что в известной мере сходные мысли об отсутствии принципиальной разницы в социальной организации города и села высказал еще Т. П. Ефименко (К вопросу о русской «соотне» княжеского периода. — Журнал Министерства народного просвещения, 1910, июнь, с. 300, 316 и др.).

⁴¹ Щ а п о в Я. Н. О функциях общины в Древней Руси. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 19—20. — В. Л. Янин также отмечает тесную связь боярских усадеб с их уличанским окружением. По его представлению, «традиционность таких связей могла бы служить существенным аргументом в пользу изначальности. . . боярского землевладения». Сами «концы в Новгороде возникли как объединение нескольких боярских поселков, сохранивших свою зависимость от боярских семей вплоть до последнего этапа существования. . . боярской республики» (Я н и н В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 184). Однако тезис об изначальности боярского землевладения мне не кажется убедительным. Он противоречит всем существующим представлениям о вторичности боярской вотчины, постепенно выкристаллизовывающейся из общины, и не вытекает из непосредственных наблюдений самого В. Л. Янина над боярскими усадьбами XIII—XIV вв. — временем расцвета новгородского боярства. По этих наблюдениям, «посадничья усадьба. . . не выделяется среди других усадеб. . . своими размерами. Ее площадь (около 2000 м²) приблизительно равна площади любой другой. . . усадьбы. Стоящие на ней постройки своими размерами не отличаются от сотен других построек, стоящих на соседних усадьбах. . . Не позволяет обнаружить сколько-нибудь ярких отличительных признаков и инвентарь усадеб» (там же, с. 172). Сам В. Л. Янин в других своих работах отмечает постепенный рост боярского землевладения: «. . . Общинная земельная собственность постепенно экспроприруется. . . местной родоплеменной знатью» (Я н и н В. Л. Новгородские посадники, с. 68). Высказывая мнение об исконном владении боярскими родами большими земельными участками, В. Л. Янин в то же время признает трудность «про-

ставляли собой собрания членов соответствующих территориальных (соседских) общин. Ремесленники и мелкие торговцы участвовали в этих собраниях не как таковые, а как соседи-уличане, члены данной территориальной единицы, а не цеха или гильдии. В этом, как мне представляется, заключалось своеобразие организации наиболее древних русских раннефеодальных городов по сравнению с городами⁴² Западной Европы эпохи позднего средневековья с их развитым корпоративно-цеховым строем. Не случайно, по-видимому, поиски цехов как таковых в русских городах XI—XV вв. не увенчались успехом.⁴³ Это, разумеется, не означает отсутствия в них тех или иных элементов цеховой организации — такие элементы, по всей вероятности, были и частично прослеживаются исследователями.⁴⁴ Речь идет только о том, что эти элементы не играли решающей, определяющей роли в общественной жизни древнерусского города, представлявшего собой в сущности территориальную общину с чертами дофеодальной демократии.⁴⁵ К числу таких черт относится прежде всего вечевое устройство города и тянущей к нему земли.⁴⁶

следить корни системы, несомненной только для XIV—XV вв.» (Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 38).

⁴² Территориальный характер первоначальной городской общины, заметный в Новгороде, Пскове и других древнерусских городах, не является исключительной принадлежностью Руси. Аналогичное территориально-общинное устройство присуще и многим городам Западной Европы в период раннего средневековья до появления и развития ремесленно-цеховой организации. По наблюдениям В. В. Стоклицкой-Терешкович, ранние городские общины в Западной Европе «констатируются на основе маркового права и марковых обычаев» (Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города X—XV вв. М., 1960, с. 38). «Город вместе с „заповедной милой“ представлял ту городскую марку, которая выделялась из более обширной сельской марки» (там же, с. 285). Во главе такого города-марки — сход горожан-общинников, который ведал ополчением, формирующимся по городским кварталам, мерами и весами, укреплениями и т. п. (там же, с. 19—20, 147).

⁴³ Как показало исследование Л. В. Черепнина, типичной формой организации русских ремесленников была «дружина» — артель (Черепнин Л. В. О формах объединения ремесленников в русских городах XIV—XV вв. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961, с. 20). Кончавский-уличанскую организацию Л. В. Черепнин в этом же исследовании рассматривает как коллектив, в составе которого «могли быть (разрядка моя, — Ю. А.) и члены ремесленных корпораций» (там же, с. 24).

⁴⁴ Рыбак В. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 738, 746—747 и др.

⁴⁵ Фадеев Л. А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов. — В кн.: Русский город. М., 1976, с. 26—30. — «На общегородском вече каждый конец выступал как сплоченное целое — вече было совещанием не столько отдельных новгородцев, сколько пяти-общин, союз которых и составлял „Великий Новгород“» (Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен, т. I—II. — В кн.: Избр. произведения в четырех книгах, кн. 1. М., 1966, с. 201).

⁴⁶ В. Л. Янин, на мой взгляд, прав, видя «в политическом строе времен расцвета боярской республики множество признаков, позволяющих выводить главные его институты из древних, еще общинных, порядков», и подчеркивая,

Однако, как показывает пример большинства русских городов, наличие вечевого строя, т. е. городской общинной организации, само по себе еще не приводит к созданию городской администрации, независимой от княжеской власти. Для этого нужны особые социально-политические условия. Еще А. И. Никитский подметил важную особенность новгородского боярства — его тесную связь с местной кончанской и уличанской организацией: «Боярин входил во все интересы уличанской и кончанской жизни, вместе с тем и во все связанные с ними траты». ⁴⁷ Советские исследователи истории феодального Новгорода также отмечают как характерную черту новгородского боярства его генетическую и социальную связь не с князем и его дружиной, а с местной общиной. В. Н. Бернадский считает, что крупное феодальное (боярское) землевладение развивалось в Новгородской земле не из княжеских пожалований. ⁴⁸ В. Л. Янин подчеркивает как одну из особенностей Новгорода, что в нем «общинная земельная собственность постепенно экспроприруется не князем и не пришлой дружиной, а местной родоплеменной знатью». ⁴⁹ С. В. Юшков также относит к числу наиболее существенных особенностей социально-экономического развития Новгорода экспроприацию общинных земель местной знатью, а не князем и дружиной и связанное с этим формирование класса феодалов только из местных людей. ⁵⁰ Об отсутствии в Новгородской земле сколько-нибудь значительного княжеского домена говорит и А. Л. Шапиро. ⁵¹ Эта существенная особенность социально-экономического развития оказала определяющее влияние на ход политической истории. Образование слоя местных людей, не связанных с дружиной князя, не порывающих со своей городской общиной, но достаточно сильных и влиятельных для того, чтобы возглавить эту общину и сосредоточить в своих руках политическую власть, противопоставляя себя князю, — необходимое условие для появления посадника как главы вечевого администрации, независимой от князя. В условиях феодального общественного строя эти местные люди, возглавляющие общину, могли быть только феодалами, а их влияние на городскую общину могло определяться в первую очередь их экономическим могуществом.

что «вечевые институты обладают большей древностью, чем власть князя» (Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения, с. 222).

⁴⁷ Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, с. 45. — Л. В. Данилова тоже отмечает, что новгородские бояре «принадлежали к тем уличанским организациям, где располагались их дворы» (Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв., с. 50).

⁴⁸ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961, с. 27.

⁴⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 68.

⁵⁰ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 393, 395.

⁵¹ Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1974, с. 66—67.

Городская община может бороться с князем-феодалом, только опираясь на своих собственных феодалов, выросших в ее недрах, но не порвавших с ней.

Посадничество — институт, прореализовавший за время своего исторического бытия существенную эволюцию. Применительно к Новгороду эта эволюция детально изучена В. Л. Яниным. Ряд наблюдений и выводов В. Л. Янина имеет, однако, не локальное, новгородское, а общерусское значение. По данным летописи, в X—XI вв. посадник — назначенный князем правитель города.⁵² Одна из функций посадника — сбор «урока» в пользу князя, живущего в другом городе.⁵³ Посадники назначаются князьями в завоеванные города, назначение посадника — символ власти князя.⁵⁴ В Русской Правде посадник — высшее должностное лицо города, располагающее соответствующим аппаратом принуждения. К нему обращается господин беглого холопа, чтобы «пояти. . . отрок от него, и шедше увязати и (холопа, — Ю. А.), и дати ему вязебную 10 кун» (ст. 114).⁵⁵ В этой статье посадник выступает как представитель княжой администрации, управляющий городом в соответствии с законами, изданными князем. Этот термин, свойственный спискам Синодально-Троицкой и Пушкинско-Археологической групп, восходящих к древнейшему протографу Правды, в списках Карамзинской группы заменяется термином «наместник».⁵⁶ Эта замена указывает на то, что ко времени составления протографа Карамзинской группы термин «посадник» перестал восприниматься как обозначение должностного лица княжеской администрации; глава города, управляющий им от имени своего князя, стал называться наместником, сохранив это название и в XV—XVI вв.

Термином «посадник» стал обозначаться в Новгороде независимый от князя глава городской администрации уже к XII в.⁵⁷ Однако XII—XIII вв. свойственен дуализм в употреблении этого термина: в то время как новгородские посадники возглавляют веcheвую власть, в городах Суздальской земли и в Южной Руси по-

⁵² Под 980 г.: «Приде Володимиръ съ Варяги Ноугороду и рече посадникомъ Ярополчимъ. . .» (ПСРЛ, I, стб. 75). — В. Л. Янин отмечает, что посадник, наместник великого князя, сам может быть князем (Я н и н В. Л. Новгородские посадники, с. 51).

⁵³ Под 1014 г.: «Оурокомъ дающе Къеву двѣ тысячѣвъ гривнѣ отъ года до года. . . а тако даяху вси посадници Новьгородьстии» (ПСРЛ, I, стб. 130).

⁵⁴ После убийства Романа Святославича и изгнания Олега Всеволод Ярославич в 1079 г. «посади посадника Ратибора Тмуторокани» (в вотчину Святославичей). После своей победы в 1096 г. Олег Святославич «перяя всю землю Муромску и Ростовську и посажа посадники по городом и дани поча брати» (там же, стб. 204, 237).

⁵⁵ ПРП, I, с. 120.

⁵⁶ ПР, I, с. 360, 388.

⁵⁷ По наблюдениям В. Л. Янина, первый посадник такого типа появился в Новгороде в конце XI в. в малолетство кн. Мстислава (Я н и н В. Л. Новгородские посадники, с. 59).

садниками еще называются по-старому местные представители княжеской власти.⁵⁸ Эта двойственность в употреблении термина едва ли случайна. По-видимому, посадник XI в. — глава городской общины, возглавляющий местную администрацию.⁵⁹ Разделение этой администрации на княжескую и земскую (вечевую) и противопоставление посадника как главы этой земской администрации князю — более позднее явление. Это — результат общего развития XII—XIII вв.

Образование посадничьего управления, независимого от князя, свидетельствует о достаточном развитии феодальных отношений внутри городской общины, о выделении слоя местных феодалов, занимающих руководящее положение в этой общине и использующих его для борьбы против других, чужих феодалов, прежде всего князя и его дружины. Такое положение сложилось в Новгороде XII в., что привело к созданию так называемой феодальной республики в Новгородской земле.⁶⁰ Согласно наблюдениям В. Л. Янина, именно в XII—XIII вв. идет интенсивный процесс складывания феодального землевладения новгородских боярских фамилий, сосредоточивших в своих руках политическую власть

⁵⁸ «Ярополчи. . . бяхуть посадници по всеи Семи» (1127 г.); «Ростиславъ иде в Городецъ, а по городом посажа посадники своя» (1148 г.); «посадникъ его (Андрея Боголюбского, — Ю. А.) и тиоуновъ его дома пограбиха, а самѣхъ пабиша» (1175 г.); «роздаяла бяста (Ростиславичи Мстислав и Ярополк, — Ю. А.) по городомъ посадничество Русьскимъ дѣдѣцкимъ» (1176 г.); «Всеволодъ Черныи судѣ в Киевѣ. . . посла посадники по всемъ городомъ Киевьскимъ» (1206 г.). В 1207 г. Всеволод Большое Гнездо «сам поиде к Рязаню, посадники посажавъ своѣ по всемъ городомъ ихъ» (ПСРЛ, I, стб. 296, 320, 370, 374, 427, 432).

⁵⁹ Такой посадник XI в. может проявить самостоятельность, опираясь на местных людей. Константин Добрынич в 1018 г. со своими «Новгородци» «расѣкоша лодѣй Ярославль рекуще: хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ». Независимо от своих родственных связей с Ярославом посадник Константин выступает тут как глава местного мира (ПСРЛ, I, стб. 143). Взгляд на посадника как на представителя не князя, а города-земли, на этот раз чужой и враждебной, отразился в поведении владимирцев в 1175 г.: «Не противу же Ростиславичема бяхутся Володимерци, но не хотяше покоритися Ростовцем и Суждалцем и Муромцем, зане моляхуть: . . . пакы ли а посадника в немъ посадим, то суть наши холопи каменъници» (там же, стб. 374).

⁶⁰ Новое выборное посадничество — представительство от новгородской городской общины. Его появление и деятельность «являются первыми политическими результатами образования в Новгороде класса местных бояр-землевладельцев» (Я н и и В. Л. Новгородские посадники, с. 68). А. Н. Насонов видит в новгородской знати решающую силу общества уже в известиях X—XI вв.: «Социальное лицо этой знати как феодальной, земле[вла]дельческой ярко рисуют летописные известия последующего времени» (Н а с о н о в А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 77). Однако при всей справедливости мнения, что процесс выделения новгородской общинной верхушки имеет свои корни в глубокой даже для XI в. старине, нет, на мой взгляд, оснований видеть в этой верхушке уже в X в. сложившихся феодалов. Между общинной знатью, верховящей на вече X—начала XI вв., и феодалами-землевладельцами, которых «ярко рисуют летописные известия последующего времени» — века феодального развития.

в городе-земле: «На протяжении XII в. происходило накопление денежных ресурсов новгородскими феодалами, позволившее им затем осуществить решительное наступление на те земли, которые в большом количестве в XII в. еще принадлежали свободным новгородским общинникам». ⁶¹ Весьма важно, что новгородская аристократия скупает общинные земли, а не захватывает их силой: приобретение земли не связано на первых порах с какими-либо особыми феодальными привилегиями. Создание в рамках городской общины местной аристократии, феодальной по своему существу, располагающей большими материальными средствами и политическим влиянием на свою общину, обеспечило Новгороду возможность в XII—XIV вв. добиться значительной доли самостоятельности в рамках общерусской феодальной иерархии, возглавляемой великим князем. Эта самостоятельность, однако, никогда не переросла и не могла перерасти в полную независимость Новгорода, в разрыв политических связей со всей Русской землей, что привело бы к превращению его в добычу шведов, Ордена или Литвы. Даже в пору наибольшего расцвета своей самостоятельности в XIV в. новгородское боярство не могло не признавать хотя бы номинально власти и авторитета великого князя; органическая связь Новгорода со всей Русской землей, определявшаяся всем ходом исторического развития, всегда оказывалась в конечном счете сильнее центробежных стремлений местной аристократии. ⁶² Противоречивость процесса частичной эмансипации городов-земель от княжеской власти в условиях развивающегося русского феодализма XII—XIV вв. состояла в том, что местная земельная аристократия возглавляла борьбу за независимость от князя и его аппарата, используя общинное устройство земли и способствуя сохранению политической власти городской общины над всей землей, но само ее развитие подрывало социально-политическую и экономическую основу этой общины и с неизбежностью вело к гибели вечевой строй, подтачиваемый изнутри ростом социального неравенства, перерастающего с развитием феодального землевладения в классовый антагонизм.

⁶¹ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1965, с. 170. — Это наблюдение В. Л. Янина представляет большой интерес. Значит, именно XII в. был важным качественным рубежом в истории класса крупных феодалов-землевладельцев в составе новгородской городской общины, важным этапом в процессе превращения аристократии общинно-племенной в аристократию феодально-землевладельческую.

⁶² «Летописи и другие источники не оставляют сомнения в том, что и во времена феодальной раздробленности (которая не была абсолютной) жители всех частей страны ясно сознавали свою принадлежность к русской... народности», — справедливо отмечает В. Т. Пашуто (Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси. — В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 15). Ту же мысль высказывает и Д. С. Лихачев: «Русская земля сохраняла свое единство в сфере культуры, языка, исторических традиций и своего государственного самосознания» (Лихачев Д. С. К вопросу о политической позиции Владимира Мономаха. — В кн.: Из истории феодальной России. Л., 1978, с. 37).

При всём своеобразии и яркости судеб Новгорода в XII—XV вв. в самом общественно-политическом устройстве этого города-земли не было ничего принципиально отличного от других русских городов-земель. Основной процесс социально-экономической и политической истории Руси XI—XIII вв. — развитие феодальных отношений во всех сферах общественной жизни — происходит во всех русских землях, выделяя местную феодальную знать, которая либо входит в княжью дружину, как в большинстве городов, порывая тем самым с городской общиной и приобретая новый политический статус, либо сохраняет свои общинные связи, захватывая в своей общине политическую власть.⁶³ Политическая история Новгорода не феномен, а закономерный вариант определенного, относительно раннего этапа развития феодальных отношений в русском городе-земле, альтернативный другому — княжеско-дружинному — варианту.⁶⁴ Новгородский — вечевой — вариант реализуется не только в Новгороде, но и во Пскове и в других городах Северной Руси, удаленных от ранее сложившихся центров княжеской власти.

Основные черты псковского посадничества XIV—XV вв. изучены Б. Б. Кафенгаузом. Им составлен список 78 посадников, определены их функции и взаимоотношения с вечем. Б. Б. Кафенгауз обратил внимание на аристократический характер псковского посадничества. По его наблюдениям, достоинство посадника было уделом узкого круга семей.⁶⁵ Время и обстоятельства появления посадничества во Пскове до сих пор остаются невыясненными. Есть основания считать, что оно появилось задолго до начала XIV в. Первоначально посадники назначались старшим городом.⁶⁶ Однако Псков уже в первой половине XII в. проявляет признаки самостоятельности.⁶⁷ Об этом свидетельствует летопис-

⁶³ Выделение местной знати как основной фактор образования феодальных земель прослежен А. Н. Насоновым. Несмотря на то что А. Н. Насонов склонен недооценивать различие между общинно-племенной верхушкой, характерной для префеодального периода и периода генезиса феодальных отношений, и феодалами-землевладельцами XI—XII вв., можно согласиться с основным его тезисом о ведущей роли местных феодалов (потенциальных и реальных) в складывании политического строя областей Русской земли (Н а с о н о в А. Н. «Русская земля». . . , с. 7—8).

⁶⁴ Нельзя не согласиться с В. Л. Яниним, что новгородская государственность «остаётся. . . чисто русским явлением, одним из вариантов феодального государства, вызванным к жизни теми же общенациональными закономерностями, которые действовали повсюду на территории раздробленной Русской земли» (Я н и н В. Л. Новгородские посадники, с. 3).

⁶⁵ Ка ф е н г а у з Б. Б. Посадники и боярский совет в древнем Пскове, с. 173—202.

⁶⁶ Под 1132 г.: «Мирславу даша посадыницати въ Пльскове» (НПЛ, с. 23).

⁶⁷ На особое положение Пскова в системе городов-земель, тянувших к Новгороду, обратила внимание С. И. Колотилова. По ее наблюдениям, Псков отличался значительной долей самостоятельности задолго до Болотовского договора 1348 г. (К о л о т и л о в а С. И. К вопросу о положении Пскова в составе Новгородской феодальной республики. — История СССР

ный рассказ о приглашении во Псков князя Всеволода Мстиславича, изгнанного новгородцами. Этот рассказ есть во всех псковских летописях. В них подчеркивается инициатива псковичей в призвании Всеволода, причем в I и III летописях этот факт связывается с отделением от новгородцев — «придоша псковичи и пояша Всеволода княжити к себѣ, а новгородцы отложишася». ⁶⁸ Таким образом, в представлении псковского летописца приглашение Всеволода имеет значение «важного политического акта — обособления от старшего города. Рассказ псковской летописи оригинален — фактически это первое самостоятельное известие этой летописи, чем особенно подчеркивается его значение. Новгородская I летопись объясняет приглашение Всеволода происками «приятелей» его из новгородских и псковских мужей и изображает это приглашение как попытку Всеволода вернуться в Новгород — «хотя съѣсти опять на столе своем Новѣгородѣ». ⁶⁹ Однако в данном случае важны не мотивы действий Всеволода и его «приятелей», а зафиксированный новгородской летописью факт первого серьезного столкновения двух городов. Новый новгородский князь Святослав Ольгович «свьѣкупи всю землю Новгородскую, и брата своего приведе Глѣбѣка, куряны с Половцы, идоша на Пльсковъ прогонити Вѣволода». Но псковичи отвергли ультиматум новгородцев и оказали вооруженное сопротивление, которое новгородцы преодолеть не смогли — «. . . не покоришася пльсковичи. . . ни выгнаша князя от себе, нѣ бяхуть ся устерегли, засекли осеки всѣ». Смерть Всеволода Мстиславича не привела к миру — «. . . яшася пльсковичи по брата его Святопѣлка; и не бе мира с ними». В глазах новгородцев Псков представлял собой уже серьезную силу: в апреле 1138 г. слух, «яко Святопѣлкѣ у города с пльсковичи» вызвал панику в Новгороде («пополошишася людѣ»). ⁷⁰ И так, уже в 1130-х гг. псковичи выступают как организованная сила, успешно отстаивающая самостоятельность своего города. ⁷¹ Связь между Псковом и Новгородом и их иерархическое соотношение сохранились, но псковичам удалось значительно укрепить свое политическое положение. Известия о назначении во Псков посадников больше не появляются, в походах псковичи

1975, № 2, с. 145—152). И. Д. Мартысевич считает началом псковской «государственности» 1253 г., когда псковичи «стали приглашать к себе князей, не испрашивая на то согласия Новгорода» (Мартысевич И. Д. Общественно-политический строй и право. . ., с. 19).

⁶⁸ ПЛ, I, с. 10; II, с. 76.

⁶⁹ НПЛ, с. 24.

⁷⁰ Там же, с. 25.

⁷¹ Нет оснований согласиться с мнением А. И. Никитского, что до Бологовского договора 1348 г. Псков — простой пригород Новгорода, вынужденный «подчиняться во всем чуждому порядку, следовать везде принесенным извне новгородским пошлинам и обычаям» (Никитский А. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873, с. 105—106). Сходство политических институтов Новгорода и Пскова объясняется не новгородским влиянием на Псков, а принципиальной однородностью общественно-политического устройства вечевых городов-земель.

выступают как союзники новгородцев.⁷² В своих внешнеполитических акциях псковичи выступают и отдельно от новгородцев — в 1183 г. «бихася плъсковичи с Литвою» (хотя и неудачно).⁷³

С событиями второй четверти XII в., означавшими важный рубеж в политической истории Пскова, связаны первые упоминания о псковских мужах. В Лаврентьевской летописи в качестве одного из инициаторов приглашения Всеволода назван «ис Плескова Жирята с-ыною дружиною».⁷⁴ В 1176 г. «приходиша вся Чюдьска земля к Пльскову. . . и убиша ти Вячеслава и Микиту Захариница и Станимира Иваница и инѣхъ».⁷⁵ По именам названы, видимо, мужи, стоявшие во главе Пскова. В 1178 г. Мстислав Ростиславич «вниде во Плесковъ и изыма сотьскѣи про Бориса сыновця своего, зане не хотяхуть сыновца его Бориса».⁷⁶ Следовательно, псковские сотские — важная политическая сила, возглавляющая местных людей. О влиянии мужей на общественную жизнь Пскова красноречиво говорит новгородская летопись, рассказывая о конфликте 1228 г. Узнав, что новгородский князь Ярослав Всеволодович с посадником Иванком и тысяцким Вячеславом идет к Пскову, «плъсковичи. . . затворишася въ городѣ, не пустиша [и] к собѣ: . . . промѣкла бо ся вѣсть бяше си въ Пльскове, яко везеть оковы, хотя ковати вяцѣшее мужи».⁷⁷ Вящие мужи, стоящие во главе Пскова, направляют его внешнюю и внутреннюю политику — пытаются бороться с Новгородом, заключив союз с Ригой, спорят с князем Ярославом Всеволодовичем, угрожая разрывом («вы собѣ, а мы собе»), но затем мирятся с ним и принимают из его рук в князья его шурина.⁷⁸ К началу XIII в. относится первое известие об изгнании псковичами своего князя: летом 1213 г. «плъсковичи. . . изгнали князя Володимира от себе»,⁷⁹ что тоже косвенно свидетельствует об усилении влияния мужей. Таким образом, грамота в. кн. Александра — один из источников ПСГ — возникла не на пустом месте. Псков как вечевой город-земля имеет к середине XIII в. уже довольно богатые традиции политического бытия, и в частности влиятельный слой вящих мужей во главе своего управления.

Текст ПСГ, говорящий о князе и посаднике и выделяемый издателями в ст. 4 — «судити им. . . зриаа в правду», — в самой рукописи составляет вторую половину ст. [2]. Первая же половина этой статьи посвящена присяге посадника: «А которому посаднику сести на посадниство, — ино тому посаднику крест

⁷² В 1168 и 1198 гг. в походах на Полоцк, в 1191, 1214 и 1216 гг. — в походах на Чудь (НПЛ, с. 33, 44, 40, 53, 57).

⁷³ Там же, с. 37.

⁷⁴ ПСРЛ, I, стб. 305.

⁷⁵ НПЛ, с. 35.

⁷⁶ ПСРЛ, II, стб. 608.

⁷⁷ НПЛ, с. 66.

⁷⁸ Там же, с. 71—72.

⁷⁹ Там же, с. 52.

целовати. . .». Присяга посадника включает такие обязательства, как «судить право по крестному целованию, а городскими кунами не корыстоватися, а судом не мститися ни на кого же, а судом не обчитися, а правого не погубити, а виноватаго не жаловати, а без исправы человека не погубити». Текст присяги, приводимый ПСГ, заслуживает внимания. Это древнейший известный текст присяги должностного лица. Новгородская Судная грамота, говоря об обязанностях судей, ограничивается общим указанием: «А судить им право, по крестному целованью».⁸⁰ Та же формула, как мы видим, содержится и в ст. [2] ПСГ, но только в качестве начальной клаузулы присяги. Остальной текст служит раскрытием и пояснением того, что значит «судить право» или «взираа в правду». Это — законодательное закрепление положений, содержащихся во многих анонимных статьях Мерила Праведного: «Да не оправдиши нечестиваго мзды ради, ни створи неправды в судѣ. . . не стыдися лица силнаго на судѣ, но избавить обидящаго от руки неправеднаго»; «Аще и другъ ти есть, то обидить праваго, аще и братъ ти есть, твердо разумѣвай. . . еже николи же человека обидѣти»; «Яко же преже стрѣлецъ на смотрение оуправляеть стрѣлу. . . ни на каждо преклонени превращая стрѣляние, сиче судья праведнаго назнаменуеть, ни лица стыдися, познавати бо лице в судѣ не добро. . . по правыя и не извитыя нося суды». «Правда», на которую ссылается рассматриваемая статья ПСГ, — это не определенное конкретное юридическое установление, подобное Русской Правде. Речь идет о правде — справедливости — в противоположность лжи и лукавству.⁸¹

Одна из важнейших обязанностей посадника сформулирована в ст. [105] (108): «А которой строке пошлинной грамоты нет, — и посадником доложитъ Господина Пскова на вечи, да тая строка написати». Эта статья устанавливает, с одной стороны, право и обязанность контроля посадника над действующим законодательством Господина Пскова, с другой — подотчетность его в этой деятельности вечу.

Находясь во главе администрации Господина Пскова, посадник не перестает в то же время быть частным лицом. Он может быть участником судебного процесса в качестве обычного истца, защищая свои собственные частные интересы. «А посаднику всякому за друга ему не тягатыя, опрочъ своего орудия или где церковное старощение дръжит, — ино им волно тягатыя» (ст. [59]). Должность посадника не сопряжена непосредственно с какими-либо

⁸⁰ ПРП, II, с. 212.

⁸¹ МП, л. 18 об., 19 об., 44. — «Лукавая мыслить, и р а в д ы (разрядка моя, — Ю. А) не смотреть» — осуждается неправедный суд в Мериле (л. 34). Едва ли можно поэтому согласиться с И. Е. Энгельманом и А. А. Зиминим, видящими в слове «правда» ст. 4 ПСГ ссылку на Русскую Правду или псковские законы (Э н г е л ь м а н И. Систематическое изложение. . ., с. 99; Зимин, ПСГ, с. 382).

привилегиями, по крайней мере формально; посадник остается гражданином Пскова и обязан подчиняться его законам. Эта статья отражает важнейшую черту социально-политической характеристики посадника — он ни формально, ни фактически не порывает со своей кончанской или уличанской общиной, например остается старостой церкви, ведет за нее процесс от имени ее прихожан и т. п. Псковская летопись сохранила примеры такой частной деятельности посадников. Об этом же свидетельствуют сохранившиеся акты.⁸² По ст. [60] (69) «всякому властелю за друга не тягаться, опрочь своего орудия». Из ст. [59]—[60] (68—69) косвенно вытекает отсутствие иммунитета у должностных лиц Господина Пскова, что соответствует сохранению ими их общинных связей. В этом проявляется специфика общественно-политического строя вечевом города-земли. Сохранение связей городской верхушки со своим ближайшим социальным окружением — соседями, местной церковью и т. д. — наглядно иллюстрируется результатами археологических раскопок в Новгороде. Боярские усадьбы стоят не особняком — они окружены усадьбами рядовых уличан и кончан, составляющих ту общину, представителем которой и является посадник. В. Л. Янин отмечает, что боярское «гнездо» состоит из нескольких усадеб, приобретаемых постепенно.⁸³ Боярские усадьбы в вечевом городе перемешаны с усадьбами черного торгово-ремесленного населения.⁸⁴

Итак, посадник ПСГ — должностное лицо города-земли, функции которого определяются специфическими чертами развития феодального государственного аппарата в вечевых землях. Посадник принадлежит к боярской верхушке городской общины, т. е. к местным землевладельцам-феодалам, не порвавшим своих общинных связей. Он стоит рядом с князем и контролирует его деятельность, направляя ее в первую очередь в интересах феодальных верхов.

* * *

Наряду с князем и посадником в судебную коллегию ПСГ входят сотские. Генетическая связь сотен феодального времени с древнейшим делением свободного населения на сотни просле-

⁸² В 1402 г. «Ромашь посадникъ и Аристь Павлович старосты святыя Троица поставиша новыи крестъ поплащенъ на святѣи Троицѣ» (ПЛ, I, с. 26); в 1467 г. «побиша желъзаомъ верхъ оу святей Троицы, а повелѣнием. . . старость Леонтия посадника Макаринича и Юрья Тимофѣевича» (там же, с. 73). В обоих случаях посадники — старосты патрональной церкви Пскова. Но они выступают и контрагентами в сделках частных лиц (НПГ, № 26, с. 64), и послухами в таких сделках (там же, № 23, 29, с. 61—62, 63—69).

⁸³ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии, с. 41.

⁸⁴ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке, с. 197—198; Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения, с. 228.

живается повсеместно и признается почти всеми исследователями.⁸⁵ Наиболее развернутую характеристику этого института у славянских народов дал Ю. В. Бромлей.⁸⁶ Наряду с этим бытует мнение о городских сотнях Древней Руси как прежде всего корпоративных организациях купечества и территориально-профессиональных объединениях ремесленников.⁸⁷ Думается, однако, что такая торгово-ремесленная сотня — явление вторичное, развивающееся по мере разложения древней первичной территориальной сотни. Вопрос о соотношении между сотенным и кончанско-уличанским делением остается открытым. Не исключено, например, что городские сотни Новгорода попарно сводились в концы, как сельские сотни — в пятины. Существенно важно наблюдение, что городские сотни организационно связаны с сельскими сотнями.⁸⁸ Древность и большая роль сотенной организации вечевых городов-земель находят свое отражение в важном значении сотского.

На Руси в XII—XIII вв. сотские упоминаются главным образом в новгородских известиях. В 1118 г. сотский Ставр упоминается рядом с боярами, вызванными Мономахом в Киев и заточенными за грабеж Данислава и Поздреча. В 1195 г. сотский Микифор — один из трех ответственных представителей Новгорода (вместе с посадником Мирошкой и боярином Борисом Жирославичем), просящих у в. кн. Всеволода Большое Гнездо сына на новгородский стол. В 1198 г. при приезде в Новгород кн. Ярослава Владимировича его встречают «переднии мужи сътъскии. . . съ всюю правдою и чъстью». В 1216 г. накануне Липицкой битвы новгородцы «послаша Лариона сочьского къ Гюргю» (в. кн. Юрию Всеволодовичу) для переговоров.⁸⁹

Таким образом, сотский в Новгороде XII в. — ответственный представитель власти в вечевом городе. Первые упоминания о сотских в законодательных памятниках связаны с именем кн. Всеволода Мстиславича (1125—1136 гг.). С ними наряду

⁸⁵ См., например: Греков В. Д. Киевская Русь, с. 252—255. — Мнение А. Е. Преснякова о феодальном происхождении института сотских не разделяется советскими историками, за исключением С. В. Юшкова.

⁸⁶ Бромлей Ю. В. К вопросу о сотне как общественной ячейке у восточных и южных славян в средние века. — В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, с. 73—90.

⁸⁷ Рыбаков В. А. Ремесло Древней Руси, с. 718; Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 132—134.

⁸⁸ Ср.: Рыбаков В. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. — Истор. записки, II, М., 1938, с. 137—144. — В. Л. Янин противопоставляет сотни, состоящие из свободных непривилегированных жителей, боярским концам-патронимиям. В ходе дальнейшего развития сотни постепенно поглощаются концами (Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения, с. 228). К точке зрения В. Л. Янина близок М. Х. Алешковский с тем, однако, существенным отличием, что видит в переходе сотен в состав концов повышение социального статуса сотенных людей (Алешковский М. Х. Социальные основы. . . , с. 103, 105).

⁸⁹ НПЛ, с. 21, 42, 43, 56.

«съ владыкою. . . и съ своими бояры. . . и съ старостами» «погадалъ» он при издании своего Устава; они же должны по этому Уставу вместе с владыкой «домъ святѣи Софии. . . строить».⁹⁰ В Рукописании того же кн. Всеволода Мстиславича тысяцкий — должностное лицо, генетически связанное с институтом сотских, — назван представителем житых и черных людей.⁹¹ Этим подтверждается, что тысячно-сотенное деление в Новгороде XII—XIV вв. — форма организации свободного непривилегированного населения. Устав Ярослава о мостех перечисляет наряду с городскими сотнями (названными по именам сотских) также и восемь сельских. Эти сельские округа-сотни до известной степени напоминают волости Северо-Восточной Руси, заселенные черными людьми под

⁹⁰ ДКУ, с. 155. — Преобладает мнение об относительно позднем происхождении Устава Всеволода. Так, А. А. Зимин видит в этом Уставе подделку XIV в. (ПРП, II, с. 161). В. Л. Янин связывает Устав с именем князя Всеволода-Петра Мстиславича (1219—1221 гг.) и относит окончательную редакцию к концу XIII в. (Янин и В. Л. Новгородские посадники, с. 89—93); Я. Н. Щапов находит в Уставе «образец фальсификации с политическими целями, возникшей в ходе борьбы республиканских органов Новгорода с князьями» и датирует его рубежом XIII и XIV вв., полагая, что он приписывался князю Всеволоду-Дмитрию Юрьевичу (Щапов в Я. Н. Княжеские уставы и черков в Древней Руси. М., 1972, с. 172—174). Другое мнение — о наличии в Уставе древней основы, действительно восходящей к кн. Всеволоду-Гавриилу Мстиславичу, — высказано С. В. Юшковым (Устав кн. Всеволода. — В кн.: Юбилейный збірник на пошану акад. Д. Й. Багалія. Київ, 1927, с. 418) и поддержано И. И. Смирновым (Смирнов И. И. Очерки. . . , с. 210—214). Мне кажется, что некоторые черты Устава несомненно архаичны и могут быть связаны с личностью кн. Всеволода-Гавриила Мстиславича (ст. 4, 17). Представляется также весьма вероятной принадлежность Устава и Рукописания Всеволода Мстиславича одному автору (что отрицается Я. Н. Щаповым) — оба памятника уделяют большое внимание церкви св. Ивана на Опоках.

⁹¹ ДКУ, с. 161. — Как и Устав, Рукописание рассматривается некоторыми авторами как позднейшая подделка конца XIII—XIV вв. (А. А. Зимин, В. Л. Янин), другими — как памятник, восходящий в своей основе к кн. Всеволоду-Гавриилу (С. В. Юшков, М. Н. Тихомиров). Мне кажется, что правы последние. Древнее Рукописание Всеволода подвергалось, очевидно, неоднократному редактированию в последующие столетия. Это объясняется самим характером купеческого устава, требующего периодического обновления. Ряд статей Рукописания имеет древнюю основу — такова, например, ст. 12 Археографического извода, терминологически связанная со ст. 55 Пространной Правды («бологодеть» — «бологодел»). Ее возникновение в 1130-х гг. вполне возможно. Конкретный характер ряда статей также косвенно говорит о их древности (ст. 3, 4, 6, 8—10). Если считать, что Рукописание — подлог XIII—XIV вв., то непонятно, почему памятник приписан малопопулярному в Новгороде князю, изгнанному в результате тяжелого конфликта с городом. К памятникам типа Рукописания можно отнести наблюдения Н. Л. Дювержуа над Уставом кн. Владимира: это не подделка, а свойственная средневековой мысли «на. . . завет (данного князя, — Ю. А.), в каком бы виде, в какой бы форме он ни дошел» (Дювержуа в Н. Источники права и суд в древней России. М., 1869, с. 38). Именно поэтому «анахронизмы пронизывают всю ткань Рукописания, а не концентрируются в какой-то его части», как отмечает В. Л. Янин (К хронологии «Торгового Устава» кн. Всеволода. — Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977, с. 68).

управлением сотского.⁹² Из всего этого вытекает, что сотский является представителем городской или сельской общины свободных непривилегированных людей — «черных людей», по терминологии XIII и более поздних веков.⁹³ Такое положение сотского в указанное время подтверждает мнение о первоначальном его статусе военачальника, имевшего дело опять-таки со свободными людьми, составлявшими основу населения. Однако в договорных грамотах Новгорода сотские упоминаются только один раз — в древнейшей из сохранившихся первой грамоте Ярославу Ярославичу (1264 г.).⁹⁴ Отсутствие упоминаний о сотских в официальных актах конца XIII—XV вв. свидетельствует об уменьшении роли этого института в боярской республике.⁹⁵

В древнейшем официальном акте Пскова — грамоте начала XIV в. в Ригу — сотские названы после посадника и впереди «всѣхъ плъсковиць». Такое же место они занимают в официальном земельном акте конца XIV в. — «от посадника Юрья и от соцких и от всѣхъ плесковиць». В 1435 г. «посадники псковские. . . и соцкии и добрии люди цѣловаше крестъ пред послы новгородскими». В 1461 г. при заключении мира с немцами наряду с посадником от Пскова «крест целоваша судьи псковские и соцкии». В 1463 г. Кондрат сотский был послом от Пскова в Юрьев.⁹⁶ Эти источники указывают на высокое положение псковских сотских XIV—XV вв. Между ними и посадником нет промежуточных инстанций, официальные представители Господина Пскова — только посадник и сотские. В этом заметное отличие общественно-политического устройства Пскова от Новгорода. В Новгороде первое лицо после посадника — тысяцкий, сотские — ниже его.⁹⁷ Общей чертой

⁹² ДКУ, с. 149. — В литературе вопрос о сельских сотнях наиболее обстоятельно изучен Б. А. Рыбаковым, пришедшим к выводу, что эти сотни, расположенные секторами вокруг самого города, составляют основную территорию Новгородской земли, соответствующую позднейшим полуулыбинам XVI в. (Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в., с. 150). А. Н. Насонов также видит в сотнях Устава о мостех древние новгородские волости (Насонов А. Н. «Русская земля». . . , с. 124—126). К аналогичному выводу пришел и В. Л. Янин (Очерки комплексного источниковедения, с. 109, 110). А. В. Куза высказал мысль, что сельские сотни Господина Великого Новгорода, как и городские, объединяли свободное непривилегированное население, в то время как смерды-данники сидели по погостам, сведенным в волости (Куза А. В. Новгородская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 167).

⁹³ Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (К вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины). — Истор. запiski, 103. М., 1979, с. 250.

⁹⁴ ГИП, № 1, с. 9.

⁹⁵ Занимая в раннесредневековом обществе довольно высокую ступень, сотники (сотские) в период развитого феодализма «уже всего лишь рядовые члены нижней княжеской администрации» (Бромлей Ю. В. К вопросу о сотне. . . , с. 87).

⁹⁶ ГИП, № 332, с. 317; НПГ, № 1, с. 46; ПЛ, II, с. 130, 148, 151.

⁹⁷ В отличие от сотских тысяцкий фигурирует во всех новгородских договорных грамотах, за исключением грамоты 1471 г. о сроках выплаты черного бора (ГИП, № 25, с. 44).

псковских и новгородских (раннего периода) сотских является то, что они — ответственные должностные лица, полномочные представители своего города-земли, играющие крупную роль в его внутреннем управлении и внешних сношениях.

Специфическая функция сотских, по ПСГ, наряду с судом в составе господы — разбор земельных дел: как свидетельствует ст. [71] (78), обязанность сотских — «ездить на между».⁹⁸ С этой обязанностью сотских связано, может быть, их послушество в частных актах. Так, в меновой Олферия и Онания на землю «послуси Зиновеи сочке, да Макарья сочкѣ».⁹⁹ Других послухов нет. Возможно, что сотские выступают здесь как официальные удостоверятели земельной сделки и проведенной при этом межи. Этот вид участия сотских в земельном деле следует различать от обычного послушества частных лиц: в рядной игумена Федора с попом Остафом в качестве «рядцев» поименовано четыре человека, третьим среди них назван «Говен сочъский».¹⁰⁰

В отличие от посадников, которые в XIV в. остались только в вечевых городах-землях, сотские продолжают существовать повсюду. В Северо-Восточной Руси «слуги потягли к дворьскому. . ., а черныи люди к сотьскому. . .».¹⁰¹ «Ни к дворскому, ни к сотцкому, ни к становцику не тянути ничем»¹⁰² — обычная формула феодального иммунитета. Если к дворскому тянут слуги, то к сотскому тянут черные люди — масса непривилегированного лично свободного населения, сельского и городского, не входящего в состав феодальной вотчины и не подпадающего ни под чью юрисдикцию, кроме самого князя и его судебно-административного аппарата — наместника и волостеля.¹⁰³ Руководство черными людьми сближает сотского Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. с сотскими вечевых городов-земель и указывает на их генетические связи. Однако если сотские Пскова — участники высшей судебной коллегии, то их собратья в Северо-Восточной Руси занимают скромное место в нижнем слое княжеской администрации.

Различное место сотского в вечевом городе-земле и в княжестве объясняется особенностями социально-политического развития. Если в Пскове и Новгороде развитие феодальных отношений протекает прежде всего и главным образом в рамках земли-

⁹⁸ Единственная сохранившаяся правая грамота Господина Великого Новгорода также свидетельствует об участии сотского в земельных делах: эта грамота дана «от посадника Якова Федоровичя, от посадника Иева Тимофьевичя, от соцкого Ивана» (там же, № 92, с. 148).

⁹⁹ НПГ, № 9, с. 52. — Послушество сотников в земельных актах отмечается Ю. В. Бромлеем и для Хорватии (Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964, с. 250).

¹⁰⁰ НПГ, № 2, с. 47.

¹⁰¹ ДДГ, № 13, с. 38 (докончание в кн. Василия Дмитриевича с кн. серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем, 1389 г.).

¹⁰² Например: АСВР, I, № 44, с. 49.

¹⁰³ Алехсеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.—Л., 1966, с. 16, 40.

общины, поднимая ее руководителей к вершинам судебно-административной власти, то в княжествах Северо-Востока феодалы по-рывают с общиной и группируются вокруг князя. Удельный вес и значение общинной администрации, остающейся в руках местных жителей, не имеющих статуса феодалов, падает, ее руководители превращаются в низших представителей местной власти.¹⁰⁴ Остатками прежних широких полномочий руководителей сотенной администрации в Северо-Восточной Руси является их участие в земельных разъездах и в судах о земле.

Промежуточное положение занимает сотский Двинской Уставной грамоты 1397 г. Ее преамбула ставит сотского после двинских бояр и впереди «всех. . . черных людей Двинские земли». Но в то же время в Двинскую землю назначается наместник великого князя, и к нему переходят судебные функции.¹⁰⁵ В этом основное отличие судебных порядков Двинской земли от судебных порядков, зафиксированных в ПСГ. Белозерская Уставная грамота 1488 г. говорит уже не только о наместнике в городе, но и о его людях — тиунах и доводчиках, из которых восемь постоянно находятся «во станех», в сельской местности. Перечисляя подробно функции и доходы должностных лиц княжеской администрации, Белозерская грамота отражает следующий этап развития этого аппарата и подчинения ему местного населения. Грамота отводит определенное место и сотскому. Он, во-первых, дает доводчику «побор» в городе, т. е. собирает с местного населения и привозит доводчику соответствующие платежи (ст. 4), во-вторых, он обязательно участвует в суде (ст. 19).¹⁰⁶ Как видим, в Белозерской грамоте сотский выступает как представитель черных людей, наделенный податными и судебными функциями, но подчиненный судебно-административному аппарату, возглавляемому наместником. Итак, развитие судебно-административных органов, зависящих непосредственно от князя, не приводит к исчезновению сотского, но существенно ограничивает его функции. По мере развития феодально-вотчинного землевладения сфера деятельности сотского суживается все больше, из его ведения изымаются жители феодальных вотчин и он остается представителем только черных крестьян.¹⁰⁷ Падение роли сотского в Северо-Восточной Руси к концу XV в. отражает процесс развития феодального землевладения и княжеского государственного аппарата.

¹⁰⁴ В черных волостях Севера в XVI в., как отмечает А. И. Копанев, «в обязанности сотского входило заведывание сбором податей, заключение мирских займов, сбор мирского схода, участие в суде» (Судебники, с. 468).

¹⁰⁵ АСВР, III, № 7, с. 21—22.

¹⁰⁶ Там же, № 22, с. 38, 40.

¹⁰⁷ По наблюдениям Ю. В. Бромлей, «наиболее разрушающее воздействие на остатки сотенного устройства. . . оказывало. . . развитие иммунитета частной вотчины» (Бромлей Ю. В. К вопросу о сотне. . ., с. 89). По Судебнику 1589 г. (ст. 50—52, 57) «сотскому безчестие» оценивается в 2 р., т. е. хотя и больше, чем «крестиянину пашенному» и «молодчму человеку

Основной чертой суда по ПСГ является широкое участие в нем представителей городской общины. Княжой суд отдельно, сам по себе, не существует. Он функционирует только в органическом сочетании с судом посадника и сотских, как и деятельность низших агентов княжой администрации полностью дублируется соответствующими представителями Господина Пскова. Эта особенность, аналогичная в общих чертах судебным порядкам Новгородской земли, свидетельствует о специфике суда-управления в вечевых городах-землях. Вместе с тем она означает дальнейший (по сравнению с Правдой) этап развития феодального судебно-административного аппарата. Если в Правде все функции феодальной администрации осуществлялись князем и его агентами, то в Пскове и Новгороде мы видим широкое привлечение верхушки городской общины к участию в судебно-административной деятельности. Верхушка городской общины осуществляет государственную власть — в этом специфика вечаевого устройства Пскова и Новгорода. Это — следствие развития процессов феодального классовобразования, приводящих к выделению явчих мужей и к сосредоточению в их руках руководства городом-землей.

Наиболее существенное отличие Пскова от Новгорода в организации суда — отсутствие института доклада, аналогичного ст. 26 Новгородской Судной грамоты.¹⁰⁸ Суд у князя на сенех — последняя судебная инстанция Господина Пскова. Псковский суд формально не знает ни бояр, ни житых, которые составляют высшую судебную коллегия Новгорода. Отсутствие кончанского представительства в лице бояр и житых проливает свет на особенности социально-политической организации Пскова: прослойка феодалов в псковском обществе не достигла такой степени политического могущества, чтобы по примеру новгородских бояр и житых превратить высшую судебную власть в свою сословную монополию. На разную степень развития феодального землевладения Новгорода и Пскова обратил внимание В. Н. Бернадский. Проследив рост крупного феодального землевладения как основную особенность аграрной истории Новгорода, он отметил процесс постепенного включения в состав класса феодалов новых слоев городского населения: вслед за боярами и новгородские житы «обзавелись значительными земельными владениями и постепенно превратились в феодалов». В этом и заключается, по мнению Бернадского,

боярскому и посадцкому и волосному» (1 р.), но меньше, чем «доброму крестьянину, который торгует или деньги и рожь взаимны дает» (3 р.) (Судебники, с. 382—383). Подобное явление повсеместно. Так, по наблюдениям А. Р. Корсунского, падение роли *millenarius'* а в готской Испании VI—VII вв. прямо связано с процессом исчезновения свободного крестьянина в этот период (К о р с у н с к и й А. Р. О развитии феодальных отношений в готской Испании V—VII вв. — Средние века, X. М., 1957, с. 44, 51).

¹⁰⁸ ПРП, II, с. 215.

отличие Новгорода от Пскова: «Для псковского горожанина при отсутствии тех огромных земельных владений, которыми располагал Новгород, была закрыта дорога в феодальные землевладельцы». ¹⁰⁰ Судя по материалам псковых книг конца XV в., к моменту включения Новгородской земли в состав единого Русского государства процесс экспроприации общинных земель и создания крупной феодальной земельной собственности зашел очень далеко. В новгородских пятинах можно наблюдать только остатки или следы черных земель. ¹¹⁰ В деревне этого времени решительно преобладает крупновотчинное землевладение бояр и житых. ¹¹¹ Концентрация в руках правящей верхушки основного богатства феодального общества — населенной земли — обеспечивала ей решающую роль в политической жизни Новгорода и отражалась на организации феодальной власти.

В отличие от этого в Псковской земле нет данных о господстве крупного боярского землевладения. Отрывочные сведения немногочисленных актов XIV—XV вв. позволяют скорее предполагать преобладание средней и мелкой вотчины ¹¹² и значительный удельный вес общинных смердых земель; этому соответствует и относительно меньшее политическое могущество псковской феодальной олигархии. Тем не менее организация феодального суда-управления в обоих вечевых городах-землях в принципе однотипна и отражает особенности общественного строя этих земель. Суть этой организации — превращение вечевой общины в орган феодального властвования. Если в Правде XII в. княжеская власть — над общиной, то во Пскове и Новгороде XIII—XV вв. эта власть с участием посадника и сотских — представителей вечевой общины — проникает в самую толщу общины, стимулируя идущие в ней процессы развития феодальных отношений.

¹⁰⁰ Б е р н а д с к и й В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке, с. 176, 177.

¹¹⁰ «... Мы встречаем следы таких отношений, когда чернокунцы были обязаны повинностями только Новгородской республике и князьям и не знали над собой другой власти», — справедливо отмечает А. Л. Шапиро (Аграрная история северо-запада России, с. 57). См. также наблюдения Т. И. Осьминского и мой над остатками черных земель в Деревской и Водской пятинах (там же, с. 83—85, 223—226).

¹¹¹ По подсчетам Э. А. Тимошенко, в руках 60 крупнейших землевладельцев, имевших свыше 500 коробей пашни каждый, было сосредоточено более половины пахотных земель Деревской, Шелонской, Водской и Обо-нежской пятин, тогда как «свыше половины вотчинников... имели владения, по своим размерам не превышающие крестьянские» (там же, с. 330).

¹¹² «... Все имеющиеся в нашем распоряжении псковские земельные акты XIV—XV вв. позволяют отметить сильную размельченность земельных владений в Пскове». «Процесс роста феодальной вотчины не имел своим итогом полного поглощения общинных земель и владений мелких вотчинников крупным боярским землевладением» (М а р а с и н о в а Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV веков. [М.], 1966, с. 141, 150).

Суд о головшине, татьбе и разбое

Более половины статей Пространной Правды представляют собой развернутый свод постановлений о наказаниях за преступления против жизни, чести и собственности свободных людей, прежде всего представителей господствующего класса.

Этой теме целиком посвящен первый раздел Правды (ст. 1—22) — об убийстве, второй раздел (ст. 23—31) — о телесных повреждениях и оскорблениях действием, третий (ст. 32—46) — о татьбе, шестой (ст. 69—84) — о татьбе в сельской местности, а также несколько отдельных статей, дополняющих основные разделы (ст. 65 — об ударе холопом свободного, ст. 67, 68 — о телесных повреждениях и оскорблениях, ст. 88, 89 — об убийстве женщины и холопа).

Если Пространная Правда начинается разделом об убийстве и посвящает ему более 20 статей, рассматривая разные варианты этого тяжчайшего уголовного преступления, то ПСГ упоминает об убийстве (головшине) только трижды. Первое упоминание — в ст. [17] (26) головшиной считается самосуд над человеком, которого ведут на суд господы. Второе упоминание — ст. [93] (96—97) устанавливает, что «князю на головниках взять рубль продажи» даже и в том случае, если убийство случилось внутри семьи. Третье упоминание — в ст. [94] (98) — носит негативный характер: головшиной не считается выкидыш во время обыска приставом. Таким образом, ПСГ в отличие от Правды касается только отдельных частных аспектов темы об убийстве, сама же эта тема как таковая остается вне рамок вечаемого законодательства. Это явление можно понять, только допустив, что кодекс законов об убийстве уже существовал и был известен составителям ПСГ. Единственным таким кодексом в русских памятниках является раздел об убийстве Пространной Правды. Вероятно, именно этот раздел и был тем фундаментом уголовного права, который в виде частных производных надстраивался соответствующими статьями ПСГ.

Из этих статей наиболее важная ст. [93] (96—97). Установление рублевой продажи вместо виры означает известную модернизацию старого закона Правды — перевод ее терминов на язык псковского вечаемого законодательства. Еще более важно для харак-

теристика ПСГ в сравнении с Правдой, что рублевая продажа называется князю во всех случаях — без упоминания какой-либо социальной дифференциации, как это имело место в Правде. В отличие от Правды ПСГ не знает ни повышенной, ни пониженной кары за убийство.¹ Особое значение имеет вторая часть ст. [93]. Исходным моментом уголовного законодательства Правды является право мести родственников убитого — брата, отца, сына, племянника. Княжеское законодательство заменяет месть выкупом — «кунами ся выкупати» (ст. 2), но эта реформа накладывается на прежнюю первооснову — семья представляется элементарной неделимой юридической ячейкой общества. Отношения в самой этой ячейке не подлежат гражданской юрисдикции. Древнейший русский церковный устав, восходящий, как показал Я. Н. Шапов, в своей основе к XII в.,² рассматривает внутрисемейные конфликты как преступление против нравственности и отдает их на суд церкви (Устав кн. Владимира по Синодальному списку, ст. 9;³ аналогичная статья в других редакциях). Но уже Устав князя Ярослава (ст. 43), не исключая церковного наказания, предусматривает вмешательство гражданской власти в дело об избивении родителей сыном.⁴ Тематически ст. [93] ПСГ близка к этой статье Устава Ярослава и является как бы ее дальнейшим развитием. Однако текстуально она вполне самостоятельна и не может рассматриваться как следствие прямого влияния этого Устава. Возможно, составитель ст. [93] ПСГ знал Устав Ярослава, но свою норму он сформулировал по-своему, исключив всякое упоминание о церковном наказании. Ст. [93] исходит не из Устава Ярослава, а из жизненной практики — с Уставом она только соприкасается. Нет связи у ст. [93] и с Законом Судным Людем Пространной редакции. Статья «О сыну» (75-я по счету) этого памятника предусматривает казнь непокорного сына мужаами града по слову его отца: «Да побьютъ и каменьем мужи града того».⁵ Эта норма — своего рода самосуд городской общины — в ПСГ никак не отразилась.

ПСГ распространяет светскую (княжескую) юрисдикцию и на такое без сомнения довольно редкое преступление, как отце- и братоубийство. М. Ф. Владимирский-Буданов видит в этом «доказательство того, что во Псков. Суд. Гр. за преступлениями признан

¹ Трудно согласиться с А. А. Зимним, увидевшим в этой статье «рост княжеской продажи», свидетельствующий «о дальнейшем усилении уголовных репрессий княжеской властью» (Зимни, ПСГ, с. 371). 40 гривен Правды составляют стоимость 400 овец (считая за овцу по 5 кун по ст. 45 Правды), а псковский рубль соответствует цене только 30 овец, считая, как делает А. А. Зимни, по 300 денег в рубле и оценивая овцу в 10 денег (как в ст. 112 ПСГ). Таким образом, реальный размер уголовного штрафа понизился во много раз.

² Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь. . . , с. 127—128, 133.

³ ДКУ, с. 23.

⁴ «Аще ли сынъ бьетъ отца или матеръ, да казнятъ его волостелскою казнию, а митрополиту в домъ церковный такыи отрокъ» (там же, с. 89).

⁵ ЗСП, с. 147.

вполне общественный характер»; ⁶ Л. А. Зимин — свидетельство того, что «круг дел, изымающихся из церковной юрисдикции, все расширялся, что объяснялось усилением органов государственной власти». ⁷ Оба эти мнения справедливы, но признание «общественного характера» за внутрисемейными преступлениями и отдача их на суд государственной власти свидетельствуют о падении юридической роли кровно-родственных связей — этой основы дофеодального уголовного права. ⁸ Еще во времена Правды уголовная юрисдикция кровно-родственного коллектива была существенно ограничена княжеской властью, и он потерял значение единственного гаранта жизни своих членов; теперь ПСГ полностью подчиняет его уголовному суду публичной власти. ⁹ Это новый по сравнению с Правдой шаг в развитии феодального общества и одного из его важнейших институтов — феодального уголовного права.

Тягчайшие преступники, которых знает ПСГ, названы в ст. [5] (7): «А кримскому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати». «Кримский тать» — это, надо думать, «кромьской тать», как говорится ниже в том же тексте (ст. [5] (8)). Это вор, совершивший кражу в Кроне (Кремле), где хранились казна, государственные акты и другие ценности. ¹⁰ Кромской

⁶ Христоматия. . . , с. 183, примеч. 198.

⁷ Зимин, ПСГ, с. 374.

⁸ Л. В. Черепнин обнаружили в новгородских берестяных грамотах XIII в. признаки материальной ответственности семьи за преступления ее членов (Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 41, 42 (грамоты № 395, 421)).

⁹ Так и воспринимает ст. 97 М. М. Исаев (Уголовное право Новгорода и Пскова XIII—XV вв. — В кн.: Тр. науч. сессии Всесоюзного ин-та юрид. наук. 1—6 июля 1946 г. М., 1948, с. 132). В отличие от него И. Д. Мартысевич видит в статье ограничение церковной юрисдикции (Мартысевич И. Д. ПСГ, с. 106). Но именно это ограничение и свидетельствует о падении юридического значения кровно-родственного коллектива — в глазах государственной власти он теряет свою специфику замкнутого целого, подведомственного только церкви. Статья о братоубийстве имеется в Помезанской Правде (ст. 14 ранней редакции): «Если один брат убьет другого, он должен возместить его [смерть] как чужого» (Пашуто В. Т. Помезания. М., 1955, с. 119). В. Т. Пашуто обоснованно замечает по этому поводу: «Исчезает дофеодальное прошлое, ему на смену пришли новые отношения, при которых кровное родство утратило былое значение в праве» (там же, с. 42). В Полицком статуте ст. 36а предусматривает изгнание из общины — более суровое наказание, чем за убийство неродственника, когда выплачивается штраф (ст. 37а) (Греков Б. Д. Полица. М., 1951, с. 230—231). Как видим, псковский закон ближе к помезанскому, чем к полицкому, — он отражает большую степень распада кровно-родственных отношений и тем самым большее развитие собственно феодального права.

¹⁰ Энгельман И. Систематическое изложение. . . , с. 74. — В отличие от этого Н. Н. Мурашев и Ф. Н. Устрялов видят в кромском тате комнатного вора, причем Ф. Н. Устрялов без оснований связывает смертную казнь этого татя с самосудом «из германских законов» (Устрялов Ф. Исследование Псковской Судной грамоты 1467 г. СПб., 1855, с. 59). М. Ф. Владимирский-Буданов склоняется к чтению «храмской» и видит в кромском тате церковного вора, опираясь при этом на ст. 9 Судебника 1497 г. (Христоматия. . . , с. 150, примеч. 20). М. М. Исаев присоединяется к этому толкова-

тать — это не просто вор, а похититель, покушающийся на государственное достояние или государственную тайну. Приравнивание такого преступника к переветнику — перебежчику на сторону врага, государственному изменнику — вполне понятно. Понятно и приравнивание к ним «зажигалника». Здесь, видимо, имеется в виду человек, совершивший умышленный и злостный поджог в самом Пскове, вызвавший своими действиями одно из самых страшных бедствий для средневекового города.¹¹ В один ряд с этими опаснейшими преступниками Грамота ставит «конового татя». Особое внимание к конокрадству как наиболее тяжелому виду татбы свойственно средневековому обществу. Ст. 35 Пространной Правды резко различает татей конового и клетного: если второй платит 3 гривны продажи, то первый выдается «князю на поток»,¹² т. е. подвергается тягчайшему наказанию, которое знает Правда.

Правда считает наиболее опасными преступниками в ст. 7 разбойника («Будеть ли стал на разбой без всякой свадьбы»), в ст. 83 — конового татя и поджигателя («Аже зажжеть гумно. . . , аже кто двор зажжеть»). Все они наказываются «потоком и разграблением». ¹³ ПСГ добавляет к ним переветника и кромского татя. Расширение списка особо опасных преступников в Грамоте отражает существенные черты XIV—XV вв. — времени тяжелой борьбы Руси за самое свое существование. Вопросы обороны от внешнего врага выдвигаются в пограничном городе — северо-западном форпосте Русской земли — на одно из самых первых мест. Войны с Орденом и Литвой наполняют всю историю Господина Пскова. Хотя эти войны не могут рассматриваться как локальные конфликты, а являются частью борьбы всего русского народа за национальную независимость, зачастую Псковская земля вынуждена сражаться с западными агрессорами только своими силами в условиях феодальной раздробленности Руси и борьбы с Ордой. В этом существенное отличие псковского общества от общества Древней Руси, не знавшего такой постоянной и упорной борьбы со столь опасными противниками — набеги половцев,

нию, но, считая, что «храмской» кражей могла быть и кража государственной казны» (И с а е в М. М. Уголовное право. . . , с. 137), фактически приближается к мнению И. Е. Энгельмана. Л. В. Черепнин и И. Д. Мартысевич видят в кромском тате вора, обокравшего Кремль (Кром) (Псковская Судная грамота. Новый перевод и комментарий Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева. — Истор. записки, VI. М., 1940, с. 265 (далее — Черепнин, Яковлев); М а р т ы с е в и ч И. Д. ПСГ, с. 98). К этому мнению близки и И. И. Полосин (Полосин, с. 58) и А. А. Зимин (Зимин, ПСГ, с. 334).

¹¹ Псковская летопись сохранила живую картину такого поджога: в 1496 г. «загорьлося на Крому в Кутнего костра, и клетей много погорьло, и ржы много и платья. . . а зажег Чюхно, закратчяся, а послаша его Немцы зажечь и посулиша емоу дароу много». Ст. [5] (7) ПСГ была приведена в действие: «Изымаша его на Кромю и сожгоша его огнем» (ПД, I, с. 82).

¹² ПРП, I, с. 111.

¹³ Там же, с. 109, 117.

хотя подчас и очень опустошительные, угрожали только южной окраине и не ставили под угрозу существование Древнерусского государства. Поэтому категории перевета и кромской татьбы, чуждые Правде, но актуальные для эпохи XIV—XV вв., впервые появляются в законодательстве пограничной земли.¹⁴ Труднее объяснить отсутствие в перечне особо опасных преступников ПСГ злостного убийцы. Нет оснований думать, что отношение к такому преступнику в XIV—XV вв. смягчилось по сравнению с Пространной Правдой и что в эти времена злостное убийство считалось менее опасным, чем кража коня. Умолчание об этом преступлении может объясняться скорее всего продолжением действия старой нормы Правды.

Существенное отличие Грамоты от Правды — замена потока и разграбления смертной казнью. Поток и разграбление — лишение гражданских и политических прав, т. е. гражданская смерть. Человек, объявленный вне закона, потерявший все социальные связи, становится беспомощным и беззащитным. Имущество его передается грабежу, сам он может быть немедленно и безнаказанно убит, а семья его продана в рабство. Фактически это смертная казнь, сопровождаемая конфискацией имущества. Но это казнь особого рода. Суть ее — изгнание преступника из того мира, в котором он живет и принадлежность к которому определяет его социальное лицо. Чтобы такое наказание существовало как высшая кара, необходимы определенные социально-политические условия. Главное из этих условий — общество, состоящее из общинных территориальных союзов, общество, каждый член которого с необходимостью должен принадлежать к какому-нибудь союзу, обеспечивающему его гражданские и политические права. Вторым условием является относительная слабость и примитивность государственного аппарата, вынужденного не возлагать карательные функции за самые тяжкие преступления непосредственно на своих агентов, а апеллировать к обществу. Такое наказание, как поток и разграбление, характерно для общества, переживающего относительно ранние стадии феодализации. Княжеская власть со своим аппаратом стоит над общиной, она осуществляет политическое руководство, обеспечивает привилегии своей непосредственной социальной опоры — крупных феодалов, но феодальные отношения и их юридическое выражение — княжий суд — еще не проникли в самую толщу общины. Это — общество Пространной Правды. В таком обществе наказание преступника заключается именно в его изоляции от общины; такая изоляция — необходимое условие для дальнейшей расправы с преступником.¹⁵ Поздним

¹⁴ «Не случайно понятие перевета появилось впервые во Пскове и Новгороде. Эти республики граничили с Литвой и владениями немецкого Тевтонского ордена», — справедливо замечает И. Д. Мартысевич (Мартысевич И. Д., ПСГ, с. 96).

¹⁵ По мнению Я. Н. Шапова, убийца «изымался из общины, терял личную свободу и превращался в княжеского холода, работавшего в господ-

отзвуком потока и разграбления, проливающим вместе с тем свет на реальное содержание этого наказания, является ст. 12 Правосудия Митрополичьего.¹⁶ В противоположность наказанию злостного убийцы предполагается возможность того, что выплата общиной дикой виры служит известной общественной гарантией ее члену, совершившему неумышленное преступление.¹⁷

ПСГ, знающая смертную казнь как таковую, т. е. непосредственное лишение жизни преступника, рисует другой уровень социального развития. Государственная власть уже не нуждается в предварительной изоляции преступника, она осуществляет свой приговор сама, без какого-либо участия общины. Суд княжой проник уже в саму общину, он дошел до каждого из ее членов, несущего теперь непосредственную и прямую уголовную ответственность. Исчезновение потока и разграбления как меры наказания характеризует дальнейшее по сравнению с Правдой развитие феодальных отношений вглубь — дальнейший рост и усиление феодального государственного аппарата. Обратной стороной того же процесса является ослабление политических и социальных связей внутри общины.¹⁸ Уголовный суд ПСГ свидетельствует о развитии политических функций руководства городской общины, о далеко зашедшем процессе ее социально-политической, классовой дифференциации. В условиях вечевого строя право произ-

ском хозяйстве» (Щ а п о в Я. Н. О функциях общины в Древней Руси, с. 16). Для такого категорического суждения нет, однако, достаточных оснований: ни Правда, ни современные ей памятники прямо не говорят о превращении убийцы в княжого холопа. Поток и разграбление известны и Полицкому Статуту (ст. 36а, 88, 113), но это наказание не связано с превращением в раба (Греков Б. Д. Поляна, с. 229, 277, 293).

¹⁶ «А душегоубца велити казнити градским законом: осъчи его да продати, как стечетъ, а дом его на грабеж» (ДКУ, с. 240).

¹⁷ «Община берет на себя ответственность за убийство, совершенное одним из ее сочленов, следовательно, ручается, что степень вины его не такова, чтобы подвести ее под норму. . . о „потоке и разграблении“» (Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты. . ., с. 40).

¹⁸ Развитие преступности в условиях феодального строя определяется в конечном счете ростом социального и имущественного неравенства, процессом ослабления и распада старых общинных связей. Однако было бы неверно ставить знак равенства между антифеодальной борьбой народных масс и уголовными преступлениями, носящими антисоциальный характер. Объектами таких преступлений могли быть феодалы и их собственность. Однако отсюда еще не вытекает возможность отождествления уголовных преступлений как таковых с классовой борьбой. Можно ли видеть в конокраде и злостном поджигателе защитников интересов народа и борцов против феодальной эксплуатации? Едва ли может быть безоговорочно принято такое, например, определение одного из самых тяжелых уголовных преступлений: «„Разбой“ — неорганизованное нападение разорившихся и беглых крестьян на господские владения» (Горина Л. В. Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве, М., 1972, с. 77). Надо полагать, что в действительности от разбоев, татьбы, конокрадства и тому подобных преступлений, совершаемых деклассированными элементами, непривилегированные жители города и деревни страдали гораздо сильнее, чем богатые и могущественные феодалы, живущие в крепких замках и окруженные многочисленной охраной.

несения смертных приговоров является монополной властью Господина Пскова — главной городской общины, господствующей над всей землей. Так, осенью 1476 г. «Псковъ, оусполъвся, испродалъ опочанъ, а взялъ 100 рубливъ» за то, что опочане — граждане Опочки, одного из пригородов Пскова, «оузвесили татя коневого, а безъ повѣления псковского». ¹⁹

Смертная казнь как мера наказания известна древнерусскому обществу по юридическим сборникам, содержащим переводы византийских законов. Закон Судный Людем, входящий в состав русских юридических сборников как славянская переработка части византийской Эклоги, предусматривает смертную казнь злостному поджигателю. ²⁰ При этом он отличает злостный поджог («Иже за каку любо вражду или за разъграбление огнемъ зажигаютъ. . .») от поджога по неосторожности и без злого умысла ²¹ — в этих случаях смертная казнь не назначается. Текст ст. [5] ПСГ никаких различий не знает, но он, разумеется, говорит о злостном, во всяком случае умышленном, поджоге. При близости нормы ст. [5] и Закона Судного Людем по существу нельзя говорить о каком-либо влиянии второго на первую — норма ПСГ исходит из русской действительности и никакого заимствования не обнаруживает.

Вторая часть ст. [1] ПСГ относит к суду княжому разбой, навод и грабеж. Первое из этих преступлений известно и Правде — о разбое говорят ее ст. 3 и 7. Ст. 3 Правды разбирает случай, когда «в разбой» убит «княж муж», «а головника не ищють» — тогда виру платит вервь, на территории которой «голова лежить». Это же правило распространяется и на убийство людина. Ст. 7 определяет наказание разбойнику, «будеть ли стал на разбой без всякоя свады» — в этом случае запрещается заступничество за него общины («за разбойника люди не платятъ»), а сам он подвергается высшему наказанию — «выдадать и всего с женою и с детми на поток и на разграбление». ²² Разбой — это неспровоцированное нападение с целью убийства; Правда отличает такой акт от убийства «в сваде или в пиру явлено». Такое понимание термина «разбой» сохраняется и в XV в. ²³ Однако ПСГ понимает разбой несколько иначе: в ст. [1] он приравнивается к грабежу, в ст. [16] — к бою и грабежу: к злостному избиению, но без убийства, сопровождаемому насильственным отнятием имущества. ПСГ, следова-

¹⁹ ПЛ, II, с. 206.

²⁰ ЗСП, с. 141.

²¹ Там же, с. 141—142. — Это соответствует гл. 41 титула XVII византийской Эклоги (Эклога, с. 72). В древнерусском переводе Эклоги, включенном в Мерило Праведное под названием «Леопъ и Константин верная цесаря», та же норма содержится в гл. 32 зачала 17 (МП, л. 193).

²² ПРП, I, с. 108, 109.

²³ АСВР, I, № 523, с. 400. — См.: Алексеев Ю. Г. Черная волость Ростромского уезда XV в. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967, с. 78.

тельно, не различает четко разбой и грабеж.²⁴ Чем может объясняться это явление, сказать трудно. ПСГ назначает за разбой «70 гривен, а княжая продажа — 19 денег, да 4 денги». Что такое эти 70 гривен? Это не продажа князю — о ней говорится особо. Взыскание 70 гривен по ст. [1] можно сравнить с некоторыми другими платежами в ПСГ. По ст. [109], «кто пред господою ударит на суде своего истьда», выдается «в рубли. . . тому человеку, а князю продажа». В этой статье вознаграждение потерпевшему (оскорбленному) четко различается от уголовного штрафа-продажи. По ст. 117, если «кто у кого бороду вырветь», «ино за бороду присудить два рубля», — по-видимому, в пользу потерпевшего. По ст. 120 за избиеие («бой») «присужать. . . один рубль, и княжая продажа одна». Здесь, как и в ст. [109], «рубль», очевидно, не продажа, а компенсация потерпевшему. Таким образом, ПСГ знает фиксированные денежные вознаграждения потерпевшим, не связанные непосредственно с размером материального ущерба. Надо полагать, что 70 гривен за разбой по ст. [1] и являются таким вознаграждением и в то же время — композицией наподобие виры, т. е. выкупом жизни разбойника от потока и разграбления, угрожавших ему по старому закону Правды.²⁵

Основные отличия ПСГ от Правды в вопросе о разбое сводятся к двум моментам. Во-первых, ПСГ ничего не говорит о статусе потерпевших от разбоя. Во-вторых, виновный в разбое не выдается на поток и разграбление, а выплачивает композицию и продажу князю. Отсутствие упоминания о социальном статусе потерпевшего (убитого) свидетельствует не о безразличии составителей ПСГ к этому вопросу, а о том, что он для них заранее ясен. Если Правда в ряде своих статей подчеркивает социальное отличие княжого мужа от непривилегированной массы населения (в ст. 3 — «от людина»), то ПСГ имеет дело именно с этой непривилегированной массой, а не с княжими мужами. Они в вечевом городе-земле — инородное тело; к ним пошлинная грамота не обращается, у них свой господин и судья — князь. Замена потока и разграбления высокой денежной композицией, по размерам напоминающей виру

²⁴ К аналогичному выводу приходят и другие исследователи ПСГ (Энгельман И. Систематическое изложение. . . , с. 80; Исаев М. М. Уголовное право. . . , с. 137; Мартысевич И. Д. ПСГ, с. 104).

²⁵ Большинство исследователей (И. Е. Энгельман, В. О. Ключевский, М. Ф. Владимирский-Буданов, И. Д. Мартысевич, А. А. Зимин) считают, что вместо 70 (0) гривен следует читать 9 (0). Однако, на мой взгляд, нельзя считать, что в рукописи допущена описка. По ст. [58] и 120 за бой и грабеж присуждается рубль. Трудно представить, что разбой расценивается всего в 9 гривен, почти в четыре раза дешевле боя или грабежа (считая в гривне 10 денег, а в рубле 30 гривен). Поэтому я думаю, что И. И. Полосин прав, читая 70 гривен. По мнению А. А. Зимина, 9 гривен — штраф в пользу князя Пскова. Княжю продажу (19 денег) он приравнивает к судебным пошлинам по Пространной Правде в размере примерно 20% (Зимин, ПСГ, с. 330). Но князя нельзя считать судебным чиновником, как называет его А. А. Зимин. Во всяком случае Правда резко отличает продажу от судебной пошлины. ПСГ тоже отличает пошлины от продажи князю.

Правды, говорит о новом этапе развития социальных отношений в той среде, к которой когда-то была адресована ст. 7 Правды. Ставя своей задачей выделить, изолировать от общины (людей) разбойника-убийцу, не допустить проявления общинной взаимопомощи, Правда исходит из той предпосылки, что сам разбойник виру выплатить заведомо не может. Напротив, ПСГ, назначая семидесятигривенную композицию, предполагает, очевидно, потенциальную возможность ее выплаты. Следовательно, разбойник ПСГ может быть достаточно состоятельным человеком, не нуждающимся в обязательной помощи людей. Возможность этой помощи не оговаривается, и во всех других статьях Грамоты на нее нет ни одного намека, они предусматривают строго индивидуальную ответственность преступника. Если ст. 7 и другие статьи Правды имеют дело с общиной и относятся к ней как к чему-то цельному, откуда еще надо извлечь преступника, то ст. [1] и другие уголовные статьи ПСГ обращаются непосредственно к самому преступнику. Если Правда в своих уголовных статьях подходит к людям извне, с позиций князя и его мужей, то ПСГ рассматривает уголовные казусы внутри самой общины, между самими людьми, не поднимаясь над их уровнем и не противопоставляя никого этим людям. Наказание за разбой, назначаемое ПСГ, — чисто русская норма. Древнерусский перевод Эклоги знает другое наказание: «Разбивая и присѣдѣния творя и оубиваяи, на нем же мѣстѣ ять будеть, да вѣстокнуть и на соху».²⁶ В этом случае, как и во многих других, развивающееся русское феодальное право идет своим путем, не следуя известным византийским образцам, отражающим гораздо более развитую классовую структуру.

К тягчайшим преступлениям людей друг против друга относятся наряду с разбоем также нахождение и грабеж. Наход — вооруженное нападение на чужую землю с целью ее захвата (присвоения).²⁷ Это преступление, приравняемое Грамотой к разбою, носит специфический характер. Для того чтобы появилась возможность такого преступления, необходимо прежде всего наличие достаточно развитой и отграниченной земельной собственности, необходимо наличие целого слоя таких земельных собственников, в среде которых это преступление может иметь место. Русская Правда находа как такового не знает. Ее статьи о нарушении межевых знаков (ст. 70—73), открывающие раздел о преступлениях в сельской местности, направлены на защиту привилеги-

²⁶ МП, л. 192. — Это буквальный перевод гл. 50 титула XVII византийской Эклоги (Эклога, с. 73).

²⁷ Для объяснения термина «наход» решающее значение имеет текст гл. 29 зачала 17 древнерусского перевода Эклоги, соответствующий гл. 5 титула XVII византийской Эклоги (Эклога, с. 68). Эта глава, посвященная самоуправному решению спора об имуществе, озаглавлена в древнерусском переводе «О творящихъ нахоженъи и залогии приемлющимъ» (МП, л. 192 об.). «Нахоженъе» — это и есть самоуправное нападение, как правильно отмечают М. М. Исаев и А. А. Зимин (И с а е в М. М. Уголовное право. . ., с. 137; Зимин, ПСГ, с. 330).

рованной земельной собственности в первую очередь от покушений членов верви — непривилегированных общинников (ст. 70 — «по верви искати в собе татя»). О привилегированном характере охраняемой собственности говорит высокий размер продажи — 12 гривен, равный стоимости 4—6 коней или 120 овец. Преступления против этой собственности носят характер хотя и заведомо умышленного, но тайного недоброжелательства, сравнительно мелкого по масштабам и по непосредственным материальным результатам: повреждение орудий лова (ст. 70), раззнаменование борти (ст. 71), переорание межи (ст. 72), повреждение других межевых знаков (ст. 73). Во всех этих случаях речь идет не о прямом захвате чужой (феодалной) собственности путем открытого и явного нападения на нее, а о попытках членов верви мелкими «шакощами» по возможности навредить крупному собственнику и приостановить его наступление на общинные земли и угодья.²⁸ Несмотря на всю заботу Правды об охране межевых знаков привилегированной собственности, ни одно из таких правонарушений не приравнивается ею к тягчайшему уголовному преступлению — разбою: порча межей носит качественно иной характер. ПСГ имеет дело совсем с другим явлением — с вооруженной борьбой между частными земельными собственниками за их владения. Это заведомо не княжие мужи и не княжие люди — это те самые люди («человеки»), которым посвящены все прочие статьи Грамоты. В ст. [1] они выступают не только как потенциальные преступники, но и как актуальные собственники имущества (прежде всего земли), против которого направлено преступление.²⁹

В отличие от находа бой — преступление против личности «человека». В ПСГ бой рассматривается и как отдельное преступление, и в сочетании с грабежом. Центральное место в группе статей о бое и грабеже занимают ст. [16]—[18]. Процесс о бое или грабеже начинается с допроса («обыска») послуха, которого выставляет истец: «. . . Где будет обедал и [л]и где начавал; и послух изведется иночаем его, или где обедал, также и битого опросить,

²⁸ ПРП, I, с. 115—116. — Наиболее четкую социально-политическую характеристику этой группы статей Правды дал И. И. Смирнов: основа этих статей — борьба «верви против наступления феодала на общинную земельную собственность», конечная цель смердов — «„дефеодализация“ бывшей общинной земельной собственности, захваченной феодалами» (С м и р н о в И. И. Очерки. . . , с. 56).

²⁹ По мнению М. М. Исаева, находит наказывается по ПСГ гораздо мягче, чем изезд по Новгородской Судной грамоте. Отсюда он делает важный вывод: «Возможно, что большая распространенность боярского землевладения вызвала в Новгороде больше столкновения, чем в Пскове» (И с а е в М. М. Уголовное право. . . , с. 138). Можно предложить, однако, и другое объяснение сравнительно низкой оценки находа: землевладельцы ПСГ — в основном мелкие феодалы или мелкие вотчинники крестьянского типа в отличие от богатых землевладельцев Новгорода. Мелкому масштабу владений и невысокому статусу владельцев соответствует и небольшой размер уголовного штрафа.

где есть били и грабили. . .». Смысл этого «обыска» в том, чтобы установить степень осведомленности послуха о конкретных обстоятельствах разбираемого дела. Что значит «изведется иночаем», неясно. Непонятно, что значит слово «иночай», но надо думать, что едва ли допрос самого истца («битого») производится только в том случае, если послух оказался его соночлежником, как считают М. Ф. Владимирский-Буданов, И. Д. Мартысевич и А. А. Зимин.³⁰ Более вероятно, что истец допрашивается во всех случаях («. . . где есть били и грабили, явил [л]и кому. . .»). Истец должен «слатся» на тех людей, кому он сделал явку — заявил о происшествии сразу же. Став перед господою, они обязаны сказать «как право пред богом, што битыи являи бои свои, и грабежь. . .» — подтвердить факт явки. После этого слово предоставляется послуху. Если он «на суде став а послухует в тые же речи», т. е. подтвердит версию истца, то обвиняемому остается одно из двух: либо вступить в поединок с послухом («. . . хочет с послухом на поле лезет. . .»), либо признать себя виноватым («. . . послуху у креста положит, чего искал») — не только возвратить награбленное,³¹ но и выплатить уголовный штраф — продажу.³² Если послух «не станет» на суд «или став на суде не договорит в ты ж речи, или переговорит», истец проиграл процесс (ст. [16]).

В поединке с послухом ответчик может заменить себя наймитом, он может не признать авторитета послуха, выставленного истцом — тогда вопрос о правомочности послуха решает суд. Ст. [16] вкладывается в уста истца, отводящего чужого послуха, такие слова: «Тот мене сам бил с тым своим послухом, а нонеча на нево ж шлется». Это заявление можно сопоставить с древнерусским переводом Эклоги, не допускающей отвода чужого послуха, «аще не явить яко вражда нѣкака конечнее послѣдова межю има».³³ Слова истца ПСГ являются как бы комментарием к этому тексту. Но есть и существенная разница: в качестве законных мотивов отвода древнерусская Эклога вслед за своим византийским оригиналом признает еще два: «ли обѣщание или даянием на пагубу вещи послушьствующему». ПСГ таких мотивов не знает, во всяком случае не говорит о них.

³⁰ Христоматия. . . , с. 156, прим. 60; Мартысевич И. Д. ПСГ, с. 145; Зимин, ПСГ, с. 305.

³¹ Как считают И. Е. Энгельман (Систематическое изложение. . . , с. 167), М. Ф. Владимирский-Буданов (Христоматия. . . , с. 156, примеч. 60), а за ними — большинство исследователей.

³² «Понести наказание», как правильно понимает А. А. Зимин (Зимин, ПСГ, с. 343). В самой статье о наказании грабителя ничего не говорится, но оно вытекает из общего положения ст. [4]. Н. Л. Дювернуа по этому поводу справедливо замечает: «Обиженный до тех пор не считал себя удовлетворенным, пока с вора еще не была взята продажа, т. е. пока он не был наказан. . . „казнен продажею“» (Дювернуа Н. Источники права. . . , с. 92).

³³ МП, л. 186 об. — Гл. 1 зачала 15 древнерусской Эклоги объединяет ряд глав титула XIV греческого текста. Рассматриваемое место соответствует гл. 9 этого титула византийской Эклоги (Эклога, с. 63).

Со ст. [16] ПСГ связана по смыслу ст. 18 Правосудия Митрополитского: «А будет послух прирочен, а скажетъ свои прирок соудни, послух есть».³⁴ Это, по-видимому, и есть то разбирательство относительно правомочности послуха, которое имеет в виду ст. [16] — «. . . ино тот послух в послух, которого на суде намянут». Смысл ст. 18 Правосудия в том, что суд разбирается в «прироке» — подозрении, лежащем на послухе, вероятно, в связи с попыткой его отвода одной из сторон. Этот прирок — совсем не то же самое, что прирок ст. 31 того же памятника.³⁵ Прирок ст. 31 — дурная слава (плохая репутация), лишаящая человека возможности быть послухом вообще. Идеино-смысловое совпадение ст. [16] ПСГ и ст. 18 Правосудия при их полной текстуальной независимости друг от друга может свидетельствовать о хронологической близости этих норм. Итак, решающей фигурой уголовного процесса является послух. Он не просто свидетель, очевидец происшествия, а человек, берущий на себя всю тяжесть обвинительного процесса и полностью представляющий истца. Подчеркивается особое значение послуха — «а послуху напмита нет» (ст. [16]). Это один из древнейших судебных институтов.³⁶

По ст. 18 Пространной Правды при покленной вире (обвинении в убийстве без прямых улик) «то же будет послухов 7, то ти выведуть виру».³⁷ Эти послухи — люди, принимающие на себя ответственность за обвиняемого и своими единогласными показаниями (очевидно, ротой) снимающие с него обвинение. Свидетельство таких послухов равноценно «божьему суду» — испытанию железом (ст. 21). По ст. 85 Правды послухи участвуют не только в суде о покленной вире, но играют решающую роль вообще во всех уголовных делах («Ты-тяже все судять послухи свободными»). «Свободные люди. . . должны. . . не только знать, но еще и стоять за правду против неправды».³⁸ Так, по всей вероятности, и было в древнем дофеодальном обществе. Но Правда, памятник развивающихся феодальных отношений, уже отступает от этого принципа. Хотя послух должен быть свободным, но и показания холопа уже принимаются во внимание, и он даже назван послухом в ст. 85. Правда, он не участвует непосредственно в судебном процессе — «холопу на правду не вылазити».³⁹ Допускается послушество закупа («в мале тяже») и даже боярского тиуна (ст. 66).⁴⁰ Приравнение боярского тиуна к свободному и неполноценность послу-

³⁴ ДКУ, с. 210.

³⁵ «Тати ли во прирочѣм чловецѣ сутяжанъ есть, а послухъ нетъ» (там же).

³⁶ Например, в «Песне о Роланде» обвинение Гвенелона в измене ведет к поединку между Тьедри и Пинабелем: первый поддерживал обвинение, второй стоял за Гвенелона (Песнь о Роланде. Пер. со старофранцузского Ф. де ла Барта. М., 1958, с. 208—213).

³⁷ ПРП, I, с. 110.

³⁸ Дювернуа Н. Источники права, . . . с. 100.

³⁹ ПРП, I, с. 117.

⁴⁰ Там же, с. 115.

шествия закупа — яркое свидетельство развития феодального суда в эпоху Правды. Об изменении древнего, первоначального значения послушества в Пространной Правде говорит и появление видока — свидетеля происшествия (ст. 29, 37), и послуха — гаранта сделки (ст. 47, 52); в случае необходимости присягают (идут роте) и тот и другой.⁴¹

В договорной грамоте Новгорода с Готским берегом 1189—1199 гг. предусматривается в случае драки без прямых улик выставление послухов по жребию одной из сторон — они «роте шед, свою правду възмутъ» (ст. 9). Эти послухи, конечно, не просто свидетели, их ближайшая аналогия — коллегия послухов ст. 18

⁴¹ Там же, с. 110, 111, 113. — Весьма интересные наблюдения над термином «послух» в древнерусском переводе Эклоги, содержащемся в Мериле Праведном, сделал Л. В. Миров. Он пришел к важному выводу, что «функции судей древнерусский переводчик возлагает на послухов (свидетелей), что в общем логично, если учесть господство в судопроизводстве Древней Руси открытого, публичного следствия и огромную роль в следственном процессе свидетелей» (М и л о в Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклоги). — История СССР, 1976, № 1, с. 162). Этот вывод Л. В. Милова представляется справедливым. В то же время Л. В. Миров отметил несколько случаев, когда Мерило Праведное переводит слово «судьи» как «послуха таи», что, по его мнению, свидетельствует о существовании в Древней Руси следствия, проводившегося в тайне от мира, от общины (там же, с. 162—163). Присмотримся к примерам, приведенным Л. В. Мировым. Этих примеров пять: V, 8; XI, 1; XVII, 27, 41, 47 (Ecloga, p. 20, 30, 46, 48, 50). К ним можно добавить еще один — V, 5 (*ibid.*, p. 18). Во всех этих случаях в древнерусском переводе действительно фигурируют «послуха таи» (МП, л. 177, 178, 185, 189 об., 190, 193). Какой же византийский термин переводится этими словами? Обращение к греческому тексту Эклоги приводит к выводу, что во всех шести случаях этим термином является *οἱ ἀκροαταί*. *Акроаται* — это судьи особого рода, отличающиеся Эклогой от обычных судей (*οἱ δικασταί*). Как мне любезно сообщила Е. Э. Липшиц, этот термин встречается только в Эклоге и близких к ней текстах, а также в Земельческом законе. Судя по корню слова, это — слушающие дело судьи (от глагола *ἀκροαομαι* — слушаю кого-нибудь), похожие, по-видимому, на мужей русских судебных актов. Этот термин и переводится в Мериле Праведном как «послухи», т. е. в данном случае «слушающие дело». Византийский текст не дает оснований для того, чтобы считать *акроаатов* особыми судебными следователями, действующими вне рамок судебного заседания. Откуда же в древнерусском тексте слово «таи»? Из шести случаев, в которых это слово фигурирует, в четырех (V, 5; XI, 1; XVII, 27, 47) в греческом тексте стоит именительный падеж множественного числа (*οἱ ἀκροαταί*). Не исключено, что переводчик, переведя корень слова как «послух», механически воспроизвел падежное окончание. В греческом тексте Эклоги термин *οἱ ἀκροαταί* упоминается всего семь раз: в одном из этих случаев—VIII, 6 (Ecloga, p. 25) — *ὅτι ἀκροατῶν* переведено в русском тексте «от послух». Отсутствие в этом случае окончания *таи* привело к исчезновению соответствующего слова в русском переводе. Видно, в представлении переводчика Эклоги *акроааты* — не что иное, как послухи. Но это значит, что древнерусский перевод Эклоги не дает оснований для гипотезы о наличии тайного следствия во времена Мерила Праведного. Вообще следует заметить, что древнерусским словом «послухи» переводятся два греческих термина — *οἱ ἀκροαταί* в указанных выше случаях и *οἱ μαρτορες* в титле XIV (заголо 15 русского перевода). В этом втором случае послух — свидетель-видок, тогда как в первом, как мы видели, он — активный член судебного заседания.

Правды. Тот же договор знает послухов — удостоверителей сделки: «Оже емати скот. . . , то 12 мужь послухы, идеть роте. . . » (ст. 10).⁴² По договорной грамоте Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. чужеземец (русский среди немцев и немец среди русских) должен обязательно выставить двух послухов; если он не может найти двух своих соотечественников, то один из послухов может быть местным жителем (ст. 8). Очевидно, это те самые два послуха для чужеземца, о которых говорит ст. 18 Правды, или близкие к ним видоки ст. 31, идущие роте. Эта же грамота знает послухов — удостоверителей сделки, в частности сделки найма: «. . . Тоть наймуи при послусах; кто был ту, то будеть послух» (ст. 37/35, список А). При кораблекрушении («У кого ся избить учан, а любо челн. . .»), когда речь идет о спасении гибнущего имущества, послухом может быть всякий, что и подчеркивается в грамоте.⁴³

Можно наблюдать эволюцию послушества начиная с XII в. Если Правда требует в важнейшем уголовном деле присягу 7 послухов, свидетельствующих о доброй славе своего истца, т. е. как бы берущих его на поруку, и только в особых случаях и в менее важных делах довольствуется присягой двух видоков, если два послуха еще обязательны в XIII в., то ПСГ знает в уголовном процессе только одного послуха. Он исполняет в сущности те же функции, что и коллегия древних послухов — является гарантом справедливости и добропорядочности одной из тяжущихся сторон. В отличие от Правды гарантия эта чисто символическая. Кроме того, возникает дополнительное требование — он должен быть очевидцем.⁴⁴ Наряду с послухом на суде выступают и простые свидетели — те, кому была сделана явка.⁴⁵ Господа допрашивает послуха и в отдельных случаях может дать ему отвод. Все это говорит о постепенном вырождении древней формы суда — послух ПСГ, хотя и сохраняет активную ведущую роль в судебном процессе, но уже не безусловный гарант, как коллегия в ст. 18 Правды. Перед нами реликт прежних судебных отношений. Из общественного гаранта личности послух все больше превращается в индивидуального защитника истца. Такая эволюция говорит об изменении общественного правосознания. Если во времена Правды роль посредника между личностью и государственной властью играет община, гарантирующая как наказание преступника (ст. 37 Правды), так и оправдание невинного человека

⁴² ПРП, II, с. 126.

⁴³ Там же, с. 61, 69.

⁴⁴ Мартысевич И. Д. ПСГ, с. 125.

⁴⁵ По определению Н. Л. Дювернуа, послух в отличие от свидетеля «участвует в деле как сама сторона» (Дювернуа Н. Источники права. . . , с. 397). Послух становится в определенное отношение к целому делу, а не к отдельному факту; его призывает одна из сторон, и он изъявляет добровольно желание стать за чье-то дело (там же, с. 391—392).

(ст. 18), то в Грамоте это посредствующее звено сведено до минимума. В этом нельзя не видеть результат дальнейшего развития феодальных по существу отношений внутри самой общины. Социальная однородность общины все больше разрушается, община все в большей мере теряет свои юридические функции, уступая их государственной власти.

Роль стоятеля за правое дело играет послух и в деле о тягчайшем оскорблении действием — повреждении бороды (ст. 117). В этом случае послуху также «крест целовати и битися на поли»; бой послуха с обидчиком решает судьбу иска — «послух изможет, — ино за бороду присудить два рубля, и за бои». Этот штраф — самое высокое денежное взыскание в ПСГ; он вдвое выше, чем штраф за избитие, разбой, наход или грабеж. Высокий размер штрафа соответствует нормам Правды, которая также расценивает подобное оскорбление как тягчайшее преступление. Это свидетельствует о том, что во времена ПСГ сохранилось высокое представление о чести свободного человека, свойственное раннефеодальному обществу. Еще важнее, что наказание за оскорбление в ПСГ, как и в Правде, не дифференцировано в зависимости от социального ранга оскорбленного. Эта черта свойственна и другим памятникам права XII—XIII вв. (договоры Новгорода и Смоленска с Ригой и Готским берегом). Первое упоминание о градуированном штрафе за оскорбление содержится в Уставе кн. Ярослава. Древнейшие списки этого Устава восходят к XV в., но первоначальная основа сложилась, вероятно, раньше. Я. Н. Шапов убедительно показал близость ряда статей Устава к Пространной Правде.⁴⁶ Однако статьи, содержащие дифференцированную оценку чести, едва ли могут восходить к XII в., к которому Я. Н. Шапов относит складывание архетипа Устава. Сильнейший аргумент против этого — отсутствие подобной оценки в памятниках, несомненно датированных XII и первой половиной XIII в. (договоры Новгорода с Готским берегом 1189—1199 гг. и Смоленска с Ригой 1229 г.). С другой стороны, уже во второй половине XIII в. мы видим деление новгородского общества на старейших и меньших,⁴⁷ что и могло привести к переделке текста Устава Ярослава. Во всяком случае Правосудие Митрополичье — памятник, вероятно, не моложе конца XIV в. — следует за Уставом Ярослава, воспроизводя в ст. 7 его ст. 2 о бесчестии.⁴⁸ Социальное деление свободных, обуславливающее резко дифференцированную оценку их чести, в XIV в. было уже прочно укоренившимся явлением. Двинская Уставная грамота 1397 г. обобщает принцип сословного деления: «Намѣстницы судят... по... отечеству безчестие» (ст. 2).⁴⁹ ПСГ, не знаящая такого деления, выглядит для XIV в. памятни-

⁴⁶ Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь... с. 291—292.

⁴⁷ Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова, с. 251.

⁴⁸ ДКУ, с. 86, 209.

⁴⁹ АСВР, III, № 7, с. 21.

ком архаическим. Отсутствие дифференциации охраны чести в ПСГ может отражать древность записанных норм, не подвергавшихся изменениям и, таким образом, отстававших от времени. Однако более вероятно, что это отсутствие социальных градаций, четко выдержанное во всех статьях ПСГ, соответствует реальному историческому явлению — запоздалому процессу феодального классовобразования в Псковской земле, отстававшей в этом отношении от Новгорода и Северо-Восточной Руси. Отсутствие таких градаций свидетельствует не только о древности, но и о живучести нормы, записанной в ст. 117, — псковское общество эпохи составления ПСГ еще не знало резкой социальной дифференциации.

Институт послушества известен переводным памятникам права, включавшимся в древнерусские юридические сборники — Мерило Праведное и Кормчую Книгу. Закон Судный Людем в обеих своих основных редакциях — Краткой и Пространной — содержит статью «О судьях и о послушѣх», устанавливающую точное число послухов — «въ великыя прѣя, от единого до 18, а не ниже сего, въ малыя прѣя до 7 и до трии послух, а не ниже».⁵⁰ Норма же ПСГ (один послух) сложилась, видимо, на основании обычного права, отразившего жизненную практику. В древнерусской Эклоге исходным пунктом зачала 15 «О послушѣхъ вѣрныхъ и невѣрныхъ и о недолжныхъ восприяти, и о пребывающихъ послушѣхъ далече», соответствующего титулу XIV византийской Эклоги, является особое положение послухов, принадлежащих к привилегированной верхушке общества. Мерило формулирует это так: «Послуши имѣюще ли санъ воинству, ли начинание, ли куплю, по приятью приятныи суть».⁵¹ Этот сословный подход к послухам, отражающий развитое феодальное право Византийской империи, не оказал никакого влияния ни на Русскую Правду, ни на ПСГ. В русском праве, подобный принцип появился только во второй половине XVI в.⁵² Нормы о послушестве ПСГ в сущности своей самостоятельны и не зависят от переводных памятников, получивших на Руси каноническое значение. Послухи ПСГ — это русский институт, имеющий отечественное происхождение и свое собственное развитие.

Если ст. [16] раскрывает содержание судебного процесса, то следующая ст. [17] посвящена вызову обвиняемого на суд, который производится через позовника: «А которой позовник поидет ища звати на суд. . .». Позовник — это либо княжой или псковский слугитель, либо частный человек, нанятый истцом (обвинителем) за свой счет (ст. [39] — «А княжой человек не поедет. . .

⁵⁰ ЗСЛП, с. 140.

⁵¹ МП, л. 186.

⁵² Приговор о губных делах 22 августа 1556 г. гласит: «А пошлетца ищел или ответчик на суде на боярина, или на дьяка. . . и тое правды не отставливати, как скажут, по тому и вершити без поля и без целованья» (ПРП, IV, с. 365).

или подвской, ино псковитину послать ис того волно ис тех же ездов»). Позовник привозит особый акт — позовницу, которая составляется княжим писцом или частным лицом, оплачивается пошлиной и в обязательном порядке запечатывается печатью княжой или псковской (троицкой) (ст. [41], [75] [76]). Весьма важно отметить, что позовник со своей позовницей появляется в определенном месте — на погосте, в церковно-административном центре той территориальной общины, к которой принадлежит обвиняемый. Именно здесь, на погосте у церкви, в присутствии своих соседей, обвиняемый должен познакомиться с позовницей.⁵³ Предполагается возможность уклонения обвиняемого от встречи с позовником и от чтения позовницы («. . . И той позваный не поидет на погост к церкви позывницы чести, или стулится от позывницы»). В этом случае позовница оглашается в его отсутствие — опять-таки на погосте «перед попом» и, очевидно, перед другими членами того же прихода-общины. Если после этого в течение 5 дней позванный не является на суд, на него истцу выдается «грамота на виноватого».⁵⁴ Вызов в суд по уголовному преступлению носит характер публичного акта, совершаемого перед лицом всей общины. Человека, подозреваемого в бое и грабеже, ставят сначала перед лицом его мира. Это, несомненно, древний обычай, восходящий корнями к временам, когда сама община судила суд. След такого суда сохранился в ст. 15 Краткой Правды: «Аже где възыщеть на друзе проче, а он ся запирати почнетъ, то ити ему на извод пред 12 человека».⁵⁵ Другой остаток общинного суда — закличь или заповесть на торгу (ст. 32 и 34 Пространной Правды), публичное объявление о пропаже, дававшее затем право явочным порядком изъять похищенное имущество и получить штраф «за обиду». Обращение к людям на торгу — это прежде всего обращение к членам своего территориального мира («в своем городе» — ст. 34 Правды). Торг, разумеется, не ярмарка, куда съезжаются случайные люди, а место, где повседневно встречаются члены мира — то же, что погост ПСГ.⁵⁶ Грамота предвидит, что по дороге в суд истец будет «мучить и бить» обвиняемого, может даже и убить его. Она категорически запрещает это делать, угрожая

⁵³ Суть здесь, конечно, в том, что погост — центр территориальной общины, а не в том, что это — «церковная площадь», как комментирует статью И. Д. Мартысевич (Мартысевич И. Д. ПСГ, с. 123).

⁵⁴ М. Ф. Владимирский-Буданов считает ее бессудной грамотой (Христоматия. . . , с. 158, примеч. 72). Но это едва ли так. Речь ведь идет не о споре об имуществе, а об обвинении в уголовном преступлении. Поэтому правы И. Д. Мартысевич, И. И. Полосин и А. А. Зимин, считающие, что это грамота о доставке ответчика на суд силой (Мартысевич И. Д. ПСГ, с. 147; Полосин, с. 69; Зимин, ПСГ, с. 345). В пользу такого понимания говорит также и палеографическое единство ст. [47].

⁵⁵ ПРП, I, с. 78. — Обширный, хоть и не полный свод мнений об этой статье см.: ПР, II, с. 105—109. Прав, мне кажется, А. А. Зимин, видящий здесь пережитки старинного общинного суда (ПРП, I, с. 91).

⁵⁶ ПРП, I, с. 111.

ответственностью за головшину. Перед нами — остаток древнего обычая сводить счеты с обидчиком своими силами.

В случае публичного избиения без грабежа судопроизводство значительно упрощается (ст. [18]). Вероятное место такого происшествия — «у торгу или на улицы во Пскове или на пригороде, или в селе на волости в пиру»; при этом, конечно, предполагается, что «тот бои многы люди видели в торгу или на улицы, или в пиру». В этом случае не требуется никакого послуха — достаточно, чтобы «ставши» перед господой «человеки 4 или 5, а ркучи слово: „того бих“». Нигде не сказано, что эти очевидцы идут роте или принимают присягу — они делают просто заявление о происшедшем факте. Виновник выдается «битому человеку», вероятно, в «рубли», как читает А. А. Зимин,⁵⁷ и платит князю продажу. Такая упрощенная форма суда вполне понятна — преступление совершено публично; необходимость в послухе, готовом стоять за своего истца, здесь поэтому отпадает. Это не нападение с целью отнятия имущества, а публичное оскорбление действием. Качество этого преступления и наказание за него не зависят от степени тяжести причиненных при этом телесных повреждений.

Древнейшее в русском праве упоминание об избиении — в Краткой Правде: «Или будеть кровав или синь надъражен, то не искати ему видока человеку тому; аще не будеть на нем знамени никотораго же, то ли приидеть видок. . .» (ст. 2).⁵⁸ Если пострадавший «себе не можеть мьстити», то он «за обиду» получает 3 гривны. Краткая Правда отличает это преступление как от особо тяжких оскорблений (удар батоном, жердью и т. п., вырывание бороды или уса — ст. 3, 4, 8—10), так и от телесных повреждений — увечий (ст. 5—7).⁵⁹ Пространная Правда развивает эту тему в ст. 29; она поясняет, что в случае отсутствия явных следов побоев видок должен говорить «слово противу слова»; она назначает особый штраф — 60 кун зачинщику («кто будеть почал»).⁶⁰ Договор Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. близок к Правде. Он отличает простое телесное повреждение от увечья — «Аще кто друга ранить, а хромоты на теле не будеть. . .» (вариант А — «. . . Аже будеть без века. . .»). За эти побои назначается штраф в полторы гривны серебра (ст. 3), а за увечье — 3 и 5 гривен (ст. 2).⁶¹ Таким образом, избиение как особый вид преступления и в Правде, и в близком к ней Смоленском договоре трактуется совсем не так, как в ПСГ. Статья «А придеть кровав муж» не знает общественного свидетельства о совершившемся избиении — взыскание с виноватого производится по показаниям потерпев-

⁵⁷ Зимин, ПСГ, с. 289. — В пользу такого чтения — ст. 120, присуждающая «за. . . боеви один рубль».

⁵⁸ ПРП, I, с. 77.

⁵⁹ Там же, с. 77—78.

⁶⁰ Там же, с. 110—111.

⁶¹ Там же, II, с. 59.

шего, подкрепляемым в крайнем случае словами его видока; место и обстоятельства преступления не играют роли.

В отличие от Правды ПСГ рассматривает бой как именно публичное избиение. Это преступление новое, не известное Правде. В ПСГ оно одно из самых тяжких — за него назначается рублевый штраф (ст. 120) — стоимость целого стада овец. По ст. 120 и истец, и ответчик могут быть коллективными: «сочить бою» могут «пять человек или десять, или сколко ни буди, на 5 или на одном боев своих». Речь идет о драке между участниками пира или о свалке на улице или на торгу. Нет сомнения, что такого рода явления бывали и во времена Правды. Однако княжой суд Правды не останавливается на них, рассматривая только случаи индивидуальных драк и телесных повреждений. Суд псковской общины вмешивается и в коллективные побоища, и в драки вообще независимо от их последствий. Усиление внимания к такому преступлению свидетельствует о росте значения государственной власти. Государственный суд судит теперь такие дела, которые раньше, во времена Правды, в поле зрения князя не попадали. Однако, если «кто с ким побьется. . . а толко приставом не позовутся, а промеж себе прощенье возмут», не будет никакого суда и «князю продажи нет» (ст. [73]). Следовательно, драка «во Пскове» или «на волости на пиру, или где инде» вызывает вмешательство властей и суд по ст. [18] не сама по себе, не как нарушение общественного порядка как таковое, а только по жалобе потерпевших. Драка «на пиру», «у торгу» может закончиться полюбовным соглашением — еще сильны старые традиции самостоятельного разбирательства взаимных претензий между соседями-сотрапезниками, членами одной общины, без апелляции к государственной власти. На суде по этому преступлению решающее значение имеют показания прямых свидетелей происшествия. Если дело было на улице или на торгу — свидетелями могут быть и посторонние люди. Но едва ли это совершенно случайные, никому не ведомые прохожие. Скорее всего, как и в ст. [47], где речь идет о купле на торгу и тоже выставляются «человек 4 или 5», от свидетелей требуется быть людьми добрыми, т. е. иметь известную репутацию. Этот суд по слову добрых людей — остаток того общинного суда, суда самих добрых людей, который когда-то решал подобные вопросы сам, без участия княжеской власти.

Пережитком такого суда является и суд братчины, о котором говорит ст. 113.⁶² Смысл этой статьи не вполне ясен, едва ли можно ее понимать как предоставление права суда обществу «пирующих складчину».⁶³ Братчина и пир — тесно связанные между собой

⁶² «А братьщина судить как судья».

⁶³ Мартысевич И. Д. ПСГ, с. 191. — По его объяснению, «братьщина» — «группа соседей, объединившихся с целью организации в складчину общественных пирушек» (там же, с. 196). Можно согласиться с И. Д. Мартысевичем, что братчины следует рассматривать как пережиток старины, но не «родоплеменных отношений», как он считает (там же, с. 118), а дофеодальной

категории. Пространная Правда прямо связывает пир с территориальной общиной: «. . . Оже будеть убил. . . в пиру явлено, то тако ему платити по верви. . .».⁶⁴ Пир хорошо известен памятникам XIII в. Поучение новопоставленному священнику, включенное в русскую Кормчую, считает присутствие попа на пиру нормальным явлением — он только не должен ходить на пир «не зван». Пир сам по себе никакого осуждения не вызывает; однако в пиру могут быть «позоры» — игры и зрелища, на них-то как раз и не должен присутствовать поп.⁶⁵ Это свидетельство языческого, а следовательно, и дофеодального происхождения пира. Владимирский собор 1274 г. говорит о «позорах» определеннее — «позоры нѣкакы бесовския. . . с свистаниемъ и с кличемъ и с въплемъ, съзывающе нѣкы скарѣдныя пѣяница, и блючюся дрекольѣм до самыя смерти, и взимающе от оубиваемых порты».⁶⁶ Собор запрещает «бесовские позоры», однако тоже ничего не говорит о пирах как таковых. «Позоры», а следовательно, и пиры бывают «в божественные праздники» — дофеодальные обычаи вплетаются в жизнь приходской церковной общины XIII в. Жалованные иммунитетные грамоты XV в. включают в качестве одного из обязательных элементов запрещение ездить на пиры и братчины незваным. Предполагается, что появление чужих людей на братчине-пире может привести к «гибели» — убытку и правонарушению. Ответственность за это целиком и безоговорочно возлагается на незваного гостя, с которого «гибель» и взыскивается в двойном размере.⁶⁷

«Пировой староста» по ст. [25] — ответственное лицо на пире, которому необходимо в первую очередь сделать явку в случае каких-либо недоразумений. Все это приводит к мысли, что братчина и пир — важные социальные институты. Члены братчины и «пивцы» ст. [25] — это не случайные сотрапезники и не просто сторонние люди, о которых та же статья говорит выше. На пиру сторонних людей нет. Пивцы, возглавляемые пировым старостой, принадлежат к одной и той же общине. Судя по всему, это территориальная соседская община сельчан или уличан, совпадающая с церковным приходом (отсюда и реальность присутствия на пиру попа). Такая братчина и наделяется по ст. 113 судебными функциями. Эти функции, надо полагать, распространяются на дела, связанные с мелкими ссорами на пиру до тех пор, пока эти ссоры не перерастают в драку, о которой говорят ст. [18] и 120 (вспомним побоище «дрекольем» из определения Владимирского со-

демократии. И. Д. Мартысевич предложил и другое объяснение термина «братчина» — «это объединение ремесленников, носившее производственный, профессиональный характер» (Мартысевич И. Д. Общественно-политический строй и право. . ., с. 26).

⁶⁴ ПРП, I, с. 109.

⁶⁵ РИБ, VI, стб. 104.

⁶⁶ Там же, стб. 95.

⁶⁷ См., например: АСВР, I, № 315, с. 225.

бора).⁶⁸ Как видно из самой ст. [25], дела о татьбе также не подлежат суду братчины. Этот суд, рассматривающий второстепенные, малозначительные тяжбы, — не более чем остаток древнего суда общины.

Ст. 116 о суде по частному обвинению в поджоге без явных улик («А кто зажог на ком учнет сочит, а долики ни каковы не будет. . .») может быть сопоставлена с соответствующими статьями Пространной Правды. Ст. 22 Пространной Правды говорит о доказательствах по обвинению, «оже не будет лица». Система этих доказательств зависит от тяжести обвинения: при стоимости дела от полугривны золота и выше проводится испытание железом («дати ему железо из неволи»), при иске от 2 гривен кун и выше — испытание водой, при иске менее 2 гривен — «роте ему ити по свое куну». Эта же норма в общих чертах содержится и в ст. 87 («Аже иметь на железо по свободных людии речи. . .»). В отличие от Правды ПСГ испытаний железом и водой не упоминает. Следовательно, ст. 22 и 87 Правды для интерпретации ст. 116 ПСГ привлечены быть не могут. В случае отсутствия улики в тяжчайшем преступлении, за которое следует смертная казнь, назначается вольная рота. Что это такое?⁶⁹ Термин «вольная рота» упоминается в ПСГ дважды — при иске о татьбе (ст. [25]) и в настоящем случае. Кроме того, в ст. [95] говорится о «судней роте» («А которой истец на судней роте не станет, — ино ему заплатит без целованья. . .»). Во всех остальных случаях, когда речь идет о присяге, ПСГ называет ее «правдой» или «целованием». В 19 случаях ПСГ говорит о целовании (ст. [6], [13], [14], [19], [20], [26], [46], [47], [53], [86], [88], [89], [98], [101], [102], [103], [104], 114, 117), в 10 — о правде (ст. [36], [42], [46], [47], [48], [91], [92], [101], [103], [110]), причем в четырех случаях целование и правда упоминаются в одной и той же статье явно как синонимы. По-видимому, «целовать» крест и «правда дати» — это одно и то же, или во всяком случае разница между этими понятиями для нас неуловима. Целование креста подразумевает готовность биться на поле — об этом прямо говорится в семи случаях (ст. [8], [13], [14], [26], [89], [104], 117). Кроме этих случаев поле упоминается дважды — в ст. [16] (иск о бое и грабеже по пововнице) и в ст. [97] (о торговле и поруке). Упоминание о поле в ст. [18] сводится к казусу ст. [16],

⁶⁸ И. Д. Мартысевич считает, что драки на пиру тоже судятся братчиной (Мартысевич И. Д. 1) ПСГ, с. 116; 2) Общественно-политический строй и право. . ., с. 26). Но этому противоречит ст. [18].

⁶⁹ И. Е. Энгельман относит вольную роту к очистительной присяге (Энгельман И. Систематическое изложение. . ., с. 149); М. Ф. Владимирский-Буданов видит в вольной роте «вольную присягу», не поясняя, что это такое (Христоматия. . ., с. 189; примеч. 238); по мнению И. Д. Мартысевича, вольная рота применялась в случае отсутствия других улик и освобождала обвиняемого от подозрения (Мартысевич И. Д. ПСГ, с. 128); только Н. Л. Дювернуа заподозрил отличие «роты вольной» от присяги, хоть и не смог его обосновать (Дювернуа Н. Источники права. . ., с. 404—405).

в ст. [27] — к казусу ст. [26]. Возможность поединка как прямого следствия принятия присяги, вероятно, предполагается и в других случаях. Только в одном случае — в ст. [19] — целование креста заведомо отделяется от поединка. Такой же индивидуальной обязательной по суду присягой является судная рота ст. [95].

В отличие от всех этих случаев вольная рота — присяга, но присяга особого рода. Это не присяга по суду, даваемая истцом или его послухом перед поединком, а добровольная присяга группы лиц, напоминающая послушество 7 послухов ст. 18 Пространной Правды. Для того чтобы человек, подозреваемый в «зажоге», мог оправдаться, он должен найти ротников-добровольцев, способных взять его на поруку. К мысли, что вольная рота именно такая очистительная присяга-порука целого коллектива, приводит ст. [25] (34, 35), запрещающая такую присягу в случае тайного похищения имущества и предписывающая вместо этого индивидуальную присягу подозреваемых. Очистительная присяга коллектива несомненно архаична по существу — она отражает след древних правовых воззрений, восходящих к эпохе, когда община несла полную ответственность за своего члена и в свою очередь гарантировала ему правовую защиту. Ст. 116 свидетельствует о сохранении во времена ПСГ реликтов таких отношений, роднящих общество ПСГ с обществом Пространной Правды, она как бы накладывается на ст. 18 Правды (обвинение в убийстве) и служит ее продолжением применительно к обвинению в другом тягчайшем преступлении — поджоге.⁷⁰

Говоря о княжом суде, ст. [1] ПСГ относит к его компетенции прежде всего дела о похищении имущества:

«Оже кель пократут за зомком
или сани под полстью
или воз под титягою
или лодью под полубы,
или въ яме
или скота украдают
или сено сверху стога имать,
то все суд княжой, а продажи 9 денег».

Итак, первая часть статьи представляет собой перечень семи преступлений, подлежащих княжому суду и наказываемых одинаковой продажей. По существу это разные случаи кражи из помещения. Как рассматривает подобные преступления Русская Правда? Ст. 40 Пространной Правды допускает возможность убийства татя в момент совершения преступления, при этом особо подчеркивается убийство «у кyeti» («Аже убийють кого у кyeti или

⁷⁰ Речь идет о поджоге без злого умысла, о котором говорят тексты Закона Судного Людем Пространной редакции (ЗСЛП, с. 141—142), восходящие к гл. 41 титула XVII греческого текста Эклоги (с. 72), соответствующей гл. 32 зачала 17 древнерусского перевода (МП, л. 193).

у которое татбы, то убийють во пса место».⁷¹ Краткая Правда формулирует эту норму несколько иначе: «Аще убьють татя па своєм дворе, любо у клети, или у хлева, то той убит» (ст. 38).⁷² Здесь в качестве наиболее вероятного места преступления рядом с клетью поставлены двор и хлев. В основе этого постановления лежит, по-видимому, древняя норма, отразившаяся еще в ст. 6 русско-византийского договора 911 г.: «Аще украдетъ . . . и ят будетъ в том часе тать, егда татбу сътворить, от погубившаго что любо, аще притовитись татьбу творяи, и убьен будетъ, да не взищеться смерть его».⁷³ Но та же ст. 40 Правды далее требует «. . . аже ли и додержатъ света, то вести на княжь двор» и категорически запрещает самосуд в этом случае. Следовательно, тать, застигнутый на месте преступления (и прежде всего у клети), в принципе подлежит княжескому суду, если только есть возможность связать его («. . . а уже будутъ людие связана видели»). Норма ПСГ «оже клетъ покрадут за зомком. . . суд княжои» по существу воспроизводит норму ст. 40 Правды без упоминания, однако, возможности убить татя «во пса место» и без санкции за самосуд. Ст. 41 Пространной Правды рассматривает в качестве особого преступления «аже крадетъ кто скот в хлеве или клетъ». За это такое же наказание, как и по ст. 43 («аже крадетъ гумно или жито в яме»), и втрое большее, чем по ст. 42 («аже крадетъ скот на поли»).⁷⁴ Таким образом, развивая нормы ст. 38 Краткой Правды, Пространная Правда уравнивает разные случаи татбы из закрытого помещения (кража со взломом) и противопоставляет их краже неохраняемого имущества. Текст ПСГ, приравнивающий татбу из клети под замком татбе из ямы или краже скота, отражает те же нормы Правды, данные, однако, в краткой формулировке и в другом контексте. К трем случаям татбы из помещения, рассматриваемым в Правде, Грамота добавляет, как мы видели, еще четыре: сани под полстью, воз под титягою, лодью под полубы, сено сверж стога. Правда тоже знает кражу сена, измеряемого возами (ст. 82), однако эта кража не приравнивается к краже из помещения: если татба из хлева, клети, гумна или ямы наказывается продажею в 3 гривны и 30 кунами судебных пошлин, то за сено платится 9 кун.⁷⁵ Кража лодьи наказывается по ст. 79 довольно высокой продажей (60 кун, а за морскую — 3 или 2 гривны),⁷⁶ но здесь идет речь о краже лодьи целиком, а не о краже из лодьи какого-то имущества. Ст. [1] ПСГ оказывается связанной с соответствующими нормами Пространной Правды не текстуально, а по существу. Выделяя кражу из помещения как особо тяжкое преступление, подлежащее суду высшей государственной власти, ПСГ следует

⁷¹ ПРП, I, с. 112.

⁷² Там же, с. 80.

⁷³ Там же, с. 7.

⁷⁴ Там же, с. 112.

⁷⁵ Там же, с. 117.

⁷⁶ Там же, с. 116.

в сущности за Правдой, также выделяющей подобного рода казусы. Но ПСГ не воспроизводит старого текста Правды ни непосредственно, ни в переработанном виде. Грамота добавляет несколько новых случаев такой кражи, соединяет все эти случаи вместе и в то же время отличается от Правды крайней сжатостью изложения. Продажа за кражу из помещения по ст. 41 и 43 Правды составляет стоимость княжеского коня или 30 овец (по ст. 45 Правды). В ПСГ продажа за аналогичные преступления меньше стоимости одной овцы (10 денег по ст. [110]), т. е. ниже по крайней мере в тридцать раз. Чем объясняется такая резкая разница? Возможно, княжая продажа назначена умышленно низкой — псковские власти не были заинтересованы в обогащении князя. Однако можно предложить и другое объяснение.

Денежные платежи в ПСГ выглядят так:

Статья	Назначение	Размер
[1] (1, 2)	князю продажа	9 д. 19 д. 4 д. 70 гр.
[7] (12)	за разбой, наход, грабеж	10 д.
[21], [22] (30)	князю, посаднику и сотским подсудничье	1 р.
[24] (33)	максимум ссуды без залога	1 р.
[27] (37)	максимум ссуды по поруче	12 д.
[39] (49)	приставам при поле	6 д.
	приставам при поле (если помирился)	1 д. с 10 верст
[50] (58)	езд приставам	1 р.
	князю за оскорбление суда	10 д.
	подверникам за то же	1 д. двоим
[50] (59)	подверникам с суда	1 д. с 10 верст
[55] (64)	езд приставам	2 д. с 10 верст
[56] (65)	езд приставам на татбу	1 р.
[75] (82)	княжюму писцу:	5 д.
	1) от судницы о земле,	по 1 д.
	2) от позовницы, печати, бессудной и приставной	1 д.
[77] (83)	от грамоты за рубеж	1 д.
	печать	1 р.
[93] (96)	князю на головниках продажа	1 р.
[109] (111)	за драку на суде	1 р.
		потерпевшему и продажа
[110] (112)	{ боран } государю	{ 6 д.
	{ овца }	{ 10 д.
		{ 3 д.
[111] (112)	{ судье } гусак	{ по 2 д.
	{ } гусыня	
	{ } утица	
[112] (112)	{ } селезень	
	{ } кур	
	{ } кокошь	
117	за бороду	2 р.
120	за бой	1 р.
		и продажа

Как показывает шкала денежных взысканий ПСГ, продажа в 9 денег не является сама по себе непропорционально низкой: она вписывается в эту шкалу, будучи соизмерима с полевыми поплинами. Эта продажа только в 2 раза ниже, чем продажа за такое тяжелое преступление, как разбой. Таким образом, продажа за квалифицированную татьбу низка не сама по себе, не по масштабам ПСГ, а только в сравнении с соответствующей нормой Правды. Но уголовные штрафы Правды вообще во много раз выше соответствующих штрафов Грамоты. Это общее явление имеет, надо полагать, общее объяснение. Корни его — в разности социальных масштабов обоих памятников. Если княжеская Правда в своих уголовных статьях охраняет прежде всего крупную привилегированную собственность — собственность и права феодалов, то Грамота имеет дело преимущественно с другой социальной средой — с мелкими и средними собственниками города и деревни. Отсюда и внимание к деталям быта (сани под полстью, воз под титягою), и мелкий масштаб самих преступлений (крадут не ладюю целиком, как в Правде, а, забравшись в нее, что-то извлекают из-под палубы); отсюда, вероятно, и относительно низкая оценка самого преступления — продажа, стоимостью в овцу. Статья о татьбе из помещения ПСГ по существу своему близка к соответствующим статьям Правды. Вечевоу закон дает только другую редакцию уже известных постановлений — применительно к особенностям Псковской земли.

Существенное новшество в подходе к татьбе как преступлению содержится только в ст. [5] (7—8). Здесь вводится понятие об особо опасных видах этого преступления, к которым наряду с коновой, известной и Правде, отнесена татьба в Крому. Здесь же впервые сформулировано понятие о тате-рецидивисте: «. . . Двожды е пожаловати, а изличив казнити по его вине, и в третий ряд изличив, живота ему не дати. . .». Татьба на посаде, обыкновенная татьба, не приравливаемая к государственному преступлению, отличается от него, однако, только количественно. Принципиальной разницы между этими преступлениями нет. Такой нормы не знает Правда. Нет сомнения, что тати-рецидивисты существовали и в ее времена, однако, по-видимому, смерти они не предавались. Можно предположить (по аналогии с коновым татем и зажигальником), что высшей мерой наказания для них был тот же поток и разграбление.

Рассматриваемую нами статью можно сравнить и с гл. 40 титула XVII Эклога (в Мериле — гл. 36 зачала 17 «О крадущихъ на хосу»). В византийском тексте речь идет о краже военного имущества в укрепленном лагере или на походе (δ κλέπτων ἐν φρουρᾷ ἢ τοῖς ἐπεδίτῳ).⁷⁷ Древнерусский перевод Мерила говорит о краже «на хусъ».⁷⁸ «Хуса» в древнерусском языке —

⁷⁷ Ecloga, p. 43. — «Ворующий в лагере или в походе» (Эклога, с. 69).

⁷⁸ МП, л. 193 об.

набег, разбой.⁷⁹ Из двух терминов византийского бригинала переводчик Мерила выбирает один и тем сужает значение и смысл всей статьи, лишая ее альтернативного характера. Текст о краже военного имущества и по существу, и редакционно противопоставляется в Эклоге тексту о краже вообще — об этой краже говорит следующая, 11-я глава XVII титула (гл. 37 зачала 17). Эта последняя глава и находит аналогию в ст. [5] (8) ПСГ. Можно отметить даже текстуальную близость: греческий текст $\acute{\omicron} \kappa\lambda\epsilon\pi\tau\omega\upsilon\iota\iota\epsilon\upsilon \epsilon\upsilon \epsilon\tau\epsilon\rho\omega\tau\omicron\upsilon\tau\omega \tau\eta\varsigma \text{ πολιτείας}$,⁸⁰ буквально переведенный в Мериле «крада на иномь мѣстѣ града. . .»,⁸¹ выглядит в ПСГ так: «Что бы и на посаде, но крадется. . .». «Иное место» Эклоги значит не в лагере, не среди воинов. По аналогии с Эклогой ПСГ противопоставляет крепость-кремль посаду. Посад по отношению к Кромю, о котором в ПСГ идет речь выше, в первой части той же ст. [5] (7), и есть «иное место» ($\acute{\epsilon}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma \tau\omicron\pi\omicron\varsigma$) вечевого города-государства. Близок и дальнейший текст: и в Эклоге, и в ПСГ речь идет о возможности рецидива. Однако тут же — и существенное отличие псковского закона от византийского.

Эклога различает два возможных случая. Если вор — человек свободный и состоятельный ($\epsilon\lambda\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\omicron\varsigma \epsilon\sigma\tau\iota \kappa\alpha\iota \epsilon\delta\omicron\rho\tau\eta$ или «аще свободенъ есть и может на оустройство оукраденаго», по терминологии Мерила), — он возвращает владельцу двойную стоимость краденого («по семь оукраденаго цѣну да подастъ», как переводит Мерило), если же вор — неимущий ($\epsilon\iota \delta\epsilon \acute{\alpha}\pi\omicron\rho\omicron\varsigma \epsilon\sigma\tau\iota$ — «ли не имовитъ ёсть»), — то он подвергается телесному наказанию и изгнанию ($\tau\upsilon\pi\tau\epsilon\sigma\theta\omega \kappa\alpha\iota \epsilon\acute{\epsilon}\sigma\omicron\rho\iota\zeta\epsilon\sigma\theta\omega$ или «да биень и заточень будетъ», по переводу Мерила, хотя правильнее было бы «поточен»). При рецидиве вору отсекают руку ($\chi\epsilon\iota\rho\omicron\kappa\omicron\mu\epsilon\iota\sigma\theta\omega$, что переводчик Мерила понимает как «биень да оубѣкнуть ему руцѣ»).⁸² Эта норма выглядит в ПСГ совсем иначе. Во-первых, вечевой закон не знает никакой социальной и имущественной дифференциации. Во-вторых, он не назначает точно наказания, а устанавливает общий принцип — «изличив казнити по его вине», что, вообще говоря, не исключает возможности и двойного штрафа. Наконец, закон считает реально возможным двукратный рецидив, влекущий за собой смертную казнь: «. . .И в третии ряд изличив, живота ему не дати. . .». Таким образом, принимая ситуацию, предложенную Эклогой или ее древнерусским переводом в Мериле, ПСГ решает ее совсем по-другому, по-своему, вне какой-либо осязаемой зависимости от византийского авторитета. Создается впечатление, что статьи Эклоги были известны псковскому кодификатору. В пользу этого говорит слишком уж большое сходство исходных положений и

⁷⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стб. 1423.

⁸⁰ Ecloga, p. 43.

⁸¹ МП, л. 193 об. — Е. Э. Липшиц переводит «Ворующий в другом месте государства. . .» (Эклога, с. 69).

⁸² Ecloga, p. 43; МП, л. 193 об.

самой конструкции гл. 10 и 11 титула XVII (гл. 26 и 27 зачала 17) со ст. [5].⁸³ Но становится очевидным, что для этого кодификатора статьи Эклоги были только отправной точкой, только рамкой, в которую он вкладывал свое содержание, исходя из реальной социальной действительности вечаго города-земли. Существенная разница в нормах Эклоги и ПСГ отражает разницу в общественном укладе Византии и Руси. В русском законе бросается в глаза отсутствие угрозы телесных наказаний и — что еще более важно — отсутствие дифференциации юридических норм для имовитых и немовитых. Обе эти черты понятны в общем контексте вечаго законодательства. Его объект — свободные мужи-псковитины, формально равноправные члены городской общины. Процесс социального развития не успел еще расколоть это древнее равноправие, заменив его феодальным разноправием.

Татьба — тайное похищение имущества. Специфика этого преступления в том, что при его совершении в принципе не может быть свидетелей. Этим определяются особенности следствия и суда по делам о татьбе. Ст. [25] (34—35) устанавливает общие нормы этого суда. Человек, обнаруживший пропажу вещи, должен прежде всего сделать об этом объявление — «явить старостам, или окольным суседом, или иным сторонним людем». Одна из типических ситуаций для татьбы — пир; в этом случае «и пировому старосте, или пивцам явити». Явка — исходный момент для следствия; после этого следует приведение к роте того, кого пострадавший подозревает — «весть ему к роте, на кого ему не любовь». Статья содержит негативную формулировку — «а псковитину. . . волости во Пскове на волную роту не взяти». Вместо пропущенных 7—8 знаков И. Е. Энгельман предлагает текст «всех суседов из села на».⁸⁴ Техническая невозможность такой реставрации отмечена М. Ф. Владимирским-Будановым, не предложившим, однако, своего чтения.⁸⁵ А. А. Зимин читает «человека из»⁸⁶ и понимает этот текст так: «. . . И пскович [человека из] (псковской) волости, (подозреваемого в воровстве), во Пскове к добровольной присяге не приводит: ему (следует человека), которого он подозревает (в воровстве), привести для присяги к церкви, расположенной (в местности), где произошла кража».⁸⁷ Таковы взгляды исследователей. В палеографическом же отношении текст ст. [25] (34—35) либо представляет собой одну статью, либо может быть разделен после слов «или пивцам явити»: здесь стоит точка, а далее следует

⁸³ Можно предположить, что кодификатор ПСГ был знаком с подлинником Эклоги: в отличие от автора перевода в Мериле, он правильно понял гл. 10 титула XVII как кражу в военном лагере-крепости, а не только в походе («на хусь»).

⁸⁴ Э н г е л ь м а н И. Систематическое изложение. . . , с. 159.

⁸⁵ Христоматия. . . , с. 161—162, примеч. 87.

⁸⁶ Зимин, ПСГ, с. 291.

⁸⁷ Там же, с. 308—309. — В интерпретации текста А. А. Зимин следует за И. Д. Мартысевичем (ср.: Мартысевич И. Д. ПСГ, с. 153).

буква «а» («А государю пировому»), похожая на малую прописную. Во всяком случае текст о церкви никак не может быть выделен в самостоятельную статью.

В понимании И. Д. Мартысевича и А. А. Зими́на вольная рота — это добровольная присяга одного человека, подозреваемого в татьбе. В таком случае между вольной ротой и просто ротой нет никакой разницы. И. Е. Энгельман понимает этот текст иначе: «При этом не должно приводить к присяге всех жителей какого-нибудь села, а только тех, на которых истец именно объявит подозрение».⁸⁸ При таком объяснении вольная рота оказывается обязательной присягой всех жителей села для снятия с себя обвинения в татьбе, и становится непонятным, почему такая рота называется вольной. Мне кажется, этому тексту можно дать и другое объяснение. Вольная рота — присяга действительно добровольная, т. е. не обязательная для присягающих и не вызывающая в случае отказа от нее никаких тяжелых последствий, в частности признания татем. Это такая присяга, которая дается не за себя, а за кого-то другого, подобно целованию креста послухом (ст. 117: «А кто у кого бороду вырветь, а послух опослушествует, — ино ему крест целовати. . .»). Отказ послуха от целования креста, т. е. от послушества, лично ему никакого вреда принести не может — он не является стороной в процессе. В этом — логика выставления послуха, лица непосредственно не заинтересованного, но стоящего за правое дело. Древнее право знает случаи, когда коллективная присяга (разумеется, добровольная, и незаинтересованных лиц) освобождает от подозрения в преступлении. Так, по ст. 18 Пространной Правды 7 послухов «выведают виру» — снимают подозрение в убийстве. Если же «искавшие ли послуха [и] не налезутъ», то подозреваемый подвергается испытанию железом. Этот принцип во времена Правды распространялся и на другие случаи — «такое же и во всех тяжах, в татбе и в поклече» (ст. 22).⁸⁹ Смысл толкуемого места ст. [25] я вижу в том, что теперь эта вольная рота — очистительная присяга коллектива — отменяется и заменяется индивидуальной ответственностью конкретных лиц, подозреваемых в краже. Этим лиц ведут к роте, но не вольной, а судной, отказ от которой равноценен безоговорочному признанию себя татем: «А которои истец на судней роте не стапет, — ино ему заплатит без целованя; а цена ему, что искали на нем» (ст. [95]). Negативная формулировка свидетельствует о распространенности отменяемого обычая. Еще недавно псковитини, обокраденный где-нибудь на волости, должен был иметь дело с целым коллективом соприсяжников, гарантировавших невиновность подозреваемого в татьбе. Теперь эта гарантия перестает действовать. Если так,

⁸⁸ Энгельман И. Систематическое изложение. . . , с. 158. — Так же понимает этот текст и И. И. Полосин: «Потерпевший приводит к присяге, но не всех, а только подозреваемых» (Полосин, с. 72).

⁸⁹ ПРП, I, с. 110.

то ПСГ делает важный шаг вперед по сравнению с Правдой в сторону усиления личной ответственности перед судебными властями. Но это означает вместе с тем соответственное ослабление того коллективного, в основе своей общинного начала, которое отразилось в ст. 18 и 21 Правды (в отличие от Правды ПСГ сохраняет вольную роту только в делах о зажоге (ст. 116)). Вторая часть ст. [25] (от слов «также»), насколько можно понять из дефектного текста, распространяет это правило и на случай кражи у пригороджанина или селянина-псковитина. Подозреваемый в краже ведется к роте (судебной), «где татба учинилася», а не вызывается со своими сорисьяжниками к месту жительства пострадавшего. Это важное добавление — оно свидетельствует об уравнивании в правах членов псковской и пригородской общин.⁹⁰

Судная рота должна привести к установлению личности татя. Но это еще не конец дела. Надо найти краденое. «А татю веры не нять; а на кого възклеплет, — ино дом его обыскать; и знаидуть в дому его что полишное, и он тот же татя, а не найдут в дому его, и он свободен» (ст. [51] (60)). Отсюда необходимость обыска в доме человека, непосредственно в татбе не замеченного, но привлеченного к делу по показаниям татя. Для этого деликатного поручения необходимы приставы. Иск о татбе начинается с явки (по ст. [25] «... старостам, или окольным соседом, или иным сторонным людем. . . пировому старосте, или пивцам»). Согласно ст. [40] (49), полномочия пристава может получить не только официальный представитель князя (княжой человек) или псковских властей (подвойский), но и всякий доброволец, согласившийся исполнять обязанности пристава за определенное законом вознаграждение. М. Ф. Владимирский-Буданов понимает текст «ино псковитянин может послать ис того волно ис тех же ездов» так: «Псковитянин может послать кого угодно за те же прогонь».⁹¹ Такого же мнения и А. А. Зимин. В его переводе «пскович может послать (кого-либо другого) за те же путевые пошрины».⁹² Однако ст. [48] (57) указывает, что пристав берется «у князя или у посадника». Пристав не частное лицо, а человек, получивший соответствующие полномочия от государственной власти. Я думаю, что между ст. [40] и [48] нет никакого противоречия: частное лицо, согласившееся ехать на приставное, должно быть на это уполномочено князем или посадником и получить таким путем официальный статус. Та же ст. [48] требует, чтобы приставы были «люди добрые неизменны», — пристав должен во всяком случае иметь хорошую репутацию. Это, конечно, относится в первую очередь к тем, кто согласно ст. [40] добровольно берет на себя обязанности пристава,

⁹⁰ И. И. Полосин верно уловил в ст. 34, что «между Псковом и пригородом, между Псковом, пригородом и волостью обозначились какие-то противоречия» (Полосин, с. 72).

⁹¹ Христомагия. . . , с. 167, примеч. 110.

⁹² Зимин, ПСГ, с. 311.

не принадлежа к числу подвойских. Задача таких приставов — «где будет татба, обыскивати».

Но вот посланные князем и посадником приставы вернулись обратно ни с чем, не выполнив своей задачи: «Приехали есмы на двор татбы обыскивати, — и тот человек (хозяин, — Ю. А.) нам не дал обыскивати, и в хоромы нас не пустили, и з двора согнали» (ст. [48]). Обвиняемый в таком самоуправстве хозяин двора заявляет, что «у мене, господо, теи приставы не бывали» или «были тои есть у мене те пристави, а яз есми им хоромы отворял, и они мене не обыскивачючи, да сами з двора збежали, а тым мене згонением облыгают». Князь и посадник спрашивают приставов: «Есть ли у вас исправа какова на том, пред ким вас тот человек з двора согнал?». В этом случае приставы должны «поставит люди человека 2 или 3». Показания этих людей решают исход дела. Если только «. . . ты люди, став на суде, рекут, как право пред богом: „пред нами тот человек тех приставов с двора согнал, а обыскивати им не дал“, — ино тым приставом правда дати, а тот человек в татбе. . .». Если же таких людей приставы не найдут (в дефектном тексте явный пропуск), то «тии пристави не в пристави, а тот татбы своеи не доискалъся, чии таковыи пристави».⁹³ Приставы, однако, далеко не всегда проявляют подобную нерешительность, точнее, недобросовестность. «А которой человек с приставом приедет на двор татя имать. . . а жонка в то время деля выверже, да пристава учнет головшинной окладати. . .» (ст. [94], (98)). На этот раз пристав и истец, видимо, силой ворвались на двор, произошел скандал, потасовка с хозяином и членами его семьи, что и привело к драматическому исходу и к обвинению пристава в убийстве. В этой ситуации закон берет пристава под защиту — «ино в том головшины нет». Зато насильственный захват имущества при обыске рассматривается как грабеж (ст. [58] (67)).

Однако в ст. [48] и [94] не только разная житейская ситуация, не только разная степень служебного рвения и твердости характера приставов, но и, надо полагать, разное социальное лицо подозреваемого, подвергаемого унижительной процедуре обыска. Если в первом случае перед приставами сильный и властный дворовладелец, хозяин хором, имеющий реальную возможность согнать приставов со двора даже без помощи соседей, то злополучный персонаж ст. [94] такими возможностями не располагает. Они формально равноправны, но тянут, как видно, к разным уровням расслаивающейся городской общины — к имовитым и неимовитым, выражаясь языком Мерила Праведного. Так обыск татбы дает возможность увидеть определенный срез псковского общества.

Обыск татбы — не простое и даже не всегда безопасное дело. При исполнении своих обязанностей приставы могут встретиться

⁹³ «Отбитие» пристава, видимо, не редкое явление. Об аналогичном случае говорит Полицкий Статут (ст. 72а) — отбивший подлежит отбойному штрафу (Г р е к о в Б. Д. Полица, с. 260—261).

в зависимости от конкретной ситуации с открытым сопротивлением, могут подвергнуться оскорблениям и обвинениям задним числом. Для обеспечения своей деятельности приставы должны обязательно опираться на людей (очевидно, местных «окольных соседей»), в сомнительном случае от показаний этих людей зависит судьба иска. Истец, по чьей просьбе были посланы приставы, несет определенную ответственность за их действия. Так переплетаются черты частного иска за свой страх и риск, предпринимаемого истцом, и следствия, проводимого органами государственной власти. Пространная Правда поиска татя и краденого целиком предоставляет самому потерпевшему. Именно к нему обращается ст. 35 этого памятника: «Кто познает свое. . . не рци и: се мое, но понди на свод, кде есть взял». ⁹⁴ Основа следствия по делам о татьбе в Правде — процедура свода — осуществляется самим потерпевшим (ст. 36—39); только в особом случае, когда речь идет о поимке беглого холопа, истец обращается за помощью к властям и получает от них «отрока» (ст. 114). ⁹⁵ Требуя обязательного участия официального представителя власти в делах о татьбе, ПСГ тем самым свидетельствует о дальнейшем росте функций этой власти, о дальнейшем развитии феодального по своей сущности государственного аппарата.

Усиление влияния феодального государства чувствуется в ПСГ на каждом шагу. «Человек» не может защитить ни свою личность, ни свое имущество, ни наказать вора, не обратившись к «князю и посаднику» — этому дуалистическому главе вечевой земли. Общинные связи и отношения, не зависящие непосредственно от государственной власти, теперь (в отличие от эпохи Правды) уже не способны гарантировать права человека. Значение родственных и соседских связей продолжает неуклонно сокращаться по мере развития феодального государства, по мере феодального перерождения общины. Именно об этом свидетельствуют статьи ПСГ о головшине, татьбе и разбое.

⁹⁴ ПРП, I, с. 111.

⁹⁵ Там же, с. 111—112, 120.

Суд о соблюдении, ссуде, закладе и поручке

Если Русская Правда сосредоточивает свое внимание на уголовных делах, то в ПСГ центральное место занимают дела гражданские — имущественные сделки и споры о них. Статьи Грамоты, говорящие о движимом имуществе, рисуют реальную жизненную ситуацию и вводят в круг повседневных забот псковитина (ст. [9]—[11] (14)). Согласно первой из них, если после смерти владельца имущества окажется, что на вещь, взятую им в долг или на соблюдение, нет заклада и записи, а есть только старинная «доска»¹ и этот долг покойного не упоминают в его «рукописании», наследники по завещанию (приказники) такой долг возвращать не обязаны и суд не принимает иска к ним. По ст. [10], только имея на руках запись или заклад, можно искать долг на наследниках-приказниках. По ст. [11] это правило в свою очередь распространяется и на приказников: если у них нет ни заклада, ни записи, они не могут искать ничего — ни ссуды, ни торговли, ни соблюдения. Перед нами целый комплекс категорий, впервые упоминаемых в законе и имеющих важное социальное значение. Рукописание — соответствующим образом оформленное и заверенное письменное духовное завещание. Оно содержит все имущественные распоряжения завещателя, в том числе и по долгам;² при спорах об имуществе, переходящем по наследству, рукописание — решающий аргумент. Долг или соблюдение оформляются закладом и записью, только тогда заемщику гарантируется возвращение

¹ Первое упоминание о доске см.: НПЛ, с. 51 (1209 г.).

² Ранним примером такого рукописания является берестяная грамота № 138 (XIII в.) — духовная некоего Селивестра. В ней перечислен ряд лиц, каждому из которых, по-видимому, завещаются определенная сумма денег или вещь (Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1955 г.). М., 1958, с. 11—15). Думаю, что Л. В. Черепнин вполне справедливо связывает эту грамоту со ст. 14 ПСГ (Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты. . . , с. 368—369). В свою очередь находка этой грамоты в Новгороде свидетельствует, что рукописание не специфическая особенность Пскова, а широко распространенное явление, известное уже в XIII в. Псковские рукописания содержат подробные распоряжения об имуществе, оставляемом наследникам (НПГ, № 8, 10 14, 15, 30, 33, 34, 35, с. 51—53, 56—58, 69—70, 72—75).

его имущества. Оформление сделки доской не имеет существенного значения; о свидетельстве посторонних лиц нет и речи. Итак, сделки об имуществе строго формализованы и материализованы документом. Но это только одна сторона дела.

Другая его сторона раскрывается в ст. [12] (15): «. . . Отец, или мать, или сын, или брат, или сестра, или кто ближнего племени. . . а толко не стороннии людие, ино им волно искати без заклада, и без записи. . . а на них волно же искати». Оказывается, четкое правило о записи и закладе вовсе не универсально и не всеобъемлюще: сделки могут заключаться и без заклада, и без записи, правило о соблюдении не распространяется на ближайших родичей-наследников, и сама доска отвергается не вообще и не всегда, а только в определенных случаях.³ Она теряет значение не сама по себе как таковая, а только когда с ней конкурирует письменный документ, да и то при условии, что речь не идет о ближайшем племени.⁴ Негативная редакция ст. [9] и [11] заставляет подозревать, что еще недавно письменного оформления ссуды не требовалось и доска признавалась достаточным аргументом для судебного иска. Этот старый порядок, отрицаемый теперь как общее правило, но сохраняющий значение в особых случаях, по существу своему близок к законам Русской Правды. Так, ст. 47 Правды предусматривает спор о долге: «Аже кто взищеть кун на друже, а он ся начнет запираати». В этом случае дело решают послухи: «Ти поидуть на роту, а он возьмет свое куны». Очевидно, ссуда давалась при послухах-свидетелях. Об этом прямо говорит ст. 52 — «промиловался еси, оже еси не ставил послухов».⁵ Ни о каком закладе и записи в Правде нет и речи — это нововведение ПСГ, это особый новый закон, принятый вечею и отражающий новые отношения. Старые сделки при послухах не требовали составления актов, но зато на суд надо было обязательно ставить этих послухов. С таким порядком можно было мириться, пока подобных сделок было относительно мало и, главное, пока они заключались в сравнительно узком и стабильном кругу.⁶

³ «Действие. . . сделок, если они не письменные, ослабляется в определенных случаях. . . но их нельзя назвать недействительными», — справедливо замечает Н. Л. Дювернуа (Источники права. . . , с. 207—208).

⁴ Наиболее содержательный и интересный комментарий к ст. 14 и 15 дал И. И. Полосин. Отметив, что «рост рыночных связей ускорял гибель бирки как судебного доказательства», он в то же время правильно подчеркнул, что «в обычном неписанном праве „бирка“ долго сохраняла свою доказательную силу», и как пример этого привел «внутрисемейные дела», которые «решались по пошлине» (Полосин, с. 64). Едва ли прав И. Д. Мартысевич, видящий в ст. 15 иски только между ближайшими родственниками, а не иски их к посторонним лицам и посторонних лиц к ним (Мартысевич И. Д. ПСГ, с. 94).

⁵ ПРП, I, с. 113.

⁶ «Простые деревенские отношения» Русской Правды отметил В. А. Удницев: «. . . Сделки. . . носили примитивный характер и в регламентации почти не нуждались» (Удницев В. История займа. Киев, 1908, с. 10).

Возрастание числа сделок и, что наиболее существенно, изменение их качества — выход их за пределы узкого круга знающих друг друга лиц, связанных совместными торговыми операциями или соседством, — как необходимое следствие развития обмена потребовало обеспечения большей простоты, гибкости и надежности в случае судебных исков. Патриархальные сделки при послухах оказываются неудобными. При судебных спорах послухи не всегда могут оказаться налицо, заклад же и запись гарантируют сделку в любом случае. Новизна закона ПСГ особенно бросается в глаза, когда речь идет о соблюдении. Пространная Правда отрицает вообще какую-либо формальность при совершении такой сделки — «ту послуха нетуть», человек, принявший поклажу-сблюдение, рассматривается в ст. 49 как «бологодел» — благодетель собственника имущества.⁷ В спорном случае он идет роте — и делу конец. Понятно, что такое явление было возможно, только когда сделки о соблюдении заключались в кругу хорошо знавших друг друга лиц, связанных или соседством, или совместным участием и взаимными интересами в торговых операциях: неформальная, ничем не обеспеченная отдача своего имущества малознакомому человеку просто немыслима. В отличие от патриархальной по существу своему поклажи Правды соблюдение Грамоты — сделка, доступная относительно широкому кругу лиц, вступающих друг с другом в чисто имущественные, чисто формальные отношения.

Составление формального акта, заверяемого государственными властями, сама по себе довольно сложная процедура, требующая более или менее длительного времени. Насколько можно понять дефектный текст ст. [13] (16—17), в общем законе о принятии на соблюдение допускается исключение, если речь идет об особых обстоятельствах — пожаре, грабеже и т. п. Тут не требуется составления формальной записи и принятия зклада, зато и суд по этим делам включает присягу и поединок.⁸ Есть основание видеть в этом тексте ПСГ прямую связь с титулом XI византийской Эклоги — *Περὶ πύσης παρακαταθήκης*.⁹ Кроме сюжетной близости, отражившейся в заголовке (*παρακαταθήκη* = depositum = соблюдение), можно проследить несомненную общность терминов: как и ПСГ, Эклога говорит именно о пожаре и грабеже (*ἀπὸ πυρκαϊας ἢ καὶ ἀπὸ κλοπῆς*) как о причинах, затрудняющих возвращение взятой

⁷ ПРП, I, с. 113.

⁸ Как справедливо отмечает Н. Л. Дювернуа, сюжет ст. 16—17 — поклада особого рода, *depositum miserabile* (Дювернуа Н. Источники права. . . , с. 300). И. И. Полосин находит, что в ст. 16—17 «отражен факт восстания: народ справедливо равняет по бревнышку боярскую усадьбу» (Полосин, с. 66). Это, конечно, сильное преувеличение. Но само по себе упоминание возможности «на кого [го]род ополчится» (см.: Алексеев Ю. Г. Цалеографические наблюдения над списками Псковской Судной грамоты, с. 89), без сомнения, важно и характерно для вечаемого города.

⁹ *Ecloga*, p. 30.

на соблюдение вещи. По этим признакам ПСГ стоит ближе к византийскому тексту, чем к древнерусскому переводу Эклоги в Мериле Праведном, где соответствующий текст (заголовок 12) озаглавлен «О всякомъ залозѣ» и не содержит термина «пожар», хотя и говорит о краже.¹⁰ Можно обнаружить и некоторую близость к Закону Градскому, славянской переделке Прохирона. Так, гл. 29 грани 16 «О наймованьи» в Троицком Мериле Праведном начинается со слов «Иже мятежа ради или пожара, или падения, или истопления, полагаеми покладяжѣ», что текстуально довольно близко к началу ст. [13]. К этому же тексту в известной мере близка и гл. 11 следующей (непронумерованной) грани: «Аще нашествиемъ разбойникъ покладяжъ приимыи. . .».¹¹ Есть основание рассматривать норму ПСГ как русскую переработку византийского закона. Но это отнюдь не лишает ст. [13] индивидуально русских черт: византийский закон и его славянская переделка ничего не знают о таких вещах; как недельный срок иска, целование креста, судебный поединок и т. п. Сложность процедуры письменной сделки предполагает относительно большую стоимость самого предмета этой сделки. Письменная сделка — это прежде всего сделка о достаточно ценном имуществе, это прежде всего сделка между феодалами и вообще представителями более или менее зажиточной социальной верхушки города и деревни. Именно в их среде зарождается и развивается письменный акт, постепенно на наших глазах вытесняющий старую патриархальную сделку. Характерно, что ст. [9] начинается именно с вопроса о соблюдении: именно в этих относительно более дорогих сделках, характерных прежде всего для людей зажиточных, располагающих более или менее ценным имуществом и ведущих торговые операции, старая форма утратила свое значение раньше всего.

Старая бесписьменная сделка постепенно превращается в сделку второго сорта, сделку о малоценном имуществе, ассоциируемую с социальными низами. О такой сделке говорит ст. [14] (18). В роли истца здесь выступает, «кто по волости ходит закупен, или скотник». Своего «соблюдения» эти люди ищут не через запись или заклад, а по старине — путем устного показания. Суд кончается присягой и поединком. Кто такие эти «закупен» и «скотник»? Из множества высказанных о них мнений я считаю наиболее правдоподобной гипотезу И. И. Полосина и А. А. Зимина: закупен и скотник — зависимые люди, работающие в хозяйстве господина.¹² Закупен — прямой потомок ролейного закупа Правды,

¹⁰ МП, л. 185.

¹¹ МП, л. 270, 271. — Следует отметить, что эта часть рукописи Мерила, по-видимому, дефектна: приведенный текст о поклаже читается в составе грани «О наймованьи», номер грани 16 повторен дважды — на л. 263 («О долзѣ и о залозѣ») и на л. 267 («О наймованьи»); после л. 270 пропущено не менее одного листа — начало следующей грани.

¹² Полосин, с. 65—66; Зимин, ПСГ, с. 342. — Можно согласиться и с И. Д. Мартысевичем: персонаж ст. 18 — это «наймит, взявший пахать землю или пасти скот» (М а р т ы с е в и ч И. Д. ПСГ, с. 83).

скотник — соответствующий ему работник на хозяйском скотном дворе. Особое свойство этих людей — отсутствие у них постоянной оседлости, своего собственного хозяйства («по волости ходит»). Дело происходит не в городе, а в деревне, всегда более патриархальной, где старые обычаи держатся дольше и крепче. Главное же, и закупен, и скотник — представители социальных низов, с которыми дорогостоящие и сложные формальные письменные сделки не заключаются; речь идет об относительно малоценном имуществе, в споре о котором можно обойтись без формального акта. Иск закупена и скотника напоминает статью русской редакции Закона Судного Людем: «Аже ратаи, не доорав до року, а идеть прочь, да лише наима, тако же и пастырь, иже пасеть стадо». ¹³ Значит, при соблюдении условий сделки и ратаю, и пастырю полагается определенная плата. Статья Закона Судного в свою очередь близка к ст. 12 Законов Земледельных — славянской переработке византийского права: неисправный земледелец, взявшийся сеять землю исполу, «да не примет ничто же от плода того». ¹⁴ Иск закупена о верши и соответствующий иск скотника могли иметь такое же содержание, как и иск земледельца-половника, требующего своей доли. Патриархальное решение такого иска без какого-либо письменного документа характеризует и незначительность размера иска, и низкий социальный ранг ищущего, и стародавность самих категорий закупена и скотника.

И. И. Полосин сумел прочесть в ст. 18, что «боярин хищно грабит крестьянина». При всей справедливости этого положения вообще, надо признать, однако, что сама ст. 18 едва ли может дать повод для сентенции такого рода. В ней нет никакого «боярина» — трудно представить себе такого «боярина», который «на поле лезет» с закупеном («крестьянином», по терминологии И. И. Полосина). Трудно также согласиться с И. И. Полосиным, когда он видит в ст. 18 нововведение, «не потому, что бояре покровительствуют народу, а потому, что народ добился этого права». ¹⁵ В действительности, по-видимому, норма ст. 18 — одна из самых старых и консервативных в ПСГ, она отражает давно сложившиеся отношения, восходящие в своем существе к Русской Правде с ее спорами закупа с господином. Статья говорит о недостаточном еще, сравнительно слабом развитии феодальных отношений, когда наемный человек сохраняет остатки своей свободы. Сосредоточив свое внимание на «боярине», И. И. Полосин упустил из виду, что статья говорит не только о соблюдении, но и о верши — скорее всего о доле урожая.

О малоценном иске говорит и ст. [21] (30): «А кто имет дават серебро в заим, — ино дати до рубля без заклада и без записи. . .».

¹³ ЗСПП, с. 145.

¹⁴ Павлов А. «Книги Законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы, земельные, уголовные, брачные и судебные. СПб., 1885, с. 45.

¹⁵ Полосин, с. 66.

Такое малоценное имущество дается по-старому — по доске. Но это исключение — ст. [15] (19) прямо указывает: «А кто имет искати зблюдения по доскам, безъимено, старине, ино тот не доискался». Об этом же свидетельствует и ст. [22] (30): «А кто иметь [да]ти¹⁶ ссуда серебра по доскам без заклада боле рубля, — ино того доска повинити, а того права, на ком сочат». Старая форма устного заключения сделки, сопровождаемая составлением доски — неформальной безымянной памяти, сохраняет свое значение только для маловажных исков. Вот новое, что утверждает и подчеркивает вечевое законодательство по сравнению со старыми законами Правды.¹⁷ Рубль — цена целого стада овец (20—30 голов). Сделки между основной массой горожан и сельчан едва ли могли превышать эту сумму. Следовательно, письменные сделки, оформленные по новым правилам, заключаются в первую очередь между людьми относительно богатыми. К этому верхнему слою псковского общества и обращены главным образом статьи об исках по соблюдению.

Иском о ссуде посвящена группа статей, образующая целый раздел Грамоты (ст. [19]—[24] (28—33)). Пространная Правда знает только две формы сделки о займе: на сумму более трех гривен ссуда дается при послухах, при меньшей сумме послухи не обязательны — «ити ему про свое куны роте» (ст. 52).¹⁸ По ПСГ, ссуда дается под заклад и без заклада, оформляется записью или простой доской.¹⁹ Само разнообразие оформления ссуды — многозначительное явление. Ссуды более рубля даются только с залогом; до рубля можно давать без заклада и без записи — по доскам. Рубль ПСГ по реальной стоимости примерно соответствует трем гривнам Правды, рубеж в делении займов сохраняется со времен

¹⁶ Во всех изданиях пропуск на строке 1 л. 63 перед «ти» восстанавливается как «соци»; однако пропущено не 4 знака, а два (на строке 2 им соответствуют «ър»); поэтому вероятнее предлагаемая конъектура, что, однако, не меняет общего смысла статьи.

¹⁷ Отражение ст. 30 ПСГ Л. В. Черепнин видит в берестяной грамоте № 30 (XIV в.), говорящей о ссуде в один рубль, не обеспеченной залогом и записью (Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты. . . , с. 358—359). Наблюдение Л. В. Черепнина очень ценно — оно свидетельствует, что ограничение ссуды без записи не является местной особенностью Пскова, а представляет собой, как и следовало ожидать, общераспространенное явление.

¹⁸ ПРЦ, I, с. 113.

¹⁹ В литературе широко распространено мнение, что слова ст. [20] (29) «заклад положит в чем, грамоты или иное што в серебри» означают заклад грамот кредитору как средство обеспечения его требований. Так считают И. Е. Энгельман (Систематическое изложение. . . , с. 42), Н. Л. Дювернуа (Источники права. . . , с. 208), М. Ф. Владимирский-Буданов (Христоматия. . . , с. 160, примеч. 80), В. О. Ключевский (Псковская Правда. — Соч., т. VI, М., 1959, с. 120), С. Г. Струмилин (Договор займа в древнерусском праве. М., 1929, с. 37—39), А. А. Зимин (Зимин, ПСГ, с. 347), Л. М. Марасинова (Новые псковские грамоты. . . , с. 133). Большинство авторов понимает под грамотами земельные акты. Так, Л. М. Марасинова считает, что в случае неуплаты долга к займодавцу переходила, вероятно, земля, принадлежавшая

Правды. Этот рубез не случаен: ссуды стоимостью свыше рубля характерны главным образом для зажиточных слоев общества, распоряжающихся ценным имуществом; городская и сельская мелкота такие ссуды может брать только в исключительных случаях. Разница в оформлении ссуды отражает разницу в социальном масштабе сделки.

Суд о ссуде по закладу, оформленному доской, предусматривает обязательную присягу истца или ответчика: доска сама по себе не документ. Но во всяком случае заклад освобождает от необходимости судебного поединка — «поле через заклад не присужати» (ст. [19]). Если ж заклада нет, а есть только доска (не закладная), то спор о долге решается судебным поединком (ст. [26], [89]). С другой стороны, если при иске по закладу доска не представлена, это не имеет решающего значения: «. . . Нятъ вера ему, кто выложит заклад, в чем скажет, да судом судит на того волю, кто заклад выложит. . .» (ст. [20]); заклад во всяком случае важнее доски. Должник может в крайнем случае даже отказаться от своего заклада, тогда ссуду не возвращает, а заклад переходит в собственность займодавцев (ст. [23]). Это тоже говорит об упадке роли доски

должнику». Н. Л. Дювернуа ссылается в качестве примера заклада грамоты (кабальной) на духовную Остафия Ананьевича 1393 г. (ГНП, № 110, с. 167). Мне, однако, представляется, что в ст. [20] речь идет о другом. Заклад грамот сам по себе едва ли мог иметь то значение, которое ему приписывают. Трудно представить себе, что заклад грамоты на землю мог в случае его невыкупа привести к переходу земли к кредитору — во всяком случае нам не известно ни одного такого или даже похожего примера в довольно многочисленном актовом материале XIV—XVI вв. «Широкие права на залог, какие иногда предоставлялись кредиторам, вытекали из особого соглашения», замечает В. А. Удинцев (История займа, с. 102). Земля могла перейти к кредитору только в том случае, если закладывается она сама по особому акту — заемной закладной кабале (В е с е л о в с к и й С. В. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, М., 1947, с. 64—66). Примеры таких актов см.: АСВР, I, № 216, 513, 514, 536, 579, 650, с. 151, 389, 412, 457, 571. Во всех случаях закладывается сама земля, а не грамота на нее. Переход этих грамот из рук в руки сам по себе ничего не дает: никакой кредитор не может владеть землей по чужим грамотам. Они имеют реальную ценность только для того лица, на чье имя они оформлены. Думаю поэтому (в отличие от Л. М. Марасиновой), что в ст. 29 идет речь не о закладе земельных грамот — кредитору они бесполезны. Трудно также согласиться с мнением Н. Л. Дювернуа о возможности заклада кабальных грамот. Эти грамоты также оформлялись на определенное лицо и сами по себе никакой ценности не представляли — не были векселями или ценными бумагами XIX в. В тексте духовной, на которой ссылается Н. Л. Дювернуа, сказано «у Филипа Яскоминова три рубля, а грамота в закладе». Н. Л. Дювернуа склонен понимать этот текст так: Филип Яскоминов в обеспечение своего долга заложил грамоту, которая и «находится у кредитора в закладе». Однако текст этот можно понимать по-другому: Филип, заняв три рубля, оформил свой заем особой грамотой, которую и отдал кредитору. Тот же Остафий Ананьевич оформлял свои сделки с должниками и без грамот — ниже в духовной говорится: «у Семенца у Максимцова насышка полтина, а Максимке в порукъ» (ГНП, № 110, с. 168). Исходя из этого можно предположить, что и в ст. [20] ПСГ речь идет о грамотах, написанных на сумму займа и выданных кредитору, а не о крепостных актах на землю и тому подобных документах, непосредственно с займом не связанных.

и о решающем значении залога. С противоположной ситуацией имеет дело ст. [104] (107). Здесь не должник отпирается от своего залога и долга, а кредитор не хочет отдавать залог: «Тебе есмь пенязи не давал, а у тебе есмь залог не взял». Очевидно, в этом случае, как и в предыдущем (ст. [23]), нет записи — только ее отсутствие дает возможность «запираться» одной из сторон. Но если в ст. [23] законодатель проявляет равнодушие к судьбе залога — не хочешь выкупить его — и не надо, то здесь вопрос о залоге решается иначе. Залог рассматривается на этот раз как соблюдение, как данная на сохранение вещь. Ответчик — залогодержатель — должен сам решить, что ему лучше: или присягнуть, что не брал залога, или выплатить цену залога, или лезть на поле с истцом. Ст. [19]—[23] и [104] свидетельствуют о широком распространении ссуды под залог имущества и вместе с тем о недостаточном развитии ссуды по записи. Запись, о которой говорит ст. [21], еще не стала общепринятой и господствующей формой заключения сделки по ссуде — в противном случае были бы невозможны казусы ст. [23] и [104], да и ст. [20] вовсе не упоминает записи. Мы застаем переходный период в истории ссуды — ссуда неформальная, без надлежащей записи еще преобладает, но закон знает уже и запись.²⁰ В Правде сделка даже о ссуде крупного масштаба носит устный и патриархальный характер — спор о ней целиком решается послухами. ПСГ никаких послухов не знает; ссуда, как и соблюдение, чисто формальный акт, обеспеченный залогом. Эти новые формализованные отношения возникают прежде всего в зажиточной — феодальной или феодализирующейся — среде. Городской и сельский люд заключает свои мелкие сделки патриархально — по доскам без залога: «. . . Ино то судит на того волю, на ком ищуть: хочет сам поцелует, или своему ищцу у креста положит, или с ним на поле лезеть» (ст. [89]). Тут нет принципиального отличия от Правды, по которой судьба таких исков решалась ротой.

Но к ссуде по залогу и к ссуде без залога Грамота добавляет ссуду по записи. Уклонение должника в записи от выплаты долга в срок рассматривается как преступление — он задерживается с помощью приставов и платит все соответствующие издержки (ст. [90]). Никакой речи о суде уже нет — вопрос ясен, если на руках у кредитора документ — запись. Именно эта запись дает кредитору возможность обратиться к господе за приставами, чтобы потом ехать с ними — по ст. [94] — для поимки должника, который в данной ситуации и в данном контексте приравнивается к татию: «. . . Татя имать и татбы искать, или длъжника имать. . .».

²⁰ В связи с этим большой интерес представляет берестяная грамота № 78 (XI—XII вв.) (Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1952 г.). М., 1954, с. 78). По вполне правдоподобной интерпретации Л. В. Черепнина, в этой грамоте речь идет о залоге ценного имущества, не обеспеченном, однако, никаким формальным документом (Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты. . ., с. 93—95).

Тут-то и создается обстановка, при которой «жонка. . . дети выверже» — погром во дворе должника, оказывающего, по-видимому, сопротивление своему истцу и приставу. Разумеется, и речи быть не может ни о целовании креста, ни о поединке — наличие записи однозначно решает вопрос о долге. Как мы видели, это — нововведение; ведь ссуда по закладу без записи еще продолжает рассматриваться как вполне законная сделка. Чем же вызвано это нововведение? Запись наилучшим образом гарантирует интересы кредитора, обеспечивая ему своевременное возвращение ссуды. С другой стороны, как свидетельствует ст. [104], сохранение заклада может быть для кредитора даже более привлекательным, чем получение назад ссуды. Стоимость заклада во всяком случае должна быть более или менее соразмерна с величиной ссуды — иначе заклад теряет смысл обеспечения. Сделки о ссуде между собственниками одного и того же ранга более или менее гарантируются закладами.²¹ Потребность записи возникает в случае сомнений в лояльности должника, при отсутствии заклада запись становится необходимой. Персонаж ст. [90], должник в записи, не ставший на зарок, это явно не тот, кто дал ценный заклад под ссуду. Это — человек заведомо несостоятельный по масштабам ссуды. Поэтому с него и берется запись, поэтому и надо его ловить и задерживать силой. Если развитие ссуды по закладу вместо старой ссуды с послухами свидетельствует о распространении соответствующих отношений в среде более или менее крупных соб-

²¹ Особую роль при этом играет ссуда под заклад земли (ст. [101] (104)). Заклад земли свидетельствует о широком распространении кредитных операций и в то же время о процессе распада древней общинной и аллодиальной крестьянской собственности. Текст этой статьи я понимаю не так, как И. Д. Мартысевич, А. А. Зимин и Л. М. Марасинова. Эти исследователи считают, что «собственник мог заложить. . . свое недвижимое имущество нескольким залогодержателям, выдав им грамоты, удостоверяющие его право собственности на это имущество» (М а р т ы с е в и ч И. Д. ПСГ, с. 76—77). При этом «пронходило дробление земельного архива, земельные акты на одно владение оказывались в руках разных лиц» (М а р а с и н о в а Л. М. Новые псковские грамоты. . . , с. 133). На таких же позициях стоят И. Е. Энгельман, М. Ф. Владимирский-Буданов, Л. В. Черепнин, И. И. Полосин — все они считают, что «заклад», о котором говорит ст. 104, «состоит в грамотах, удостоверяющих право собственности умершего» (Э н г е л ь м а н И. Систематическое изложение. . . , с. 46—47). В противоположность этим авторам В. А. Удинцев видит в этой статье пример «множественности закладных сделок в отношении одного и того же имущества» (У д и н ц е в В. История займа, с. 120). Мне представляется, что «грамоты двой или трой или пятеры на одну землю» означают не 2—3—5 актов на одну и ту же землю (купчих, духовных, меновных и т. д.), а тот факт, что земля записана в закладных грамотах, выданных кредиторам при получении ссуды. Собственник земли брал ссуду у разных лиц и каждому закладывал землю, давая на нее закладную грамоту. Только так можно понять, например, наличие таких же грамот на двор и клеть, т. е. на объекты, владение которыми обычно не сопровождалось крепостным актом. Но кроме этих закладных грамот статья знает еще и записи о долге — кредиторы, имеющие их на руках, пользуются преимуществом. Это, видимо, такие записи, противень которых хранятся в ларе у св. Троицы (ст. [24](32)).

ственников, если сохранение патриархальной мелкой ссуды характерно для социальных низов, то возникновение ссуды по записи говорит о растущем закабалении первыми вторых — богатыми собственниками-кредиторами таких должников, которые лишены возможности обеспечить ссуду залогами и вынуждены поэтому давать на себя запись с вытекающими отсюда последствиями.

Итак, должник, давший на себя запись и не могущий своевременно выплатить ссуду, оказывается в чрезвычайно невыгодном, неравноправном по отношению к кредитору положении. Однако это неравноправие — вещь относительная. «Суплетка» с записью (или с залогом) не лишает должника возможности предъявить встречный иск своему кредитору — об этом говорит ст. [100] (103). Эта оговорка представляется мне чрезвычайно важной. Социальное и имущественное расслоение зашло достаточно далеко, должника в записи можно уже «имать» с приставом как простого тая, врываясь к нему на двор. Однако этот должник еще не вовсе беззащитен перед лицом кредитора, он еще имеет возможность (по крайней мере в теории) ответить иском на иск и постоять за себя по старым законам — «по исковой пошлине». Запись ограничивает его права, но не уничтожает их полностью.

Особый вид займа — «торговые деньги», кредитные отношения, возникающие при торговых операциях. Согласно ст. 48 Правды, такие отношения заключаются без всяких формальностей: «Аже кто купец купцю дасть в куплю куны или в гостьбу, то купцю пред послухи кун не имати, послухи ему не надобе»; в случае же споров («аже ся почнетъ заpirати»), «ити ему самому роте».²² Как и в вопросе о поклаже (ст. 49), Правда исходит здесь из предположения, что такого вида сделки заключаются только между очень хорошо знающими друг друга и вполне доверяющими друг другу людьми, т. е. внутри относительно узкого круга лиц, которых Правда недаром называет купцами — только они и занимаются торговыми операциями. Как же ставит этот вопрос Грамота? «А кто имет на ком сочит торговых денег по доскам, тот человек противу положит рядницу, а в рядницы будет написано о торговли же, а противну той рядницы не будет во святей Троицы в лари в те же речи другои, ино тая рядница повинити» (ст. [28] (38)). В иске о торговых деньгах в отличие от иска по обыкновенной ссуде доска, неформальная память, играет роль судебного аргумента. С доской может конкурировать формальный документ — рядница, но только в том случае, если она составлена в двух экземплярах, один из которых хранится в государственном архиве. Если такого противня нет, то рядница признается недействительной. Суд в этом случае идет по доске. Надо только, чтобы иск был «по имяни», т. е. адресован именно к данному лицу и содержал точное перечисление предметов иска. Таким образом,

²² ПРП, I, с. 113.

в торговых делах пока еще сохраняется патриархальная неформальность сделок: для возбуждения процесса достаточно доски, а далее репает суд божий. Но уже появляется рядница — формальный документ, который, если он только действителен, способен решать дело без всякой доски и без всякого поединка. Хотя этот формальный акт только еще начинает проникать в сферу торговых сделок и еще не стал единственным возможным аргументом, но именно ему принадлежит будущее и в этой области отношений, основанных прежде только на одном доверии.

Особой формой имущественных отношений является порука. Пространная Правда такого термина не знает, в Краткой Правде поручник — участник процесса о краже (ст. 14). В таком же смысле — поручительство в уголовных преступлениях — упоминается этот термин и в Смоленском договоре 1229 г. (ст. 4, экземпляр D), но в том же договоре порука фигурирует и в торговых делах: «Аже дасть наем детьскому, а не исправить за 8 днии товара у Русина, то ты дати ему на собе порука» (ст. 14, экземпляр А).²³ Как видим, порука в имуществе восходит во всяком случае к первым десятилетиям XIII в. Ст. [24] (32—33) исходит из того, что институт поруки уже хорошо известен.²⁴ Она рассматривает частный вопрос — ситуацию, когда при иске на поручнике человек, по которому дана порука, предъявляет рядницу о том, что он уже заплатил требуемую сумму. В этом случае, если в ларе не хранится рядница «в ты же речи», предъявленный документ считается недействительным и обязан платить тот, «кто по ком руку дал». Ситуация ст. [24] напоминает ст. [28]: в обоих случаях предъявляется письменный документ, в обоих случаях он действителен только при соблюдении всех формальностей. Такие оговорки относительно документа естественнее всего в пору его становления. Рядница уже существует — письменный договор уже заключается и при торговых сделках (ст. [28]), и при возвращении ссуды (ст. [24]), но еще не всегда соблюдается обязательное требование дублирования акта в государственном архиве. Письменный акт еще рассматривается как нечто, похожее на старинный неформальный акт — доску. Смысл обеих статей в том, что они решительно отвергают подобную, видимо, нередкую практику и признают рядницу судебным аргументом только при ее надлежащем оформлении (дублировании в ларе).²⁵ О том, что в делах как

²³ Там же, II, с. 60, 63.

²⁴ По мнению В. А. Удннцова поручительство — наиболее древний способ обеспечения обязательства (У д и ц е в В. История займа, с. 89). О поруче при займе говорится в духовной новгородца Остафия Ананьевича 1393 г. (ГНП, № 110, с. 168). Интересным подтверждением распространенности поруки в деньгах в XIV в. может служить берестяная грамота № 389 (А р ц и х о в с к и й А. В Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963, с. 88—89; Ч е р е п и н Л. В. Новгородские берестяные грамоты. ..., с. 355—356).

²⁵ И. И. Полосин считает, что в ст. 32 «вмешательство господи» совершенно очевидно; именно этим вмешательством он склонен объяснять требо-

о торговле, так и о поруке рядом с новым документом еще сохраняет свое значение старая доска, свидетельствует ст. [97](101) с ее поединком как высшей формой доказательства. На поруку, как и на другие виды исков (о покруте, о торговле, о суде, о сблюденни, о выморшине), распространяется общее правило — иск не должен быть «безымянным» (ст. [35] (44—45)).²⁶

Существенное значение для характеристики поруки имеет последняя часть ст. [24](33): «А поруке быть до рубля, а болши не быти рубля». Следовательно, порука — институт, связанный исключительно с мелкими сделками, со сделками, распространенными преимущественно в средних и низших слоях городского и сельского населения. Необходимость поручителя в мелкой сделке сама по себе свидетельствует об имущественной недостаточности истца — у него нет под руками даже относительно небольшой суммы. В то же время большое внимание, уделяемое поруке ст. [24] (32—33), [35] (45), [97] (101), говорит о широком распространении таких сделок среди сельских и городских обывателей.

К особым формам имущественных отношений относится также сябренничество — совместное владение имуществом. Сябреннические отношения распространяются и на землю (ст. [103] (106)), и на движимость — «серебро» (ст. [89] (92)). Говоря об исках по доске, ст. [89] имеет в виду прежде всего «сябренное серебро». Надо полагать, в отношениях между сябрами доска имела широкое распространение. Отсюда можно сделать два вывода. Во-первых, сябреннические отношения рассматриваются если не по существу своему и по форме, то во всяком случае по происхождению

вание о хранении копии рядницы в ларе (Полосин, с. 72). Но дело, вероятно, не столько во вмешательстве господы как таковой, сколько в росте и развитии кредитных операций, в которые вовлекались все более широкие круги горожан и сельчан.

²⁶ Основываясь на ст. [15](19), говорящей об иске «по доскам, безымено, старине», исследователи считают, что иск по доске — это и есть безымянный иск. В таком случае по ст. [35] доски вообще теряют какую-либо силу. Однако это противоречит ряду других статей, рассматривающих доску как повод для взыскания иска, не говоря уже о закладных досках, которые считаются серьезным аргументом по ст. [19](28), — это ст. [26](36), [23](38), [53](62), [89](92), [100](103). А. А. Зимин почему-то думает, что в ст. 45 безымянным иском назван иск, когда не предъявляются доски (Зимин, ПСГ, с. 355). Но тогда эта статья прямо противоречит ст. [15], а не соответствует ей, как считает А. А. Зимин. Мне представляется, что иск по доске и безымянный иск — это разнородные понятия. Иск по доске может быть в частном случае безымянным — о таком случае говорит ст. [15], отказываясь рассматривать такие иски. О безымянных исках вообще — по доскам ли, не по доскам — говорит ст. [35], действительно продолжая и обобщая положения ст. [15]. Но нет оснований считать все иски по доскам непременно безымянными — есть, очевидно, и не безымянные доски. Именно о них и говорят ст. [26], [28], [53], [89], [100]. Может быть, безымянный иск — это иск без точного обозначения состава искомого имущества; может быть, это иск без точного указания имени ответчика. Во всяком случае иски по доскам и безымянные иски нельзя ни отождествлять, ни противопоставлять друг другу.

и традициям как отношения патриархальные, архаичные, возникшие и оформившиеся до появления и развития новой формы сделок по записи. Во-вторых, предполагается, что имуществонные сделки между сябрами в принципе небольшого размера — исходя из норм ст. [21], на сумму не более рубля. Эти архаические мелкие сделки внешне напоминают сделки в торговых делах, которые также заключаются по доскам (ст. [28], [97]). Тем не менее ст. [89] сугубо отличает сябренное серебро от «купецкого дела и гостебного». Чем вызвано это противопоставление? По-видимому, тем, что сделки по купецкому и гостебному делам заключаются при совсем других обстоятельствах и, надо полагать, между совсем другими людьми. Купецкое и гостебное дело — сделки между партнерами в ходе торговых операций, сябренное серебро — нечто, не связанное с торговлей.²⁷ Если купецкое и гостебное дело прямо ведет нас к ст. 48, 54, 55 Пространной Правды («купец купцо даст в куплю куны или в гостьбу», «купец шед кде любо с чюжими кунами», «кто (очевидно, тот же «купец», — Ю. А.) многим должен будет, а пришед гость из иного города»),²⁸ то сябренное серебро относится к категориям, о которых Правда ничего не говорит. Это скорее всего та общинная архаика, тот внутриобщинный, внутривервный мир, которого Правда не касается вообще и в который впервые проникает письменный закон в лице ПСГ. Сябренное серебро — атрибут другой социальной среды, чем купецкое и гостебное дело. Поэтому ПСГ и не хочет смешивать эти два внешне (по доскам) похожие явления.

Пространная Правда уделяет особое внимание ссуде под проценты. Под проценты даются не только деньги — «куны в рез», но и натуральные продукты — «настав в мед», «жито во просоп». Развитие таких отношений характерно для феодализирующегося общества Русской Правды. Вопрос о резах — один из злободневнейших в дни киевского восстания 1113 г. и в экономической политике Мономаха. Именно этому вопросу посвящено особое совецание княжих мужей на Берестове, принявшее важное ре-

²⁷ По мнению И. Е. Энгельмана, сябренность — это «общая собственность... между лицами, соединившимися для общего... предприятия», в том числе «для обрабатывания земли общими силами» (Энгельман И. Систематическое изложение... с. 22—23). Н. Л. Дювернуа подчеркивает, что в основании такого «сотоварищества» лежит не сделка, а совместное владение (Дювернуа Н. Источники права... с. 303). И. И. Полосин отмечает, что в ст. 92 идет речь о сябрах-ремесленниках (Полосин, с. 97). Это верно в том смысле, что сябры этой статьи — не участники торгового товарищества, как считает М. Ф. Владимирский-Буданов (Христоматия... с. 182, примеч. 187), хотя и вовсе не обязательно видеть в них непременно ремесленников. Интересную трактовку сябренности дает Л. В. Черепнин, отмечающий, что термин «сябры» меняет свое значение в широком диапазоне от крестьян-совладельцев до совладельцев-феодалов (Черепнин Л. В. Псковские грамоты конца XV в. как исторический источник, с. 428). Это соответствует общему процессу развития феодальных отношений. Однако сябры ст. [89] скорее мелкие вотчинники крестьянского типа, чем настоящие феодалы.

²⁸ ЦРП, I, с. 113, 114.

шение об ограничении практики резомства (ст. 53 и 54 Правды).²⁹ Правда устанавливает точный размер допустимого процента и порядок его взимания; ³⁰ гарантами сделки под проценты являются послухи — «пслухи ему ставити; како ся будеть рядпл, тако же ему имати» (ст. 50). О вмешательстве властей ничего не говорится, но оно подразумевается в ст. 53.

ПСГ говорит только о формально-процессуальной стороне такой сделки. Ст. [64] (73) устанавливает, что «гостинец» (процент) должен быть «писан на записи». В таком случае это особый вид «имания по записи». Когда приходит срок («зарок»), кредитор должен «явит госпде о своем гостинце» и тогда «по зарокѣ ему взять свои гостинець». Явка госпде — обязательный момент. «А толко не явит зарок госпде, — гостинца ино ему не взять по зарокѣ». Как мы видим, ПСГ предъявляет к оформлению ссуды под проценты совсем другие требования, чем Правда. Никаких послухов не надо, нужна запись. Участие государственной власти — необходимый элемент в процессе получения гостинца, отсюда полная возможность контролировать размер и условия процентной сделки.³¹ Замена послухов записью отвечает общей тенденции Грамоты, всюду, где только возможно, предпочитающей письменный документ всем другим способам доказательства. Как и сделки о соблюдении, ссуде, поручке, так и сделки об «имании» с гостинцем формализуются, что отражает процесс расширения сферы этих сделок.³² Это общее и главное отличие Грамоты от Правды в области имущественных отношений.

В отличие от этого нововведения контроль властей над процентными сделками по своему происхождению не нов. Новой тут

²⁹ И. И. Смирнов в своем исследовании Устава о резах отмечает, что реальное значение «антиростовщических» мероприятий, отразившихся в Правде, было невелико. Тем не менее он считает несомненным наличие «ограничительных моментов» в Уставе и — что наиболее существенно — подчеркивает особое внимание, уделяемое Уставом группе «краткосрочных должников» (С м и р н о в И. И. Очерки. . . , с. 274). Но это значит, что Монахово законодательство о резах в первую очередь имело в виду наиболее широкую массу должников, вынужденных заключать краткосрочные займы. В свете массового восстания 1113 г. такая тенденция вполне понятна.

³⁰ «Аже кто возьметь два реза, то то ему вяти исто; паки ли возьметь три резы, то иста ему не вяти. Аже кто емлеть по 10 кун от лета на гривну, то того не отметати». «А месячни рез, оже за мало, то имати ему; заидут ли ся куны до того же года, то дадуть ему куны в треть, а месячни рез потгренути» (ПРП, I, с. 113, 114).

³¹ Нет оснований соглашаться с И. Е. Энгельманом, что ПСГ «не благоприятствовала заключению займа с ростом» и что «заем обыкновенно заключался без процентов» (Э н г е л ь м а н И. Систематическое изложение. . . , с. 38). Напротив, точная регламентация сделок по займу говорит о распространении их. Н. Л. Дювернуа правильно отметил возможность для суда «контролировать высоту процента, согласуя ее в каждом отдельном случае с общепринятым ростом» (Д ю в е р н у а Н. Источники права. . . , с. 213).

³² И. И. Полосин прав, видя в ст. 73 свидетельство роста числа и значения рукописных документов. Но трудно понять, почему он тут же настаивает, что ст. 73 «очевидно, записана господой», которая «решала дела по старшце и. . . тормозила развитие торгового оборота» (Полосин, с. 89).

может быть только форма контроля. Сама же необходимость такого контроля осознана уже Пространной Правдой, возможно, подсказана ей событиями 1113 г. Ничего не говоря о размере гостинца, Грамота в этом вопросе молчаливо признает авторитет Правды. Но резвоимство развивалось и ставило перед законодателем новые вопросы. Как быть, если кредитор требует возвращения ссуды до срока? Может ли он при этом получить процент по расчету времени? Ст. [65] (первая часть ст. 74) отвечает на этот вопрос отрицательно: «А кто почнет имать своего иста в своем сребре до зарока, ино ему гостинца не взята». Это дальнейший шаг в регламентации процентной ссуды по сравнению с Мономаховым законодательством. Что делать, если сам должник без требования кредитора возвращает ссуду до срока? Грамота видит в этом попытку избежать выплаты гостинца, и ст. [66] (вторая часть ст. 74) требует «гостинца дать, по счету», т. е. по расчету времени. Это тоже новелла по сравнению с Правдой. Правда знала краткосрочную ссуду с месячным резом (ст. 51) — при такой явно ростовщической сделке едва ли могли часто встречаться преждевременные выплаты «иста».

Мономахово законодательство направлено своим острием против чрезмерных притязаний резвоимцев. Выступая против крайностей резвоимства, выгодных только очень узкому кругу профессиональных ростовщиков, Правда вместе с тем признает законность процентной ссуды как таковой, что отвечает интересам гораздо более широких слоев богатеющего городского и сельского населения. ПСГ фактически продолжает ту же тенденцию. Она стремится по-своему уравновесить интересы кредитора и должника. Если кредитор пытается сократить срок кредита, она наказывает его лишением процента, разрешая ему вместе с тем получить обратно свою ссуду. Если то же самое делает должник, Грамота становится на сторону кредитора и обязывает должника выплатить расчетную часть процента. Такая тщательная разработанность вопроса сама по себе свидетельствует о развитой практике процентной ссуды. То, что в Киеве времен Святополка Изяславича было занятием специалистов-профессионалов, стало во Пскове повседневным жизненным явлением. Сама попытка Грамоты балансировать между кредитором и должником говорит о втягивании в отношения по процентной ссуде широких масс псковитинов. Сегодняшний кредитор может стать завтра должником, и наоборот — такова принципиальная постановка вопроса в Грамоте. В формальном отношении это действительно, по-видимому, так: Грамота не дает особых юридических преимуществ ни кредитору, ни должнику. Но за этим формальным равноправием скрывается явление большой социальной значимости. Развитие кредита, особенно процентного, — составная часть общего процесса развития имущественных отношений. Государственная регламентация, приводящая к относительному смягчению ростовщических операций, способствует тем самым нормализации их, а следова-

тельно, и более широкому распространению. В ходе этих отношений с необходимостью нарастает имущественная дифференциация — обогащение кредиторов и обеднение должников. Этот длительный процесс, растянувшийся на века, приводит к появлению и росту городской и сельской бедноты, с одной стороны, и богатой верхушки — с другой. В конечном счете имущественная дифференциация неизбежно перерастает в социальную, способствуя в условиях XIV—XV вв. феодальному классовому образованию и являясь одним из симптомов этого основного явления в русской социальной действительности того времени.

Пространная Правда ничего не говорит о том, как практически заключается сделка при купле или мене движимого имущества. В этом не было никакой надобности, если сделка носила патриархальный характер и всецело регулировалась всем хорошо известным обычным правом. ПСГ также не содержит никаких развернутых постановлений на этот счет — обычай продолжает действовать и не нуждается в кодификации. Но в двух случаях Грамота нашла необходимым зафиксировать некоторые правила таких сделок. Что делать, если мена или купля совершена в пьяном виде, «а потом проспятся и одному исцу не любо будет»? Перед нами довольно характерная ситуация при сделках на мелкое движимое имущество. Такие сделки нередко совершаются на пирах и сопровождаются попойками, и, может быть, не случайно этот текст следует непосредственно после текста о братчинах. Поставленный вопрос Грамота решает очень просто — «ино им разменится, а в том целования нет» (ст. 114).³³ Такая простота может быть следствием патриархальности ситуации, да и сама статья производит впечатление записанного обычая. Этот обычай консервативен по существу — он больше отвечает интересам того, кто хочет сохранить свое имущество, а не променять его или продать с выгодой для себя; обычай охраняет «человека», которого во время совершения сделки или на братчине умышленно подпаивают, стремясь вовлечь в невыгодную операцию.³⁴ Простотой отношений веет и от ст. 118. Куплена корова по сходной цене («за слюблено»), но оказалось, что она больна — «кровью помачивается имеет»: тому же исковитину подсунули бракованное животное, пользуясь, может быть, тем, что он «на пьяни». Обычай охраняет мелкого владельца. Он опять на стороне незадачливого покупателя — «ино тая корова назад воротить, чтобы и денги заплачены были».³⁵

³³ ПСГ решает этот вопрос совсем не так, как Полицкий Статут, который в ст. 52а запрещает размен иначе, как по обоюдному согласию (Г р е к о в Б. Д. Полицка, с. 240—241).

³⁴ И. Д. Мартысевич в персонаже ст. 114 видит «собственника», интересы которого «строго соблюдал» закон (М а р т ы с е в и ч И. Д. ПСГ, с. 77). Однако этот «собственник» совсем другого типа, чем персонаж ст. [9], принимающий на соблюдение драгоценности, или «человек» ст. [64], занимающийся ростовщическими операциями.

³⁵ Это простое житейское правило имеет общерусское распространение: и в XIX в. в Московской губернии волостной суд заставляет продавца взять

Здесь же и другой казус: куплена корова, а телята остались у продавца. Видимо, в сделке о них просто забыли (не «на пьяни» ли?). На этот раз защищаются интересы продавца: на нем «по торговле телят не сочтеть». Купил корову без телят — и делу конец. Обе статьи могли родиться только в мире горожан или сельчан, для которых каждая мелкая покупка — важное событие и повод для взаимного угощения продавца и покупателя.

Но вот у человека «имутся за коня, или за корову, или за иную скотину», пусть даже и «за собаку». Чтобы отстоять свое право на эту скотину, человек «молвит „то у мене свое, рощенное“, — ино ему правда дати. . .» (ст. [108] (110)). Трудно представить себе, чтобы человек целовал крест о собаке или овце, ведь и по ст. [82] в споре между изорником и государем об изорничьем животе основной аргумент не присяга, а то, что «сторонним людям ведомо будет и окольным суседом».³⁶ Но во всяком случае внимание к мелочам хозяйственного быта человека ведет ПСГ в среду мелких городских и сельских собственников, а патриархальность постановки вопроса: «рощенное», значит, свое, или свое, значит, прежде всего «рощенное» — говорит о старом консервативном бытае. Ст. [108] защищает интересы патриархального владельца, защищает его коня и корову, его мелкий скот и даже собаку от захвата другим, чужим, человеком.³⁷

Статьи ПСГ об имущественных отношениях дают как бы вертикальный разрез общества XIV в. и позволяют различить в нем два социальных слоя. Верхний слой — это держатели соблюдения, «сребра или платиа, или круты» по записи, авторы рукописаний, хранящихся в ларе у св. Троицы; это те, кто дает ссуду по записи

обратно дефектную скотину и вернуть деньги покупателю (П а х м а н С. В. Обычное гражданское право в России, т. 1. СПб., 1877, с. 137—138).

³⁶ И. Е. Энгельман верно понимает выражение «правда дати» в частном случае как «доказательство через свидетелей» (Э н г е л ь м а н И. Систематическое изложение. . . , с. 19).

³⁷ Ст. 110 дала И. Д. Мартысевичу повод к заключению, что «такой порядок защиты права собственности соответствовал интересам только господствующего класса» и что «эксплуатируемые массы были лишены всякой возможности защищать свои права» (М а р т ы с е в и ч И. Д. ПСГ, с. 70). Однако «свое, рощенное» бывает и у крестьян. С другой стороны, трудно представить себе феодала, у которого «имутся» за собаку и который вынужден перед судом отстаивать свои права на щенков от своей сукки. Гораздо большим социальным реализмом проникнуто понимание подобного рода судебных дел в исследовании Л. В. Черепнина, подчеркнувшего «обыденность, будничность. . . судебных дел, порожденных ссорой и дракой в праздник, а пиру, или нежеланием уступить один другому лошадь и т. д.» (Ч е р е п н и н Л. В. Новгородские берестяные грамоты. . . , с. 352). Л. В. Черепнин обратил также внимание на сходство ст. 110 со ст. 24 Правосудия Митрополитчьего: «Аще кто собаку оубьет ли кошку, вины гривна, а собаку в собаки мѣсто, а кошка в кошки мѣсто» (ДКУ, с. 210; Ч е р е п н и н Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. II. М., 1954, с. 28). Сходство обеих статей несомненно, так же как и их обычно-правовой характер. Обе они отражают нормы, бытующие в одной и той же социальной среде мелких непривилегированных обывателей.

или берет дорогой заклад за нее; кто ведет торговые операции с другими землями; кто, взяв пристава, врывается во двор своего тулящегося должника в записи и допрашивает с него «проторы или приставное, или заповедь»; кто берет гостинец. Нижний слой — те, кто совершает мелкие сделки до рубля, без записи и без заклада; кто дает на другого поруку, кто бьется на поле за свое мелкое имущество; кто, проспавшись, спешит вернуть купленную большую скотину; кто отстаивает своего коня и корову, овцу и собаку с помощью сторонних людей и добрых соседей; это — потенциальные или актуальные должники в записи, тулящиеся от зорка. Такую социальную мелкоту мы видим в законодательстве впервые.

Когда Пространная Правда пишет о резах, она имеет в виду активного контрагента сделки — резоймца, рекомендуя ему ставить послухов в его же собственных интересах; говоря о поклаже и кунах в гостьбу, она имеет перед глазами купца-профессионала; этот же купец в центре внимания Правды, когда он «пед кде любо с чюжими кунами, истопиться» или «многим должен будеть».³⁸ В статьях об имущественных сделках этот купец занимает внимание Правды не меньше, чем в статьях о сельской местности собственник земли, межи которой охраняются двенадцатигривенной продажей (стоимостью шести коней). Правда знает закупа и его господина, знает целую галерею зависимых и несвободных слуг — от тиуна огнищного до рядового холопа, знает господина этого холопа, знает челядина, знает зависимого крестьянина-смерда. Она знает людей привилегированных, с одной стороны, и людей зависимых и несвободных — с другой. Мелкий, свободный от личной или поземельной зависимости горожанин или селянин, ведущий свое хозяйство на своей земле, рядовой член той самой верви, которая является основной общественно-административной единицей, поддерживающей порядок на своей территории, людин, голова которого оценивается в 40 гривен, — в статьях Правды почти не заметен.

Если Правда занята главным образом охраной привилегированных людей и их собственности (холоп — тоже собственность), то ПСГ уделяет большое внимание мелким сделкам, заключаемым преимущественно в среде рядовых горожан и сельских жителей — свободных мелких землевладельцев крестьянского типа. Основное отличие Грамоты от Правды — проникновение ее законов в глубь этой среды рядовых непривилегированных свободных. Отношения между рядовыми членами городской и сельской общины совсем не интересуют Правду — она подходит к общине-верви извне, рассматривая ее как некое целое, входящее в систему судебной администрации и противостоящее вместе с тем княжому мужу и его привилегированной собственности на землю и холопов. Внутри же самой верви действует старое обычное право,

³⁸ ПРП, I, с. 114.

за исключением особо тяжелых преступлений, выносимых на княжой суд. Напротив, ПСГ стремится проникнуть в самую глубь городской и сельской общины и зафиксировать обычай, превращая его в закон. Споры о земле между соседями, мелкие сделки на скот, долги по доскам — все эти события повседневной жизни горожанина и крестьянина привлекают внимание законодателя. Мир общины перестает быть чем-то замкнутым по отношению к государственному закону, он раскладывается на составные элементы — корпускулы, просвечиваемые насквозь этим законом. В этом можно видеть одну из особенностей вечевого законодательства — права, фиксируемого самой общиной. Но еще важнее другая сторона этого явления — старое неписаное обычное право становится недостаточным для регулирования отношений между членами общины; растет число апелляций к государственной власти. Расслоение в среде людей добрых, соседей растет, как растут крупные сделки на имущество, движимое и недвижимое; патриархальная простота и единообразие сделки уступают место строгой формализации, вершина которой — запись или рукописание, гарантируемые государственной властью. Человек все больше расслаивается на кредитора и должника в записи, государя и наймита, государя и изорника — фигуры, характерные для феодального классового образования в городе и деревне.

Грамота показывает один из моментов этого процесса. Новое борется со старым, феодальное — с патриархальным, постепенно, шаг за шагом проникая в глубь общественной жизни. Но старое, патриархальное, примитивное еще живет, опираясь на традицию обычая; общинные неформальные связи между соседями еще сохраняются, еще не все общество распалось на привилегированных и зависимых. Суженное в своих прерогативах старое право еще продолжает существовать в новых условиях — в условиях феодального перерождения верхушки разлагающейся общины. Не только князь со своими мужами стоит над общиной, как это было во времена Правды, но и сама земля-община превращается в феодальное государство, сохраняя вместе с тем некоторые свои прежние правовые и социальные черты, — в этом специфика общества, рисуемого ПСГ.

Суд о наследстве

Имущественные отношения между членами семьи и родственниками составляют тему особого раздела Пространной Правды (ст. 90—95, 98—106); о внутриродственных имущественных тяжбах говорит и ст. 108. Наряду с уголовным правом и правом на холопов эта тема относится к числу наиболее тщательно разработанных сюжетов Правды. Центральное место в семейном праве Правды занимает вопрос о наследстве — именно этого вопроса так или иначе касаются все указанные статьи. Это понятно. При жизни главы семьи имущественные вопросы внутри семьи не возникают как объект вмешательства со стороны — эти вопросы решаются главой семьи по его усмотрению. Критическое положение создается, когда глава семьи умирает, в момент фактического распада семьи. Тут-то и возникает вопрос о «заднице», на котором сосредоточивает свое внимание Правда, поэтому ее семейное право есть фактически наследственное право, а соответствующий раздел памятника может быть назван Уставом о наследстве.¹

Исходная черта наследственного права Правды — противопоставление задницы смерда заднице «боярстей» и «дружинней». Выморочное имущество смерда поступает князю за выделом части незамужним дочерям (ст. 90); выморочная задница бояр и дружины «за князя» не идет и передается дочерям (ст. 91).² Независимо

¹ Договор Руси с Византией 911 г. содержит положение о наследовании «имения» (ст. 13). Однако это положение касается особого случая — «работающих в Грецах Руси у хрестьяньскаго цесаря», т. е. людей, находящихся на чужбине и служащих чужеземному императору (ПРП, I, с. 9). Кроме того, на содержание ст. 13 могло оказать влияние более развитое византийское наследственное право. Поэтому, на мой взгляд, нет оснований считать ее адекватным отражением общепринятого на Руси обычая или закона. См., например: Ц и т о в и ч П. Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870, с. 24; ср.: ПРП, I, с. 23. Этому не противоречит мнение, что нет существенной разницы между положениями ст. 13 договора 911 г. и Русской Правдой (Р у д н е в Л. О духовных завещаниях по русскому гражданскому праву в историческом развитии. Киев, 1895, с. 45).

² ПРП, I, с. 117. — Л. В. Милов находит, что в Правде термин «задница» употребляется не для обозначения просто наследства как такового, а «лишь в точном определении имущества умершего без завещания и наследо-

от того, как понимать происхождение и реальное содержание ст. 90 (речь, вероятно, идет не о фактическом переходе задницы в прямую собственность князя, а только об утрате родичами и соседями права распоряжаться ею), сам факт наличия двух разных принципов наследования у смердов и у привилегированных не вызывает сомнений.³ Устанавливая ограничение в праве наследования, связанное с принадлежностью к общине смердов, Правда говорит далее о заднице боярской и дружинной. Именно этому сюжету посвящен в Троицком списке весь текст от слов «Аже в боярех» до слов «как си могут», относимый издателями к пяти отдельным статьям (91—95).⁴ В рукописи это одна статья, выделенная киноварным заголовком (как и предыдущая статья «Аже умереть смерд»). Следовательно, все содержащиеся в этом тексте рассуждения о том, «кто умирая разделить дом свои детям», о жене, которая «сядет по мужи», о детях от первой жены, о сестре в доме представляют собой не абстрактные юридические положения, а имеют точный социальный адрес — все эти рассуждения относятся к заднице «боярьстеи» и «дружинней», как об этом сообщает заголовок.⁵

Третий текст Устава о наследстве имеет киноварный заголовок «А се о заднице» (ст. 98—100). В центре внимания этого текста — вопросы о «робких детях у мужа» и о таком осиротевшем доме, в котором есть «товар» и «челядь», причем предполагается у нового хозяина, отчима, возможность «срезать товаромъ темъ ли пригостить».⁶ Этот текст, видимо, ориентирован на ту же боярско-

вания этого имущества по силе закона» (М и л о в Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклоги), с. 150). Обзор мнений по этому вопросу см.: ПР, II, с. 621—625. Существует и другое мнение: задница — обыкновенное древнерусское наименование наследства, дом и есть задница (Р у д н е в Л. О духовных завещаниях. . . , с. 12; Ц и т о в и ч П. Исходные моменты. . . , с. 56—58). Это мнение кажется мне близким к истине. Трудно представить себе смерда, составляющего завещание на свое имущество: все, что от него остается, — это и есть задница. Задница — наследство как таковое — фигурирует и в ст. 98—100. Древнерусское право, по-видимому, не знало четкого противопоставления наследования по завещанию наследованию по закону.

³ Обзор мнений см.: ПР, II, с. 610—621, 626—632. И. И. Смирнов обоснованно видит в ст. 90 установление контроля над общиной-вервью со стороны феодального государства и одну из форм вторжения феодалов в сферу общинной собственности (С м и р н о в И. И. Очерки. . . , с. 80), хотя конкретное содержание этого явления остается не вполне ясным. Я. Н. Щапов высказал мысль, что суть ст. 90 в том, что «незамужние дочери получили право на „часть“ наследства, которая должна была заменить помощь ослабевшей общины» (Щ а п о в Я. Н. О функциях общины в Древней Руси, с. 18).

⁴ ПР, III, с. 60—61; ПРП, I, с. 117—118.

⁵ И. И. Смирнов справедливо рассматривает ст. 90 и 91 как более поздние по происхождению нормы, чем основная часть Устава о наследстве (С м и р н о в И. И. Очерки. . . , с. 73). Однако кодификация этих норм и включение их в текст Правды произошли, вероятно, на раннем этапе истории памятника — уже при составлении общего протографа Троицкого и Синодального списков.

⁶ ПР, III, с. 62; ПРП, I, с. 118.

дружинную, а также и на купеческую верхушку: именно в этой среде могли быть актуальны разбираемые вопросы. Следующий текст «О жене, аже ворчеться седети» (ст. 101—106) не имеет точного социального адреса. Казусы, которые в нем рассматриваются, возможны в принципе не только в феодальной среде. Однако то преимущественное внимание, которое Правда вообще оказывает социальным верхам, сказывается и на этом, относительно нейтральном на первый взгляд, тексте. Речь в нем идет прежде всего о достаточно большом имуществе и о достаточно богатых людях: вдова, растеряв «добыток» (тот же «товар» ст. 99), должна «платити. . . все детем» (ст. 101).⁷ Наконец, последняя статья «О заднице» (ст. 108) предполагает ателляцию братьев к княжому суду и пошлину в размере гривны кун.⁸ Это — стоимость лошади, вола или десятка овец. Ясно, что стоимость задницы, о которой «братья ростяжкуются», должна во много раз превышать размер пошлины — иначе иск о ней не имеет смысла. Итак, говоря о заднице, Правда имеет в виду прежде всего привилегированные или богатые слои общества, за исключением специально оговоренного казуса ст. 90.⁹

При ознакомлении с Уставом о наследстве Пространной Правды возникает существенно важный вопрос: какими нормами руководствуется наследственное право не привилегированной феодальной верхушки, не зависимых смердов, а основной массы населения города и деревни — тех людинов, чья жизнь оценена в 40 гривен? Это наследственное право, несомненно, существовало. Более того, оно по необходимости должно было составлять основу всех дальнейших узаконений. Цель и характер этих узаконений — выделение особых случаев, возникающих по мере роста феодальных отношений. Право-привилегия феодалов, как и неполноправие смердов, попавших в зависимость, — это возникающие в ходе общественного развития варианты и отклонения от общего обычного семейного и наследственного права, распространенного в среде непривилегированных свободных членов городской и сельской общины. Это право хорошо известно современникам Правды. Закон его в принципе не касается, он затрагивает только

⁷ ПР, III, с. 62—64; ПРП, I, с. 118—119.

⁸ ПР, III, с. 64; ПРП, I, с. 119.

⁹ Л. В. Черешни вполне прав, считая, что в Уставе о наследстве «правовые основы феодальной собственности получили развернутое обоснование» (Черешни и Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда, с. 267). Классовый характер Устава выступает со всей отчетливостью. Нельзя ввиду этого согласиться с господствовавшим в буржуазной историко-юридической литературе мнением, что «в эпоху Рус. Правды свободные и несвободные члены общества без всяких сословных различий пользовались правом на ряд, одинаковым для всех» (Руднев Л. О духовных завещаниях. . . , с. 22). Ст. 7 Смоленского договора 1229 г., на которую ссылается в данном случае Л. В. Руднев, не доказывает этого положения, в статье говорится только о том, что ответственность за долги переходит на фактического наследника («кто емлеть его останок», в другой редакции — «задницу возьмет»), а вовсе не о том, что князь холоп свободно распоряжается своим имуществом, составляет ряд и т. п. (ПРП, II, с. 60—61).

такие вопросы, которые связаны с новыми специфически феодальными отношениями. Только в связи с этими отношениями проникают в статьи Правды черты общего наследственного права ее эпохи. Такие черты, лишенные специфически феодальной окраски, можно обнаружить в ряде статей Устава о наследстве: в ст. 100 о меньшем сыне, в ст. 103 и 106 о матери. Черты обычного права отражаются косвенно и в других статьях, перемешиваясь с новыми феодальными категориями и приспособляясь к ним.¹⁰ Можно сказать, что Устав о наследстве в целом — это приспособление обычного общинного семейного права к нуждам новой феодальной среды.¹¹

В отличие от Правды ПСГ не содержит особого раздела, главы или устава о наследстве и семейном праве. Соответствующие вопросы разбросаны по многим статьям памятника. С точки зрения наследственного права существенное значение имеет текст статей [9]—[12](14—15). В этом тексте впервые фигурирует «приказник» — распорядитель имущества или наследник по распоряжению (приказу) завещателя, а не по закону (ст. [9]). В этой же статье упомянуты рукописание завещателя, которое «у него написано и в ларь положено», и «порядня». Приказник отвечает за долги завещателя только постольку, поскольку они оформлены документально — отражены в рукописании и обеспечены залогом и долговой записью. Это же правило распространяется и на иски приказника к должникам завещателя (ст. [10] и [11]).¹² Совсем иначе решается вопрос о ближайших родичах умершего — «а будет отец, или мать, или сын, или брат, или сестра, или кто ближняго племени, а животом владеет». Эти родичи подчеркиваются противопоставляются другим возможным наследникам — «а толко не стороннии люди». Сторонние люди — это, надо пола-

¹⁰ Я. Н. Шапов рассматривает ст. 92—95, 99, 100 как «по существу... не связанные с княжеской юрисдикцией и принадлежащие дофеодальному времени» (Шапов Я. Н. О функциях общины в Древней Руси, с. 17).

¹¹ И. И. Смирнов видит цель и смысл включения в Устав ст. 90 и 91 «в том, чтобы соотнести архаические социальные категории основного комплекса статей о наследстве с социальными категориями XII—XIII вв.» (Смирнов И. И. Очерки..., с. 73). А. А. Зимин рассматривает новые нормы Устава (в ст. 90, 91, 93, 95, 99, 103) как «распад общинных норм под влиянием развития частной собственности» (Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда. — Истор. запiski, 76. М., 1965, с. 268).

¹² Вопрос о составлении письменного завещания подробно разработан в византийской Эклоге — титул V, ст. 2, 4, 5, 7, 8 (Эклога, с. 52—53). В древнерусском переводе это гл. 2, 4, 5, 6, 7 зачатка 5 (МП, л. 176 об.—177 об.). В отличие от этого памятника ПСГ вовсе не определяет, как именно, при скольких свидетелях составляется рукописание. Можно было бы предположить, что при его составлении руководствовались нормами Эклоги, но этому противоречит то, что во всех сохранившихся псковских рукописаниях единственным свидетелем является пош (НПГ, № 8, 14, 15, 30, 33, 34, 35, с. 51—52, 56—58, 69—70, 72—75), тогда как Эклога называет точное число свидетелей — их должно быть семь и уж во всяком случае не менее трех. Свидетельство поша, заменяющее все остальные, говорит о том, что псковское рукописание — относительно более позднее явление.

гать, и есть приказники предыдущей статьи. Основное отличие ближнего племени от этих приказников — «им волно искати без заклада, и без записи умръшаго, а на них волно же искати» (ст. [12]).¹³ Практическое осуществление ст. [12] может привести к коллизии, рассматриваемой в ст. [101] (104). Суть ее — возможность выкупа ближним племенем земли, заложенной под ссуду. Эта возможность перерастает в необходимость, если только ближнее племя хочет сохранить за собой землю — иначе произойдет раздел последней «по делом, и по серебру» между кредиторами, даже не имеющими записи; у ближнего племени никто и не спросит, если только оно не захочет удовлетворить кредиторов. С другим подобным случаем знакомит ст. [91] (94). Братья обязаны выплатить отцовский долг без всяких документов: «. . . Скажут долгу отцово, а на отца записи не будет. . .».¹⁴ Таким образом, Грамота устанавливает два типа наследства, отличающиеся по объему наследственных прав: наследство приказника и наследство ближнего племени.

Основная черта наследства приказника — его тесная связь и обусловленность с документально зафиксированной волей завещателя — порядней и рукописанием. Документ обеспечивает и владение наследством, и возможность иска к должникам; иск на наследство тоже должен иметь строго документальный характер — патриархальный иск по доске не принимается во внимание. Назначение наследников по приказу не связано, видимо, ни с какими ограничениями общего характера. Их права обеспечиваются точно фиксированными и заверенными документами. Никаких следов патриархальной старины, традиционных неформальных отношений тут не видно. Напротив, отношение к наследству ближнего племени основано целиком на неформальном, недокumentальном

¹³ Эту статью можно сравнить с титулом VI Эклоги «О наследующих без завещания. . .» (Эклога, с. 54), которому в древнерусском переводе соответствует зачало 7 «О сродствѣхъ степенни, и о незавѣтующихъ, естествоныхъ наслѣдницѣхъ» (МП, л. 179 об.). В отличие от Эклоги ПСГ не поясняет, в каком порядке идут наследники по закону; возможно, этот порядок устанавливается на основании того же Мерила Праведного. Вопрос о долгах, лежащих на наследстве, Эклога решает в ст. 8—12 титула VI (Эклога, с. 54—55). Суть этого решения в том, что наследник по закону обязан удовлетворить кредиторов, о наличии которых ему известно (ст. 8); те же кредиторы, которые появляются позднее, удовлетворению не подлежат (ст. 10) (обе эти статьи в гл. 3 древнерусского перевода). ПСГ, как видим, ставит вопрос о кредиторах совсем по-другому — в центре ее внимания письменная или какая-либо другая фиксация сделки займа. Можно думать, что ст. [12] ПСГ накладывается на имевшее на Руси хождение правило Эклоги и содержит дальнейшую разработку этого правила применительно к русским условиям. И. И. Полосин верно отметил в этой статье противопоставление «большой семьи» «сторонним людям» («суседям») и нежелание законодателя вмешиваться в обычное семейное право — «внутрисемейные дела решались по пошине» (Полосин, с. 64).

¹⁴ Эта норма на протяжении нескольких веков бытовала у крестьян Средней России (см.: Добротворский Н. Крестьянские юридические обычаи в восточной части Владимирской губернии. — Юрид. вестник Моск. юрид. о-ва, 1889, июль—июль, с. 288—289). ПСГ отражает далеко не только местное, но и общерусское обычное право.

праве. Ближнее племя безусловно связано с личностью умершего и полностью продолжает эту личность в сфере имущественных отношений. Ни рукописание, ни порядня здесь не имеют существенного значения — вопрос о долгах завещателя и о данных им ссудах решается без предъявления каких-либо документов. Единственное условие для иска в данном случае — фактическое владение имуществом («а животом владеет»). По смыслу ст. [12] ближнее племя вступает в права наследства независимо от того, есть ли рукописание — в силу естественного права членов семьи.

В Пространной Правде вопрос о распоряжении имуществом со стороны завещателя поставлен в ст. 92, входящей в текст «О заднице боярстей и о дружинней». Эта статья предусматривает два возможных варианта: «кто умирая разделить дом свои детем» и «паки ли без ряду умереть». В первом случае воля завещателя признается безусловной — «на том же стояти». Во втором случае следует передача имущества «всем детем» (в совместное владение или в раздел — не ясно) и выделение части в качестве вклада по душе.¹⁵ Никакого третьего варианта Правда не знает. Ряд Правды в данном случае — это условия раздела дома между детьми. Эти условия зависят от воли завещателя.¹⁶ Но ни о какой передаче дома сторонним людям нет и речи — наследниками могут быть только прямые потомки, члены семьи завещателя. Той же идеей проникнуты и другие статьи Устава о наследстве. Так, по ст. 103 с имуществом матери можно распорядиться следующим образом: «кому мати дать, тому же взяти»; «дать ли всем, а вси розделять»; «без языка ли умереть, то у кого будеть на дворе была и кто ю кормил, то тому взяти». Ст. 106 поясняет: «Аче и вси сынове еи будут лиси, а дчери можеть дати, кто ю кормить».¹⁷ Следовательно, хотя «матерня часть не надобе детем» (ст. 103), т. е. не составляет части наследства, идущего непосредственно наследникам, но возможности матери распоряжаться своей частью строго ограничены кругом ее детей — сыновей, в крайнем случае дочерей.¹⁸ Случаи и способы перехода имущества в другие руки Правде не известны.

Эти способы знает ПСГ, которая четко связывает их с документом — письменным распоряжением об имуществе. Приказник Грамоты — это новая фигура, относящаяся к тому же кругу явлений, что и рукописание и запись, это — явления, означающие шаг вперед по сравнению с Правдой в области формализации иму-

¹⁵ ПРП, I, с. 117.

¹⁶ Обычай требовал равного наделения детей: об этом говорит русская редакция Закона Судного Людем в статье «О дѣтех»: «Аще отец не вравняетъ дѣти и овому мало предасть, овому много, а другаго лиха сотворить за гнѣвъ нѣвакъ, да ся раздѣлитъ всимъ равно на части» (ЗСЛП, с. 144). Об этом же см. статью «Отцю с детми» в сборнике XVI в. «Цветник» (ГИМ, Синодальное собрание, № 687. (326), л. 70 об.).

¹⁷ ПРП, I, с. 119.

¹⁸ Текст Правды не дает основания увидеть вместе с Л. В. Рудневым легальную возможность для матери отдать свою часть в посторонние руки (ср.: Руднев в Л. О духовных завещаниях. . . , с. 17).

пественных отношений. Но сама эта формализация в свою очередь свидетельствует о дальнейшем — и существенном — развитии права собственности. Именно это развитие обуславливает необходимость строгой формализации отношений в той же мере, в какой расширяются права собственника на распоряжение имуществом. Появление приказника не означает еще исчезновения старых, традиционных отношений, восходящих по форме и по существу ко временам Правды. О сохранении таких отношений свидетельствует ст. [12] с ее особым порядком исков к ближнему племени. Этот порядок — старый порядок, которому противопоставляется теперь новый порядок со своими основными атрибутами — рукописанием и записью. Можно сказать, что утверждение и развитие нового наследования по воле завещателя со строгим документальным оформлением означает замену старого, патриархального по существу обычая новым феодальным законом. Но эта замена еще не завершилась — в ст. [9]—[12] оба порядка еще сосуществуют.

Что практически представляло собой рукописание псковитина, показывают дошедшие до нас псковские духовные грамоты. В своем рукописании Анцыпор «живот свои весь, да и половину сел своею земли у пустошь у Темши все спол что ни есть» отказал «жене своей Федосьи до еѣ живота». «После еѣ живота» все имущество, «все споль что ни есть» передается дочери Марфе «в одерень», в полную и безусловную собственность. Две другие дочери — Анна и Оксенья — и вся другая родня не должны «вступатись... в... дань».¹⁹ Анцыпор сам устанавливает круг своих наследников, сам определяет и объем их владельческих прав. Исключение двух дочерей из наследства объясняется, надо полагать, их замужеством; характерно, что жена становится не собственницей, а только пожизненной владелицей имущества, которое потом должно все целиком перейти к дочери. В ограничении прав жены (вдовы) при детях сказывается связь с древним наследственным правом Правды — «Аже жена сядеть по мужи, то на ню часть дати», но «задница ей мужня не надобе» (ст. 93) — и необходимость передачи этой части затем детям (ст. 103, 106).²⁰ Имущество остается в роде (семье) мужа — основной смысл постановлений Правды, отраженный и в рукописании Анцыпора. Особая оговорка об исключении боковых родственников свидетельствует об остатках старого неписанного права всей родни на имущество родича. Таким образом, в рукописании Анцыпора отразились как старые, восходящие к Правде, так и относительно новые явления, свидетельствующие о нарастающей самостоятельности завещателя. При этом необходимо подчеркнуть, что Анцыпор, судя по всему, отнюдь не феодал, а скорее всего мелкий вотчинник промежуточного типа — он владеет одним селом у пустоши, т. е. одним жи-

¹⁹ НПГ, № 8, с. 51—52.

²⁰ ПРП, I, с. 118, 119.

лого участка. Любопытно также, что он не упоминает ни о каких своих долгах, ни о должниках. Его жена и дочь, хотя и вступают в наследство по рукописанию, тем не менее, надо полагать, попадают под действие ст. [12] ПСГ, относятся к ближнему племени завещателя и несут полную ответственность перед кредиторами Анцыпора, сохраняя в то же время право требовать его долги.

В аналогичном положении оказываются, вероятно, и другие вдовы, вступающие в наследство по рукописанию. Так, Семион завещает в своем рукописании жене Федосье «животное свое получение. . . в одерень», с обязательством помянуть его. Вотчину же свою (землю в Смоленской губе) он дает ей только «до живота и до замужа», после чего земля должна перейти к брату Василию, но тоже только «до живота». Все прочие родичи отстраняются от наследства.²¹ Перед нами такой же мелкий вотчинник, как Анцыпор, владелец безымянного села, на котором сам живет и ведет хозяйство, и половины подклета. Он распоряжается своей землей не только перед смертью, но и после нее, стараясь предвидеть все возможные коллизии и сооружая иерархическую лестницу наследников. Аналогичными чертами проникнуто и рукописание Павла, земляка Семиона и такого же мелкого вотчинника, тоже живущего в Смоленской губе и тоже женатого на Федосье. Эта Федосья получает по рукописанию право «добрвольно. . . пить. . . и есть со отчине моеи и до ея живота». При выходе замуж Федосья наделяется имуществом в одерень; в случае ее смерти «село земли» дается монастырю. С точки зрения ст. [9] интересно распоряжение: «А живот свои спол весь, что ни есть весь приказчиком своимъ испродать да в милостиню роздать» (в случае смерти жены). Приказчик здесь — не наследник, а только распорядитель по завещанию. Это Игнатий, дьякон Смоленской церкви.²²

Мелкие владельцы Анцыпор, Семион и Павел однозначно и просто распоряжаются своим имуществом, передавая его во временное владение жене с обязательством сохранения вотчины. Другой характер носит рукописание Никиты Хова, относительно более крупного собственника, которого можно считать феодалом. В отличие от Анцыпора, Семиона и Павла Никита Хов не в предсмертной болезни, а еще при животе учиняет ряд «животу своему и всему чему ни есть». Он — владелец четырех сел, в трех из которых упомянуты зависимые люди («Кукасово сидѣнье», «Махнаво сидѣнье», «Кустово сидѣнье»), нескольких дворов и т. п. Сложное и разнообразное имущество требует соответственно сложных и разнообразных распоряжений: одно село дается сыну и внуку в одерень, другое — завещается в монастырь; два села даются в пожизненное владение жене и дочери, после чего должны

²¹ ПСГ, № 14, с. 56—57.

²² Там же, № 15, с. 57—58.

быть переданы в монастыри.²³ Перед нами — рукописание со сложным рядом, свойственное богатеющей верхушке псковского общества.

В ст. [46] (55) фигурируют «приказное» и «отморшина». Приказное — это то, о чем говорится в ст. [9]—[11], — наследство по завещанию, наследство приказника. Надо полагать, что отморшина здесь соответствует категории ст. [12] — наследству ближнего племени, не связанному в обязательном порядке с рукописанием. Таким образом, и в ст. [46], как и в сохранившихся рукописаниях, обе формы наследства стоят рядом. Но ст. [46] интересна и в другом отношении. Она разбирает казус, когда наследство оспаривается — «поимаются за отморшину отца его, или приказное». Эта ситуация существенно отличается от той, о которой говорится в ст. [9]—[12]. Там речь шла только о долговых обязательствах, здесь — о самом наследстве в целом. В этом случае соседи или сторонние люди, «став человек 4 или 5, а молвят, как право пред богом, что чисто у него, отморшина отца его, ли приказное, — ино у кого поимался, и целованна ему нет, а тот не доискался». Если же таких людей не найдется, следует «правда дать» — присягнуть, «как чисто отморшина».

Итак, спор о самом наследстве как таковом решается не предъявлением документа, а показаниями соседей. Таким же образом в ст. [6] (9) решается спор о земле полней, в ст. [42] (51) — вопрос о покруте с изорника. Решающее значение показаний соседей — отражение таких отношений, когда все важные события совершаются у них на глазах, когда в силу самого строя жизни эти соседи и сторонние люди (не первые встречные, а только непосредственно не заинтересованные в процессе) не могут не быть в курсе того, что происходит во дворе друг у друга. Перед нами — патриархальная среда мелких городских и сельских владельцев, связанных друг с другом общностью хозяйственных интересов, — типичная среда средневековой городской или сельской общины. Ст. [46] имеет дело именно с такой социальной средой. Приказник этой статьи еще не полностью отделился от среды соседей, и даже имея рукописание, он вынужден оглядываться на эту среду и искать у нее поддержки. Владелец отморшины отца своего в еще большей степени зависит от соседей в силу самого отсутствия документа. От ст. [46] веет глубокой стариной.²⁴ Основные ее положения восходят, без сомнения, ко временам Правды, когда основные спорные вопросы, связанные с наследством, решались не иначе, как «перед людьми», «перед людьми» устанавливалась опека и оценивалось имущество опекаемых (ст. 99), имущественная ответственность отчима определялась по тому, как «людые вылезут» (ст. 105).²⁵ В противовес формализованным отноше-

²³ Там же, № 30, 31, с. 69—71.

²⁴ Полосин, с. 84.

²⁵ ПРП, I, с. 118, 119.

ниям ст. [9]—[11] эта старина продолжает господствовать в среде городских и сельских общинников-соседей, далеко не сразу уступая место новому формальному праву.

Существенное значение для характеристики наследственного права имеют ст. [78]—[81] (84—86), связанные с наследством изорника. По ст. [78] (84), в случае смерти изорника «у государя на сели» его имущество идет на уплату покругу государю — но только при отсутствии ближнего племени. Если же такое племя налицо, оно вступает в наследство и несет ответственность за выплату покругу (ст. [79]—[81]), причем в определенных случаях может предъявить и встречный иск государю (ст. [81] (86)). Безусловная связь ближнего племени с долговыми обязательствами по наследству особенно подчеркивается в ст. [79] (85): если жена и дети изорника даже не были в записи, они все равно обязаны выплачивать покругу, взятую главой семьи по записи; если записи не было — они платят на общих основаниях, по псковской пошлине.²⁶ Статьи о наследстве изорника, социально-экономический аспект которых я попытаюсь рассмотреть ниже, позволяют сделать важные наблюдения. Новое право не дошло еще до изорничьей, типично крестьянской среды; здесь продолжает господствовать старое патриархальное наследственное право: ближнее племя вступает в наследство без какой-либо документации, автоматически; ни о каком рукописании нет и речи. Новые формальные отношения проникают в крестьянскую среду в первую очередь в виде записи долговых обязательств по покруге; характерная черта этих отношений — их противопоставление псковской пошлине, т. е. обычному старому порядку, как об этом прямо говорит ст. [79]. Это противопоставление в том, что право, основанное на записи, исключает необходимость апелляции к соседям, означает эмансипацию от их среды, самостоятельность государя — кредитора, взыскивающего свой долг. Статьи о наследстве изорника свидетельствуют, что новое наследственное право, основанное на документе и исходящее из широких возможностей порожжения имущества со стороны завещателя, зародилось прежде всего в социальных верхах. Крестьянская масса живет еще в основном по старому праву, хотя ст. [46] показывает, что приказное уже начинает проникать в среду соседей.²⁷

²⁶ Этот момент верно подчеркнут И. Д. Мартысевичем. Жена и дети «рассматривались прямыми наследниками умершего изорника» — именно поэтому они «не имели права отказываться от уплаты. . . „покругу“» (М а р т ы с е в и ч И. Д. ПСГ, с. 90—91). Это не помешало, однако, И. Д. Мартысевичу прийти к неожиданному выводу, что в «Псковском государстве», как и в Киевской Руси в эпоху Правды, «различалось наследование после изорников и после помещиков» (там же, с. 93).

²⁷ Л. В. Руднев, отрицавший в принципе какие-либо существенные изменения в праве наследования ПСГ от Русской Правды, тем не менее верно отметил: «Словесный ряд, вероятно, продолжал применяться. Но при мало-мальски крупном наследстве. . . пользовались письменной формой», признав

Вопросы наследственного права отражены и в ст. [63] (72). Если статьи о крестьянском наследстве говорят о животе, переходящем к ближайшему племени, то ст. [63] вводит нас в качественно иную среду и рисует принципиально другую ситуацию. Персонаж этой статьи владеет наследством по рукописанию, как и приказник ст. [9]—[11]. Но его наследство не полная собственность, а только условное владение — «кормля». Это владение без права отчуждения, в частности без права продажи. Объект такого владения не движимое имущество (живот), а земельная собственность — земля или угодье. Автор рукописания распоряжается своей собственностью, передавая ее по наследству на определенных, точно фиксированных условиях. Ни обычное право, отразившееся в статьях о наследстве изорника, ни Устав о наследстве Правды подобного явления не знают. Институт кормли — новое социальное явление, которое свидетельствует о развитии нового права земельной собственности, принципиально отличающегося от старого патриархального права, основанного на обычае и продолжающего господствовать в крестьянской среде. Это новое право, опирающееся на письменный акт — документированную волю завещателя, — распространяется в среде феодалов и мелких вотчинников, эмансипировавшихся от общины.²⁸

Примерами таких вотчинников могут служить авторы рукописаний, рассмотренных выше. Мелкие вотчинники Анпышор, Семион и Павел, так же как и мелкий феодал Никита Хов, в своих рукописаниях назначают кормли своим женам и дочерям.²⁹ В рукописании Семиона вдове дается село «до живота и до замужа» с обязательством передать это село брату завещателя. Но и брат Василий оказывается только временным владельцем — тоже до живота, после чего село переходит брату Григорию на тех же началах. Окончательным и безусловным собственником села назначается церковь св. Николая в Смолинах. Перед нами — кормля в семье мелких вотчинников, причем кормля, предусматривающая переход из рук в руки трем последовательным владельцам. От этой кормли принципиально отличается передача брату Василию «половины подклета на городке». Это имущество дается ему «в одерень за приказ».³⁰ Отличает кормлю от дачи в одерень и мелкий вотчинник Павел: его жена, согласно рукописанию, получает в одерень только часть имущества в случае выхода замуж, а «село

тем самым социальную обусловленность письменного завещания (Р у д н е в Л. О. духовных завещаниях. . . , с. 77).

²⁸ Л. В. Руднев увидел принципиальную возможность подобной кормли еще в духовной Климентя Новгородца (ранее 1270 г.) (Р у д н е в Л. О. духовных завещаниях. . . , с. 51). Возможно, что условное наделение землей по завещанию существовало и в XIII в., однако сама духовная Климентя ничего об этом не говорит; из того, что Климент завещает села в одерень, трудно вывести, «что отказывали имущество и как-либо иначе, т. е. . . в пользование-владение».

²⁹ ННГ, № 8, 14, 15, 30, с. 51—52, 56—58, 69—70.

³⁰ Там же, № 14, с. 56—57.

земли» в конечном счете переходит в руки церкви св. Николы.³¹ Приведенные примеры свидетельствуют, что кормля по рукописанию, предмет ст. [63], распространена не только в среде настоящих феодалов и вовсе не всегда может рассматриваться как феодальное держание.³² В духовной Никиты Хова земля, данная в кормлю жене и дочери, четко противопоставляется селу; дворам и огородам, даваемым в одерень наследникам мужского пола; жена и дочь в одерень получают только клеть.³³ Четкое деление недвижимого имущества, завещаемого одному и тому же лицу, на кормлю и в одерень содержится в духовной Акилины — предстательницы феодальных верхов: ее муж, князь Федор, получает семь дворов и половину мельницы в кормлю, а село на Кеби, клеть и двор в городе — в одерень; после смерти мужа его кормля переходит к монастырю Успения. Кормлю получает и племянник завещательницы с обязательством передачи ее в дальнейшем Трехсвятительскому монастырю.³⁴ Любопытный пример кормли находим в духовной мелкой вотчинницы Ульяны. Свое «село земли» она завещает «деверицицю своему» до живота, а затем «отроду его потому ж кормити имъ до смерти», после чего эта земля переходит в Духовский монастырь.³⁵ Кормля, созданная по духовной Ульяны, дается двум последовательным поколениям владельцев, но это все-таки кормля, т. е. владение без права распоряжения. Другим примером потомственного держания является кормля, назначенная Осипом его дочерям: в случае бездетной смерти («а не будетъ у нихъ отрода») их владения («двор. . . , две пожни. . . и отчина») переходят в Богородицкий монастырь.³⁶ В этой духовной, таким образом, предусматривается возможность перерастания кормли в постоянное и, вероятно, безусловное владение; если у дочерей будет «отрод», именно он станет собственником их кормли. Итак, псковские духовные свидетельствуют об актуальности ст. [63]. Кормля — широко распространенное явление, существующее в разных, иногда довольно сложных вариантах и формах.

Социально и генетически со ст. [63] связаны ст. [83] (88) и [84] (89). По структуре, содержанию и терминологии обе статьи идентичны. Первое исходное положение их — наличие отчины, земельной собственности как у мужа, так и у жены, второе положение — возможность распоряжения этой собственностью посредством рукописания. Перед нами — определенная социальная среда, среда земельных собственников, свободно распоря-

³¹ Там же, № 15, с. 57—58.

³² На эту черту кормли обратила внимание Л. М. Марасинова (Новые псковские грамоты. . . , с. 127).

³³ НИПГ, № 30, с. 69—70.

³⁴ Там же, № 33, с. 72—73.

³⁵ Там же, № 34, с. 74. — См.: Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт средневековой Руси. (От Русской Правды до Псковской Судной грамоты) — Вспомогат. истор. дисциплины, VI. Л., 1974, с. 139.

³⁶ НИПГ, № 35, с. 75.

жающихся своим недвижимым имуществом. Для их социально-экономической характеристики в данном случае не важны ни их место в феодальной иерархии, ни масштаб их владений. Эта характеристика определяется самим фактом наличия самостоятельной земельной собственности и возможности самостоятельного распоряжения ею. В данном случае не существенно, какие феодалы перед нами — настоящие, как Никита Хов и Акплина, или потенциальные — мелкие вотчинники промежуточного типа, еще не успевшие обзавестись зависимыми крестьянами. Для нас здесь важно установить основной факт — тесную связь рукописания, писанного завещания, именно с распоряжением земельной собственностью. Ст. [83] и [84] наглядно показывают эту связь, свидетельствуя тем самым о той среде, в которой зарождается и развивается новое письменное наследственное право. Однако содержание этих статей отнюдь не исчерпывается упоминанием о возможности распоряжения земельной собственностью посредством рукописания. Эта возможность здесь только упоминается, составляя фон, на котором разворачивается основное содержание статей. Отчина одного из супругов, умершего без рукописания, переходит к другому супругу во временное условное владение, кормлю, пожизненно или до нового брака. Эта кормля отличается от той, о которой говорится в ст. [63] и в рассмотренных нами духовных. В ст. [63] кормля назначена в рукописании завещателя, в ст. [83] и [84] она существует именно вследствие отсутствия такого рукописания. Это кормля по закону или обычаю, а не по воле завещателя.

Ст. [84] идейно связана с положением ст. 93 Правды «Аже жена сядет по мужи, то на ню часть дати. . .», далее развиваемом в ст. 103 того же памятника: «А матерня часть не надобе детям. . .». Правда тоже предусматривает выделение вдове пожизненной части, причем такой части, которая должна после ее смерти вернуться к детям — основным наследникам («. . . кому мати дать, тому же взяти. . . у кого будеть на дворе была и кто ю кормил, то тому взяти», и даже «дчери может дати, кто ю кормить»).³⁷ Обычай выделения вдове-матери части имущества мужа сам по себе едва ли имеет собственно феодальное происхождение и не обнаруживает необходимой связи со специфически феодальными категориями, однако подчеркиваемое Правдой отделение части вдовы от наследства-задницы, переходящей детям, свидетельствует косвенно о значительных размерах имущества, о котором идет речь, и заставляет предполагать, что здесь перед нами — феодальная модификация обычного права, во всяком случае приспособление этого права к нуждам самостоятельной верхушки. Вдова пожизненно владеет своей частью независимо от детей — в этом суть постановлений Правды «О жене, аже ворчеться седети».

³⁷ ПРП, I, с. 118, 119.

В отличие от Правды ст. [84] ничего не говорит о детях. По-видимому, она исходит из того, что брак бездетен; иначе трудно себе представить, что вся отчина и весь живот мужа переходят к вдове, минуя прямых наследников. При наличии же наследников продолжает действовать, надо полагать, старое правило Устава о наследстве о части, выделяемой жене. Ст. [84] подчеркивает временный характер владения вдовы. Отчина мужа в принципе рассматривается как часть земельной собственности его семьи и его родни; эта отчина рано или поздно должна вернуться в руки родичей. Феодальное право распоряжения собственностью по рукописанию сочетается с патриархальным по происхождению правом семьи и рода на свой аллод — свои родовые земли. В условиях феодального общества это старинное право приобретает новый социальный смысл, превращаясь в один из устоев растущей феодальной земельной собственности.

Тенденции развития этой собственности в еще большей мере пронизывают ст. [83]. Отчина женщины — это то, о чем говорит ст. 91 Правды — «оже не будет сынов, а дщери возмутъ».³⁸ Правда относит это предписание только к заднице «боярьстей» и «дружинней». Во времена ПСГ переход земли по наследству к дочерям потерял, по-видимому, характер особой привилегии княжой дружины и стал общим правилом в среде земельных собственников. Иначе он бы не отразился в Грамоте.³⁹ Но женщина не только наследует землю — она может и распоряжаться ею, составив свое рукописание. Реализация этого права — духовные Акилины и Ульяны. Если Акилина, как относительно крупная собственница и жена князя, подпадает под ст. 91 Правды, то этого никак нельзя сказать о мелкой вотчиннице Ульяне.⁴⁰ Право земельной собственности, таким образом, вполне распространяется и на женщину. Принципиально ее рукописание не отличается от рукописания ее мужа. Но и здесь, разумеется, действуют те же родовые поземельные связи. Отчина жены рано или поздно возвращается к ее родичам (или подается по душе, как в известных нам духовных). Ст. [83] и [84], свидетельствуя о значительном развитии письменного наследственного права, права феодального по своему существу и тенденциям, показывают в то же время связь этого права со старинным Уставом о наследстве и с патриархальными традициями, перерождающимися в условиях феодального общества.

Вопросы передачи имущества родичам находят отражение и в ст. [96] (100). Если сюжет о прямых наследниках освещен еще в Уставе о наследстве Пространной Правды, а проблема собственности бездетных супругов рассмотрена в ст. [83] и [84] Грамоты,

³⁸ Там же, с. 117.

³⁹ Трудно согласиться с И. И. Полосиным, который хочет видеть в персонажах ст. 88—89 и следующих непременно «боярина» и «боярыню» (Полосин, с. 95—96).

⁴⁰ НПП, № 33, 34, с. 72—74.

то ст. [96] ставит вопрос, можно ли передать свое имущество боковому родственнику? Статья отвечает на этот вопрос утвердительно. Однако такая передача должна быть надлежащим образом оформлена. Грамоты на живот или на отчину — необходимый, но недостаточный элемент этого оформления; необходимо еще участие попа или сторонних людей, общественное засвидетельствование совершенного акта. Только в таком случае данье становится бесспорной собственностью рецетора, даже в случае отсутствия в дальнейшем письменного завещания. Таким образом, «племянник» ст. [96] — это не приказник ст. [9]. Он занимает промежуточное положение между этим приказником, опирающимся на рукописание, и ближним племенем, не нуждающимся ни в каком документе. В то же время племянник полностью подпадает под действие ст. [46]; данье, которым он владеет, должно быть с необходимостью засвидетельствовано сторонними людьми, несмотря ни на какие грамоты.⁴¹

Ст. [96] отражает определенную систему взглядов на право наследства. Живот и отчина рассматриваются в принципе как нечто, имеющее перейти по наследству к ближнему племени или к приказнику. Собственник имущества может передать его в сторонние руки не иначе, как с соблюдением определенных формальностей: иначе его данье будет недействительным и может быть в дальнейшем востребовано наследниками. При этом речь идет именно о данье-даре, а не о купле-продаже, когда имущество обменивается в принципе на свой эквивалент, подлинный или мнимый. Следует также отметить, что данье-дар допускается только по отношению к племяннику; возможность дара посторонним лицам, видимо, не предусматривается вовсе. Такое стеснение воли собственника носит архаический характер, восходя к временам, когда подобные отчуждения были редким, исключительным явлением. Вспомним, что ни в одной из известных духовных писовитинов ничего не говорится об отчуждении имущества посторонним лицам. Аналогично этому бездетный новгородец XIII в. Климент в своей духовной, завещая Самуиловское село «Воинову сынови Аньдрью», подчеркивает, что это не дар: «. . . То же есмь не даромъ даль, платилъ за мене Данило и Воинъ искупъ литовскыи». Данилы в живых уже нет — его сын Володислав получает сивого жеребца.⁴² Вместе с тем, однако, ст. [96] вовсе не архаична ни по форме, ни по существу. Она требует письменного оформления

⁴¹ Ст. [96] близка к ст. 2 и 3 титула IV византийской Эклоги (Эклога, с. 51), вошедшим в гл. 2 и 3 зачатка 4 древнерусской Эклоги (МП, л. 175 об., 176). Однако существенное отличие ПСГ в том, что она говорит не о даре вообще, как Эклога, а только о даре племяннику — родичу. Средневековое русское право развивается самостоятельно, не копируя византийский образец. Ст. [96] отличается от Эклоги и по форме совершения акта дарения — точное число сторонних людей не обозначено (в Эклоге их пять или три); их присутствие может быть заменено свидетельством попа.

⁴² ГИИ, № 105, с. 162.

акта дарения; свидетельство сторонних людей может быть заменено присутствием попа, который не может рассматриваться в данном случае как эвентуальный представитель сторонних людей, а играет вполне самостоятельную роль духовника дарителя.⁴³

Право наследников на имущество, в частности на отчину, — это не только старая традиция, но и один из главных атрибутов феодального правосознания. В ст. [96], как и в других статьях Грамоты о наследстве, элементы старого сочетаются с новизной, переплетаются с ней и приспособляются к ней. Старая форма служит новым отношениям — отношениям, основанным не на принадлежности к миру соседей, а на владении земельной собственностью, переходящей по наследству и более или менее свободно отчуждаемой по грамотам. Однако было бы глубоко ошибочным видеть в Грамоте только или по преимуществу отражение черт нового феодального права наследования, опирающегося на документ и имеющего своим предметом значительное по размерам и ценности имущество, прежде всего земельную собственность. Ряд статей Грамоты опровергает подобную мысль. Так, ст. [44] (53) имеет дело с казусом, типичным не для феодальной среды, а прежде всего для среды мелких городских обывателей и крестьян. Эта статья отражает старый обычай, старое обычное право.⁴⁴ По содержанию это право близко к зафиксированному в ст. 92 Правды: часть, которой лишается нерадивый сын, это и есть результат того действия отца («умирая разделить дом свои детям»),⁴⁵ которое Правда считает нормой. Ст. [44] Грамоты рисует картину совместного проживания сына с родителями до их смерти — только в этом случае он может претендовать на часть в наследстве. Уход из дому приравнивается к отказу «скормить» престарелых родителей; ни о каком выделении взрослого сына нет и речи.⁴⁶ Перед нами — спаянная в хозяйственном отношении семья, включаю-

⁴³ Едва ли можно согласиться с замечанием И. И. Полосина по поводу рассматриваемой статьи, что «сила свидетельских показаний с течением времени явно возрастала» (Полосин, с. 100).

⁴⁴ «Аже сын отца или матер не скормит до смерти, а поидет из дому, части ему не вять». — Н. Л. Дювернуа увидел связь этой статьи с Прохироном (грань 33, л. 4), но тут же справедливо указал, что русская практика «своеобразно... принимала начала чужого права» (Дювернуа Н. Источники права... с. 322). В действительности ст. [44] русского происхождения; прямой текстуальной связи со статьей Закона Градского («Аще в болъзнии дълговременънъи слежащимъ имъ...») она не обнаруживает, хотя и близка ей по тематике (МП, л. 294 об.).

⁴⁵ ПРП, I, с. 117.

⁴⁶ Текст ст. [44] не дает прямого ответа на вопрос, поставленный в литературе: идет ли в ней речь о сыне, ушедшем из дому с согласия родителей и получившем свою долю (Ц и т о в и ч П. Исходные моменты в истории русского права наследования, с. 108), или об оскорбительных поступках сына и его самовольном уходе (как считают, например, Н. Л. Дювернуа и В. И. Сергеевич). Сама постановка такого вопроса кажется несколько искусственной: текст статьи не дает такой альтернативы, уход сына из дому рассматривается в ней однозначно, не расчлененно,

шая, может быть, и третье поколение — детей взрослого сына. Ст. [44] объясняет, почему ближнее племя, и в первую очередь прямые наследники, вступает в наследство без всякого рукописания; ближнее племя — это те, кто живет в доме, ведет одно хозяйство и тем самым естественно и непосредственно продолжает личность хозяина дома. Здесь нет места рукописанию и приказнику; эта среда патриархальна по самому своему существу.⁴⁷

Но и смерть домовладыки не означает обязательного распада хозяйственных связей между братьями. Ст. [91] (94) предусматривает ситуацию, когда взрослые братья живут «в одном хлебе» — ведут одно хозяйство. В этом случае братья несут коллективную ответственность за отцовский долг («заплатит опчим животом»), причем формально это возлагается на «вяшьчего» брата — он и есть глава неразделенного дома. В одном хлебе могут жить не только родные братья, но и двоюродные — внуки одного деда; о такой ситуации говорит ст. [92] (95). Совместное ведение хозяйства такими родственниками — несомненное следствие порядка, отраженного в ст. [44], и не менее ясное объяснение происхождения особого права наследования ближнего племени.⁴⁸

В этом смысле порядки, рисуемые Грамотой, консервативнее и патриархальнее, чем Устав о наследстве Правды. Хотя ст. 92 Правды не дает бесспорных оснований говорить об обязательном физическом и юридическом разделении дома между детьми (слова «всем детям» можно понимать и как совместное владение), большинство ее статей исходит из факта самостоятельного ведения хозяйства каждым из наследников. Так, ст. 100 предусматривает передачу отцовского двора меньшему сыну, значит, другие сыновья жили в других дворах. Ст. 103 предполагает, что мать «без языка ли умереть» на дворе у одного из сыновей, «кто ю кормил», а не на общем дворе. Само исходное предположение, что мать «кормит» только один из сыновей — «которые сын добр» — или даже дочь (ст. 106) и что наряду с добрым сыном могут быть и такие «сынове», которые «еи будут лиси», свидетельствует, что именно разделение

⁴⁷ На связь ст. 53 со старой псковской пошлиной обратил внимание И. И. Полосин. Трудно, однако, согласиться с ним, когда он видит в ст. 53 «семью собственников» и связывает эту статью с вопросом о продаже князю (Полосин, с. 83). Обычай, зафиксированный в этой статье, широко бытовал среди крестьян разных местностей России еще в конце XIX в.; см.: П а х м а н С. В. Обычное гражданское право в России, т. 2. СПб., 1879, с. 324; Е ф и м е н к о П. С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии, кн. 1. Архангельск, 1869, с. 70—71; Р у д н е в Л. О духовных завещаниях. . . , с. 92.

⁴⁸ Из этого, однако, нельзя делать вывода, что во всех случаях «братья, получившие наследство. . . должны были сообща владеть им, не дели на доли» (М а р т ы с е в и ч И. Д. ПСГ, с. 91). Нераздельное владение братьев вовсе не было правилом — об этом свидетельствуют псковские духовные, предполагающие раздельную собственность. Так, Семион завещает «село земли» после живота жены брату Василию, а после него — брату Григорию. Такое распоряжение было бы невозможным при обязательном совладении братьев (НПГ, № 14, с. 56—57).

старого дома на новые самостоятельные хозяйства, каждое со своим двором — это и есть норма отношений между наследниками.⁴⁹ Практически такие отношения в качестве нормы и господствующего явления могут возникнуть прежде всего в среде достаточно обеспеченной, в которой подобный раздел старого дома не приводит к полному хозяйственному упадку. К такой среде, как мы видели, и обращает Правда свой Устав о наследстве.

Другую картину рисуют только что рассмотренные статьи ПСГ. Персонажи ст. [44], [91] и [92] держатся за свое совместное хозяйство, дом и хлеб; раздел такого хозяйства становится обязательным только при особых обстоятельствах — при явно недобросовестном поведении одного из братьев (ст. [92]). Это не значит, конечно, что раздел старого дома — редкое или исключительное явление. Сказанное означает только, что ПСГ уделает неразделенному хозяйству гораздо больше внимания, чем Правда. Причина этого не в регрессивном развитии отношений, а в том, что статьи ПСГ относятся к другому социальному слою, чем Устав о наследстве Правды. Это — слой мелких хозяев, для которых разделение имущества было далеко не всегда желательным или возможным. Это — тот слой мелких горожан и крестьян, к которому относится и множество других статей Грамоты, слой, почти не видимый в Правде, но составляющий основу общества и впервые попадающий в поле зрения права вечевое города-земли.

О патриархальных отношениях внутри такого слоя, отношениях, не требующих документа и разрешаемых без суда, свидетельствует и текст ст. [85]—[86] (90). Здесь речь идет о платье, оставшемся после смерти одного из супругов. Из текста вытекает, что это платье может быть востребовано родней покойного супруга, такое требование должно удовлетворяться без всяких формальностей. О незначительности имущества, ставшего предметом иска, говорит как легкость его удовлетворения, так и подчеркнутое запрещение приносить присягу по поводу этого имущества.⁵⁰ Незначительность его особенно бросается в глаза по контрасту с непосредственно предшествующим текстом ст. [83] и [84], в котором речь идет о действительно ценной собственности — отчине и животе. Ст. [85]—[86] свидетельствуют о стойкости старого права родичей на имущество, даже если речь идет о сравнительно незначительных по ценности вещах.⁵¹

Текст ст. [87]—[88] (91) посвящен ситуации, возникшей после смерти женатого сына. Эта ситуация характерна. Невестка не мо-

⁴⁹ ПРП, I, с. 119.

⁵⁰ Акты свидетельствуют, что стоимость платья могла быть иногда очень значительной — известна, например, высокая ценность меховых шуб. Однако едва ли здесь говорится об одежде такого рода: вряд ли можно было бы тогда обойтись без всяких формальностей. Едва ли поэтому можно видеть в персонаже ст. 90 «боярина-вдовца», как это делает И. И. Полосин (Полосин, с. 96).

⁵¹ Из авторов псковских рукописаний только жена князя Федора Акилина нашла необходимым оговорить в духовной состав своего платья и распределить его по наследникам (НПГ, № 33, с. 72—73).

жет сама распорядиться своей скрутой или платьем, а должна искать их на родичах мужа — на свекре или на девере. Речь идет явно о неразделенной семье — о сыне, не ушедшем из дому, или о братьях, живущих «в одном хлебе». Этим ст. [87]—[88] отличаются от предшествующего текста, в котором имущество покойного супруга рассматривается как находящееся в обладании вдовы или вдовца. Но и невестка, живущая «в одном хлебе» с отцом или братьями мужа, имеет полное право на свое платье и скруту — они должны быть ей возвращены свекром или деверем. Только если невестка считает свои претензии неудовлетворенными, происходит суд с крестоцелованием (ст. [88]). И эти статьи отражают в сущности патриархальные отношения, характерные больше для городской и сельской мелкоты, чем для крупных собственников.

Общие итоги рассмотрения наследственного права ПСГ можно представить себе следующим образом. Семейное право ПСГ есть продолжение и развитие того права, которое отразилось в Уставе о наследстве Пространной Правды. Однако прямую генетическую связь с этим Уставом удается установить далеко не всегда. Семейное право ПСГ, как и Устав о наследстве, отражает прежде всего действующее обычное право, фиксируя его и превращая в письменный закон. Продолжая тенденцию Устава, ПСГ в ряде своих статей отражает рост и развитие феодального наследственного права, свидетельствуя тем самым о процессе развития феодальных отношений в целом. Однако в отличие от Устава о наследстве ПСГ уделяет гораздо больше внимания средним и низшим слоям феодального общества, живущим еще по старым, патриархальным традициям. Отсюда кажущаяся консервативность некоторых ее положений. Но консервативность эта мнимая. Сам факт кодификации обычного права отражает значительный рост общественного правосознания, и прежде всего усиление роли феодального государства и его органов в правовом регулировании семейных имущественных отношений. Такова господствующая тенденция, отраженная в статьях Грамоты о семейном праве. Вместе с тем феодальное право еще не стало полностью господствующим. Впереди — еще длительный процесс феодализации русского общества. Семейное право ПСГ рисует один из этапов и одну из сторон этого процесса — этап проникновения феодального права внутрь городской и сельской общины при сохранении еще старых патриархальных традиций. Этот своего рода симбиоз старого, общинного, и нового, феодального, — характерная черта ПСГ в ее статьях о семейном праве.

Суд о земле

Пространная Правда не содержит каких-либо постановлений, регулирующих земельные сделки и тяжбы. Это не значит, что таких тяжб не было в реальной действительности. Ст. 70—73 говорят о наказаниях за порчу межевых знаков, что является уголовным преступлением, а не предметом гражданского иска, но ст. 109 устанавливает урок ротный в деле о ролейной земле. Однако из этого вытекает только возможность гражданской тяжбы о земле с ротой в качестве судебного доказательства. О возможности земельных тяжб в частном случае — при разделе земли между братьями — косвенно свидетельствует ст. 108.¹ Наличие в эпоху Правды феодальной земельной собственности не вызывает сомнений. Следовательно, существуют и правовые нормы, связанные с ее защитой. Чем же объясняется отсутствие этих норм в Русской Правде? Возможное объяснение, мне кажется, в том, что споры о земле между феодалами были еще относительно редким явлением и решались не на основе писаного права, а по княжью слову или по обычаю. Являясь записью прежде всего нового феодального права, охраняющего феодальную собственность, Правда сосредоточивает свое внимание в первую очередь на наиболее типичных нарушениях этой собственности, исходивших не со стороны других феодалов, а со стороны массы населения, либо не втянутого еще в хозяйственную жизнь феодальной вотчины, либо уже эксплуатируемого внутри этой вотчины.² Земельных отношений внутри крестьянской общины она не касается. Эти отношения регулируются, надо полагать, старинным обычным правом.

В отличие от Правды ПСГ посвящает земле целый ряд статей: [6] (9—11), [7] (12), [8] (13), [46] (55), [61] (70), [63] (72), [71] (78—79), [72] (79), [75] (82), [96] (100), [101] (104), [103] (106). В первой из них, в ст. [6] (9),³ речь идет не о земле вообще,

¹ ПРП, I, с. 115—116, 119.

² Смирнов И. И. Очерки..., с. 63.

³ «А коли будет с кем суд о земли о полнеи, или о воде, а будет на той земли двор, или ниви розстрадни, а стражет и владеет тою землею или водою лет 4 или 5, ино тому поцю съслася на сосед человек на 4 или на 5. А суседи став, на коих шлются, да скажут, как право пред богом, что чист,

а только «о земли о полнен», о такой земле, на которой «двор, или ниви розстрадни». Смысл определения в том, что это земля жилая и обрабатываемая.⁴ Если первые два пункта статьи определяют объект владения как таковой, то третий пункт устанавливает основное условие для признания полней земли собственностью данного лица. Это условие — реальное владение и обработка земли в течение 4—5 лет. Именно в этом смысле двучленного выражения «стражет и владеет», элементы которого употреблены не альтернативно, а либо как синонимы, либо как дополняющие друг друга обязательные условия. Важнейшее значение для понимания текста имеет следующий пункт. Истец — стражущий и владеющий обладатель двора и розстрадных нив — для обоснования своих прав на землю должен сослаться на четырех-пятерых соседей. Показания этих соседей и решают исход дела. Перед нами — четкое постановление о земельных тяжбах. Спор о земле решается без предъявления каких бы то ни было документов, простым показанием соседей. Ясно, что подобный суд не предполагает и наличия каких-либо актов на землю — они попросту не нужны. В быту, в повседневной практике стражущих дворо- и нивовладельцев и связанных с ними соседей такой акт не имеет места. Кто же они, эти стражущие владельцы и их соседи? Думаю, не будет слишком искусственным предположение, что это свободные крестьяне-общинники, прямые и непосредственные потомки людей Русской Правды, и что рассматриваемый текст вводит нас в доселе закрытый от наших взоров мир соседской общины — основной социальной ячейки древнерусского общества, предшественника и антагониста феодальной вотчины.⁵ Ст. [6] (9),

и той человек которой послался, стражет и владеет тою землею или водою лет 4 или 5, а супротивен в те лета, ни его судил ни на землю наступался, или на воду, — ино земля его чиста или вода, и целования ему нет, а тако не доискался, кто не судил, ни наступался в ты лета.

⁴ Н. Н. Мурзакевич в полном противоречии с текстом статьи склонен был считать полную землю «пахатной, гулевой землей» (Псковская Судная грамота, составленная на вече в 1467 г., с. 2). Но уже Ф. Н. Устрялов понимает эту землю именно как пахотную (Устрялов Ф. Исследование Псковской Судной грамоты 1467 г., с. 124, 147).

⁵ По мнению И. И. Полосина, ст. 9 «рисует... очень архаические общественные отношения» и могла сложиться не позже чем в XI в. Статья «раскрывает... картину эпохи становления феодализма»; именно вследствие этого «в земельных делах 70-х гг. XV в. она не могла фигурировать» (Полосин, с. 59, 60). А. А. Зимин же находит, что, «отражая интересы феодалов-землевладельцев, Псковская Судная грамота особое внимание уделяет защите их земельных богатств». Он полемизирует с И. И. Полосиным и утверждает, что «считать, что ст. 9 рисует „идиллическую жизнь первобытной общины“... нет никаких оснований» (Зимин, ПСГ, с. 335). Мне кажется, что в целом И. И. Полосин ближе к истине. Этот текст действительно отражает старинные нормы права. Однако вопреки И. И. Полосину отсюда еще нельзя заключать, что в XV в. эта статья потеряла свое значение. Сложность развития феодальных отношений могла привести к параллельному существованию на длительном этапе и старых, оживающих, и новых правовых норм, отражающих старое общинное и новое феодальное право.

вероятно, отражает древнее общинное право — обычай, становящийся теперь законом. Это общинное земельное право основано не на письменном акте, а на памяти соседей-общинников, таких же стражающих дворовладельцев.

С рассмотренным текстом тесно связана и ст. [46] (55). Отморшина и приказное судятся согласно этой статье по тем же нормам, что и полная земля; вероятно, эта последняя и входит в состав отморшины или приказного.⁶ Здесь также не требуется никакого письменного акта — его попросту нет. Перед нами — опять тот же мир соседей, хорошо знающих друг друга из поколения в поколение и своими показаниями решающих исход дела. Участие соседей в тяжбах, в частности в тяжбах земельных, — характерная черта общинного мира, спаянного тесной взаимосвязью своих членов. Ст. [61] (70) запрещает соседям ходить «помочю» «за церковную землю и на суд», возлагая это на церковных старост, а ст. [49] (58) показывает, что делают нежелательные для суда «пособники», которые ходят «на суд помочю» — они лезут «в судебню» силою и бьют подверника, за что подвергаются суровому наказанию. Старый общинный порядок суда с неперменным участием соседей здесь вступает в противоречие с новыми нормами права. Ст. [6] (9) и [46] и рисуемые ими порядки дают, мне кажется, удовлетворительный ответ на вопрос о земельных сделках между членами общины. Такие сделки совершались без письменного оформления, на глазах у соседей и с соседями в качестве хранителей памяти о сделке.

Ст. [6] (10) рисует совершенно иную картину.⁷ В споре о лесной земле никаких соседей нет; межники — просто технические эксперты. Решающим аргументом в споре являются грамоты, с предъявления которых, собственно, и начинается процесс, кончающийся судебным поединком. Почему суд о лесной земле так сильно отличается от суда о земле полней? А. А. Зимин трактует лесную землю как лесные угодья.⁸ Тогда непонятно, почему суд

⁶ «А у кого поймаются за отморшину отца его, или приказное, а и суседом будет ведомо, или сторонним людем, а став человек 4 или 5, а молвят как право пред богом, что чисто у него, отморшина отца его, ли приказное, — ино у кого поймаются, и целованья ему нет, а тот не доискался, а толко будет человек 4 или 5 скажут, как право пред богом, ино ему правда дать, как чисто отморшина». К ст. [46] близка ст. [47] (56), трактующая о купле на торгу. Спор об этой купле также решается показаниями свидетелей, которые, однако, здесь не названы соседями.

⁷ «О лесей земли будет суд, а положат грамоты и двои на одну землю, а зайдут грамоты за грамоты, а исца оба возмут межников, да оба изведутца по своим грамотам, да пред господою ставши межником межничество съимут, — ино им присужати поле».

⁸ Зимин, ПСГ, с. 337. — И. И. Полосин считает, что «речь идет об охотничьих угодьях, об участках строевого дровяного леса» (Полосин, с. 61). По мнению Л. В. Черепина и А. И. Яковлева, имеется в виду земля, неудобная для обработки (земля под лесом) (Черепин, Яковлев, с. 238, 266). За ними следует и И. Д. Мартысевич (Мартысевич И. Д. ПСГ, с. 68, 139). Так понимал лесную землю и Ф. Н. Устрялов (Исследование Псковской Суд-

б лесных угодьях так не похож на суд о земле полней. Более вероятно, что речь идет о новых лесных рощистях — элементе внутренней колонизации. По старым общинным порядкам такая рощисть составляла полную собственность своего хозяина и в круг общинных земель не входила.⁹ Понятно поэтому, что она раньше другой земли — старой пашни — могла попасть в руки человека постороннего, с общиной не связанного; при отчуждении такой земли ее собственник, расчистивший лес, мог не считаться с общинными порядками и основанном на них обычном праве. Но зато и эти порядки уже не охраняли новую собственность, единственной гарантией здесь служил письменный акт — грамота.¹⁰ Независимо от социального лица грамотчика в споре о лесной земле ход процесса основан на совершенно иных, не общинных нормах, нормах по существу феодальных, означающих объективно разрыв с общиной и ее порядками и традициями. Значение ст. [6] (10) в том, что она показывает, когда и в какой ситуации возникает грамота — земельный акт. Она возникает именно в момент разрыва земельных связей с общиной и фиксирует этот разрыв. При этом грамотчик не обязательно порывает с общиной лично — он порывает с ней только как владелец земли, полученной по грамоте. Грамота возникает — исторически и топографически — на границе общины.

ной грамоты 1467 г., с. 125, 148). И. Б. Энгельман, напротив, считал, что «лесная земля приводится здесь только в пример» и что «нет никакой причины ограничить это правило случаем спора о лесных участках» (Э н г е л ь м а н И. Систематическое изложение. . ., с. 126). Представляет интерес замечание К. А. Неволлина: «Землею под лесом нельзя было пользоваться так непрерывно, так для всех видимо (разрядка моя, — Ю. А.), как землею пахотной или водою» (Не во л и н К. История российских гражданских законов, т. II. СПб., 1851, с. 183). Наиболее ценная мысль К. А. Неволлина заключена в выделенных мною словах: в отличие от пахотной земли владение этим участком невидимо для всех, т. е. для соседей-общинников.

⁹ Отражением такого взгляда является ст. 175 Судебника 1589 г.: «А черной лес пахати в сувемке просто, без делу, где не молодое, хто сколько может; то лес вопчеи царев и великого князя» (Судебники, с. 405). В противоположность этому по ст. 174 «молодеи прежних выпашен. . . складниками меж себя без делу и без жеребиа ни сетчи, ни пахати» (там же, с. 404). Таким образом, юридическая граница между старой пашней и новой рощистью прослеживается отчетливо и в конце XVI в. Этот вопрос подробно рассмотрен в комментарии А. И. Копанева (там же, с. 531—533).

¹⁰ А. А. Зимин совершенно прав, сближая суд о лесной земле с обычными порядками судопроизводства, существовавшими в Северо-Восточной Руси конца XIV—XV вв. (Зимин, ПСГ, с. 337). И. И. Полосин правильно отметил, что ст. 10 принципиально отличается от ст. 9, отражая другой, более высокий уровень развития общественных отношений. Однако он несколько упрощает вопрос, считая, что «если у истцов грамота на руках, то значит это феодаль: письменный документ проникает в крестьянский быт очень поздно» (Полосин, с. 60—61). Обладателем грамоты мог быть вовсе не обязательно уже сложившийся феодал, но и его предшественник — мелкий вотчинник крестьянского типа.

Ст. [8] (13) — об отнятии земли выкупком — рисует следующий этап того же процесса отчуждения земли по грамоте, т. е. на сторону.¹¹ В противоречие с этим новым порядком отчуждения по грамоте вступает старый обычай родового выкупа, непосредственно связанный с обычным правом и с общинными понятиями и традициями. И ст. [8] отдает новому явное предпочтение перед старым. Обладание грамотами делает ответчика хозяином положения — «хочет на поле лезет или своего исца к правде ведет».¹² Право выкупа еще функционирует как институт, но сделка на землю, оформленная грамотой, уже выходит на первый план. Отсюда и повышение роли грамоты как юридического явления, и учащение случаев фиксирования земельных сделок. Именно это увеличение числа и роли земельных актов отразили ст. [71] (79) и [75] (82). Ст. [71] даже до известной степени противоречит ст. [6] (9), предписывающей совсем другой порядок суда. Это противоречие не случайно. Ст. [71] отражает новые тенденции в земельных тяжбах, соответствующие новым развивающимся отношениям. Эти новые отношения так же немислимы без грамоты, как немислима эта грамота на патриархальном суде о полней земле, решаемом показаниями соседей. Близко к этому ряду новых статей подходит и ст. [75] о судебных пошлинах в земельных тяжбах.

Прямое отношение к новому порядку отчуждения земли, точнее, к отраженным в нем сторонам социальной действительности имеют ст. [101] (104) и [103] (106). Первая из них трактует вопрос о земельном закладе.¹³ В данном случае важен самый факт заклада земли, воды, двора и клетки. Заклад земли — один из способов ее отчуждения. Ст. [101] показывает этот способ в действии, причем, разумеется, составляется соответствующий акт, получивший впоследствии название заемной закладной кабалы. Ст. [103] имеет особое значение.¹⁴ Эта статья показывает дальнейшую

¹¹ «А кто у кого иметь землю отъимати выкупком, а старые грамоты у того человека, у кого землю отъимают, ино воля того человека, у кого старые грамоты: хочет на поле лезет или своего исца к правде ведет, на его выкушке, покуда отнимает».

¹² И. И. Полосин подошел к этой статье несколько односторонне, связав ее исключительно с «борской средой» («крестьяне не интересовались правом родового выкупа») и отнес ее к более позднему времени, чем ст. [6] (9) (Полосин, с. 62).

¹³ «А которые исцы вымут на умершего заклад, грамоты двои или трои или пятеры на одну землю, или на воду, или на один двор, или на одну клеть, а у тех исцов, у кого заклад грамоты, сверх того и записи и на того умершаго и на его заклад, и у иных истцовъ не будетъ записи, толко заклад грамот, — ино им правда давши да делят по делом, и по серебру: колко серебра, — ино и доля ему по тому числу, ож ближнее племя восхоцет заклад выкупить; а у коего исца заклад и записи на умершаго, — ино ему целованья нет на его дело».

¹⁴ «А кто с кем ростяжуются о земли или о борти, да положат грамоты старые и купленную свою грамоту, и его грамоты зайдут многочи бо сребр земли и борти и слобры все станут на суд в одном месте, отвечаючи кто же за

стадию процесса отчуждения земли по грамотам. Если в ст. [6] (10) речь идет об отчуждении земли лешей — индивидуального владения, расчищенного общинником, причем этот акт формально не затрагивает интересов остальных соседей, то ст. [103] рисует ситуацию прямо противоположную. Центральный момент этой новой ситуации — «грамоты зайдут многих бо сябров земли и борти». Статья исходит из того, что истец имеет грамоты на землю, и в частности купчую грамоту. Кто же такой этот истец? Это, конечно, не стражущий владелец двора и нивы. Это — грамотчик, человек со стороны, чуждый своим соседям — сябрам. Кто же такие сябры? Они имеют каждый свою землю и борть, т. е. являются в сущности не складниками, совместно ведущими хозяйство, а индивидуальными владельцами. Естественно видеть в них прежде всего стражущих владельцев дворов и нив, тех самых соседей, показания которых решают старинный суд о полней земле.¹⁵ Но на новом суде показания их не решают ничего. От сябров требуются грамоты, экспертиза межников и целованье. Правда, еще играют роль показания «стариков», но в целом суд идет по грамотам, как и в ст. [6] (10) — [8]. Перед нами — вторжение грамоты в мир соседей-общинников, в мир их обычного права, защищающего их участки с дворами и розстрадными нивами. Ст. [103] означает новый этап суда о земле в целом: проникновение грамотчика в круг общинников-сябров с необходимостью должно привести и к перестройке внутриобщинных отношений, и в частности порядка и правила закрепления земли за владельцем. Ст. [103] фактически отрицает нормы ст. [6] (9). Последняя перестает действовать тогда и постольку, когда и поскольку в спор «о земли или о борти» вступают грамоты. С этого момента грамоты становятся основным аргументом тяжущихся сторон со всеми вытекающими отсюда последствиями — последствиями, заведомо благоприятными для обладателя грамоты, в ущерб стражущим владельцам и их соседям.

Итак, статьи ПСГ, связанные с землей, распадаются с точки зрения оформления прав на землю довольно отчетливо на два слоя. К одному из них относится ст. [6] (9) и родственные ей статьи, к другому — ряд статей, начинаемый ст. [6] (10) и завершаемый ст. [103]. Статьи первого слоя не знают земельного акта как такового; статьи второго слоя на этом акте основываются. Перед нами как бы два суда о земле: старый общинный суд и новый суд по гра-

свою землю, или за борть, да и грамоты пред господою покладут, да и межников возмут, и той отведут у стариков по своей купной грамоте свою часть, — ино ему правда дати на своей части. А целованью быть одному, а поделует во всех сябров, — ино ему и судница дати на часть, на которой поделует».

¹⁵ Едва ли прав И. И. Полосин, когда он считает, что ст. 106 возникла «в резко изменившихся условиях общественной жизни Пскова» (Полосин, с. 102). Эти «условия» менялись, вероятно, совсем не «резко», а медленно, но зато непрерывно, безостановочно. Отражая разный уровень общественных отношений, ст. 9 и 106 могли действовать в одно и то же время.

мотам. Значение ПСГ в том, что она показывает самый момент перелома, эпоху, когда еще действуют оба суда и письменный акт еще сочетается с показаниями соседей. ПСГ рисует картину вторжения грамоты в мир соседей. Это важнейший момент в истории поземельных отношений.

В каких общественно-исторических условиях можно было обойтись без земельного акта? Устный ряд или сделки при свидетелях могли быть достаточны в случаях отчуждения земли в сравнительно узком кругу лиц, более или менее знающих друг друга. В чужие, посторонние руки, людям неизвестным и не знающим соседей земля отчуждалась, вероятно, сравнительно редко. Основной моделью отчуждения было отчуждение в узком кругу, «в своем мире», выражаясь языком Краткой Правды. Остальные случаи подгонялись под эту модель — грамоты не требовалось. Отчуждение носило, если можно так выразиться, личностный характер; удостоверение прав на землю зависело от соседей, от того мира, в котором совершались сделки и жили контрагенты. Земля в широких масштабах еще не выходила из этого мира, из круга родичей и соседей.

XIV век, век ПСГ, был, видимо, переломным. Появление земельного акта, документа, сохраняющего силу независимо от каких-либо обстоятельств, от того, «знают» или «не знают», «помнят» или «не помнят» соседи, документа, эмансипированного, таким образом, от этого мира, — появление такого акта и превращение его в решающий аргумент на суде о земле вызвано, видимо, не только учащением сделок, но и изменением их характера. Земля все больше попадает в посторонние «добрым людям соседям» руки, в руки людей, которые не могут или не хотят ссылаться на соседей. Земля уходит из общины; она переходит в чужие руки — руки феодала. Основной моделью отчуждения становится отчуждение по грамоте, грамота постепенно проникает и в отношения между соседями.

ПСГ завершает один и начинает другой этап оформления земельных сделок — этап письменного земельного акта. Переход от устной сделки к письменному акту означает не просто изменение формы заключения сделки, а имеет глубокую социальную сущность. Торжество грамоты над показаниями соседей — это победа феодала-вотчинника над крестьянином-общинником, победа привилегированного собственника над стражущим членом соседской общины.¹⁶ Земельные тяжбы XV в.; известные по актам Северо-

¹⁶ Трудно согласиться с выводом М. Б. Свердлова, что «единство словесно-обрядовой сделки и письменного акта отражает единую природу и установившийся характер социальных отношений и понятий собственности, которые они фиксируют» и что поэтому «форма, устная или письменная, не имела принципиального значения» (Свердлов М. Б. Древнерусский акт X—XIV вв. — *Вспомогат. истор. дисциплины*, VIII. Л., 1976, с. 67). Напротив, форма заключения сделки имеет существенно важное значение, меняясь с изменением социальных и правовых отношений. Известно, что наблюдения

Восточной Руси, происходят почти всегда по грамотам, которые в руках феодала обычно одерживают победу над устными показаниями крестьян. Устные показания сохраняют свое значение либо при отсутствии документа, либо при уточнении межей, в документе не указанных.¹⁷

Для оценки суда о земле ПСГ существенное значение имеет не только сам текст, но и его конструкция. В рукописи суд о полней земле и суд о лешей земле представляют собой одну статью — шестую по счету. Это обстоятельство едва ли случайно. Законодательный кодекс в своей известной нам поздней редакции слил в один текст две существенно разные правовые нормы. Такая структура текста суда о земле может отражать его сложную историю. Возникнув, вероятно, в разное время и отражая разный уровень развития общественных отношений, статьи о суде по земельным тяжбам были, по-видимому, объединены при записи или при позднейшем редактировании. Само перемешивание этих разностадиальных норм с их разным социальным содержанием свидетельствует об их одновременном функционировании, о их сосуществовании в реальной действительности XIV—XV вв.

над формуляром письменного акта дают возможность прийти к важным выводам общен исторического порядка. Тем большее значение должен, казалось бы, иметь такой существенный факт, как переход от устного соглашения типа стипуляции к формальному письменному документу. Этот переход не случаен. Новая форма заключения земельных сделок отражает существенно важный факт дальнейшего развития феодальных отношений на Руси в XIII—XV вв., более высокий уровень этих отношений по сравнению с XI—XII вв.

¹⁷ Голубцов И. А. О происхождении «авось» по крестьянским документам XV—начала XVI в. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967, с. 85—89; Ивина Л. И. Судебные документы и борьба за землю в Русском государстве второй половины XV—начала XVI в. — Истор. записки, 86. М., 1970, с. 338, 346.

Смерды и феодалы

1. Земли смердых общин

В статьях ПСГ о суде по земельным делам вырисовываются два социальных типа: стражущий земледелец, владеющий своей нивой, на которой стоит его двор, окруженный такими же, как он, соседями, и собственник земли по грамоте. Эти две фигуры не только иллюстрируют два этапа развития общественных отношений, но и воплощают в себе характернейшие черты двух основных классов общества веховой земли — крестьянина-общинника и феодала-землевладельца.

В грамоте Александра Невского и посадника Твердила перед нами — судное дело, тяжба о земле (угодье) между территориальной общиной рожитчан во главе с Лочко и Иваном, с одной стороны, и властями Спасского монастыря — с другой.¹ Поводом к возникновению тяжбы послужили действия монастырских властей: «Черньды Кузма и Радиша почали лишати мха Лочка и Ивана и всёх рожитчанъ».² Конфликт крестьянской общины с феодалом-монастырем о земле и земельных угодьях — типичное явление, многократно отраженное в актовом материале Северо-Восточной Руси и внимательно изучавшееся в литературе.³ Особенность рассматриваемого акта — в его большой древности. Это — древнейший судебный процесс о земле и в то же время древнейший акт,

¹ ГИП, № 348, с. 337—338.

² Там же, с. 338.

³ См., например: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. II, с. 239—242; Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, с. 185—202; Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII—начало XVI в. М.—Л., 1965, с. 388—395; Ивина Л. И. Судебные документы и борьба за землю в Русском государстве. . . , с. 326—356; Алексеев Ю. Г. Крестьянская волость в центре феодальной Руси. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972, с. 71—103; Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV—начале XVI века. М., 1974.

прямо указывающий на землевладение территориальной общины.⁴ Значит, уже в XIII в. борьба за землю между феодалами и крестьянами-общинниками носила в принципе тот же характер, что и в XV в., — тут и действия явочным порядком (в данном случае со стороны монастыря), и апелляция к государственной власти (со стороны крестьян).⁵ Другая особенность акта — в характере аргументации смердов: «И Лочко и Иванъ и всѣ рожитчане выложиша смердью грамоту, аже в грамотахъ мохъ Лочковъ и Ивановъ и всехъ рожитчанъ». Предъявление смердьеи грамоты и решило спор в пользу рожитчан: «И не посудихомъ грамотѣ, но велѣхомъ имъ ходити по мху и по смердьеи грамотѣ». Далее в акте приведено описание межей, взятое, видимо, из фигурировавшей на суде смердьеи грамоты.⁶

Акт в. кн. Александра и посадника Твердила имеет существенно важное значение для характеристики аграрных и социальных отношений Господина Пскова XIII в. Смердья община выступает в этом акте как коллектив во главе со своими представителями, как юридически равноправная тяжущаяся сторона,⁷ имеющая на руках документ на свои земли. Решающая роль документа проявляется здесь с полной ясностью; отсутствие его могло бы привести к проигрышу процесса, как это и случилось со спасовскими чернецами. Появление смердьеи грамоты многозначительно. Как видно из приведенного текста, она содержала перечень земель (угодий), принадлежавших общине, или описание ее межей.⁸ Следовательно, уже в XIII в. по крайней мере некоторые смердья общины Господина Пскова имели документально оформленные акты на свои земли или на свои межи. Можно предположить, что подобные смердья грамоты составлялись в первую очередь тогда, когда на границе общины появлялось феодальное владение, как в настоящем случае. Уже сама необходимость размежевания земель с феодалом, установления межевых знаков как признаков феодальной собственности означает, по справедливому наблюдению М. Н. Тихомирова, «резкий разрыв с прежним общинным владением, столкнувшимся с феодальной собственностью».⁹ А ведь именно эта фиксация межей составляла одну из задач при составлении смердьеи грамоты.

⁴ Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси... с. 36—37.

⁵ «... Борьба крестьянства за землю проходит красной нитью через историю феодальной Руси» (Смирнов И. И. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. — История СССР, 1962, № 2, с. 151).

⁶ ГИП, № 348, с. 338.

⁷ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси... кн. 1, с. 396.

⁸ Иначе понимает смердья грамоты Л. М. Марасинова: они были «документами... очевидно, фиксировавшими какие-то предшествующие сделки с этой землей» (Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты... с. 154). Однако в акте в. кн. Александра дважды говорится именно об одной определенной смердьеи грамоте, которой приписывается основополагающее значение, — «велѣхомъ... ходити... по смердьеи грамотѣ».

⁹ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., с. 32.

В акте в. кн. Александра мы реально сталкиваемся с той чертой социально-экономической действительности Руси XII—XIII вв., которая была отмечена И. И. Смирновым: перед нами «комплекс феодальных владений. . . духовных феодалов-чернецов. . . окруженных землями, еще не ставшими феодальной собственностью, а сохранившимися в собственности общинников-смердов».¹⁰ Новое здесь по сравнению с Русской Правдой — документальное оформление общинного землевладения. Грамота, выданная, видимо, княжеской (государственной) властью, гарантирует и санкционирует землевладение общинников-смердов, сложившееся до появления этой власти и функционирующее независимо от нее. Вервь Пространной Правды не нуждалась еще в такой грамоте. Русская Правда, княжеский закон XI—XII вв., молчаливо признает факт существования верви, более того — исходит из этого факта как из данного. Община рожитчан в середине XIII в. уже должна опираться на письменный документ; она уже нуждается в санкциях государственной власти. В этом — отличие отношений, отразившихся в акте в. кн. Александра, от социальной действительности эпохи складывания Пространной Правды.

Социальное значение акта в. кн. Александра — сохранение крестьянской (смердьей) общины, зависимой от Господина Пскова, в стратегически важном пограничном районе.¹¹ В акте Александра Невского можно видеть черты той же государственной политики, которая особенно отчетливо проявилась в период создания единого Русского государства и борьбы за его политическую независимость. Как хорошо известно, Иван III в это время принимает меры для охраны черных крестьянских земель от расхищения их феодалами, в первую очередь монастырями, стремясь держать черных крестьян и их земли под непосредственной властью феодального государства.¹² Борьба смердов-рожитчан против соседа-феодала

¹⁰ Смирнов И. И. Очерки. . . , с. 68. — Б. Д. Греков видит в грамоте Александра Невского «одно доказательство наличия в XIII в. . . смердов-общинников, еще не попавших в феодальную зависимость» (Греков в Б. Д. Крестьяне на Руси. . . , кн. 1, с. 396). Л. В. Черепнин считает, что для указанного времени, «конечно, не исключена возможность наличия. . . земель еще свободных крестьян-собственников» (Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты. . . , с. 137).

¹¹ На это обратил внимание В. Т. Пашуто (Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956, с. 69).

¹² Наиболее полное исследование этого вопроса см.: Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси. . . ; см. также: Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. I. Одесса, 1874, с. 36—50; Веселовский С. В. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, с. 90; Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., с. 105; Черепнин Л. В. 1) Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. II, с. 34—32; 2) Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 189; Алексеев Ю. Г. 1) Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси. . . , с. 95—96; 2) Крестьянская волость в центре феодальной Руси, с. 100—101; Каштанов С. М. Социально-политическая история России

вплетается в общую канву борьбы крестьянских общин Руси XII—XV вв. за землю, людей и права. Общий ход развития феодальных отношений с необходимостью приводил к росту феодального вотчинного землевладения за счет земель крестьянских общин, что особенно ярко видно на примере Северо-Восточной Руси и Новгорода. Эти крестьянские земли попадали в руки светских и церковных феодалов посредством пожалования государственной властью, купель, вкладов и прямых захватов, а также путем создания мелкой вотчины, выделяющейся из общинных земель. О том, что на территории Господина Пскова шли аналогичные процессы, свидетельствуют некоторые из сохранившихся актов.

Документом, рисующим один из моментов истории смердьеи общины XIV—XV вв., является купчая Григория и Федора на землю сельских смердов.¹³ Л. М. Марасинова обратила на этот документ особое внимание и снабдила его содержательным и интересным комментарием. По ее мнению, грамота «кладет конец существованию смердьеи общины», которая после этой сделки «как самостоятельный и свободный коллектив» крестьян-смердов прекратила свое существование». Л. М. Марасинова исходит из того, что продавец земли — вся погостская община, а объект сделки — вся земля погоста. При этом общинная администрация — сельские старосты — выговаривает себе особые привилегии — «. . . кормится. . . и по земли и по воде, доколѣ племя их». «Право кормления с проданной земли, очевидно, не предоставлялось другим членам общины», — замечает по этому поводу Л. М. Марасинова.¹⁴

Однако мне кажется, что анализ содержания грамоты позволяет предложить несколько иное ее толкование.¹⁵ Продавцом земли является не вся погостская община, а только Яков, Ермола и Родион; они продают «землю и воду и прикупки» — в общей сложности «полтрьетьянацата мѣста». Эти лица, однако, — члены погостской смердьеи общины, они поэтому продают не только собственные свои участки, но и доли во всех общинных угодьях, «куда смерди селские ногою стали». Этим же объясняется упоминание старосты Родиона и «всего погоста» — сделка, касающаяся

конца XV—первой половины XVI века. М., 1967, с. 14; Казакова Н. А. Очерки истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970, с. 80; Ивина Л. И. 1) Судебные документы и борьба за землю в Русском государстве. . . , с. 335—336, 348—349; 2) Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV—первой половины XVI в. Л., 1979, с. 105, 126; Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносочного землевладения в России XIV—начала XVI в. Новосибирск, 1973, с. 135—138; Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977, с. 241.

¹³ ННГ, № 19, с. 59—60. — Это список конца XVII в., сохранившийся вместе с двумя другими в составе судного дела Святогорского и Варваринского монастырей.

¹⁴ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты. . . , с. 155.

¹⁵ Подробнее см.: Алексеев Ю. Г. Псковские купчие XIV—XV вв. — Вспомогат. истор. дисциплины, VII. Л., 1976, с. 136—140.

общинных земель, совершается при участии всех «селских смердов», однако они не продавцы, а лица, санкционирующие продажу. «Мѣста», составляющие собственность продавцов, лежат попеременно с землями других владельцев, в первую очередь других членов погостской общины, отсюда ограничительная формула: «А в том обode чюжая земля, что Григорью и Федору не надобе». Наконец, заключительное условие сделки — о праве «кормиться» — касается именно продавцов, оно, естественно, не распространяется на других членов общины. На последнем условии необходимо остановиться подробнее. Основное его содержание — установление особых отношений между продавцами и покупателями. Согласно условию, продавцы потомственно сидят и кормятся «по земли и по воде». Что означает термин «сидѣть»? В ПСГ он применен по отношению к изорнику — человеку, сидящему на земле государя. По нормам средневекового права из самого факта проживания на чужой земле с необходимостью вытекает возникновение определенных отношений зависимости от владельца этой земли. Форма и характер этой зависимости могут быть различны. В этом смысле показательна ст. [42] (51) ПСГ, различающая проживание на селе без покруты от сидения, связанного с покрутой. Проживание на чужом селе не обязательно связано с покрутой, но оно создает общие условия, благоприятствующие и этому вторичному явлению. Таким образом, сидение на чужом селе может рассматриваться по существу дела как один из этапов и одна из форм установления зависимости — зависимости поземельной, а не долговой, как у изорника, получившего покруту.

С условием сидеть на земле тесно связано и условие «кормиться». В ПСГ кормля — это право на получение доходов с имущества без права распоряжения самим этим имуществом (ст. [63], [83], [84]). Псковские акты тоже знают этот термин.¹⁶ Кормля, таким образом, — условное держание имущества, прежде всего земли. Как видим, это условное держание имеет место при разных обстоятельствах: от отношений между членами одной семьи до коллизии, возникающей между продавцом и покупателем при продаже земли. Ясно, что социально-экономическая сущность отношений кормля весьма различна во всех этих случаях. Кормля жены с отчины или живота мужа имеет, конечно, совсем другой смысл, чем кормля смердов, потомственно сидящих на своих бывших участках, проданных ими в чужие руки. Кормля таких смердов может приближаться, если не по форме, то по существу, к положению крестьян, попавших в поземельную зависимость от господина. Во всяком случае, превращение прежних собственников в наследственных держателей земли господина означает существенное изменение их правового статуса и не может не включать в себя ту или иную степень зависимости. При прекращении этих отношений

¹⁶ «А что писана Игнатью. . . кормля племянником иво. . .» (НПГ, № 25, с. 63—64).

с господином земли держателя ее, естественно, лишаются средств существования — своих бывших участков, с которых они теперь кормятся в вотчине господина. В этом, как мне кажется, и заключается социально-экономическая сущность особого условия, завершающего сделку.

Перед нами — ситуация, тесно связанная со ст. [6] (10) и [103] ПСГ и как бы иллюстрирующая их на частном, но ярком примере. Продается земля членов погостской общины, на нее оформляется грамота, среди прежних соседей-погощан появляется новый собственник — грамотчик. Мы видим самую первичную завязь отношений зависимости по земле. Продавцы, бывшие равноправные соседи-погощане, остаются на своих участках в вотчине господина, сидят и кормятся без права распоряжения землей. Их не сгоняют с земли, они сохраняют право пользования ею. Но именно это право и превращает их в зависимых держателей — рабочую силу в феодальной вотчине. Вторжение феодала не может не отразиться и на судьбе других земель погоста. Проникновение грамотчика в общинные угодья создает ситуацию, близкую к отраженной в ст. [103]. Однако на данном этапе погостская община в Лисьях продолжает свое существование как организация относительно свободных соседей-смердов, персонажей ст. [6] (9) и [103].

Для характеристики смердов — членов погостской общины — важно упоминание о их прикупках на территории погоста. Отсюда вытекает, что смерды, оставаясь членами своей общины, в то же время скупают земли и угодья у других общинников. Перед нами картина реального распоряжения смердами своей землей (угодьями) внутри погостской территории, напоминающая явления, хорошо известные в актовом материале XVI в. на Севере Руси. По-видимому, смердья община Псковской земли XIV—XV вв., как и черносопная крестьянская волость Северо-Восточной и Северной Руси XV—XVI вв., представляла собою общину-марку — совокупность индивидуальных крестьянских участков и общинных угодий — альменды.¹⁷ На то, что в этой общине идет процесс расслоения, и указывают сведения о прикупках отдельных членов общины.

Кто же является в данном случае покупателем смердьеи земли в погосте Лисьях? Социальное положение Григория и Федора прямо не названо. Однако косвенное указание можно почерпнуть в выписке из духовной посадника Федора, которая сохранилась в том же судном деле конца XVII в., что и список разобранной выше

¹⁷ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси. . . , с. 383—385; Копанев А. И. Крестьянство русского Севера в XVI в. Л., 1978, с. 45—63; см. также: Носов Н. Е. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972, с. 66—67; Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, с. 143—145.

купчей: «Се аз. . . Федоръ посадникъ, отходя сего света, учиних ряд животу своему и отчинъ своею. Дах село свое в Лисьях и вода моя и пожни, а даю святѣи Варвары в монастырь черницамъ».¹⁸ На мой взгляд, имеются основания для отождествления автора духовной с одним из братьев-покупателей смердых земель. Кроме совпадения имени (что само по себе, конечно, еще не является аргументом) в пользу такого отождествления говорит тот факт, что обе грамоты хранились вместе и вместе были представлены Варваринским монастырем в споре об одной и той же земле. Если так, то покупателями смердых мест оказываются представители самой верхушки псковского феодального общества, которые и организуют здесь свое феодальное владение — село с сидящими «имянно» на земле бывшими владельцами его в качестве плательщиков ренты.

С тем же погостом связана и третья грамота архива Варваринского монастыря. Это купчая некоего Никона «у старостѣ у Кирилка и у Федора и во всѣх сосѣдѣх у святаго Георгия». Объектом сделки здесь являются «два мѣста вода в Лисьях и сѣденье, и запас дву мѣст».¹⁹ Это, вероятно, та самая община, три члена которой продали в предыдущем акте свои «полтретьянатцата мѣста». Из рассматриваемого акта видны некоторые новые черты этой общины. Так, наша купчая называет жителей дер. Лисьей не смердами, а только соседями. Так как, по-видимому, оба акта принадлежат к одному и тому же ограниченному отрезку времени,²⁰ то можно предположить, что смерды купчей Григория соответствуют соседям купчей Никона — это одни и те же лица. Следовательно, термины «смерд» и «сосед» в данном случае равнозначны. Сельские смерды образуют общину, члены которой друг для друга являются соседями — совсем в духе ст. [6] (9) ПСГ. Эта община соседей-смердов образует вместе с тем церковный приход св. Георгия.²¹ Объект сделки — «мѣсто» — в данном случае, по-видимому, отдельный жилой участок со всем, что с ним связано. Особенно важен термин «сѣдѣнье». Этот термин этимологически связан с глаголом «сѣдѣть», известным из ПСГ.²² Что же он означает?

Псковский вотчинник Никита Хов в своей духовной перечисляет свою недвижимую: «. . . Село свое на Выбуте Кукасово сидѣнье. . . село мое в Смолинах Махнаво сидѣнье. . . село мое Кустово сидѣнье. . .». Но у него есть также село Внигичи, которое он

¹⁸ НПГ, № 18, с. 59.

¹⁹ Там же, № 20, с. 60.

²⁰ В. Л. Янин, по данным сфрагистики, относит их к 1425—1469 гг. (Янин В. Л. Сфрагистический комментарий к псковским частным актам. — В кн.: Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты. . ., с. 174).

²¹ Судя по писцовым книгам XVI в., погост был центром губы, которая, как правило, совпадала с церковным приходом (Суворов Н. С. Псковское церковное и монастырское землевладение в XVI и XVII вв. — Журнал Министерства народного просвещения, 1905, декабрь, с. 254—255).

²² См.: Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937, с. 95.

«сидѣньем» не называет.²³ Акилиѣна, жена князя Федора, в духовной пишет: «. . . Село мое семей дворъ. . . Самухново седенье. . . два двора Данилово седенье и Харитоново седенье. . . два двора на Пукней Микитино седенье да Дихово седенье. . . село мое за Островомъ Фларево седенье. . .». Наряду с этим у нее тоже есть село, не именуемое сиденьем — «село мое на Кеби».²⁴ Не называет свое село сиденьем и Ульяна, которая «ходя при своемъ животу учинихъ рядъ» своему имуществу, в том числе и «сѣлу своему, что на Кухви в Овсицах».²⁵ Не называют сиденьем свои села и мелкие вотчинники.²⁶ По раздельной на отчину Захарии Костина «досташа другая часть святому Духу в Ыглин монастырь, да святому Михаилу в Мирожу Кузмино сиденье два двора. А ободень селамъ объма по старымъ межам. . .».²⁷ Таким образом, взаимоотношение между селом и сиденьем не однозначное. Сиденье иногда равнозначно селу, иногда — двум селам. Иногда связь между этими терминами не прослеживается. Вероятно, как об этом свидетельствует и ПСГ, термин «село» служит наиболее общим обозначением поселения. Сиденьем же оно называется, по-видимому, в тех случаях, когда на нем живет (сидит) непосредственный производитель-крестьянин, в частном случае — зависимый от землевладельца. Как правило, сиденье соответствует одному крестьянскому участку-двору, но возможно появление и двухдворных сидений, которые тогда могут быть разделены на два села. Вполне возможно, что название «сиденье» оставалось за деревней и после ухода из нее крестьянина, превращаясь в собственное имя поселения.

Следовательно, рассматриваемая купчая Никона — сделка по крайней мере на один крестьянский участок, отчуждаемый общиной. Община не только санкционирует сделку своих членов с третьими лицами, как в купчей Григория и Федора, но и распоряжается жилыми, видимо опустевшими, участками-деревнями. Кто такой Никон, покупатель деревни, — член этой же общины или пришелец со стороны — неизвестно. Но сам по себе факт приобретения им деревни путем формальной сделки с общиной примечателен. Перед нами один из моментов сколачивания мелкой вотчины и вытекающее отсюда вторжение грамотчика в патриархальный мир соседей ст. [6] (9) ПСГ.

Значительный интерес представляет и свидетельство о вкладе погостской общинной земли в монастырь. Если я правильно понимаю дефектное начало этого акта,²⁸ суть его в том, что «вси пого-

²³ НПГ, № 30, с. 69.

²⁴ Там же, № 33, с. 72—73.

²⁵ Там же, № 35, с. 74.

²⁶ Там же, № 14, 15, с. 56—58.

²⁷ Там же, № 28, с. 67.

²⁸ «Се при смерти староста радѣючи и вси погощеня белицамъ и черницамъ святаго Вознесения и старосты Иванову землю дали на Насержи. . .» (НПГ, № 10, с. 53).

цена» дали в монастырь землю старосты Ивана по его духовной. В состав вклада входят пожня, борть, пашня, прикреми, лес, полесья, росчисти — самые разнообразные земельные угодья, в том числе и такие росчисти, которые согласно смыслу ст. [6] (10) ПСГ могут отчуждаться только по грамоте, являясь полной частной собственностью, и такие (пашня), которые по ст. [6] (9) несут черты общинного владения. Эта земля выделяется теперь из погостских земель точно обозначаемой межей, причем выясняется, что озеро Серж принадлежало погосту «з горожаны пополам», а теперь на тех же началах будет принадлежать «черницамъ Вознесенскимъ».²⁹ Таким образом, наряду с продажей по купчим погостская земля может перейти в руки феодалов и другими путями, в виде вклада по душе, например. Это — явление, хорошо известное повсеместно, где только существует черная крестьянская земля и феодальное монастырское владение.

Рассмотренные акты ясно показывают, в каком направлении развиваются земельные отношения внутри смердья общины. Смердья община может в отдельных случаях отстоять себя от феодала, наступающего на нее извне, но она бессильна перед центробежными тенденциями, развивающимися внутри нее самой. Превращение аллода общинника в его свободно отчуждаемую частную собственность подтачивает саму основу существования территориальной крестьянской общины. Тем самым община превращается в питательную среду для развития феодальной вотчины. Крестьянская (смердья) община на землях Господина Пскова идет по тому же пути, что и в Северо-Восточной Руси.³⁰

Иллюстрацией этого пути является правая грамота 11 июня 1483 г., данная Снетогорскому монастырю. Противниками Снетогорского монастыря на суде о шестой части в реке Перерве выступили три категории владельцев: во-первых, староста церкви св. Егория Юрий сотский, во-вторых, игумен Кузьмодемьянского монастыря с Гремячей горы Лаврентий и, в-третьих, Ортем, Илья и все их сябры.³¹ В этих сябрах Л. М. Марасинова видит жителей Рожитского острова — потомков «тех смердов-рожитчан, которые упоминаются в грамоте великого князя Александра и посадника Твердила». Вывод Л. М. Марасиновой: «члены бывшей смердья общины к концу XV в. превратились в совладельцев церковных феодалов, внедрившихся в эту общину и завладевших частью ее земель»,³² кажется мне вполне основательным и отвечаю-

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Алексеев Ю. Г. 1) Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси. . . , с. 37—39; 2) Черная волость Костромского уезда XV в., с. 79—83; 3) Крестьянская волость в центре феодальной Руси, с. 102.

³¹ ГИП, № 340, с. 326—328.

³² Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты. . . , с. 146—147. — Ср.: Греков В. Д. Крестьяне на Руси. . . , кн. 1, с. 460—463; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси

щим тем чертам аграрных отношений внутри смердшей общины, которые можно проследить по актам. Суть эволюции смердшей общины в условиях развивающегося феодализма — разложение этой общины в силу свободного отчуждения земли ее членами. В Господине Пскове, как и повсюду на Руси, свободное отчуждение земли не может не привести в данных условиях к торжеству феодального вотчинного землевладения над крестьянским землевладением и крестьянской общиной.

2. Феодалы и их земли

По наблюдениям Л. М. Марасиновой, к числу наиболее характерных черт псковского землевладения XIV—XV вв. относятся крайняя дробность и чересполосность,³³ отсутствие выраженных черт крупного феодального владения, как светского, так и церковного, сильное развитие сябренничества-складничества (причем в качестве сябров-складников выступают не только крестьяне, но и феодалы), право крестьян-смердов, а не только феодалов свободно отчуждать землю в одерень.³⁴ Наблюдения и выводы Л. М. Марасиновой представляют большую ценность. Обнаруженный и исследованный ею актовый материал, значительно более богатый, чем у всех ее предшественников, позволил внести существенные коррективы в представления о псковском землевладении, сложившиеся в историографии. Так, в частности, не оправдалось широко распространенное мнение о полном господстве в Господине Пскове (по аналогии с Новгородом) крупного феодального землевладения (Б. Д. Греков, И. Д. Мартысевич, Н. Н. Масленникова). Напротив, акты подтвердили наблюдения Н. С. Суворова и М. Н. Тихомирова о заметных отличиях псковского феодального землевладения от новгородского, и в частности о преобладании во Пскове XIV—XV вв. мелкого владения.

Актный материал рисует вотчинников разных типов. К мелким вотчинникам относятся, например, Трофим с братом и их сябры Осип и Федос — владельцы земель на Камне. Как видно из их раздельной грамоты, объекты их владений — это отдельные полосы и цивы, доли в рыболовном угодье («в воде Котечной»). Но сябрам принадлежит и «седенье на холме», по-видимому, жилия деревня с зависимым человеком. Упоминается и «земля оброчная», т. е. земля, с которой сябры получают оброк — «а то кому ж своя знати» (каждому своя доля). Характерно, что эти мелкие вот-

XI—XIII вв., с. 36—37; Черепнин Л. В. Псковские грамоты конца XV в. как исторический источник, с. 427—428.

³³ «... Псковская земля в XIV—XV вв. представляла собой пеструю мозаику мелких и мельчайших участков земли, принадлежавших различным владельцам» (Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты... , с. 144).

³⁴ Там же, с. 125—126, 145—147, 150.

чинники — горожане: у них есть «двориско на городке».³⁵ Другим примером мелких вотчинников-горожан являются Ждановы дети, которые «по отся своего рукописанию» разделили свою «отчину» — «всю сполу оромую землю и позня и ловища с Гостеняя стороная» дали в монастырь Старого Вознесения, «а собе взявзя Завелицкую сторону и острова и ловища и оромую землю и позня». Зависимых людей, сидящих на земле, у них, по-видимому, нет. Они мыслятся сами в качестве непосредственных производителей: «Здановым детем, ни братосам их Домановым детем не лести на Вознесенскую сторону ни с ралом, ни с косою», в то время как монастырь располагает зависимой рабочей силой — «сиротам святого Вознесенья не лести на них сторону ни с ралом, ни с косою». Тем не менее в состав владения Ждана входил «двор в городкя», следовательно, он, по всей вероятности, не тянул в смердю общину, а являлся горожанином-землевладельцем, членом городской общины.³⁶ Мелким вотчинником является и Семион, владелец села в Смолинской губе. Он, хотя и живет, по его словам, в своем селе, имеет тем не менее половину подклета «на городке» — является опять-таки горожанином, членом городской общины.³⁷ «Городок» этот, конечно, не Псков. Семион, видимо, пригородная аналогия тому «селянину псковитину», о котором говорит ст. [25] ПСГ. Он, если можно так выразиться, селянин пригорожанин. Такого же типа владелица Ульяна, которой принадлежит село на Кухви в Овсицах и клеть в городе.³⁸

В облике таких вотчинников отчетливо проступают черты горожанина — собственника села, в котором, может быть, нет ни одного крестьянина и хозяйство ведется силами членов семьи владельца. Назвать такого владельца феодалом в собственном смысле можно только с очень большими натяжками. Иногда он владеет даже не селом, а отдельными угодьями.³⁹ Перед нами — мелкий вотчинник крестьянского типа, не эксплуатирующий постоянно чужого труда, но вотчинник-горожанин, не входящий в сельскую территориальную общину. К такому мелкому вотчиннику едва ли полностью применимы определения, выработанные на материале Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.⁴⁰ Из облика мелкого вотчинника-горожанина выпадает одна из самых основных черт характеристики мелкого вотчинника-крестьянина — генетическая связь с волостным крестьянским миром. Выпадает и другой важный элемент — податной характер мелкой крестьянской вотчины. Судя по всем данным, в условиях вечевой республики

³⁵ НПГ, № 5, с. 49—50.

³⁶ Там же, № 11, с. 54.

³⁷ Там же, № 14, с. 56—57.

³⁸ Там же, № 34, с. 74.

³⁹ Так, некоему Осипу кроме клетки на городе и двора на Завеличье принадлежат две пожни в Устьях — это и есть его «отчина» (там же, № 35, с. 75).

⁴⁰ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси. . . , с. 42—52.

мелкий вотчинник, член городской общины, ни в какое тягло не тянет. С другой стороны, нет также достаточных оснований видеть в таком мелком вотчиннике «отбросы боярства, класса служилых привилегированных землевладельцев», как характеризует С. Б. Веселовский мелкую вотчину Северо-Восточной Руси.⁴¹ Мелкая вотчина члена городской общины в условиях вечевого строя — это явление особого рода, характерное именно для вечевых республик и имеющее с мелкой вотчиной в других русских землях только некоторые черты сходства, прежде всего малые размеры и необходимость личного труда владельца.

Для социально-экономической характеристики такого мелкого вотчинника богатый числовой материал дают новгородские писцовые книги. По подсчетам Т. И. Осьминского, основная масса новгородских своеземцев (673 человека из 780) владела мелкими и мельчайшими вотчинами, соразмерными с крестьянским участком. Около 25% этих мельчайших вотчинников обрабатывали свои участки, по-видимому, собственным трудом без помощи крестьян и холопов. Значительная часть (около трети) «не жила в своих волостках, а оставляла их в пользовании крестьян»; «вообще крестьяне были далеко не редким явлением в своеземческих владениях». По наблюдениям Т. И. Осьминского, значительный процент своеземцев составляют горожане.⁴² Как показывают материалы Водской пятины, к мелким вотчинникам-своеземцам наряду с горожанами принадлежат и своеземцы-сельчане; как правило, своеземцу принадлежит одна волостка, иногда он владелец или совладелец нескольких волосток. Около одной трети своеземческих волосток Водской пятины по размерам не превосходят обжи, одного крестьянского участка.⁴³

Есть основания рассматривать такое землевладение как явление очень старое, уходящее своими корнями в глубь веков. Это относится прежде всего к землевладению горожан. В связи с этим весьма интересна структура землевладения в селе Ямская Весь (Водская пятина). Это большое село в 15 км от Ямы (52 крестьянских двора, 250 коробей пашни, 55 обож) находится в коллективной собственности «городских людей ямлян», из которых 115 перечислены поименно, но многие имеют еще и не названную по имени «братью». ⁴⁴ По мнению В. Н. Бернадского, село «было отдано ямлянам при основании города. . . и владельцами его были первые обитатели г. Ямы». ⁴⁵ К моменту составления писцовых книг Яма была

⁴¹ Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, с. 205; см. также: Веселовский С. Б. Село и деревня Северо-Восточной Руси. М.-Л., 1936, с. 56—58.

⁴² Аграрная история Северо-запада России, с. 339—340.

⁴³ Там же, с. 189—190.

⁴⁴ Новгородские писцовые книги, издаваемые Археографической комиссией, том третий. СПб., 1868, стб. 954—956.

⁴⁵ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке, с. 126.

еще сравнительно молодым городом (основаца в 1384 г.),⁴⁶ и в ней могли жить правнуки первых поселенцев. Коллективная собственность «городцких людей» сохранялась и в Ямской Веси, и в других селах и деревнях. Нет оснований думать, что городчане Ямы находились в каких-то особых беспрецедентных условиях; скорее всего аналогичная картина наблюдалась на раннем этапе и в других новых городах. Основание города сопровождалось созданием коллективного землевладения городчан, устройением сел, тянувших к городу и содержавших его жителей. В дальнейшем, по-видимому, происходил распад коллективного владения на отдельные волостки, переходившие из рук в руки. Таким представляется один из путей создания мелкозотчинного землевладения горожан. Это означает, что в вечевых городах-землях наряду со скупкой земель у смердов-общинников существует еще один вариант генезиса мелкой вотчины — распад коллективной собственности горожан.

Исследованный и опубликованный В. Л. Яниным комплекс берестяных грамот рисует живой образ мелкого вотчинника-горожанина на рубеже XIV—XV вв.⁴⁷ Моисей из Порхова «предстает перед нами весьма незначительным собственником. Крестьяне должны ему мизерные суммы. . . Будучи ограбленным вполне установленными по именам злоумышленниками, он не имеет возможности сам расправиться с ними и пытается взыскать свои убытки законным путем».⁴⁸ Моисей владеет городским двором в Порхове, двумя пожнями и несколькими земельными участками, доставшимися ему по деловым грамотам. Они расположены в трех различных местах, как в непосредственной близости от Порхова (15—18 км), так и на большом расстоянии (100 км). По оценке В. Л. Янина, все владение Моисея вряд ли превосходило 4—5 беж. Как считает В. Л. Янин, «владение Моисея было его собственным „скоплением“. Поначалу он был совладельцем земель на основе складничества с разными лицами, затем обособил свои участки. . . по раздельным грамотам».⁴⁹ Это вполне вероятно. Перед нами, таким образом, распад складнического владения, возможно, совместного владения горожан такого же типа, как и в селе Ямская Весь.

Для социальной характеристики мелкого вотчинника чрезвычайно важно, в какой мере он сам участвует в обработке своей земли. А. И. Неусыхин кладет этот признак в основу предложенной им классификации мелкой вотчины: он различает мелкую вотчину крестьянского типа, предполагающую личный труд собственника наряду с трудом зависимых и несвободных, и собственно феодальное владение, основанное исключительно на полу-

⁴⁶ НПЛ, с. 379.

⁴⁷ Я н и н В. Л. Комплекс берестяных грамот № 519—521 из Новгорода. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 30—39.

⁴⁸ Там же, с. 39.

⁴⁹ Там же, с. 35.

чении ренты с держателями участков.⁵⁰ Псходя из того что Моисей владеет несколькими участками, разбросанными на значительном пространстве, а сам живет в городе, «обрабатывать принадлежащие ему земли он может только эксплуатируя чужой труд».⁵¹ С этим выводом В. Л. Янина нельзя не согласиться. Однако не менее важно, что Моисей — горожанин, член привилегированной в условиях вечового строя городской общины. Уже это обстоятельство поднимает его над миром земледельцев-смердов и сообщает ему некоторые черты имуниста-феодала. Моисей живет у самого рубежа, отделяющего Новгородскую землю от Псковской. Надо думать, что подобный тип мелкого вотчинника-горожанина встречался и по ту сторону этого рубежа в лице свободного псковитина — персонажа ПСГ.

Наряду с мелкими вотчинниками-своеземцами акты Господина Пскова знают и настоящих феодалов, непосредственно эксплуатирующих крестьянский труд. К их числу относится Никита Хов. Он горожанин — на Завеличье в Изборской улице у него два двора и огород; есть у него и еще один двор («меншеи»), и тоже с огородом, есть и поженка и нива «конечь огородов». Это все — в городе. За его пределами Никите принадлежат четыре села: на Выбуте Кукасово сиденье, в Смолинах Махнаво сиденье, Внитичи и Кустово сиденье.⁵² Термин «сиденье» указывает на наличие зависимых людей — изорников или сирот, сидящих на земле, принадлежащей вотчиннику-феодалу. Конечно, по масштабам Северо-Восточной Руси владелец двух городских дворов и четырех сел (скорее всего, однодворных деревень) — вотчинник очень мелкого масштаба, но он, Никита Хов, несомненный феодал, феодал-горожанин, живущий, видимо, в своем городском дворе и получающий ренту с сидений.

Примером крупного по меркам Господина Пскова феодального владения является вотчина Акилины, жены князя Федора. Ее отчина — 7 дворов на Кубыле Быстрой близ Острова, пригорода Пскова; мельница на р. Вяде; село на Кеби, правом притоке Псковы, довольно далеко от Острова; 4 двора на Пукней; 4 двора за Островом на Веретей; «место воде» в Кутке; двор в Зряковичах; два двора «оу Глиння»; село за Островом; двор у св. Михаила в Городецком конце; клеть в городе.⁵³ Таким образом, в состав вотчины входят помимо городского двора и клетки еще около двух десятков сельских дворов, расположенных в семи различных территориальных комплексах, а также рыболовное угодье. Разбросанность земельных владений может свидетельствовать о постепенном складывании вотчины путем купель у местных землевладельцев или смердов-общинников (наподобие купли посадника Федора

⁵⁰ Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964, с. 34—41.

⁵¹ Янин В. Л. Комплекс берестяных грамот. . . , с. 36.

⁵² НПГ, № 30, с. 69—70.

⁵³ Там же, № 33, с. 72—73.

в погосте Лисьях). Что представляют собою сельские дворы? На р. Быстрой кохкретно назван один из них — Самухново сиденье. На Пукней все четыре двора названы сиденьями: Данилово-Харитоново, Микитино, Дихово. Называя в конце своей духовной село за Островом, Акилина поясняет, что это Фларево сиденье.⁵⁴ Итак, села (дворы) — это не что иное, как сиденья зависимых крестьян. Акилина распоряжается этими сиденьями как своей полной частной собственностью — дает по душе, завещает мужу и родственникам, велит продать и т. п. Перед нами — самая настоящая феодальная вотчина с зависимым сельским населением, сидящим на земле.

Несмотря на отрывочность и неполноту наших сведений, наличие в Псковской земле самых настоящих феодальных вотчин — крупных, средних и мелких, светских и церковных — не вызывает никакого сомнения. Не может вызвать сомнения и общий характер организации этих вотчин. Как и повсюду, вотчинное хозяйство ведется руками зависимых крестьян — изорников или сирот, сидящих на земле в селах феодалов. В отличие от смердов-общинников, живущих в своих погостах, жители сидений в феодальной вотчине образуют группу поземельно-зависимых крестьян. Форма и степень этой зависимости, как и форма феодальной эксплуатации, могли быть, как и повсюду на Руси, весьма различны. Мы уже видели бывших смердов, потомственно сидящих и кормящихся в вотчине феодала на своей же бывшей земле;⁵⁵ перед нами промелькнули сироты Вознесенского монастыря со своими орудиями производства — ралом и косою;⁵⁶ у нас есть основания думать, что жители сидений платят оброк своим господам.⁵⁷ Все эти явления неразрывно связаны с ведением феодального хозяйства, с самой сутью феодального землевладения. Они не составляют особенности Псковской земли, напротив, сближают ее в социально-экономическом отношении с другими русскими землями эпохи развития феодального вотчинного землевладения. Специфика вичевой земли в своеобразном соотношении феодальной вотчины и черного крестьянского землевладения. В этом отражается основная характерная черта вичевой строя — особое положение привилегированной городской общины над массой тяглых сельских общин.

Наиболее характерная черта псковского феодала в том, что он горожанин, горожанин по преимуществу. Новые акты, опубликованные Л. М. Марасиновой и ознакомившие нас с несколькими конкретными фигурами псковских феодалов и мелких вотчинников (до этого был известен в сущности только Никита Хов по сокращенному пересказу его духовной),⁵⁸ убеждают в правоте С. В. Юшкова, считавшего, что «в Пскове основной землевладельческой

⁵⁴ Там же, с. 73.

⁵⁵ Там же, № 19, с. 59—60.

⁵⁶ Там же, № 11, с. 54.

⁵⁷ Там же, № 5, с. 50.

⁵⁸ ГИИ, № 344, с. 329.

группой были горожане. . . Даже мелкие землевладельцы — земцы или своеземцы — формировались главным образом из среды горожан». ⁵⁹ Хотя не исключена возможность появления мелкого вотчинника из смердов-общинников, тем не менее преобладающее положение, решающая, определяющая роль землевладельца-горожанина не подлежит никакому сомнению. Как мы видели, землевладельцами-вотчинниками являются не только псковитины — члены псковской городской общины, но и пригорожане. Об этом же свидетельствует и псковская летопись: гдовские земцы имели отчину «на берегу на реке на Гдовѣ». ⁶⁰

Члены городской общины имеют исключительное право обзаводиться вотчинами на землях, тянущих к их городу. Именно с этим связано одно из основных условий новгородско-княжеских докончаний: «. . . Ни сель ти держати по Новгородской волости, ни твоеи княгыни, ни бояромъ твоимъ, ни твоимъ дворяномъ». ⁶¹ Вечевые власти запрещают продажу земли в чужие руки, иногородним, заставляют выкупать эти земли или выкупают сами за государственный счет («А что сель, княже, на Новгородской земли твоихъ, или княгыниныхъ, или бояръ твоихъ, тѣхъ сель тобѣ съступитися; а куны емати на нихъ у истыцевъ своихъ, у кого будетъ кто купилъ; а земля святой Софии къ Новгороду»). ⁶² Владение иногородних людей селами допускается только как временное явление — «или не окупать, сѣдѣти ему, доколѣ окупятъ». ⁶³ Землями городской общины распоряжается само вече. Так, Господин Псков наградил Якова Голутвинича «за пот и кровь» правом «селитва ставити да рыбу ловити неводам да мережи». ⁶⁴ Другой подобный акт адресован князю Скирмайло, видимо, литовскому выходцу, служившему Господину Пскову. ⁶⁵

Свободное от отношений службы и вассалитета землевладение горожан-иммунистов всех рангов — от мелкого владельца до крупного боярина — составляет характернейшую черту феодальной вотчины вечевского города. Не зная вассальных иерархических связей с князем, вотчинник сохраняет связи со своей городской общиной. Становясь землевладельцем, владелец вотчины не перестает быть горожанином, и его социально-экономическое лицо определяется именно этим. ⁶⁶

⁵⁹ Ю ш к о в, С. В. Псковская «аграрная» революция. — Записки науч. о-ва марксистов. М.-Л., 1928, № 3 (41), с. 35.

⁶⁰ ПЛ, II, с. 43.

⁶¹ ГНП, № 1, с. 10.

⁶² Там же, № 7, с. 17.

⁶³ Там же, № 14, с. 27.

⁶⁴ Там же, № 333, с. 318.

⁶⁵ НПГ, № 1, с. 46.

⁶⁶ Так, даже богатейший новгородский землевладелец, представитель боярского рода Федор Остафьевич, владеющий огромными вотчинами в духовной «приказывает приказъ» не только «господину своему дяде, посаднику новгородскому», но и «всей великой улицѣ Нутной» (ГНП, № 111, с. 171).

Наймит и его государь

Развитие феодальных черт в землевладении составляет существенную сторону общего процесса роста феодальных отношений, но не исчерпывает содержания этого процесса. Другая, не менее важная сторона — развитие форм феодального неравноправия и зависимости. Социальное расслоение общества приводит к выделению феодальной верхушки и одновременно к появлению людей, потерявших в той или иной степени свое прежнее социальное состояние свободных членов городской и сельской общины. ПСГ знакомит с двумя типами подобных людей — наймитом и изорником. Наймиту ПСГ посвящает ст. [29]—[31] (39—41). Последние две как бы накладываются на первую, развивая и поясняя отдельные ее положения. Перед нами не просто совокупность отдельных рядом стоящих статей, а раздел, связанный определенным внутренним единством, регулирующий правовые основы института найма.

Ст. [29] (39) сохранилась в списке ПСГ с утратой около 40 знаков, примерно 25 % текста протографа. Но и в своем теперешнем виде эта статья имеет существенное значение для понимания природы отношений найма и взаимоотношений наймита и государя.¹ Статья начинается с определения круга лиц, попадающих под действие ее норм. Это мастер, плотник или наймит. О мастерах и наймитах не раз говорит псковская летопись. Так, в 1363/64 г. «псковичи даша наймитом 2 ста рубливъ истребити им стѣна. . .»; в 1374/75 г. «заложиха церковь. . . и даше мастеромъ дѣлу мзды 400 рубливъ»; в 1399/1400 г. «владыка Иванъ . . . повелѣ . . . наняти наймитовъ ставити костеръ».² Как видим, летопись сближает мастера с наймитом: это — подрядчик, получающий за свое дело мзду. ПСГ упоминает мастера еще один раз — в ст. [98] (102).³ Мастер,

¹ «А которой мастер плотник или наймит отстоит свой урок и плотник или наймит (пропуск 20—21 знаков) свое дело отделеат (пропуск 18—20 знаков) на государех и взаключь сочит своего найма».

² ПЛ, II, с. 103, 109.

³ «А которой мастер иметь сочить на ученики учебнаго, а ученик запретя, — ино воля государева; хочет сам поцелует на своем учебном или ученику верить».

выступая по отношению к государю в одном ряду с наймитом и плотником, по отношению к своему ученику сам играет роль государя. Это важно отметить и с точки зрения социальной характеристики мастера, и для уяснения содержания термина «государь». Рядом с мастером ст. [29] (39) ставит плотника и наймита. Нет основания рассматривать эти термины в качестве пояснения термина «мастер», как разновидности этого общего родового понятия: «плотник» и «наймит» фигурируют как самостоятельные определения и в этой, и в следующих статьях. Напротив, общим (родовым) определением персонажей ст. [29] является именно «наймит» — тот, кто «сочит своего найма» «на государех». Однако эта статья понимает под наймитом (в отличие от летописи) не только того, кто «свое дело отделяет», но и того, кто «отстоит свой урок». Она объединяет мастера, получающего мзду за свое дело, и урочного наймита, порядившегося на срок. С ее точки зрения, они составляют одну юридическую категорию, объединенную общими принципами найма и противостоящую государю.

Государь упомянут здесь впервые. Государь этой и следующих статей — это тот, для кого наймит должен отстоять свой урок или свое дело отделать, тот, кто присваивает на определенных условиях труд работающего на него наймита. Термин «государь» встречается в ПСГ еще в двух контекстах: в вышеупомянутой ст. [98] об ученике и в статьях об изорниках, которые начинаются сразу после раздела о наймитах. Не касаясь здесь проблемы изорничества как таковой, отметим, что государь статей об изорниках — тот, по отношению к которому изорник несет известные повинности, тот, кто в той или иной форме присваивает плоды труда изорника. Таким образом, государь — это не просто один из участников гражданской сделки найма, а особый участник этой сделки, выступающий в роли владельца имущества и присваивающий плоды труда наймита. Однако, как мы видели, наймит (мастер) сам является государем. Следовательно, между наймитом и государем нет пропасти. Противостояние государя и наймита ст. [29] еще не полное и не постоянное, а пока еще относительное и временное, определяемое не принадлежностью к противоположным антагонистическим классам, а конкретной жизненной ситуацией. Государь здесь не феодал, наделенный особыми привилегиями и правами, а просто хозяин, связанный с наймитом определенными экономическими отношениями. Сущность этих отношений — работа наймита на государя и получение им найма.

Из текста статьи вытекает, что найм — то, что следует наймиту, отстоявшему свой урок или отделавшему свое дело. Найм нашей статьи — вознаграждение, обусловленное заранее и следующее наймиту после выполнения взятых им на себя обязательств. Термин «найм» употребляется в источниках XII—XIV вв. в разных смыслах. «Найм. . . рекше лихвы» — один из сюжетов знаменитого Вопрошания Кирикова.⁴ Под наймом Кирик разумел процент

⁴ РИБ, VI, стб. 24—25.

с данных взаймы денег и имущества вообще. Трактовка найма как платы вперед (задатка), устанавливающей статус челядина-наймита, вытекает из текста ст. 29 Правосудия Митрополичьего.⁵ По-иному понимает категорию найма древнерусская редакция Законов Земледельных. Найм ст. 24, 32, 33 этого памятника — плата пастуху или садовому сторожу по выполнении ими своих обязательств. Термином «найм» здесь переведено греческое слово *ὁ μισθός*.⁶ В аналогичном смысле употребляет этот термин русская редакция XIII—XIV вв. Закона Судного Людем: в статье «О ратаи» наймом названа плата ратаю и пастырю, «иже пасеть стадо».⁷ Наконец, летописные тексты называют наймом плату за выполнение отдельных работ — мзду за дело. Таким образом, наряду с наймом-лихвой и наймом-задатком источники знают и другой найм — условленную плату за выполненную работу, в том числе и за урок. ПСГ стоит именно на таких позициях, примыкая в своем понимании найма к Законам Земледельным и статье «О ратаи». Особенностью найма-платы в этой трактовке является то, что получение его не ведет к состоянию зависимости наймита и не определяет наперед каких-либо отношений его с государем. Напротив, получение найма является заключительным актом этих отношений.

Логический центр тяжести ст. [29] лежит в ее последних словах — «. . . на государех и взакличь сочит своего найма». Что такое «взакличь»? Этот термин встречается в ПСГ дважды: при иске наймита к государю в настоящем случае и при иске государя к изворнику в ст. [35] (44). Взакличь — это особая форма иска, при которой не надо предъявления письменных документов. Как и суд о земле ст. [6] (9), не опирающийся на письменный акт, иск взакличь отражает старые общинные процессуальные нормы.⁸ Сама возможность такого иска со стороны наймита предполагает

⁵ ДКУ, с. 210. — И. И. Смирнов справедливо отметил, что «право на использование господином рабочей силы челядина-наймита вытекало из тех отношений. . . которые создавал между ними акт дачи-получения задатка, т. е. акт найма» (Смирнов И. И. Очерки. . . , с. 295). «Старый закуп превратился. . . в человека, работающего по найму», — пишет по поводу этой статьи А. А. Зимин (Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973, с. 357).

⁶ Павлов А. «Книги Законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы. . . , с. 48, 50.

⁷ ЗСПП, с. 39. — Термин «найм» Пушкинского списка XIV в. заменен в Археографическом списке XV в. словом «орание» (там же, с. 69).

⁸ Из дореволюционных историков ближе всего к пониманию социального смысла иска взакличь подошел Н. Л. Дювернуа, выдающий в нем «следы непосредственного суда общины» (Дювернуа Н. Источники права. . . , с. 366). Развивая эту мысль, И. И. Полосин рассматривает иск взакличь как непосредственную апелляцию к общине: «Местная община («суседи») знала хорошо, кто у кого на каких условиях работал». Нельзя, однако, согласиться с И. И. Полосиным, когда он трактует взакличь как «призыв к восстанию масс» (Полосин, с. 75). Едва ли такой призыв мог найти отражение в законодательстве. А. А. Зимин в своем комментарии сравнивает эту статью со ст. 32 Пространной Правды («заключить и на торгу») (Зимин, ПСГ, с. 352).

принадлежность его и государя к одной и той же общине. Это обстоятельство представляется чрезвычайно существенным в характеристике взаимных отношений государя и наймита. Наймит может апеллировать к общине, к сторонним людям из нее, и государь должен подчиниться их мнению. Такое положение государя по отношению к миру не дает возможности трактовать его как феодала в собственном смысле слова, как человека, наделенного особыми привилегиями и стоящего вне мира и над ним.⁹ Итак, первая статья раздела о наймитах определяет общие, принципиальные основы взаимоотношений между наймитом и государем. Эти отношения не носят еще классово-антагонистического характера — они разворачиваются пока в рамках одной и той же общины,¹⁰ напоминая категории Законов Земледельных.¹¹

Если ст. [29] говорит о наймитах вообще, то ст. [30] посвящена исключительно одной разновидности урочного наймита — наймиту дворному.¹² Он нанят на определенное время («урок») для выполнения разных работ во дворе государя по усмотрению последнего. Необходимо подчеркнуть, что наймит дворный не новая по отношению к ст. [29] разновидность, а один из тех, кто подпадает под общие нормы этой статьи, прямо говорящей об уроке, как и о деле. Таким образом, ст. [30] определяет только некоторые специфические черты наймита дворного. Черты свободы

⁹ Иначе трактует термин «государь» И. И. Полосин: для него «в статьях 39—41 и многих других „государь“ значит „феодал“» (Полосин, с. 74). А. А. Зимин с достаточным основанием видит в государе хозяина (Зимин, ПСГ, с. 351). А. Л. Шапиро отмечает, что «наиматель именуется... государем, т. е. тем термином, каким обозначается и феодал-землевладелец» (Шапиро А. Л. О характере найма в Древней Руси. — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории, вып. II. Л., 1973, с. 100).

¹⁰ Дореволюционные комментаторы ст. 39 трактовали отношения, устанавливаемые ею, как наем в чистом виде, безотносительно к природе общества, в котором совершается эта сделка. Поэтому само по себе правильное наблюдение, что «личный наем по Псковской Судной грамоте не связан ни с каким правовым ограничением» (Дебольский Н. Гражданская деятельность по русскому праву до конца XVII века. СПб., 1903, с. 100), исторически не обосновано и не поставлено в связь с другими явлениями. И. И. Полосин видит в этой статье прежде всего отражение борьбы князя и господы, причем князь «демагогически» использует форму иска ввакличь (Полосин, с. 75). Едва ли, однако, текст статьи дает право на такие выводы. Гораздо большую точность в понимании статьи проявил А. А. Зимин. В его комментарии верны основные положения: наймит — свободный («Часто в наймиты попадали обедневшие свободные лица...»), государь — хозяин (Зимин, ПСГ, с. 352).

¹¹ Советское византиноведение обосновало связь Земледельческого закона с крестьянской общиной. См.: Липшиц Е. Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация. (Преимущественно по данным Земледельческого закона). — В кн.: Византийский сборник. М., 1945, с. 96—143.

¹² «А которой наймит дворной поидет прочь от государя, не достояв своего урока, ино ему найму взяти по счету; а сочит ему найма своего за год, чтобы 5 годов; или 10 год стоявши, и всех тых ему год найма сочить как отъиде за год сочить, только будет найма не имал у государя; а толко поидет болши года, — ино им не сочти на государех».

и социальной полноценности паймита, отчетливо выступающие в ст. [29], здесь еще более подчеркнуты. Оказывается, наймит дворный может пойти от государя, даже «не достояв своего урока». При этом он сохраняет право на иск к государю о невыплаченном найме — он получает его по счету проработанных у государя лет.¹³ Он может «считать» этого найма в течение года после ухода от государя. Таким образом, даже неполное выполнение наймитом взятых на себя обязательств не меняет юридического существа его отношений с государем, не влияет на его право уйти от государя и считать на нем своего найма. Возможность получения найма по числу отработанных лет отличает наймита дворного ПСГ от ратая русской редакции Закона Судного Людем, который «не дооравъ до року, а идеть прочь, да лише найма».¹⁴ Причина этой разницы — в специфике труда дворного паймита, не связанного в отличие от ратая с сезонными земледельческими работами, а, возможно, также и в принадлежности наймита дворного к городской, а не сельской общине.

Однако в облике наймита дворного проступают и другие черты. Существенным моментом в его положении является именно то, что он «дворный». Он, видимо, живет и во всяком случае работает на дворе, в хозяйстве государя. Возникает подозрение, что он в отличие от мастера не только не имеет ученика, по отношению к которому он мог бы играть роль государя, но не имеет даже и хозяйственной самостоятельности. Эта черта паймита дворного особенно подчеркивается тем обстоятельством, что, как выясняется, он может стоять свой урок по многу лет, не получая найма. Фактически он работает все это время или бесплатно, или за харчи, за содержание. В сущности он дворовый (домашний) слуга. Что же заставляет наймита дворного работать в хозяйстве государя по

¹³ И. Е. Энгельман дал два варианта объяснения этого текста: «Если. . . наемник уйдет до истечения срока, то он, хотя бы и не получал наемной платы за несколько лет, может требовать платы только за последние-истекший год»; «Наймит после отхода может отыскать наемную плату в течение одного года» (Энгельман И. Систематическое изложение. . ., с. 63—64). М. Ф. Владимирский-Буданов принял первое толкование, объяснив эту часть статьи стремлением «облегчить для суда разбор исков, не основанных на письменных актах» (Христоматия. . ., с. 164, примеч. 97). Н. Л. Дювернуа и Н. Н. Дебольский встали на вторую точку зрения. По мнению Н. Н. Масленниковой, ст. 40 «составлена в интересах нанимателя — она аннулирует за давностью долг нанимателя наймиту» (Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, с. 41—42). И. И. Полосин, трактуя наймита как феодально зависимого кабального человека, подчеркивает, что «трудящиеся по истечении года теряли право иска на оплату работы за истекший год» (Полосин, с. 75). А. А. Зимин, напротив, справедливо указывает, что «. . . наймит, работавший на господском дворе, может досрочно кинуть хозяина и получить плату по расчету за проработанное время, если только иск предъявлен в течение одного года после ухода» (Зимин, ПСГ, с. 352). Такого же мнения И. Д. Мартысевич (Мартысевич И. Д. ПСГ, с. 155).

¹⁴ ЗСПП, с. 39.

многу лет, не получая найма? Очевидно, слабость или отсутствие собственного хозяйства. В положении многолетнего дворового слуги, работающего за харч, может очутиться только очень бедный человек, которому продолжение отношений с государем важнее, чем расчет с ним и обретение самостоятельности. Если перед законом он равен мастеру-наймиту, «делающему дело», то в реальной жизни между ними огромная разница. Такой наймит дворный, оставаясь формально свободным человеком, фактически стоит на грани потери своей свободы, на грани превращения в застарелого дворового слугу, живущего за господином и получающего от него содержание.

Древнерусскому праву хорошо известны дворовые слуги, работающие даром у господина. В положении челядина-наймита ст. 29 Правосудия Митрополичьего¹⁵ и застарелого наймита дворного ПСГ есть черты сходства. И тот и другой названы наймитами, чем подчеркнут экономический характер происхождения их отношений с господином. И тот и другой могут легально прекратить эти отношения и уйти от господина. Главное же, что их сближает, — это однородная сфера применения их труда: оба они работают за содержание в хозяйстве господина, что предполагает отсутствие у них хозяйственной самостоятельности. Однако при всем своем сходстве фигуры челядина-наймита и наймита дворного далеко не равнозначны ни в социальном, ни в историческом плане. Персонаж Правосудия — человек, получивший задаток и тем самым ставший челядином-наймитом, своего рода холопом по ряду, находящимся в условной, но бессрочной зависимости от «осподаря». Ни о каких платежах осподаря наймиту и речи нет — при уходе наймит платит двойной задаток за то, чтобы его отпустили. Перед нами несвободный слуга. Между ним и осподарем — социальная пропасть, еще больше подчеркнутая следующей, ст. 30, которая борется с искушением осподаря рассматривать наймита как полного холопа.¹⁶

На фоне суровой зависимости челядина-наймита правовой статус наймита дворного вырисовывается особенно четко. В его положении нет черт юридической несвободы. Даже многолетнее пребывание во дворе государя не лишает его качества свободного полноправного человека — он сохраняет свои права по отношению к государю, в том числе важнейшее из этих прав — право требовать через суд выплаты всего найма по числу проработанных лет. Следовательно, экономическое неравенство, вызывающее появле-

¹⁵ «А се стоить в соуде челядин наймит, не похочеть быти у осподаря, иъсть емоу випу, но дати ему въдвое задаток; а побъжить от осподаря, выдати его осподарю в полиницу» (ДКУ, с. 210).

¹⁶ И. И. Смирнов сближает челядина-наймита с закупом (Смирнов в И. И. Очерки. . . , с. 293—295). А. А. Зимин, также видя в челядине-наймите «старого закупа», в то же время подчеркивает, что он наймит (Зимин А. А. Холопы на Руси, с. 356—357). Но при этом необходимо помнить, что он наймит особого рода, наймит через задаток.

ние застарелой многолетней разновидности наймита дворного, не приводит еще в ПСГ к потере им социального лица, к разрыву его социальных связей.¹⁷ В этом — основное отличие наймита дворного ПСГ от челядина-наймита Правосудия Митрополичьего.

Наши источники знают и другой тип «изнемогшего» человека, вынужденного работать за содержание. Это получивший «дачу» персонаж ст. 111 Пространной Правды¹⁸ и близкий к нему «вдаввшийся» человек Закона Судного Людем Пространной редакции.¹⁹ Вдаввшийся человек имеет некоторые общие черты с наймитом дворным. Он поступает к господину по чисто экономическим соображениям, не теряет свободы, работает даром, как и застарелый дворный наймит. Однако хотя экономический характер отношений, мягкость зависимости и сохранение свободы роднят вдавшегося человека с наймитом дворным, между ними есть существенная разница. Вдаввшийся человек отрабатывает или возвращает полученную «милость», наймит дворный при расчете с государем сам получает с него найм. Связь вдавшегося человека с господином носит временный и случайный характер, он мыслится прежде всего самостоятельным человеком, ведущим собственное хозяйство. Наймит дворный, отстаивая свой урок у государя, делает это для получения найма, без которого, очевидно, затрудняется или не может вести самостоятельное хозяйство, если оно у него есть. Возможно, фигура такого наймита дворного свидетельствует о более стойкой хозяйственной несостоятельности свободного человека, чем состояние вдавшегося человека Закона Судного, пострадавшего «у тонша времени».

Возможность многолетней работы во дворе государя говорит о развивающемся процессе имущественного неравенства, о выделении людей хотя и свободных, но уже хозяйственно несамостоятельных. Характер наймита дворного определяется двумя чертами — сохранением личной свободы и утратой или сокращением хозяйственной самостоятельности. В этом специфика его облика и качественное своеобразие его положения по сравнению с другими формами зависимости, известными памятникам XII—XIV вв.²⁰

¹⁷ А. Л. Шапиро, склонный видеть черты неравноправия в положении наймита, подчеркивает, однако, что «в Псковской Судной грамоте мы встречаем такие затрудняющие перевод наймита в холопы нормы, каких не знала Русская Правда» (Шапиро А. Л. О характере найма в Древней Руси, с. 100).

¹⁸ «А в даче не холоп, ни по хлебе работять, ни по придагце; но оже не доходить года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват естъ» (ПРП, I, с. 119)

¹⁹ «Аще ся дасть человекъ или женщина у тонша времени, дернь ему не надобъ, а поидеть прочь, да дасть 3 гривны, а служилъ даромъ». (ЗСПП, с. 150). — См.: Алексеев Ю. Г. Статьи о «вдачестве» (Опыт терминологического анализа древнерусских юридических текстов). — Вспомогат. востор. дисциплины, IX. Л., 1978, с. 148—173.

²⁰ По мнению И. И. Полосина, ст. 40 отражает «ту сложную систему взаимоотношений, которая складывалась между государем-феодалом и ремес-

Таким образом, ст. [30] не только существенно дополняет юридические нормы ст. [29], но и дает возможность увидеть сложность и дифференцированность социальных отношений найма. Именно эта статья имеет решающее значение для понимания социальной природы наймита.

Ст. [31] (41), заключительная статья раздела о наймите, посвящена спору между наймитом-плотником и государем.²¹ В отличие от двух предыдущих статей, говорящих о сочении найма: в общей, декларативной форме, статья на конкретном примере рисует сам процесс этого сочтения. Истцом, возбуждающим иск, является наймит. Государь фигурирует на суде в качестве ответчика — по нормам процессуального права ПСГ он как ответчик («на ком сочат» — ср. ст. [14], [16] и др.) и решает, присягать ли ему или возложить присягу на наймита-истца. На суде, таким образом, наймит и государь выступают как равноправные тяжущиеся стороны. Весьма существенное значение имеет упоминание о записи. Старый институт найма превращается на наших глазах в документально оформленное юридическое отношение. Это несомненно относительно новое для XIV в. явление, современное и аналогичное по своей природе таким моментам развития права, как вытеснение доски записью и суд о земле по грамотам. Однако на данном этапе запись о найме не вносит, по-видимому, существенно новых черт в отношения наймита и государя.²²

Рассмотренные статьи рисуют своеобразное социальное и юридическое явление, отражающее определенный, новый по сравнению с Русской Правдой, этап развития феодальных отношений. Особенность этого этапа — распространение отношений наймита и государя в одной социальной среде, в рамках одной общины. В то же время в другой, [98] (102) статье ПСГ видны новые явления в развитии городского ремесла. Наличие ученичества в среде псковских ремесленников свидетельствует о достаточно высоком уровне профессионального мастерства. Ученик — подвластный, зависимый от мастера человек, но в их отношениях нельзя увидеть

денником-наймитом, феодально зависимым кабалным человеком» (Полосин, с. 75). Однако в его анализе статьи эту «сложную систему» уловить трудно — трудно отличить наймита ПСГ от кабалного человека XVI в. и от закупы Русской Правды: все они на одно лицо, поскольку «феодально зависимы» и «закабалены».

²¹ «А которой наймит плотник, а почнет сочить найма своего на государю, а дела его не отделае, а поидет прочь, а ркучи так государю „у тебе еси отдал дел свое все“, и государь молит: „не отдал еси всего дела своего“, — ино государю у креста положить, чего сочить, или государь сам поцелует, аже у них записи не будет».

²² И. И. Полосин тонко подметил разностадийность ст. 39—40, с одной стороны, и ст. 41 — с другой. Последняя «показывает, как и в государев двор... проникает письменный документ» (Полосин, с. 76). Однако разностадийные нормы статей, а не сами статьи, кодифицированные, видимо, одновременно.

черт специфически феодального господства и подчинения. Скорее ст. [98] говорит о появлении элементов расслоения городской общины на Руси, не феодального, а, как и в Западной Европе, бюргерского, раннебуржуазного типа.²³

Если Пространная Правда еще почти не касается внутриобщинных отношений, то ПСГ вводит нас в мир городской и сельской общины, показывая идущие в ней процессы социального расслоения. Именно мягкость и гибкость форм найма позволяют ему распространяться в среде свободных мелких землевладельцев и горожан, составляющих основу исковского общества XIV в. Само развитие найма в этой среде свидетельствует о процессе имущественного расслоения, перерастающего в дальнейшем в расслоение социальное. Уходящий корнями в старину институт найма ПСГ —

²³ А. Л. Шапиро отметил, что статьи ПСГ «затрудняли злоупотребления государя при расплате с наймитами и мешали ему превратить дворного наймита в холопа». Появление таких статей он связывает, с одной стороны, с тем, что «наряду с развитием феодальных отношений в стране развивалось ремесло и мелкое товарное производство», с другой стороны, со спецификой вичевого строя (Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв., с. 145). Оба эти положения в своей основе справедливы. Однако, хотя свободное мелкое ремесло и мелкотоварное хозяйство сохранялись и развивались, не они определяли столбовую дорогу социального развития в эпоху феодализма. Сам А. Л. Шапиро в своей монографии убедительно показывает, что даже в XVI—XVII вв. «как бобыли, так и кабальные холопы и даже добровольные люди представляли собой сословные группы, отличавшиеся своим специфическим местом в системе феодальных отношений» (там же, с. 208). Как же обстояло дело в XIV в., когда еще только начинали складываться те сословные группы, о которых говорит А. Л. Шапиро? Можно ли рассматривать явления найма и наймитства в это время вне общего контекста феодальных отношений, определявших и характер, и перспективу этих явлений? Не случайно ст. 54 Судебника 1497 г. отражает ухудшение положения наймита по сравнению с ПСГ. Не случайна и общая тенденция феодального законодательства XVI—первой половины XVII вв., направленная против всяких видов добровольной службы (там же, с. 150—152; Панеях В. М. Холопство в XVI—начале XVII в. Л., 1975, с. 131—145, 219—240). Это означает, что в это время отношения найма развивались в значительной степени в виде найма кабального, феодального, отражавшего социальное неравноправие сторон. Поэтому думаю, что эволюционный ряд наймит—кабальный человек имеет право на существование, хотя, конечно, не исчерпывает всего многообразия явлений найма. Наряду с феодальным кабальным наймом и в XVI, и в XVII в. существовал и развивался вольный найм, подобный тому, который впервые в законодательстве отразился в ПСГ. Другое уточнение, которое хотелось бы внести в построение А. Л. Шапиро, касается особенностей вичевого строя. Важнейшая из них — территориально-общинная организация как политическая форма развивающегося феодализма. Недооценивая территориально-общинные связи, свойственные вичевым городам, трудно понять специфику вичевого строя, его долгую жизнь и наконец упадок, когда эти связи фактически отмерли в связи с дальнейшим развитием феодальных отношений. Разумеется, говоря о территориальной общине ПСГ, нельзя ее понимать как первобытную патриархальную общину дофеодального времени. Как верно отмечает А. Л. Шапиро, старые дофеодальные отношения сохраняются в феодальном обществе только в пережиточном и трансформированном виде.

один из примеров того причудливого переплетения старого с новым, того приспособления общинных институтов к потребностям развивающегося раннефеодального общества, которое отметил Л. В. Черепнин для эпохи ранних берестяных грамот.²⁴ И. И. Полосин называет государя феодалом. Пожалуй, это несколько преждевременное определение. Превращение государя в феодала, а наймита — в кабального человека — результат дальнейшего исторического развития. Статьи о наймите отражают только один из этапов этого процесса.

²⁴ Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты. . . , с. 112.

Изорник и его государь

Если, по мнению исследователей, «к числу наиболее сложных и спорных» вопросов Русской Правды относится вопрос о закупах,¹ этот «один из самых беспокоящих вопросов» ее историографии,² то применительно к ПСГ такой характеристики с неменьшим основанием заслуживает проблема изорника. Эта проблема всегда привлекала исследователей и из всех сюжетов ПСГ наибольшее внимание, как правило, уделялось именно ей. С другой стороны, однако, изорничество довольно поздно стало самостоятельным предметом изучения. В дореволюционный период монографические исследования об изорнике почти отсутствовали.³ Вопрос об изорнике рассматривался либо в общих трудах по истории России и русского права,⁴ либо в работах по истории крестьянства в целом,⁵ либо, наконец, в связи с историей Псковской земли⁶ или в комментариях к ПСГ.⁷ Общие задачи, стоявшие перед авторами соответствующих исследований, определяли их подход к проблеме

¹ Смирнов И. И. Очерки. . . , с. 230.

² Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 158.

³ Исключением является исследование П. Е. Михайлова «Юридическая природа землепользования по Псковской Судной грамоте».

⁴ См., например: Неволин К. История российских гражданских законов, т. III. СПб., 1851, с. 197—198; Владимирский-Буданов М. Обзор истории русского права. Изд. 4-е. Киев—СПб., 1905, с. 35; Сергеевич В. Древности русского права, т. I. Изд. 3-е. СПб., 1909, с. 233, 271—274; Дебольский Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII века, с. 124—129; Филиппов А. Н. Учебник истории русского права, ч. I. Изд. 5-е. Юрьев, 1914, с. 215; Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Изд. 3-е. СПб., 1910, с. 106—107; Ключевский В. О. Соч., т. II. М., 1957, с. 95; Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. — Соч., т. III. СПб., 1910, с. 195.

⁵ См., например: Беляев И. Крестьяне на Руси, с. 20—28; Беляев П. И. Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение. — Журнал Министерства юстиции (далее — ЖМЮ), 1916, октябрь, с. 139—179, ноябрь, с. 129—166.

⁶ Никитский А. Очерк внутренней истории Пскова, с. 281—282.

⁷ Энгельман И. Систематическое изложение. . . , с. 49—61; Устрялов Ф. Исследование Псковской Судной грамоты 1467 г., с. 52—55; Христоматия. . . , с. 165—166, 168, 172, 175—176, 179—180.

изорничества и ту долю внимания, которую они могли ей уделить. За редкими исключениями, трактовка изорничества не имела для авторов самостоятельного значения. Она отнюдь не была в центре их внимания, а скорее вытекала из их общих взглядов на историю крестьянства в целом — изорничество рассматривалось как более или менее частный вопрос. Показательно также появление таких работ по общей истории русского крестьянства, в которых изорник вообще не упоминается.⁸ Литературные мнения об изорнике отличаются большим разнообразием: он рисовался исследователю то наймитом,⁹ то закупом,¹⁰ то свободным арендатором,¹¹ то сервом,¹² то переходим крестьянином,¹³ то оседлым старожильцем,¹¹ то сближался с другими типами крестьян, то противопоставлялся им; то занимал значительное место в истории крестьянства, то полностью или почти полностью игнорировался.

Советская историография последних десятилетий внесла крупный вклад в изучение проблемы изорничества, наметив наиболее результативный путь ее исследования как социально-экономической категории феодального общества.¹⁵ Тем не менее вопрос об изорнике нельзя считать исчерпанным. Как и всякое сколько-нибудь значительное явление, изорничество будет вновь и вновь приковывать к себе внимание исследователей, тем более что ряд аспектов этой проблемы еще фактически не поставлен или слабо разработан в науке. К числу таких аспектов относится вопрос о специфике изорничества как формы зависимости и о его месте в системе развивающегося феодального строя. Сосредоточив свои усилия, как это и следовало, прежде всего на изучении черт зависимого положения изорника, наша историография пока еще не обратила должного внимания на другие стороны его облика, на его связи с другими категориями зависимого и свободного насе-

⁸ См., например: Лапко - Данилевский А. С. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. — В кн.: Крестьянский строй, т. I. СПб, 1905, с. 1—156.

⁹ Например: К. А. Неволину, Ф. Н. Устрялову (с оговорками), А. И. Никитскому, П. Н. Мрочек-Дроздовскому (закуп-наймит).

¹⁰ Д. Я. Самоквасову, Н. Л. Дювернуа (с оговорками).

¹¹ И. Е. Энгельману, Б. Н. Чичерину, М. Ф. Владимирскому-Буданову, В. И. Сергеевичу, П. Е. Михайлову и другим.

¹² Н. П. Павлову-Сильванскому, П. И. Беляеву.

¹³ В. О. Ключевскому.

¹⁴ И. Д. Беляеву.

¹⁵ См., например: Кафенгауз Б. Б. 1) Псковские «изорники». — Учен. зап. МГПИ им. К. Либкнехта, т. 4. Сер. истор., вып. II, М., 1939, с. 28—48; 2) О псковских крестьянах XV—XVI вв. — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 132—139; 3) Древний Псков, с. 9—35; Греков В. Д. Крестьяне на Руси. . . , кн. 1, с. 436—463; Черепнин Л. В. Из истории русского крестьянства XV в. — Доклады и сообщения Ин-та истории. М., 1954, вып. 3, с. 117—124; Аргунин о П. А. Крестьянин и землевладелец. . . , с. 1—41; Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты. . . , с. 151—153; см. также развернутый комментарий к статьям об изорниках в изданиях ПСГ И. Д. Мартысевича, И. И. Полосина, А. А. Зимина.

деяния Руси. Эти вопросы имеют существенное значение не только для характеристики изорника как такового, но и для исследования более общих проблем истории русского крестьянства в период развивающегося феодализма XIV—XV вв.

* * *

Изорнику в ПСГ посвящены три компактные группы статей, ст. [32]—[35], [67]—[69], [78]—[82], и две отдельные статьи — [42] и [54]. Изорник упоминается и в ст. [90]. Основное содержание первой группы статей связано с отроком изорника; вторая и третья группы уделяют свое внимание преимущественно покруте.

Ст. [32]—[33] (42) впервые знакомят нас с изорником, огородником и кочетником (кочетником).¹⁶ Самое главное в характеристике этих людей то, что они живут не на своей земле, не сами по себе, а в селе государя. Основным условием их хозяйственной деятельности оказывается, таким образом, предоставление им земли и угодий государем. В этом именно смысле изорник, огородник и кочетник представляют одну социальную группу, объединенную общим отношением к своему социальному антиподу — государю.¹⁷ Термин «изорник» этимологически связан, вероятно, с корнем «ор» и с глаголом «орать».¹⁸ «Изорник» в таком случае

¹⁶ Ст. [32]: «А которой государь захочет отрок дати своему [и] изорнику или огороднику, или кочетнику, — ино отрок быти о Филипове заговенне. Также захочет изорник о[т]речиси с села, или огороднику, или [ко]четник, — ино тому же отроку быти»; ст. [33]: «А иному отроку не быти, ни от государя, ни от изорника, ни от кочетника, ни от огородника. А запретя изорник или огородник, или кочетник отрока государева, — ино ему правда дати, а государь не доискался четверги, или огородной части, или с ысады рыбной [и] части» (в ст. [33] и в дальнейшем слово «кочетник» воспроизводится А. А. Зиминим как «кочетник»). П. Е. Михайлов, М. М. Богословский, П. А. Аргунов, Л. В. Черепнин и А. А. Зимин выделяют последнюю фразу в самостоятельную ст. 42а. Такое выделение не лишено логических оснований. Однако в рукописи его нет, вопрос об иске изорника к государю рассматривается не как самостоятельный сюжет, а в тесной связи с отроком.

¹⁷ «Объединяет их, конечно, не профессия, а одинаковое положение по отношению к своему государю-хозяину», — справедливо отмечает Б. Д. Греков (Крестьяне на Руси. . . , кн. 1, с. 452). По мнению Л. В. Черепнина, «перед нами — деление по чисто профессиональному признаку. . . Несомненно, что и изорник, и огородник, и кочетник. . . являются обычными крестьянами» (Черепнин и Л. В. Из истории русского крестьянства XV в., с. 118).

¹⁸ Такое объяснение предложили еще Ф. Н. Устрялов (Исследование Псковской Судной грамоты 1467 г., с. 166). Так объяснял это слово и В. О. Ключевский (Псковская Правда, с. 123). К этому мнению присоединилось большинство исследователей. Предлагались, однако, и другие объяснения термина. И. Е. Энгельман выводил его от слова «зерно» (Энгельман и И. Систематическое изложение. . . , с. 49); М. Ф. Владимирский-Буданов — от сербского слова «изор» — вознаграждение зерном за ссуду волов (Христоматия. . . , с. 165, примеч. 99). К этому мнению присоединился и П. А. Аргунов (Крестьянин и землевладелец. . . , с. 8). Б. Б. Кафенгауз связывал термин «изорник» топонимически с племенем ижора (Кафенгауз

то же, что «ратай» других памятников — просто пахарь. Существительные с корнем «ор» широко распространены и неизменно означают нечто, связанное с пашней: «орамые земли», «оромина»¹⁹ и др. В Псковской земле XIV—XV вв. бытовали термины «заор», «по зари».²⁰ В тексте ст. [32]—[35](42—44) слово «изорник» стоит рядом с терминами «огородник» и «котечник». Надо полагать, что все три термина этимологически однотипны — они указывают на сферу применения труда (пашня, огород, рыбная ловля), а не на его условия и не на характер отношений изорника, огородника и котечника с государем.²¹

Ст. [32] устанавливает общие нормы отрока: изорник (огородник, котечник) уходит с села не в любое время по своему желанию, но только один раз в году и в строго определенное время, по окончании сельскохозяйственного года, и не при любых обстоятельствах, а только при соблюдении особой процедуры отрока. Хозяйственное происхождение этой нормы несомненно, но несомненно и то, что она определенным образом ограничивает свободу изорника. Это следствие его проживания в чужом селе. Хотя срок отрока равнообязателен и для государя, ограничивая его возможность выгнать изорника в любое время, все же установление единого срока отрока по всей Псковской земле создает определенные выгоды именно для государя; распрощавшись со старым изорником, он имеет возможность тут же посадить на село нового, и земля по-прежнему будет приносить ему доход.

Ограниченное право ухода от государя — один из центральных моментов в социальной и юридической характеристике изорничества и отмечается почти всеми исследователями. Так, Н. Л. Дювернуа считает, что ограничение права отрока изорника предвосхищает позднейшие ограничения крестьянского отказа в Судебниках: «Судная грамота для всех определяет один срок и один порядок отказа. . . в княжеских волостях тот же обычай. . . лишь значительно позже получает силу общего закона».²² В. И. Сергеевич также отмечает, что «Псковская Судная грамота, устанавливая общие правила для перехода крестьян, значительно опередила московское законодательство».²³ М. А. Дьяконов особенно подчеркивает, что «Грамота впервые в виде общей меры

г а у з Б. Б. О псковских крестьянах XV—XVI вв., с. 138). Термин «изоры», «изорницы» известен и в XVII в. в Средней России. Это — «полевые участки в монастырском хозяйстве, отдававшиеся для обработки крестьянам на определенных условиях» (Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 6. М., 1979, с. 198).

¹⁹ См., например: АСВР, I, № 650, с. 574; ГИП, № 248, с. 261; НИГ, № 11, 12, с. 54—56.

²⁰ НИГ, № 6, 13, 28, с. 50, 56, 67; ГИП, № 345, с. 330.

²¹ Нельзя присоединиться к П. А. Аргунову, для которого термин «изорник» означает издольщика (А р г у н о в П. А. Крестьянин и землевладелец. . . , с. 8).

²² Д ю в е р н у а Н. Источники права. . . , с. 267.

²³ С е р г е е в и ч В. Древности русского права, т. I, с. 271.

ограничивает прекращение аренды одним сроком в году».²⁴ По мнению Б. Б. Кафенгауза, «установленный единый срок для формального отказа является характерным показателем несвободы изорника, его зависимого положения».²⁵ Еще более резко эта мысль подчеркивается И. И. Полосиным, считающим, что «установление единого срока для крестьянского перехода свидетельствовало о растущем закреплении крестьянства». В то же время сам факт «отказа» крестьянину от феодала означает победу «феодального права на крестьянскую землю».²⁶

Приведенные мнения являются наиболее характерными для дореволюционных и советских исследователей. Различаясь между собой в деталях и терминологии, они верно отражают ту существенную сторону отрока («отказа»), которая связана с ограничением свободы изорника. С таким пониманием отрока в принципе нельзя не согласиться, не касаясь пока вопроса о том, как соотносится псковский изорник с крестьянином Судебников. Введение и регламентация отрока означают определенную степень поземельной зависимости изорника от государя. Положение изорника в этом смысле существенно отличается от положения наймита. Даже наймит дворный, проживший за государем много лет, может не только покинуть его, когда захочет, но и требовать после этого расчета за проработанные годы. Ограничение прав изорника особенно бросается в глаза при его сравнении с этим его ближайшим соседом.

В противоположность большинству исследователей И. Д. Беляев оценивает отрок весьма оптимистично для изорника: «В отношениях крестьянина к господину . . . признавалась совершенная свобода: крестьянин мог отойти от господина, оставить его землю»; «. . . с условием платежа за убытки крестьянин имел право отойти от господина в любое время».²⁷ Близко подошел к такой оценке и П. Е. Михайлов: «„Отрок“ во Пскове не имел никакого ограничительного или стесняющего чьи-либо права характера».²⁸ Однако, как мы видели, ограничение и стеснение права непосредственного производителя, живущего на чужой земле, проявляются в законе об отроке достаточно отчетливо и отнюдь не вписываются в созданную П. Е. Михайловым схему отрока как «равного права» «государя и исполнителя в узаконенный срок разменяться своими правами-обязанностями, возникшими на почве. . . арендной юридической сделки».²⁹ Ни ст. [32], ни другие статьи ПСГ не содержат никаких указаний на возможность легального ухода изор-

²⁴ Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси, с. 106.

²⁵ Кафенгауз Б. Б. Псковские «изорники», с. 30.

²⁶ Полосин, с. 77.

²⁷ Беляев И. Крестьяне на Руси, с. 21—22.

²⁸ Михайлов П. Е. Юридическая природа землепользования. . . , с. 15.

²⁹ Там же, с. 16.

ника «в любое время», как это почему-то считает И. Д. Беляев. Вопреки либеральной интерпретации И. Д. Беляева и П. Е. Михайлова, отрок и его процедура остаются исторической реальностью, стесняющей права изорника и накладывающей свой отпечаток на все отношения его с государем.

Ст. [33] и предусматривает возможность конфликта между изорником и государем в связи с отроком. В такой постановке вопроса — существенное различие между этой статьей и соответствующими статьями Судебников. В чем сущность конфликта между изорником и государем? Многие исследователи считают, что изорник протестует только против формального нарушения государем срока отрока. Так, И. Е. Энгельман полагает, что «спор о действительном объявлении в срок отказа решается при сягою содержателя, после чего он остается в прежнем положении, и договор считается возобновленным, как будто бы отказа вовсе не было объявлено».³⁰ Следовательно, протест изорника приводит к тому, что он остается на земле государя. Такого же мнения и В. О. Ключевский.³¹ М. Ф. Владимирский-Буданов считает, что «если отказ последовал со стороны хозяина не в срок, то договор расторгается, только при этом хозяин лишается своей добавочной четверти дохода».³² По мнению И. Д. Беляева, «господин не имел права отказать крестьянина не в срочное время или, по крайней мере, лишался в таком случае права искать убытков, происшедших от несвоевременного выхода крестьянина».³³ Так же смотрят на этот вопрос Б. Н. Чичерин и М. М. Богословский.³⁴

Существует, однако, и другое мнение о предмете спора между изорником и государем. П. Е. Михайлов видел смысл соответствующего текста в том, что «если исполownik на суде докажет. . . неправомерность вчинения иска „государя“, то последний, проигрывая иск. . . терял в пользу изорника. . . соответственно четверть хлеба».³⁵ Спор идет, таким образом, не о сроке отрока, и ищущей стороной является не изорник, а государь. П. А. Аргунов также понимал конфликт между изорником и государем как спор не только о сроках отрока, но об условиях отрока вообще: «Казус. . . состоит в том, что изорник игнорирует отрок. . . предъявленный к нему государем. . .».³⁶ Л. В. Черепнин видит конфликт в том, что изорник отрицает «факт отказа со стороны землевладельца».³⁷

³⁰ Энгельман И. Систематическое изложение. . . , с. 54.

³¹ Ключевский В. О. Псковская Правда, с. 123.

³² Христоматия. . . , с. 165, примеч. 100.

³³ Беляев И. Крестьяне на Руси, с. 22.

³⁴ Чичерин Б. Опыты по истории русского права. М., 1858, с. 192—193; Богословский М. М. Крестьянская аренда. . . , с. 14.

³⁵ Михайлов П. Е. Юридическая природа землепользования. . . , с. 58.

³⁶ Аргунов П. А. Крестьянин и землевладелец. . . , с. 17.

³⁷ Черепнин, Яковлев, с. 243.

Какая же точка зрения ближе к истине? Для ответа на этот вопрос следует обратиться непосредственно к тексту. Из него вытекает, что в результате проигрыша процесса об отроке «государь не доискался четверти, или огородной части, или с ысады рыбной части». «Не доискался» — значит, искал. Значит, спор между государем и изорником шел в первую очередь не о формальных сроках отрока, а об этой четверти или части, на которую претендовал государь. Запереться «отрока государева» — значит отказаться от платежей по расчету, сделанному государем, опротестовать правильность этого расчета. Объяснение, предложенное П. Е. Михайловым и П. А. Аргуновым, представляется мне наиболее правильным. Ответчиком в данном случае выступает не государь, а изорник — поэтому ему и «правда дать», т. е. очистить себя крестоцелованием или возложить тяжесть этого на государя.

Что же представляет собой эта четверть или часть, не полученная государем в результате проигрыша процесса? Искал ли государь только части обычного оброка, недоданной, по его мнению, изорником, или предметом иска были особые дополнительные платежи, связанные с самим актом отрока? Ответ на этот вопрос важен, так как помогает лучше понять природу отношений изорника и государя. Иск государя к изорнику по поводу недоданного оброка вполне жизненно вероятен: при прекращении любых имущественных отношений неизбежно производится расчет, который и может дать повод к тем или иным претензиям. Для примера можно указать хотя бы ст. [29]—[31], посвященные разбору именно таких имущественных претензий при уходе наймита от государя. При этом уход наймита не сопровождается какими-либо особыми платежами ни с той, ни с другой стороны.

В. О. Ключевский понимает текст ст. [33](42) именно таким образом: в случае потери иска «владелец. . . лишается. . . половины обычной арендной доли».³⁸ М. М. Богословский тоже считает, что хозяин ищет на изорнике «как раз обычную нормальную арендную плату».³⁹ Такого же мнения придерживается и Б. Б. Кафенгауз, видя в четверти обычный оброк.⁴⁰ Однако еще И. Е. Энгельман пришел к мысли, что в год отрока изорник выплачивал государю оброк в двойном размере.⁴¹ О «добавочной четверти дохода» государю при отроке говорит М. Ф. Владимирский-Буданов.⁴² П. А. Аргунов считает, что иск государя касается «каких-то частей продуктов. . . установленных. . . в качестве неустойки или даже штрафа. . . в пользу государя».⁴³

Действительно, в ст. [33] есть место, затрудняющее понимание предмета иска государя как недоданной ему обычной оброчной

³⁸ Ключевский В. О. *Псковская Правда*, с. 123.

³⁹ Богословский М. М. *Крестьянская аренда. . .*, с. 14.

⁴⁰ Кафенгауз Б. Б. *Псковские «изорники»*, с. 28.

⁴¹ Энгельман И. *Систематическое изложение. . .*, с. 55.

⁴² *Христоматия. . .*, с. 165, примеч. 100.

⁴³ Аргунов П. А. *Крестьянин и землевладелец. . .*, с. 17.

платы. Государь не доискался именно четверти (огородной или рыбной части). Если речь шла об обычных расчетах, то такое точное определение едва ли было бы возможным: мало ли какую недоданную часть оброка мог требовать государь с изорника. Однако государь ищет именно четверти (части), не чего-то вообще. Кроме того, было бы непонятно, почему споры об оброке возникают только при уходе изорника. Остается предположить, что выплата изорником государю этой четверти (части) составляет один из необходимых моментов самой процедуры отрока. Это отнюдь не значит, что при отроке не было никаких других хозяйственных расчетов: из дальнейшего текста мы узнаем, что они как раз и производились. В их числе могли быть и расчеты по оброку, но четверть (часть) независимо от своего конкретного содержания к этим обычным расчетам, по-видимому, не относилась.

Претензии изорника при отроке, побуждавшие его запирается «отрока государева», могли иметь различные поводы, но должны были носить во всяком случае серьезный характер, судя по их последствиям для изорника, которого вели к присяге, и для государя, лишившегося положенных ему при отроке платежей. Нет, однако, никаких оснований рассматривать, как это делает П. Е. Михайлов, четверть как штраф, удерживаемый с государя за неправомерный иск (*proena temere litigantium*).⁴⁴ Нет также оснований считать, что в результате проигрыша иска государем изорник оставался на его земле до следующего года, как думают И. Е. Энгельман, В. О. Ключевский и В. И. Сергеевич.⁴⁵ Напротив, текст статьи ясно указывает, чего именно не доискался государь. Он не доискался только особых дополнительных платежей, следующих при отроке (а не «убытков», как считает В. И. Сергеевич). Статья не содержит никаких указаний на возможность проживания изорника на земле государя вопреки воле последнего — такая ситуация едва ли мыслима в рамках средневекового права. Государь отчетливо рисуется как собственник земли, и его отношения с изорником являются реализацией этого права собственности. Итак, отрок как особый юридический акт сопровождался, по-видимому, обязательными платежами изорника, не входящими в состав обычного оброка. По существу своему эти платежи сходны с пожилым позднейших Судебников и являются еще одним признаком зависимого (неполноправного) положения изорника на земле государя.

Если в ст. [33] победителем в споре оказывается изорник, то в ст. [34] мы имеем дело с ситуацией, в которой признается

⁴⁴ Михайлов П. Е. Юридическая природа землепользования. . . , с. 80.

⁴⁵ «Господин искал вьезда и, надо думать, убытков. Он „не доискался“, следовательно крестьянин до нового отказа остается на земле» (Сергеевич В. Древности русского права, т. I, с. 250).

правым государь.⁴⁶ Интерпретация статьи связана со значительными трудностями. Прежде всего возникает вопрос — что значит заложить весну? В историографии существуют две основные попытки объяснения этого термина. И. Е. Энгельман понимает приведенное выше выражение как «заложить хозяину доход текущего года».⁴⁷ Примерно того же мнения придерживаются М. Ф. Владимирский-Буданов и И. И. Полосин.⁴⁸ Другую точку зрения высказал В. О. Ключевский: «„Заложить весну“ — не воспользоваться весной, пропустить или запустить весенний лов; сличу выражение „запереложить поле“».⁴⁹ Мнение Ключевского оказало большое влияние на последующую историографию. К нему в основном примкнули П. Е. Михайлов, М. М. Богословский, П. А. Аргунов, Л. В. Черепнин, Б. Д. Греков, И. Д. Мартысевич, А. А. Зимин. Предлагались и другие объяснения. Ф. Н. Устрялов понимал выражение «заложить весну» как «сбежит с села, не дождавшись окончания срока найма».⁵⁰ Б. Н. Чичерин считал, что в статье идет речь «об особенной ссуде под залог будущих произведений»,⁵¹ взятой котечником и исполовником, ушедшими от хозяина. По мнению И. Д. Беляева, статья говорит о крестьянине, оставшемся в селе после отрока и обязанном в силу этого оплатить убыток государю.⁵²

Не меньшие разногласия вызывает вопрос о том, на каких людей распространяется действие статьи. И. Е. Энгельман видел в них «четника» (рыболова) и огородника, приравнивая последнего к исполовнику ст. [34]; изорник же, по его мнению, не мог быть исполовником, потому что оброк изорника равнялся четверти дохода.⁵³ Такого же мнения был и М. Ф. Владимирский-Буданов. В. О. Ключевский в отличие от них считал, что исполовник — тоже рыболов, потому что статья говорит только об исаде и весеннем улове, а весеннего урожая в русском хозяйстве не бывает (это, однако, не совсем верно, под весенним хлебом можно понимать ярь). Разницу между котечником и исполовником В. О. Ключевский усмотрел в том, что первый был арендатор-хозяин, имевший свой инвентарь, а второй — арендатор-рабочий, который за пользование хозяйским инвентарем платил... половину добычи».⁵⁴ К мнению Ключевского присоединился М. М. Богословский. П. Е. Михайлов, напротив, распространяет термин

⁴⁶ «А которой котечник заложит весну, или исполовник у государя, — ино ему заплатит весна своему государю, как у другои чате доставалось на том же [и]саде».

⁴⁷ Энгельман И. Систематическое изложение. . . , с. 50—51.

⁴⁸ Христоматия. . . , с. 166, примеч. 103; Полосин, с. 77.

⁴⁹ Ключевский В. О. Псковская Правда, с. 124.

⁵⁰ Устрялов Ф. Исследование Псковской Судной грамоты 1467 г., с. 130.

⁵¹ Чичерин Б. Опыты по истории русского права, с. 193.

⁵² Беляев И. Крестьяне на Руси, с. 22.

⁵³ Энгельман И. Систематическое изложение. . . , с. 50—51.

⁵⁴ Ключевский В. О. Псковская Правда, с. 124.

«исполовник» на всякого арендатора исполу, не только на рыболова и огородника, но и на пахаря — изорника.⁵⁵ Такого же примерно мнения и Б. Б. Кафенгауз. П. А. Аргунов подчеркнул, что в статье «речь идет не о земледелии, а о рыболовстве» и что если ее нормы и могут распространяться на съемщика земли, то к изорнику они во всяком случае не относятся. Половника же он склонен считать представителем низшей (по сравнению с крестьянином) «социальной группы» и выводит термин «половник» от слова «полова» — мякина.⁵⁶ Весьма интересные соображения по поводу статьи высказал Б. Д. Греков. По его мнению, слова «исполовник у государя» — вставка позднейшего интерполятора, аналогичная знаменитой вставке в Пространной Правде «также и за бояреск». Рассматривая казус с котечником, «интерполятор имел все основания вспомнить здесь и других половников», оказавшихся в аналогичном положении. Таким образом, в результате интерполяции нормы, первоначально относившиеся только к котечнику, оказались распространенными и на изорника.⁵⁷ И. И. Полосин близок к этой же интерпретации текста, подчеркивая при этом, что вставка об исполовнике была сделана позже, уже тогда, когда «феодално-кабальные люди превратились в „исполовников“ своих государей».⁵⁸

Мне представляется, что, во-первых, термин «заложить» естественнее всего трактовать не в смысле «пропустить» или «забросить», а в том смысле, в каком этот термин чаще всего употребляется в юридических памятниках — дать в заклад под ссуду. Ввиду этого думаю, что И. Е. Энгельман, М. Ф. Владимирский-Буданов, И. И. Полосин подошли ближе к истине, чем В. О. Ключевский и его последователи. В самом деле, аргументация, приводимая в пользу понимания термина «заложить» как «запустить», представляется довольно искусственной. Дело в том, что слова с корнем «лог» широко распространены в русском языке и весьма сильно варьируются по своему смыслу в зависимости от приставки, а также от контекста. Слово «перелог», например, имеет вполне определенный смысл — это агрономический термин, который не может быть сопоставлен с выражением «заложить весну». Приводимые М. М. Богословским слова псковской летописи «заложися по всему граду вседневные слоужбы»⁵⁹ означают, конечно, не «заброеся» или «забыл» служить в церквах, а «запретил» службы. Термин же юридического памятника должен рассматриваться прежде всего именно как термин права. А понимание слов «заложить», «закладывать» в правовом языке в смысле заклада имущества под ссуду хорошо известно самой ПСГ (ст. [9]—[12], [19] и др.).

⁵⁵ Михайлов П. Е. Юридическая природа землепользования... с. 56.

⁵⁶ Аргунов П. А. Крестьянин и землевладелец... с. 9, 12, 14.

⁵⁷ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси... кн. 1, с. 454—455.

⁵⁸ Полосин, с. 78.

⁵⁹ ПЛ, I, с. 105 (1528 г.).

Во-вторых, всю статью следует, вероятно, понимать как отражение частного случая житейской практики, пригодного, однако, для обобщений и для расширительного толкования применительно ко всем аналогичным случаям. Мнение П. Е. Михайлова, Б. Д. Грекова и И. И. Полосина мне кажется наиболее правдоподобным, хотя в отличие от двух последних авторов я не делал бы особого акцента на последующих вставках и редакциях статьи. Трудно в настоящее время вычленить первоначальный текст и легко можно спутать случайную ошибку переписчика с редакторской работой, а грамматическое несовершенство текста приписать позднейшей интерполяции. Основным недостатком точки зрения, ограничивающей сферу действия статьи одними рыболовами либо только рыболовами и огородниками, является ее внутреннее несоответствие другим нормам статей об изорнике. Ст. [32], [33] и [35] говорят об изорнике, огороднике и котечнике, упоминая их в общей сложности пять раз и всегда рядом друг с другом, в одном и том же порядке; все нормы распространяются в равной мере на всю эту триаду. Эти нормы касаются не частных деталей технического порядка, а общих правовых основ отрока и наиболее типичных конфликтов, связанных с ним. Другие статьи об изорнике также говорят не о частных случаях, не о какой-либо специфике, вытекающей из технологических особенностей труда в разных сферах сельского хозяйства, а только об общих правовых основах отношений государя с изорником. Есть все основания считать, что во всех этих статьях ([42], [54], [67]—[69], [78]—[82], [90]) не случайно фигурирует изорник и отсутствуют его компаньоны по ст. [32], [33] и [35]. Общая постановка вопроса в первых же статьях об изорнике, подчеркнувшая правовую тождественность этих трех категорий, сделала ненужным подробное перечисление их в дальнейшем. Изорник рассматривается далее как родовое понятие, включающее в себя все три конкретных профессиональных разновидности. Ясно, почему этим родовым понятием стал именно изорник, а не, например, котечник — именно изорник трудится в основной сфере сельского хозяйства — на пашне.

Если это так, то становится совершенно необъяснимым, почему ст. [34], стоящая между [33] и [35] и читающаяся в одном контексте с ними, не только не говорит об основной фигуре — изорнике, но и полностью посвящена рассмотрению совершенно второстепенного технического вопроса, связанного только с рыбной ловлей по весне. Ведь неисправным держателем может оказаться и огородник, и пахарь, причем последствия этого будут не менее, если не более, тяжелыми? Мне кажется более вероятным, что ст. [34] органически связана со своим ближайшим окружением, что ст. [32]—[35] представляют собою единый текст, посвященный отроку изорника.⁶⁰ В таком случае нормы статьи, с одной стороны,

⁶⁰ Греков Б. Д. Крестьяне на Русь. . . , кн. 1, с. 452, 454.

распространяются и на изорника и огородника (может быть, они оба имеются в виду под общим термином «исполовник»), с другой — касаются не только весеннего улова, но и вообще всякой части улова (урожая). Тогда ситуация, рисуемая статьей, такова. Изорник (котечник, огородник), нуждаясь, очевидно, в хлебе, деньгах и т. п., взял у кого-то ссуду в счет будущего урожая (улова), а может быть, и заложил свое угодье, полученное от государя. Следовательно, общий размер дохода, полученный им с земли (угодья), уменьшается — часть этого дохода уходит на погашение ссуды. Но государь этого знать не знает — он должен получить свою долю, исходя из фактического (или обычного) урожая (улова). Об этом и идет спор. Смысл статьи в том, что изорник — исполовник (котечник, огородник) в любом случае несет материальную ответственность перед государем за полученное от него угодье и при любых обстоятельствах должен платить за него.

Последняя статья, рассматривающая вопрос об отроке, — это ст. [54] (63).⁶¹ Она вызывает особенно ожесточенную полемику. Дискуссия происходит вокруг двух основных вопросов: во-первых, как соотносится «половина» этой статьи с «четвертью» ст. [33], во-вторых, что такое эта «половина» вообще. По мнению И. Е. Энгельмана, «последний урожай должен быть разделяем пополам между господином земли и изорником; другими словами, государь тогда получал двойной оброк, так как обыкновенная „покрута“ (так Энгельман называет платежи изорника за землю, — Ю. А.) изорника состояла в четвертой части доходов».⁶² Правда, слова «все половину своего изорника» наводят И. Е. Энгельмана на мысль, что «здесь речь идет об имуществе изорника вообще», — но эта мысль отвергается им на основании ст. 87, говорящей о правах изорника на свой живот. Суть постановлений о платежах при отроке в том, что «сверх арендной платы за последний год (1/4 части дохода) господин получает равное ей количество денег или сельских произведений».⁶³ Большинство исследователей XIX — начала XX в. стояло примерно на тех же позициях. Так, Б. Н. Чичерин сближал платежи ст. 63 с пожилым Судебников и видел в них «половину произведений».⁶⁴ «Половину полученного с земли дохода» видел в этих платежах и И. Д. Беляев.⁶⁵ Так же смотрели на этот вопрос В. О. Ключевский, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов и А. А. Зимин.

В отличие от этих исследователей П. Е. Михайлов представлял «все половину» как «причитающуюся „государю“ арендную плату

⁶¹ «А который изорник отречется у государя села, или государь его отречет, — и государю взять у него все половину своего изорника, а [и]зорник половину».

⁶² Э н г е л ь м а н И. Систематическое изложение. . . , с. 55.

⁶³ Там же, с. 57.

⁶⁴ Ч и ч е р и н Б. Опыты по истории русского права, с. 192.

⁶⁵ Б е л я е в И. Крестьяне на Руси, с. 22.

„исполу“. . . всего того, что дает урожай на арендуемом изорником „селе“». ⁶⁶ Мысль о каком-либо дополнительном платеже при отроке он категорически отвергает: «Ни о какой скрытой ответственности. . . за „отрок“. . . здесь нет и не может быть речи, и статья эта является простым естественным систематическим продолжением статьи о сроке „отрока“». ⁶⁷ На ту же точку зрения встали Б. У. Кафенгауз, квалифицировавший «половину» как половину урожая, как арендную плату исполу, и И. Д. Мартысевич. ⁶⁸ По мнению М. М. Богословского, «половина» — это половина урожая озимого хлеба, т. е. хлеба, посеянного изорником перед его отроком. ⁶⁹ М. К. Рожкова считает, что согласно ст. 63 «изорники платили арендную плату в размере половины урожая». Сравнивая эту статью со ст. 42, она находит в них противоречие — «по статье 42 арендная плата равнялась одной четвертой части урожая» — и объясняет его «тем, что эти статьи принадлежат разному времени». ⁷⁰ Мысль о одновременности и противоречивости этих статей разделяется и И. И. Полосиным. Л. В. Черепнин тоже допускает мысль о одновременности статей: «В таком случае можно говорить об усилении на протяжении XIV—XV вв. эксплуатации изорников в два раза». ⁷¹ Однако Л. В. Черепнин не исключает и другого толкования — «слова „половина“, „четверть“ надо понимать не в смысле точно установленной арифметической доли урожая, а в общем смысле («часть»)». ⁷²

Все названные исследователи (за исключением И. И. Полосина) исходили из предположения, что «половина» ст. 63 и «четверть» ст. 42 относятся только к урожаю, а не ко всему имуществу изорника. Первым усомнился в правильности такой трактовки В. И. Сергеевич: «По буквальному смыслу статьи все имущество изорника при уходе его делится между ним и господином поровну», — хотя и признал, что «дележ всего имущества пополам. . . представляется маловероятным». ⁷³ Гораздо более решительно высказал эту новую точку зрения Н. П. Павлов-Сильванский: «Лишаясь земли, крестьянин при отказе от господина лишался также и части своего движимого имущества». По мнению Н. П. Павлова-Сильванского, для обычной трактовки «половины» как половины урожая «ни текст, ни другие статьи не дают никакой опоры». Приравнивая изорника к серву, он не видит «ничего неправдоподобного в отнятии у уходящего крестьянина

⁶⁶ Михайлов П. Е. Юридическая природа землепользования. . . , с. 18.

⁶⁷ Там же, с. 39.

⁶⁸ Кафенгауз Б. У. Псковские «изорники», с. 29; Мартысевич И. Д. ПСГ, с. 53.

⁶⁹ Богословский М. М. Крестьянская аренда. . . , с. 26.

⁷⁰ Рожкова М. К. К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной грамоты, с. 25.

⁷¹ Черепнин, Яковлев, с. 247.

⁷² Черепнин Л. В. Из истории русского крестьянства XV в., с. 121.

⁷³ Сергеевич В. Древности русского права, т. I, с. 272—273.

половины имущества». ⁷⁴ На эту точку зрения встал и П. И. Беляев: «При прекращении изорничных отношений господин берет себе половину его имущества»; право отрока «сопровождалось тяжелыми последствиями — взятием половины имущества в пользу господина». ⁷⁵

В советское время решительным сторонником такого взгляда выступил П. А. Аргунов. Он же привел и развернутую аргументацию в пользу этой точки зрения. Она сводится к двум основным положениям. Во-первых, «о каком же дележе урожая могла идти речь в половине ноября, когда „арендная плата“... фактически наверное была вносима гораздо раньше, в августе—сентябре»? ⁷⁶ Во-вторых, в русских памятниках XVI в. говорится о насилиях и бесчинствах, сопровождающих крестьянский «отказ»: «Те, деи, дети боярские тех отказщиков бьют и в железа куют, а хрестьян, деи, из-за себя не выпускают, да, поймав, деи, их мучат, и грабят, и в железа куют, и пожилое, деи, на них емлют не по Судебнику: рублей по пяти и по десяти». ⁷⁷ «Столь суровую практику отроков и стремится... смягчить и упорядочить П. С. Грамота в ст. 63». Дополнительным аргументом служит сравнение изорничков с сервами по французскому, германскому и испанскому средневековому праву. На собственный вопрос, «по какому праву в Пскове могла создаться ст. 63», П. А. Аргунов отвечает: «... Очевидно — по тому же праву, по которому отречение от имущества, всего или части, существовало во многих странах Европы в средние века, — по праву сеньерьяльному в отношениях сеньера и его подданных». ⁷⁸ Возможность выплаты изорничком половины своего имущества допускает и И. И. Полосин, хотя и не настаивает на этом. ⁷⁹

Попробуем ближе присмотреться к аргументам П. А. Аргунова. Первый из них основан на житейской ситуации, реконструируемой автором путем соображений о том, когда и как вносил изорнич оброк. Эти соображения в свою очередь вытекают из собственных наблюдений автора над окружающей его действительностью («Всякий, кто присматривался к сельскохозяйственной практике, знает...»). ⁸⁰ Автор, по-видимому, действительно «присматривался к сельскохозяйственной практике» своего времени, но можно ли безоговорочно переносить эту практику на XIV век? Нет никаких прямых свидетельств о том, как и когда вносил изорнич свою «арендную плату». Он мог вносить ее прямо на поле

⁷⁴ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси, с. 195.

⁷⁵ Беляев П. И. Древнерусская сеньерия... — ЖМЮ, 1916, октябрь, с. 142—143, ноябрь, с. 136.

⁷⁶ Аргунов П. А. Крестьянин и землевладелец..., с. 19—20.

⁷⁷ ПРП, IV, с. 141.

⁷⁸ Аргунов П. А. Крестьянин и землевладелец..., с. 21, 23.

⁷⁹ Полосин, с. 87.

⁸⁰ Аргунов П. А. Крестьянин и землевладелец..., с. 17.

в виде второго или четвертого снопа, как и считает Аргунов, но мог рассчитываться и обмолоченным хлебом или в какой-либо другой форме.⁸¹ Поэтому пельзя исходить как из данного из предположения, что эти расчеты всегда делались непременно на поле и заканчивались задолго до ноября. Первый аргумент П. А. Аргунова, таким образом, оказывается недостаточно убедительным — он исходит только из одного, произвольно выбранного варианта житейской практики.

Как же обстоит дело со вторым аргументом? Он в отличие от первого опирается не на современную автору «сельскохозяйственную практику» деревни XX в., а на показания источников. Что же это за источники? Документ, цитируемый автором вслед за Н. П. Павловым-Сильванским, относится к XVI в. и представляет собой царский указ по челобитью черных людей на самоуправство детей боярских, нарушающих закон о Юрьевом дне. Можно ли использовать этот документ для характеристики общих, типичных условий крестьянского отказа даже в XVI в.? Это вызывает большие сомнения. Злоупотребления и самоуправство при отказе могли, конечно, на практике случаться нередко, но они все же, как свидетельствует сама челобитная, воспринимались не как норма, а именно как злоупотребления, нарушения нормы и вызывали протест и сопротивление. В качестве нарушений нормы они должны расцениваться и исследователями истории крестьянства XVI в. Но автор использует свой источник даже не для решения вопроса о крестьянском отказе XVI в., а для воссоздания общей картины изорничьего отрока XIV в. Есть ли основания хотя бы в виде иллюстрации проектировать яркую картину из челобитья середины XVI в. на далекий XIV век? Это можно делать только при условии, если заранее известно, что между крестьянином XVI в. и изорником XIV в. нет никакой существенной разницы, или, другими словами, что в жизни крестьянина и в степени его зависимости за двести лет не произошло никаких перемен. П. А. Аргунов, по-видимому, так именно и считает: «Фактически чаще всего случалось, что изорник бывал «вывезен другим государем в его село — боярщину».⁸² Это ситуация, связываемая в историографии с концом XVI в. — кануном отмены Юрьева дня. Второй аргумент П. А. Аргунова оказывается не более убедительным, чем первый: он основан на предположении, которое как раз и надо доказать, на предположении, что за двести лет в аграрном строе страны не произошло никакой эволюции. То же самое можно сказать и про сравнение отрока изорника с «désaveu» серва: для того, чтобы этот аргумент имел силу, надо доказать, что изорник — то же, что серв. Однако

⁸¹ Л. В. Черепнин приводит интересное место из одного из актов XV в.: «Ключник. . . жито. . . делля с половинки на гумле» (АСВР, I, № 591, с. 483).

⁸² А р г у н о в П. А. Крестьянин и землевладелец. . . ; с. 20.

именно этого доказательства и нет ни у П. А. Аргунова, ни у его предшественников Н. П. Павлова-Сильванского и П. И. Беляева.

Итак, позиция П. А. Аргунова оказывается при ближайшем рассмотрении весьма уязвимой. Несмотря на яркое и талантливое изложение, ему не удалось, как я считаю, доказать свой основной тезис, что «половина» ст. 63 означает половину всего имущества изорника. Более того, принятие этого тезиса привело бы к трудно-разрешимым противоречиям с реальной исторической действительностью. Из тезиса П. А. Аргунова логически вытекает, что положение изорника XIV в., у которого отбирают половину имущества, хуже, чем положение крестьянина XVI в., платящего только пожилое. Получается, следовательно, что степень феодальной зависимости от XIV к XVI в. идет на убыль. Однако вся совокупность имеющихся источников свидетельствует как раз об обратном, и представление о поступательном развитии феодализма в этот период является одним из прочных достижений советской исторической науки. Таким образом, нет оснований рассматривать «половину» ст. [54](63) как половину всего имущества изорника.

Большие трудности вызывает вопрос о соотношении ст. [33] с ее «четвертью» и ст. [54] с ее «половиной». Мнение М. К. Рожковой и И. И. Полосина о прямом противоречии между этими статьями, вызванном их одновременностью, представляется не очень убедительным. Действительно, ПСГ складывалась на протяжении длительного времени и прошла несколько редакций. Вероятно, этим и объясняются встречающиеся в ее статьях некоторые повторы, дополнения и уточнения, вроде тех, которые приводит в своем исследовании М. К. Рожкова.⁸³ Но прямых противоречий, исключающих возможность одновременного действия двух разных статей, в Грамоте обнаружить не удалось ни М. К. Рожковой, ни другим исследователям. Ст. [33] и [54] были бы в этом отношении единственным исключением, тем более странным, что относятся они к вопросу, привлекающему большое внимание памятника и особенно тщательно в нем разработанному. Но возможно ли такое исключение? Несмотря на длительную и, вероятно, сложную историю своей кодификации, ПСГ предстает перед нами не как случайная сумма одновременно записанных и независимых друг от друга статей и еще меньше как «лавка древностей» псковского права, склад отживших юридических раритетов, а как кодекс действующих норм, проникнутый известным внутренним единством. Поэтому мысль об одновременном существовании двух прямо противоречащих друг другу статей нуждается в дополнительных доказательствах.

Напротив, гипотеза И. Е. Энгельмана и его последователей о двойном оброке (фактически пожилым) кажется не лишеной

⁸³ Рожкова М. К. К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной грамоты, с. 15—21.

оснований. Действительно, выплата пожилого в той или иной форме, своего рода неустойки при уходе с земли государя, представляется вполне правдоподобной. На широкое распространение подобной практики указывают не только ст. 57 Судебника 1497 г. и ст. 88 Судебника 1550 г., но и подробная регламентация этой нормы в ст. 178—179 Судебника 1589 г. В них упоминаются поворное, пожилое, плата и подать за рожь, оставшуюся в земле после ухода крестьянина, «пожилая кошна сена».⁸⁴ Эти упоминания представляют особую ценность, так как Судебник 1589 г., по мнению исследователей, не отражает законодательства XVI в., связанного со спецификой феодальной вотчины и поместья в центре России, а, напротив, стремится, как пишет А. И. Коланев, «приспособить статью о крестьянском отказе к условиям жизни черносошного крестьянства».⁸⁵ Институт пожилого оказывается, таким образом, свойственным не только феодальной вотчине, но и черносошной крестьянской деревне. Можно предполагать, что он возник как бытовое явление до Судебников и независимо от них. Ничего нет невероятного, что и изорник платит пожилое. Едва ли можно объяснить такое пожилое как своего рода взыскание (роенае) за отрок, как это делает П. Е. Михайлов. Естественнее допустить чисто хозяйственное происхождение этой нормы как некоторой гарантии владельцу села, теряющему источник дохода.

Наибольшие сомнения в концепции И. Е. Энгельмана вызывает точная регламентация, размеров как этого пожилого, так и всего изорничьего оброка вообще. Такая точная регламентация отношений между хозяином и живущим на его земле человеком, будь это наймит, арендатор или крестьянин, не соответствует принципам нашего средневекового законодательства. Законодательные памятники не определяют ни размеров купы закупа, ни состава крестьянских повинностей в XV—XVI вв. Сама ПСГ, разбирая довольно подробно отношения между государем и наймитом, ничего не говорит о размерах найма. С точки зрения средневекового права состав и размеры повинностей и всякого рода платежей, связанных с проживанием на чужой земле и в чужом дворе, никак не могут поддаваться законодательной регламентации. Они определяются, во-первых, обычаем — пошлиной, стариной,⁸⁶ во-вторых, рядом.⁸⁷ Трудно допустить, чтобы ст. [33] и [54] были исключением из этого общего правила, чтобы именно здесь и только здесь устанавливалась точная норма оброка в виде четверти урожая. Большой интерес в связи с этим представляет пред-

⁸⁴ Судебники, с. 405.

⁸⁵ Там же, с. 536.

⁸⁶ Митрополит Киприан, разбирая челобитье монастырских крестьян на игумена Царе-Константиновского монастыря Ефрема, прежде всего интересуется, «какова пошлина в святом Константиѣ, и как людем монастырским дѣло дѣлати» (АСВР, III, № 5, с. 17).

⁸⁷ Например, рядная грамота «христиан робичичан» с Юрьевым монастырем о повинностях и дарах (ГНП, № 115, с. 174).

ложенное Л. В. Черепнинным толкование слов «половина» и «четверть» как не арифметически точных долей, а просто частей. Такое словоупотребление встречается в памятниках.⁸⁸ Оно не исключено и в данном случае. В пользу понимания, предложенного Л. В. Черепнинным, говорит текст ст. [33], в котором, как мы видели, четверть сопоставляется с частью — долей вообще. Видимо, и четверть является аналогичной долей, и закон так же не считает возможным назначать точный и обязательный размер этой доли с паши, как он не называет и размера доли с огорода или с сада. Если так, то между ст. [33] и [54] нет никакого противоречия. Ст. [54] не отменяет ст. [33], а дополняет и уточняет ее. Если ст. [33] молчаливо исходила из обычая получать с изорника особую плату при отроке, то ст. [54] превращает этот обычай в закон, четко формулируя основной принцип отрока. При этом, разумеется, сохраняют свою силу все положения ст. [33]: особый взнос с изорника при отроке идет только в случае, если отрок совершен правильно и не опротестован изорником или если изорник не смог доказать свою правоту.

Итак, ст. [33], [34] и [54] характеризуют отрок как акт, сопровождаемый определенными платежами изорника государю, вытекающими из самого факта отрока и не связанными с какими-либо другими обстоятельствами. В основе этих платежей лежит наиболее существенное отношение между изорником, нуждающимся в средствах производства (земле и угодьях), и государем, владеющим этими средствами. Платежи при отроке определяются самой природой изорника, живущего и трудящегося на земле собственника-государя, в них реализуется известная доля зависимости первого от второго.

Однако расчеты при отроке не ограничиваются платежами, непосредственно связанными с хозяйственной деятельностью изорника на селе у государя. Особенность положения изорника в том, что эти платежи тесно переплетаются с обязательствами другого порядка. Первая часть ст. [35] говорит о взыскании с него покрупы.⁸⁹ Судя по тексту статьи, покрупта — это либо деньги («серебро»), либо семена (может быть, в земле).⁹⁰ Так покрупта

⁸⁸ Слова летописи (о событиях в Киеве в 1068 г.) «раздѣлишася надвое половину ихъ иде к погребу, а половина ихъ иде по мосту» едва ли можно понимать так, что по мосту шла ровно половина восставших киевлян. Речь идет просто о том, что они разделились на две части, не обязательно равные между собою. Известно также, что половники поморских уездов совершенно не обязательно выплачивали точно 50% урожая (О г р и з к о З. А. Из истории крестьянства на Севере феодальной России. М., 1968, с. 20—22).

⁸⁹ «А государю на изорники или на огородники, или на кочетники волно и ваакличь своей покрупты и сочить, серебра и всякой верши по имени, или пшеница ярой или озимой, и по отроку государеву или сам отречется».

⁹⁰ Б. Д. Греков сомневается в возможности включения в состав покрупты зерна: «Было бы несколько странным при получении покрупты различать зерно яровое и озимое» (Г р е к о в Б. Д. Крестьяне на Руси. . . , кн. 1, с. 455). Однако известные половничьи порядки XVII в. говорят именно об озимой

обычно и понимается.⁹¹ На каких условиях дается покрута и какова ее роль в генезисе изорнических отношений? Большинство исследователей рассматривает покруту как беспроцентную возвратную подмогу — ссуду, необходимую изорнику для его хозяйственной деятельности. Это мнение представляется наиболее основательным. В его пользу говорит, во-первых, отсутствие каких-либо сведений о проценте с этой подмоги;⁹² во-вторых, широкое распространение подмоги такого типа, обнаруживаемое в источниках XVI—XVII вв.⁹³

Но вопрос о влиянии покруты на положение изорника вызывает большие разногласия. И. Д. Беляев рассматривал покруту как обыкновенную ссуду, которую крестьянин может брать, а может и не брать у государя. Получение этой ссуды не определяет никаких особых отношений, а влияет только на расчеты при отроке.⁹⁴ Этому мнению придерживался и М. Ф. Владимирский-Буданов. В. И. Сергеевич также считал, что «не подлежит сомнению, что ни полученная подмога, ни заем не составляли прешствия для откупа. Крестьянин мог отказаться, несмотря на то, что был должен господину».⁹⁵ Развивая мысль об отсутствии связи покруты с другими обязательствами изорника, П. Е. Михайлов подчеркивал, что «de jure невыплата „покруты“ отнюдь не мешала осуществлению „отрока“».⁹⁶ По мнению Б. Д. Грекова,

ржи — посеянном хлебе, получаемом в подмогу половником (О г р и з к о З. А. Из истории крестьянства на Севере феодальной России, с. 19—20).

⁹¹ Исключение составляет И. Е. Энгельман, для которого покрута — «производимая содержанием плата» (Э н г е л ь м а н И. Систематическое изложение. . . , с. 49).

⁹² Только М. М. Богословский считал возможным говорить о проценте с покруты (Б о г о с л о в с к и й М. М. Крестьянская аренда. . . , с. 34—35). Однако его аргумент — ссылка на писцовые книги XVI в. по Шелонской пятине — не может быть признан достаточным для такого утверждения. Л. В. Черепнин также сближает покруту с «серебром ростовым» и «житом заемным» (Ч е р е п н и н Л. В. Из истории русского крестьянства XV в., с. 119).

⁹³ Случаи выдачи такой подмоги, связанной с хозяйственным обзаведением крестьянина, известны, например, в Иосифо-Волоколамском монастыре XVI в. (П о б е д и м о в а Г. А. О некоторых формах кредитования крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря в первой половине XVI в. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967, с. 93—96). См. также: А б р а м о в и ч Г. В. К вопросу о значении кредитования крестьян феодалами в развитии сельского хозяйства Руси XV—XVI вв. — Ежегодник аграрной истории за 1965 г. М., 1970, с. 60—61. Ссуда-подмога распространена и у половников северных крестьянских деревень (О с т р о в с к а я М. А. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI—XVII вв. СПб., 1913, с. 223—224). М. А. Дьяконов считает подмогу характерной чертой северного половничества (Д ь я к о н о в М. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898, с. 177).

⁹⁴ Б е л я е в И. Крестьяне на Руси, с. 22.

⁹⁵ С е р г е е в и ч В. Древности русского права, т. I, с. 246.

⁹⁶ М и х а и л о в П. Е. Юридическая природа землепользования. . . , с. 89.

«для определения социальной природы изорничества покрута решающей роли во всяком случае не играет».⁹⁷

В отличие от названных исследователей М. А. Дьяконов подчеркивает большое юридическое и социальное значение покруты. По его мнению, расчеты по покруте существенно влияли на возможность отрока, хотя формально «сама по себе задолженность не являлась помехой к . . . уходу арендатора». Покрута была широко распространена — «без покруты трудно было съемщику земли приняться за хозяйство», и именно из-за нее «изорники фактически очень редко могли осуществить право отказа от аренды, так как в случае несостоятельности их в уплате долга им грозила участь попасть снова к прежнему государю, но не в качестве уже изорника, а в качестве его холопа».⁹⁸ М. М. Богословский видел в покруте ссуду особого рода, отличающуюся от обыкновенного долгового обязательства и колеблющую «не в пользу крестьянина то равновесие, которое заметно между государем и изорником в ст. 42а».⁹⁹ Наибольшее значение покруте в судьбе изорника придавал П. А. Аргунов. По его определению, «быть в покруте — это и значило для изорника войти в строй сеньерьяльных отношений. . . Покрута — это начальный акт правоотношений, концом которых является отрок».¹⁰⁰ Б. Б. Кафенгауз также считал, что «важной чертой для понимания изорничества является задолженность. . . землевладельцу».¹⁰¹ А. А. Зимин рассматривает покруту как особого рода возвратную ссуду, делающую «свободного человека издольщиком». «Покрута напоминает „отарицу“ закупа. . . а также двойной задаток закупного наймита (Правосудие митрополичье)».¹⁰² Л. В. Черепнин видит в покруте экономическое забалование — один из главных факторов, приводящих к установлению феодальной зависимости изорника от государя.¹⁰³

Мне представляется, что первая часть ст. [35] устанавливает прямую связь взимания покруты с производством отрока: об этом говорят ее последние слова «и по отроку государеву или сам отречется». Именно поэтому эта статья попала сюда, в текст об отроке. Едва ли изорник мог практически уйти от государя, не рассчитавшись с ним по покруте. Было бы непонятным поведение государя, который сначала отпускает изорника на все четыре стороны и только после этого начинает искать на нем покруту, как

⁹⁷ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. . . , кн. 1, с. 449.

⁹⁸ Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси, с. 106, 107.

⁹⁹ Богословский М. М. К вопросу об отношении крестьянина к землевладельцу по Псковской Судной грамоте. — Летопись занятий Археологической комиссии за 1926 г., вып. первый (тридцать четвертый), Л., 1927, с. 47.

¹⁰⁰ Аргунов П. А. Крестьянин и землевладелец. . . , с. 24.

¹⁰¹ Кафенгауз Б. В. Псковские «изорники», с. 29.

¹⁰² Зимин, ПСГ, с. 355.

¹⁰³ Черепнин Л. В. Из истории русского крестьянства XV в., с. 119, 123.

представляет себе дело В. И. Сергеевич («Государь может искать долгов своих на ушедшем крестьянине и только»).¹⁰⁴ На практике, вероятно, покрута взыскивалась именно при отроке («по отроку» может означать не «после отрока», а «в силу, вследствие отрока»). Если изорник и мог уйти с села, не выплатив полностью покруты, то во всяком случае в руках государя должны были оставаться весомые гарантии того, что покрута будет им получена. Таким образом, уход с села без уплаты покруты, если он и имел место, отнюдь не делал изорника полностью свободным человеком, а превращал его в должника, не только связанного со своим кредитором определенным долговым обязательством, но и находящегося в сфере реальной досягаемости кредитора. Поэтому нет оснований рассматривать взыскание покруты как особую операцию, никак не связанную с отроком и не влияющую на правовые отношения изорника с государем.

С другой стороны, однако, нет никаких данных в пользу мнения, что покрута создает какие-то принципиально новые отношения и что она является даже «цементом сеньерьяльных отношений», как считал П. А. Аргунов. Изорник остается изорником независимо от того, брал он покруту или нет; покрута практически затрудняет для него возможность уйти от государя, но в принципе не исключает такой возможности и не сообщает изорнику нового качества. Едва ли правомерно поэтому сблизжать изорника с серебряником, связанным с господином выплатой ростового серебра. Покрута, по смыслу ст. [35], взыскивается государем именно как таковая, о росте с нее ничего не говорится, равно как и о возможности погасить ее работой. Давая изорнику покруту, государь не рассчитывал на получение процента с нее при отроке. Он преследовал цель обеспечить нормальное функционирование изорничьего хозяйства у себя на селе, был заинтересован прежде всего в создании таких условий, при которых изорник мог реально выплачивать ему оброк и нести повинности.

Структура текста ст. [35](44—45) не должна игнорироваться. Если это не случайная описка переписчика, объединившего по невнимательности или непониманию два разных сюжета, то перед нами — свидетельство того, что взыскание покруты в принципе не отличалось от взыскания других видов ссуды;¹⁰⁵ общим требованием при этом был иск «по имени» — иск с точным, конкретным перечислением состава ссуды. Это важный аргумент против мнения о покруте как о «цементе сеньерьяльных отношений». Трудно ввиду этого согласиться и с попытками сблизить покруту с задатком закупного наймита Правосудия Митрополичья. Закупной наймит выплачивает при уходе двойную цену своего найма, изорник возвращает покруту в ординарном размере.

¹⁰⁴ Сергеевич В. Древности русского права, т. I, с. 247.

¹⁰⁵ «А кто имет сочит торговли, или поруки, или вблуденна или ссудна, или выморщина безвмянно, — ино тои не доискался».

Такая разница понятна. Выданная вперед плата (найм) была основным условием — и юридически, и экономически — эксплуатации закупного наймита. Для изорника же таким основным условием была отнюдь не покрута, которую поэтому и нельзя рассматривать как найм, а земля и угодья.

Покрута составляет особую сферу имущественных отношений изорника с государем. Ст. [42](51), говоря о покруте, допускает возможность, что изорник «на селе живал», а государю «не виноват». ¹⁰⁶ Терминология этой статьи вызывает в литературе большие споры. Еще И. Е. Энгельман различал смысл слов «седел» («брал у хозяина земли в содержание») и «живал» («жил у него только так»). ¹⁰⁷ Это толкование поддержал М. Ф. Владимирский-Буданов — «можно было жить в имении, но не занимать поля»; занимать поле — значит «седеть». ¹⁰⁸ Так же смотрел на дело и В. О. Ключевский: «седел» — значит «имел в селе усадьбную оседлость», тогда как «живал» означает, что «жил простым рабочим». ¹⁰⁹ М. М. Богословский присоединился к тому же мнению. П. А. Аргунов тоже подчеркивал разницу между понятиями «живал» и «седел». По его объяснению, «седеть» можно было только с покрутой. ¹¹⁰ Если перечисленные исследователи правы, то в ст. [42] перед нами два разных социальных типа, покрываемых термином «изорник», — крестьянин-земледелец («арендатор»), ведущий свое хозяйство, и наймит-батрак, работающий в хозяйстве государя. Первый из них на селе «сидит», второй — «живет».

В литературе есть, однако, и другой подход к ст. [42]. Ф. Н. Устрялов и И. Д. Беляев не придавали никакого значения разнице в словах «седел» и «живал». ¹¹¹ Не видел в них разницы и П. И. Беляев: и «седеть» и «живать» означает для сеньериально-зависимых изорников иметь «ограниченные вещные права на землю, которую они получают от землевладельца в пользование». ¹¹² П. Е. Михайлов особенно подчеркивает знак равенства между понятиями «жить» и «седеть»: жил на селе, значит, арендовал землю со всеми вытекающими последствиями, «ибо только так и мог жить „исполовник“ — арендатор». ¹¹³ Б. Д. Греков не видит разницы в терминах этой статьи, но объясняет их в противоположном по сравнению с П. И. Беляевым и П. Е. Михайловым смысле: изорник в обоих случаях — это не крестьянин, веду-

¹⁰⁶ «А коли изорник имет запитреть у государя покруты, а молвит так: „у тебе еси на селе живал, а тебе еси не виноват“...».

¹⁰⁷ Э н г е л ь м а н И. Систематическое изложение... , с. 51.

¹⁰⁸ Х р и с т о м а т я . . . , с. 168, примеч. 112.

¹⁰⁹ К л ю ч е в с к и й В. О. Псковская Правда, с. 126.

¹¹⁰ А р г у н о в П. А. Крестьянин и землевладелец... , с. 24.

¹¹¹ У с т р я л о в Ф. Исследование Псковской Судной грамоты 1467 г., с. 54; Б е л я е в И. Крестьяне на Руси, с. 23.

¹¹² Б е л я е в П. И. Древнерусская сеньерия... — ЖМЮ, 1916, октябрь, с. 169.

¹¹³ М и х а и л о в П. Е. Юридическая природа землепользования... , с. 102—103.

щий собственное хозяйство, а «лишенный средств производства земледелец, вынужденный... искать себе пристанища».¹¹⁴ Б. Б. Кафенгауз, И. И. Полосин и А. А. Зимин тоже не усматривают различия в понятиях «седел» и «живал», считая, однако, изорника не наймитом, а крестьянином.¹¹⁵ Л. В. Черепнин сформулировал такое понимание наиболее отчетливо — «„жить на селе“, „сидеть на селе“ — значит жить на земле, полученной в надел от феодала».¹¹⁶

Л. М. Марасинова на основании изученных и опубликованных ею актов пришла к весьма важному выводу, что термин «седение» означает участок земли, обрабатываемой изорником, тогда как термин «село» соответствует участку, на котором живет сам владелец.¹¹⁷ Из этого наблюдения следует, что изорник на земле государя мог только «сесть». Если так, то термин «живал» в ст. [42] не имеет специфического самостоятельного значения («жить» на селе может только сам владелец) и не должен противопоставляться термину «сесть». Скорее всего он употреблен здесь не в альтернативном, а в тождественном смысле: «сесть» и «жить» для изорника одно и то же. Это понимание взаимоотношения терминов ст. [42], вытекающее из весьма авторитетного актового материала, находит свое подтверждение и в самих статьях об изорнике. Они не дают повода видеть в термине «изорник» механическое соединение образов крестьянина и наймита с их разными юридическими, социальными и бытовыми признаками. Напротив, судя по всему, статьи рисуют одну и ту же социальную и юридическую категорию — категорию крестьянина, живущего на земле, полученной в надел, по точному определению Л. В. Черепнина. Но отсюда следует, что этот крестьянин-изорник не всегда брал у государя покругу. Покруга, следовательно, не вытекает непосредственно из земельных отношений изорничества. Она скорее дополнительный, хотя и весьма важный, фактор, осложняющий положение изорника.

На фоне покруги вырисовывается ряд характерных черт взаимоотношений изорника с государем. Исходное положение ст. [69](76) — бегство изорника с села. Эта ситуация чрезвычайно ярко характеризует его зависимое, подневольное положение на селе у государя: свободный человек бежать не будет. Каковы же конкретные причины, заставляющие изорника бежать, вместо того чтобы, дождавшись Филиппова заговенья, легально уйти от государя? Ст. [69] дает косвенный ответ на этот вопрос — она сосредоточивает внимание на взыскании покруги с живота

¹¹⁴ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси... , кн. 1, с. 450.

¹¹⁵ Кафенгауз Б. Б. Псковские «изорники», с. 30; Полосин, с. 83; Зимин, ПСГ, с. 358—359.

¹¹⁶ Черепнин Л. В. Из истории русского крестьянства XV в., с. 118.

¹¹⁷ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты... , с. 153. — См.: НИГ, № 5, 20, 25, 28, 30, 31, 33, с. 50, 60, 64, 67, 69, 71, 73 (где упоминаются «сиденья» или «седенья») и № 14, с. 57 (о селе, где «жил» владелец).

беглого изорника. Надо полагать, что и для изорника вопрос о покруте был существенным, и наиболее вероятная причина его бегства — нежелание или невозможность выплатить полученную ссуду. О том, что не так просто ее выплатить, говорит сама статья, допуская возможность, что всего «живота изорника», оставленного им при бегстве на селе, «не достанет» для этого расчета. Правда, необходимо учитывать, что бежит от платежей, как правило, именно несостоятельный, неудачливый изорник, вроде персонажа ст. [34], вынужденного заложить весну. Наличие такой прослойки среди изорников заслуживает внимания. Именно эта несостоятельная часть изорничества оказывается фактически в наиболее суровой зависимости от государя, не имея возможности легально уйти от него.¹¹⁸ Как отмечено рядом исследователей, со ст. [69] связана логически и текстуально ст. [78](84). Согласно ей, претензии государя по покруте подлежат обязательному и первоочередному удовлетворению из «живота изорника» и в случае, если изорник «поумрет у государя на сели». Таким образом, покрута — не просто ссуда, но ссуда особого рода, даваемая только человеку, сидящему на земле кредитора, и обеспечиваемая всем имуществом должника. Эта ссуда связана с отношениями поземельной зависимости.

Одной из особенностей статей об изорнике является их почти полное молчание об обычных платежах и повинностях, следующих с изорника государю. Косвенное упоминание о таких платежах содержит только, как мы видели, ст. [34], касаясь их в связи с эвентуальной неисправностью изорника. Исходя из этой статьи, можно предположить, что основной формой оброка были платежи из доли урожая. Других указаний на состав и размеры повинностей изорника у нас нет. Единственным исключением является ст. [68](75а).¹¹⁹ Этот текст давно привлек пристальное внимание историков. И. Е. Энгельман сливал его с предыдущим — об иске изорника к государю по доске (ст. 75). По его объяснению, старый изорник это тот, кто предъявляет доску на государя и на основании доски отказывается от работ на него. Однако, «несмотря на то он обязан исправлять все должные работы».¹²⁰ Б. Н. Чичерин рассматривал текст о старом изорнике как попытку разрешить частный спорный вопрос, возникающий при отроке: «Пока крестьянин жил на земле, предполагалось, что он исправно уплачивает свои оброки и отправляет свои работы. . . но как скоро он уходил от хозяина, так являлась необходимость разрешить возникающие затруднения и недоразумения».¹²¹ М. Н. Покровский, как и Б. Н. Чичерин, видел в старом изорнике изорника бывшего,

¹¹⁸ На имущественное расслоение в среде изорников обратил внимание Л. В. Черешнин (Из истории русского крестьянства XV в., с. 120, 123).

¹¹⁹ «А старому изорнику вози вести на государя».

¹²⁰ Энгельман И. Систематическое изложение. . . , с. 113.

¹²¹ Чичерин Б. Опыты по истории русского права, с. 192.

ушедшего от государя: «Хотя формально отношения и кончились, бывший крестьянин все же должен выполнить свою последнюю экономическую функцию — доставить продукты своего труда на рынок». М. Н. Покровский отмечает ограничение прав изорника в этой статье по сравнению со ст. 42 и высказывает на этом основную мысль о более позднем происхождении разбираемого текста.¹²² На таких же позициях стоит и М. М. Богословский. «Можно ли говорить о прежнем равноправии при отроке. . . когда отказавшийся изорник еще отбывал повинности. . . создававшие некоторую, хотя, быть может, и не тяжелую зависимость. . . от хозяина даже и после отказа?». ¹²³ По определению Б. Д. Грекова, старый изорник — бывший изорник, уже получивший отрок, но обязанный «доделывать дело» на своего бывшего государя.¹²⁴ И. И. Полосин не выделяет рассматриваемый текст из ст. 75 и связывает его с отменой «бирок», отмечающих выполнение крестьянами «гужевой повинности». Статья, по его мнению, говорит о том конкретном случае, когда изорник из-за осенней распутицы «не мог вывезти из леса ни дров, ни строевого леса; он не мог подвести хлебные и продовольственные запасы на господский двор во Псков». Текст свидетельствует о дальнейшем ухудшении положения изорника, следовательно, является более новым, чем ст. 42 и 63. «Феодал, от которого уходит изорник, добился права на подводную повинность от „старого изорника“». ¹²⁵ Общая черта всех приведенных высказываний — то, что старый изорник не наделяется никакими особыми юридическими и экономическими признаками.¹²⁶ Получив отрок, всякий изорник превращается в старого — бывшего. Нормы, касающиеся старого изорника, не специфичны — они касаются всех изорников вообще.

Однако существует и принципиально иная точка зрения. М. Ф. Владимирский-Буданов был первым, кто выделил текст о старом изорнике в самостоятельную статью. Этот термин имеет, по его мнению, принципиальное значение. «Старый, непохожий, человек вступал в обязательственные отношения к хозяину более строгие, чем крестьянин, вновь пришедший к землевладельцу». Кроме обычных платежей «старый изорник обязывается еще под-

¹²² Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен, т. I—II, с. 261.

¹²³ Богословский М. М. Крестьянская аренда. . . , с. 22.

¹²⁴ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. . . , кн. 1, с. 457.

¹²⁵ Полосин, с. 90.

¹²⁶ Наиболее парадоксальную трактовку термина «старый изорник» предложил П. Е. Михайлов. Сливая ст. 75 и 75а, он считает старого изорника «судным стариком», «старожилцем» — посредником в спорах простого изорника с государем по доске. Такая интерпретация основана на прочтении слов «вози вести» как одного слова «возвести» — возбудить иск (М и х а й л о в П. Е. Юридическая природа землепользования. . . , с. 156—157). Убедительную критику этого искусственного построения дал М. М. Богословский (Крестьянская аренда. . . , с. 20—21).

водною повинностью».¹²⁷ М. А. Дьяконов также выделял старых изорников в особую группу, отбывающую особые барщинные повинности сверх установленного оброка. Однако в отличие от М. Ф. Владимирского-Буданова он связывал их происхождение не с «застарением» как таковым, а с задолженностью государю.¹²⁸ По мнению П. И. Беляева, старожилство — явление, не зависящее от долговых обязательств и само по себе ведущее к сенъеральной зависимости: «Среди изорников... выделяются старые изорники, обязанные к подводной повинности».¹²⁹ Так же считает и П. А. Аргунов: «... Старый изорник — это старинный, давний, застаревший у государя на селе изорник... Положение застаревшего... (может быть, против желания) в селе у государя изорника увеличивало его зависимость...».¹³⁰ Б. Б. Кафенгауз тоже выделяет старых изорников в особую группу, обязанную «добавочной подводной повинностью».¹³¹ И. Д. Мартысевич видит в персонаже ст. 75а «земледедца-старожила».¹³² По мнению А. А. Зимина, в тексте идет речь о праве взыскания подводной повинности с изорников-старожильцев; новые, очевидно, временно от такой повинности освобождались.¹³³ Мысль об особом положении старых изорников наиболее отчетливо сформулировал Л. В. Черепнин: «Это крестьяне, связанные с землевладельцем крепкими отношениями феодальной зависимости, причем эта зависимость налагала на них особые обязательства... „Старого изорника“... следует сравнивать с крестьянином-„старожильцем“».¹³⁴

Итак, по поводу рассматриваемого текста высказаны две противоположных точки зрения. Согласно одной из них, подводная повинность распространяется на всех изорников вообще, согласно другой, — только на изорников-старожильцев. Какая же из этих точек зрения больше соответствует тексту и смыслу памятника? В пользу первой из них можно высказать следующие соображения. Во-первых, как это заметил еще Б. Н. Чичерин, статьи об изорнике вообще не интересуются внутренними распорядками в селе; естественно предположить, что его повинности попадают в поле зрения ПСГ только, так сказать, на границе села — в момент прекращения изорнических отношений, чему и посвящено большинство статей об изорниках. Во-вторых, если бы старый изорник рассматривался не как просто бывший изорник, а как зависимый человек с особыми юридическими и хозяйственными при-

¹²⁷ Христоматия... с. 176, примеч. 155.

¹²⁸ Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси, с. 107.

¹²⁹ Беляев П. И. Древнерусская сенъерия... — ЖМЮ, 1916, октябрь, с. 179.

¹³⁰ Аргунов П. А. Крестьянин и землевладелец... с. 32.

¹³¹ Кафенгауз Б. Б. Псковские «изорники», с. 48.

¹³² Мартысевич И. Д. 1) ПСГ, с. 173; 2) Общественно-политический строй и право... с. 13.

¹³³ Зимин, ПСГ, с. 365.

¹³⁴ Черепнин Л. В. Из истории русского крестьянства XV в., с. 123.

знаками, то эти признаки, по всей вероятности, так или иначе нашли бы свое отражение и в других статьях, говорящих и об отроке, и о платежах, и о покруте, и об имуществе изорника. Трудно представить себе, что выделение старого изорника было связано только с подводной повинностью — важной, но, конечно, второстепенной¹³⁵ для крестьянина, а не коснулось других, более существенных, черт его отношений с государем. Можно отметить далее, что и крестьяне-старожильцы Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. не отличались от других категорий сельского населения по объему своих повинностей. Во всяком случае источники ничего не говорят об этом. Если исходить, например, из текста жалованных грамот, то все крестьяне, отсидев льготные годы, должны были тянуть тягло на равных основаниях.¹³⁶ Думаю поэтому, что теорию «застарения» независимо от того, насколько она убедительна в других случаях, трудно применить к данному тексту.

Если это так, то рассматриваемый текст приобретает особое значение. Непосредственно он отвечает на конкретный, практический вопрос — что делать, если изорник получил отрок, а возы «на государя» вывезти не успел? Естественно, что статья требует выполнения этой повинности именно старым изорником, конечно же, не новым, только что пришедшим на его место, и не тем, кто еще, может быть, придет. Статья носит, таким образом, казуальный характер — она выносит постановление по частному случаю. Но это постановление бросает свет на само существо хозяйственной зависимости изорника: отрок не освобождает еще его полностью от всех обязанностей перед государем. Наиболее важно, однако, то, что ст. [68](75а) раскрывает новый и притом весьма существенный аспект сидения на селе. Оказывается, оно сопровождается не только уплатой оброка, не только платежами при отроке, но и выполнением определенных отработочных повинностей. О подводной повинности мы узнаем здесь совершенно случайно и только потому, что изорник мог не успеть вывезти возы до отрока. Вполне возможно, что были и другие повинности, о которых мы не знаем. Они вытекали из самой природы изорничества как сидения на чужой земле.

Нет достаточных оснований противопоставлять ст. 75а нормам ст. 42 и 63, как это делают М. Н. Покровский, М. М. Богословский и И. И. Полосин, и видеть в ней отражение прогрессирующего ухудшения положения изорника. Ст. [68](75а) не создает принципиально новой нормы: она разъясняет спорный случай, рас-

¹³⁵ Нет, между прочим, оснований связывать эту повинность непременно с доставкой «продуктов своего труда на рынок», как это делает М. Н. Покровский. Гораздо вероятнее, что повоз связан с отношениями внутри села, с доставкой леса и т. п.

¹³⁶ Л. В. Черепнин справедливо отмечает: «„Отсидев“ определенный (сурочный) срок, данный ему для обзаведения хозяйством, крестьянин превращается в старожильца» (Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, с. 245).

шифровывая тем самым для нас содержание понятия «отрок». Она исходит из сложившейся практики и, самое главное, не содержит ничего такого, что не соответствовало бы существованию изорнических отношений, отраженных в других статьях. «Ограничение прав крестьянина», о чем пишут М. Н. Покровский и М. М. Богословский, создается вовсе не этой статьей и не ее мнимым противоречием со ст. 42 и 63. Оно заключено в самой природе изорника как крестьянина, сидящего на чужой земле. Отражая чрезвычайно важный факт отработочных повинностей, эта статья противоречит только представлению П. Е. Михайлова об изорнике как о свободном арендаторе, целиком и полностью равноправном со своим государем. Нельзя согласиться и с И. И. Полосиным, что «статьи 9, 42 и 63 до неузнаваемости изменились в статье 75»: «Как будто бы четыре слоя, четыре пласта феодальной истории легли на многострадальную спину изорника».¹³⁷ Суть в том, что повинности, в частности отработочные, неотделимы от природы изорника вообще, в каком бы «пласте» он ни находился.

Все рассмотренные нами статьи рисуют изорника как человека, находящегося в определенной поземельной зависимости от государя. Эта зависимость реализуется в виде выплаты оброка, несения отработочных повинностей и особых платежей при отроке и зачастую осложняется еще долговыми обязательствами по покруте. Таков основной юридический и социальный смысл этих статей, такова основная специфика изорничества как института.

* * *

Исследование об изорнике не может ограничиться выводом о поземельной зависимости его от государя. Придя к такому выводу, необходимо сделать следующий шаг: поставить вопрос о степени и характере этой зависимости. В поисках ответа на этот вопрос нужно снова обратиться к анализу текста. Для характеристики степени правовой дееспособности изорника весьма существенное значение имеют те статьи, в которых говорится о суде по делам, связанным с отроком и покрутой. Впервые о таком суде говорится в ст. [33]. Как мы видели выше, именно эта статья свидетельствует о зависимости изорника, упоминая об особых платежах при уходе от государя. Но ее содержание отнюдь этим не исчерпывается. Напротив, она содержит постановление о том, как решается спор, возникший между государем и изорником по поводу платежей при отроке. Ситуация, отраженная в ст. [33], имеет принципиальное значение. Мы впервые видим изорника и его государя в качестве открытых противников, тяжущихся друг с другом сторон, причем предметом их спора является отрок — важнейший правовой момент в их взаимоотношениях. Именно

¹³⁷ Полосин, с. 90.

вопрос такого масштаба может явиться пробным камнем в характеристике правового положения как изорника, так и его государя.

Наиболее развернутый комментарий к этой статье дали П. А. Аргунов и И. И. Полосин. П. А. Аргунов исходит из того, что «игнорировать отрок, не признавать его — не шуточное дело. . . ведь это не арендный срок, а очень сложный и важный момент в правоотношениях сторон». Далее он разбирает два возможных варианта нарушения закона об отроке — со стороны государя и со стороны изорника. Первый вариант, который, собственно, и служит предметом рассмотрения ст. 42, ведет к тому, что государь «просто не получал удовлетворения своей претензии». «Если не в срок государь отказывал, то, очевидно, этот отрок для изорника не был действительным, и изорник мог не уйти. . . и заставить его уйти легальными средствами. . . нельзя было».¹³⁸ Однако свое основное внимание П. А. Аргунов сосредоточивает на втором варианте: «Если же не в срок самовольно и вопреки желанию государя отказывался изорник, то он, надо полагать, мог быть подвергнут насильственному возвращению к исполнению своих обязательств до наступления законного момента отрока». Здесь уже не возникало вопроса о равноправии сторон. Именно этот момент был, по мнению П. А. Аргунова, главным, определяющим в случаях нарушения отрока. Случай, рассматриваемый в ст. 42, становился на этом фоне «очень казуальным» — он ограничивался указанием на мнимое нарушение изорником правил об отроке. Важное значение для понимания концепции П. А. Аргунова имеет заключительная фраза его комментария: «В юрисдикцию государя здесь как будто вносится некоторое ограничение в виде требования „правда дать ему“, т. е. в виде права изорника на защиту со стороны государственного суда».¹³⁹ Нельзя не заметить, что комментарий П. А. Аргунова страдает известной долей искусственности и априорности. Искусственность его в том, что вопрос о нарушении закона об отроке со стороны государя, о чем только и идет речь в комментируемом тексте, подменяется у автора вопросом о нарушении закона об отроке со стороны изорника. Далее, этот новый вопрос, выдвигаемый автором на первый план, трактуется им не только вне связи с текстом памятника, но даже и в прямом противоречии с этим текстом (ст. [69] (76)), о чем подробнее будет сказано ниже. Кроме того, некоторые моменты во взаимоотношениях изорника с его государем выглядят несколько противоречиво. С одной стороны, изорник настолько бесправен перед государем, что право его «на защиту со стороны государственного суда» рассматривается всего лишь как «некоторое ограничение», вносимое в «юрисдикцию государя», с другой же стороны, выясняется, что государь — собственник села — не может легальными средствами заставить изорника уйти из этого

¹³⁸ А р г у н о в П. А. Крестьянин и землевладелец. . . , с. 17—18.

¹³⁹ Там же, с. 18—19.]

села. Позицию П. А. Аргунова не усиливает и приводимый им документ начала XVII в. — порядная крестьянина Софийской митрополичьей вотчины, поскольку ему не удается доказать, что изорник XIV в. и крепостной крестьянин XVII в. одно и то же.

И. И. Полосин в своем комментарии сделал упор на то, что «князь обеспечивает благоприятные условия суда для смерда (т. е. для изорника, — Ю. А.)». Суть дела для И. И. Полосина в том, что «между государем-феодалом и его работными людьми стоит какая-то власть... это власть псковского князя... Князь... пытается демагогически использовать силы феодально-демократического Пскова. Князь требует рассмотрения исков и претензий работных людей («ино ему правда дати»)¹⁴⁰. Своеобразие комментария И. И. Полосина в том, что он переносит центр тяжести из сферы внутридеревенских отношений, где действующими лицами являются государь и изорник, в сферу общественно-политическую, где борьба развертывается между князем и псковским боярством — совокупностью «государей-феодалов», по определению И. И. Полосина. Надо, однако, с самого начала подчеркнуть, что ни текст рассматриваемой статьи, ни ее ближайшее окружение не содержат никаких намеков на правомерность такого переноса. Своеобразная трансплантация, предпринятая И. И. Полосиным, не имеет реальной опоры в источнике. В остальном же между взглядами П. А. Аргунова и И. И. Полосина наблюдается определенное сходство. Оба они исходят из факта неравноправия изорника, полностью зависящего от государя (сеньера — по Аргунову, феодала — по Полосину). Оба они видят в словах «справда дати» послабление для изорника — частичное смягчение его суровой зависимости со стороны государственной власти. Наконец, оба они ограничиваются констатацией этого послабления и не рассматривают по существу ситуацию, возникающую при реализации постановления ст. 42.

Обратимся к тексту. Исходный момент конфликта рисуется в нем достаточно четко: изорник запирается «отрока государева». Как я пытался показать выше, спор идет в сущности об имущественных претензиях государя. Как же поступает государь в данной ситуации? Имеет ли он возможность, используя зависимое положение изорника и свое преимущество как господина-земле-владельца, явочным порядком взыскать спорное имущество? Ведь, казалось бы, именно так естественно всего действовать сеньеру, могущему в «беспорном порядке» подвергнуть своего изорника «принудительным мерам» (П. А. Аргунов) и даже, подобно своим французским собратьям, отнять у него «все», отпустить его «голым» (Н. П. Павлов-Сильванский). Однако, судя по тексту, такая мысль в голову не приходит ни государю, ни законодателю. Статья не содержит запрещения государю насильственным путем

¹⁴⁰ Полосин, с. 76.

отнимать у изорника его имущество, она исходит из того, что обращение государя в суд подразумевается само собой.

Что же происходит на этом суде? Статья говорит об этом глухо: «... Ино ему (изорнику, огороднику или котечнику, — Ю. А.) правда дать, а государь не доискался». Пройгрыш дела государем вызван тем, что изорник дал «правду». Но что такое дать правду? Кто и в каких случаях это делает в ПСГ? В ст. [8](13) о выкупе земли ответчик «хочет на поле лезет или своего псца к правде ведет». В ст. [14](18), говорящей о закупене или скотнике, ищущих «соблюдения, или верши», суд (господа) должен «обыскать правда» и дать на волю ответчика («на ком сочат»): «... Хочет сам поцелует, или на поле с ним лезет, а хочет ему у креста положит». В ст. [36](46) «человек», у которого обнаружено краденое, должен «правда дать на том, что чисто будет на торгу купил». В ст. [42](51) правду дает государь, ищущий на изорнике покругу. В ст. [46](55) «правда дать» должен тот, кто владеет отморшиной отца своего, если он не найдет свидетелей. По ст. [47](56) в аналогичном положении оказывается купивший на торгу краденую вещь. Согласно ст. [92](95), «правда дать» должен один из братьев-совладельцев, подозреваемый в нечестном распоряжении общим имуществом. В ст. [101](104) правду дают кредиторы, не имеющие записей на свои ссуды. По ст. [103](106) «правда дати на своей части» должен ответчик в споре с сябрами о земле. Он может предоставить это противной стороне, тогда «целованью быть одному, а поцелует во всех сябров, — ино ему и судница дать. . .».

К каким же выводам можно прийти на основании статей, в которых фигурирует термин «правда дать»? К правде приводятся самые разные лица и в самых разных случаях: владелец земли по старым грамотам и закупен, подозреваемый в краже человек и государь изорника, наследник отцовского имущества и кредитор-заимодавец, вышедший из доверия брат-совладелец и сябр — член сельской общины. Приведение к правде есть один из основных и самых распространенных процессуальных институтов псковского права. К правде по общему порядку приводятся в нужных случаях вообще все свободные люди. Никакой особой санкции государственной власти для этого не требуется. Таков первый вывод из статей о приведении к правде. Правда дать — значит поцеловать крест (присягнуть) в своей правоте. Этот акт считается достаточным судебным доказательством во всех приведенных случаях. К правде приводится одна из тяжущихся сторон, чаще всего ответчик, который таким образом очищает себя от обвинений. В некоторых случаях альтернативой правды является судебный поединок — поле. Вся эта судебная процедура мыслима только при юридическом равноправии сторон, что и имеет место во всех вышечисленных статьях.¹⁴¹ Таков второй и главный вывод из статей о приведении к правде.

¹⁴¹ Совсем иначе ставится вопрос о присяге в законодательстве второй половины XVI в., отражающем другой этап развития феодальных отношений.

Но отсюда с необходимостью следует, что изорянк ст. [33](42) есть лицо, юридически равноправное с государем, лицо, выступающее на суде в силу общего права как полноправная тяжущаяся сторона. Следовательно, платежи, предусматриваемые законом об отроке, хотя и отражают состояние поземельной зависимости изоряника от государя, взыскиваются тем не менее не в сенъериальном, а в общем порядке. Поземельная зависимость изоряника не приводит к утрате им гражданских прав. Другая сторона того же явления: пребывание изоряника на селе у государя не ведет к установлению особых прав последнего на личность и имущество изоряника. Собственник села — государь — не перерастает в сенъера. Ст. [33] и связанные с ней тексты не позволяют присоединиться к концепции П. А. Аргунова и И. И. Полосина о наличии развитой сенъериальной (феодальной) зависимости изоряника от государя и о сенъериальной юрисдикции последнего, а также к мнению И. Д. Мартысевича о судебной зависимости изоряника от феодала: «Половники подлежали не общегосударственному суду, как смерды, а суду своих феодалов».¹⁴² В противоположность этому текст памятника вполне подтверждает высказанное Б. Б. Кафенгаузом положение, что «землевладелец. . . не имеет по отношению к изоряникам права вотчинного суда. Государь при своих претензиях к изорянику должен обращаться к суду князя и посадника. . .».¹⁴³ Первый из двух основных сюжетов статей об изорянике — закон об отроке — построен на той презумпции, что изоряник — человек, сохраняющий гражданские права, не ущемляемые поземельной властью государя.

Как мы видели, поземельная зависимость изоряника зачастую переплетается и осложняется его зависимостью по покруте. Как же отражается эта зависимость на правах изоряника и на правах государя по отношению к нему? Ст. [35](44), устанавливая право государя требовать покруту при отроке, указывает на процедуру этого взыскания: «. . . Государю. . . волно и взакличь своеи покруты и сочить. . .». По распространенному мнению, иск взакличь означает упрощенное судопроизводство, основанное на устном публичном заявлении истца, без предъявления письменных документов. Однако реальное значение такого иска расценивается в литературе по-разному. Многие авторы (Б. Н. Чичерин, М. Ф. Владимирский-Буданов, В. О. Ключевский, П. Е. Михай-

Например, в указе от 22 августа 1556 г. сказано: «А пошлетца ищя или ответчик на суде на боярина, или на дьяка, или на приказнова человека, кому мочно верити, посмотри по делу, — и тое правды не отставивати, как скажут, по тому и вершити без поля и без целованья» (ПРП, IV, с. 365). Здесь нет и следа прежнего равноправия на суде. Уже Судебник 1550 г. в ст. 58 приравнивает показания 10—15 детей боярских к голосам 15—20 «добрых крестьян» (Судебники, с. 159), тогда как Судебник 1497 г. в ст. 12—13 еще исходит из равноценности голосов (там же, с. 20).

¹⁴² Мартысевич И. Д. ПСГ, с. 53.

¹⁴³ Кафенгауз Б. Б. Псковские «изоряники», с. 31.

лов, И. Д. Мартысевич, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин) видят в иске взакличь просто словесное объявление на торгу или публичное оглашение своих претензий и воздерживаются от дальнейшего анализа этого явления.

И. Е. Энгельман понимал иск взакличь как «объявление своих долговых требований. . . на торгу перед собравшимся народом, которому известны взаимные отношения господина имущества и человека, взявшего его в содержание», и видел в нем остаток «древнейшего суда общины, выразившегося во времена Русской Правды еще в известном суде 12 мужей».¹⁴⁴ По мнению М. М. Богословского, иск взакличь возможен «в деревне, при простых деревенских отношениях», где «соседи. . . знают хорошо все отношения своей среды, знают, кто кому и сколько должен. . .».¹⁴⁵ И. Д. Беляев видел в иске взакличь апелляцию не к людям вообще, а именно к той общине, к которой принадлежит крестьянин; эта община и является здесь «как бы посредником между господином и крестьянином».¹⁴⁶ К такому мнению близок и И. И. Полосин: «„Мир“ является как бы контролером и свидетелем в вопросе о покруте и подмоге (иск «взакличь»)».¹⁴⁷

С совершенно иных позиций подошли к иску взакличь П. И. Беляев и П. А. Аргунов. Первый из них связывает закличь с полицейско-упрощенным производством при взыскании с изорника ссуды и сопоставляет ее с закличью Русской Правды при поимке холопов и виндикации движимости.¹⁴⁸ Под пером П. А. Аргунова эта точка зрения получила дальнейшее развитие. «После отрока. . . государь волен прибегнуть к старинной строгой форме взыскания долга „взакличь“. Это — оглашение своей претензии перед общиной, вервью или на торгу, своеобразная явка, делающая излишними другие формальности». Иск взакличь — бесспорное взыскание, идущее в упрощенном порядке, минуя обращение к сторонним людям или к присяге. Смысл этого иска для государя в том, что такой иск открывает возможность непосредственного перехода к принудительным мерам взыскания по отношению к изорнику.¹⁴⁹ Таким образом, если И. Д. Беляев и И. И. Полосин видят в иске взакличь своего рода посредничество общины, патронат ее над изорником и контроль ее над отношениями между ним и государем, то П. И. Беляев и П. А. Аргунов рассматривают эту форму иска как проявление особых привилегий сеньера-государя.¹⁵⁰

¹⁴⁴ Энгельман И. Систематическое изложение. . . , с. 58.

¹⁴⁵ Богословский М. М. Крестьянская аренда. . . , с. 33.

¹⁴⁶ Беляев И. Крестьяне на Руси, с. 28.

¹⁴⁷ Полосин, с. 78.

¹⁴⁸ Беляев П. И. Древнерусская сеньера. . . — ЖМЮ, 1916, октябрь, с. 141.

¹⁴⁹ Аргунов П. А. Крестьянин и земледелец. . . , с. 28.

¹⁵⁰ На аналогичных позициях стоит И. Д. Мартысевич: по его мнению, Грамота давала «помещику право. . . прибегать к „закличью“, по которому не требовалось представления документов» (Мартысевич И. Д., ПСГ, с. 87).

Что же говорит об иске взакличь сама ПСГ? Термин «взакличь» упоминается в нашем источнике дважды: в ст. [29](39) и в разбираемом случае. По ст. [29] «взакличь сочит своего наима» мастер, плотник или наймит «на государех». Если в разбираемой нами ст. [35](44) инициатива иска взакличь принадлежит государю, то в ст. [29], напротив, он сам подвергается такому иску со стороны наймита. Отсюда вытекает, что иск взакличь, вопреки П. И. Беляеву и П. А. Аргунову, нельзя рассматривать как монопольное право государя, отражающее его привилегированное положение. Как же происходит суд при иске взакличь? Ответ на этот вопрос дает, как мне представляется, ст. [42](51). Ст. [35] исходит из того факта, что изорник сам платить покруту не хочет — ее надо на нем «сочить». Именно этот факт и положен в основу ст. [42]. Она начинается с того, чем кончается ст. [35], показывая, что именно происходит после заклича — публичного объявления об иске. Ст. [42] фактически раскрывает процесс сочения покруты взакличь — государем выставляются «люди сторонние», которые и дают показания по существу дела. Необходимость и важность выставления этих людей особо подчеркиваются их повторным упоминанием — в негативном смысле: невыставление государем людей равносильно для него проигрышу процесса («А толко государь не поставит людеи. . . покруты своя не доискался»). Только после показания сторонних людей наступает второй этап процесса: государь получает возможность дать правду. Таким образом, иск взакличь, провозглашаемый ст. [35] и [29], есть иск с обязательным выставлением сторонних людей в качестве существенно важного элемента процесса.

Кто же такие эти сторонние люди? В отличие от послухов они «просто средство узнать фактическую истину. Они могут не интересоваться исходом процесса, они не заручались ни предварительной связью со сторонами. . . ни клятвой».¹⁵¹ Этот институт хорошо известен средневековому праву. В наших сторонних людях можно видеть аналогию германским «свидетелям общины» («Gemeindezeugen»).¹⁵² Они отличаются от послухов (Zeugen), выставляемых сторонами и приводимых к присяге. Германскому праву известны и соседи, явившиеся на клич о помощи (Schreitmannen).¹⁵² Обычай выставлять сторонних людей уходит своими корнями в глубокое прошлое. Он основан на взаимной осведомленности соседей, жителей одной и той же округи о делах друг друга. Как и соседи-старожильцы актов Северо-Восточной Руси XV в., соседи ст. [6](9) ПСГ заинтересованы в делах друг друга не лично и непосредственно, а как члены одного и того же мира, связанного многими общими хозяйственными и нехозяйственными интересами, заинтересованы в сохранении порядка и справедливости, а следо-

¹⁵¹ Д ю в е р н у а Н. Источники права. . . , с. 195.

¹⁵² B r u n n e r Н. Deutsche Rechtsgeschichte, Bd. II. Leipzig, 1892, S. 393, 399.

вательно, мира и спокойствия. Это — общерусский институт, отражающий определенный этап в развитии права как функции общественных отношений, институт, иллюстрирующий определенный уровень развития феодального общества. Местные политические условия и другие конкретные особенности тех или иных княжеств и земель могли коснуться только отдельных деталей, но не самого существа и характера общерусского процесса развития феодальных отношений. Если это так, то материалы актов XV в. позволяют составить хотя бы общее представление о том, как шел процесс с участием сторонних людей и по ПСГ. Во-первых, сторонние люди ст. [42] и аналогичных статей являются сторонними в том смысле, что они не связаны непосредственными личными интересами ни с государем, ни с изорником — самостоятельны по отношению к обоим тяжущимся сторонам. Нет оснований противопоставлять сторонних людей ст. [42] «окольным» других статей и тем более видеть в них «инструментированных феодалом» агентов последнего, как это делает И. И. Полосин.¹⁵³ Во-вторых, сторонние люди должны пользоваться достаточным авторитетом, чтобы суд мог безоговорочно верить их показаниям. В-третьих, наконец, они должны знать существо дела настолько хорошо, чтобы их показания имели для суда фактическую ценность. Сторонние люди ст. [42] должны знать, на каких условиях («как чисто») сидел изорник на селе у государя, брал или не брал покруту и не выплатил ли ее уже; эти люди должны быть осведомлены и о содержании договора изорника с государем, и о фактическом выполнении этого договора. Следовательно, это далеко не случайные люди, а по крайней мере такие, на глазах у которых развертываются все перипетии сидения изорника на селе у государя.¹⁵⁴ ПСГ определяет и количество этих сторонних людей. Закон подчеркивает, что их должно быть именно 4—5 — своего рода коллегия. Ст. [42] в этом отношении не одинока — такое же количество людей требуется в ст. [6], [18], [46], [47]. В назначении определенного числа людей — особенность ПСГ по сравнению с Пространной Правдой и с судебной практикой XV в. в Северо-Восточной Руси.

Какое место в судебном процессе занимают показания этих людей? В споре «о земли о полнеи, или о воде» в ст. [6](9) «суседи став», должны сказать, «как право... что чисто» (ответчик), чем и исчерпывается процесс: ответчик освобождается от присяги, а истец проигрывает дело. В споре об отморшине по ст. [46](55), если «суседом будет ведомо, или сторонним людем» и если они,

¹⁵³ Полосин, с. 82.

¹⁵⁴ По мнению В. Г. Демченко, в связи с требованием знания факта, о котором идет речь, «находится требование ссылки на соседей для удостоверения таких обстоятельств, знание которых предполагало в свидетеле соседство по жительству со стороною, приведившего его» (Демченко В. Историческое исследование о показаниях свидетелей, как доказательстве по судебным делам по русскому праву до Петра Великого. Киев, 1859, с. 57).

«став человек 4 или 5, а молвят как право. . . что чисто у него. . .», ответчик также освобождается от присяги и процесс заканчивается. В ст. [47](56) в споре о купле на торгу, если «людем будет добрым ведомо» и «имаются человек 4 или 5, скажут, како право. . .», ответчик также выигрывает процесс, «и целованья ему нет». Хотя в одном случае требуются соседи, в другом — соседи или сторонние люди, в третьем — просто добрые люди, тем не менее во всех этих случаях перед нами один и тот же правовой институт. Судебный процесс безоговорочно решается показаниями этих людей: от ответчика не требуется никаких других доказательств. Люди ручаются за правоту ответчика, гарантируют его право. При этом от них не требуется присяги — суд верит им на слово: сам факт выступления коллегии людей рассматривается как достаточное доказательство.¹⁵⁵

Такой характер процесса предполагает наличие достаточно длительных стабильных связей между людьми и ответчиком: Подобные связи реально существуют прежде всего в рамках мир-общины, к которой принадлежат и ответчик, и люди. Наиболее вероятная социальная база и среда для процесса с участием людей — территориальная община, мир, в рамках которой и разворачивается деятельность участников процесса. Коллегия людей, выступающая в качестве арбитра в делах о земле, о наследстве, о купле на торгу (фактически — о добром имени истца, подозреваемого в краже), отражает роль и значение общины-мира, ее участие в судьбах ее членов, ее авторитет в судебных делах.

Такие же черты общинных связей наблюдаются и в разбираемой нами статье о взыскании покруты с запирающегося изорника. У государя нет никаких доказательств, что изорник должен ему покруту — ни записи, ни доски, ни заклада. Ст. [35](44) разрешает ему искать свою покруту взакличь (как и наймит в ст. [29](39) ищет взакличь найма на государе, тоже не имея никаких доказательств на руках). Суть в том, что должны обязательно найтись 4—5 человек знающих сторонних людей. Если изорник брал покруту, они не могут не знать этого. Если такие люди не найдутся, государя даже не допускают до целования — он уже проиграл процесс. Как может быть, что никто не знает, «как чисто» сидел изорник, брал он покруту или нет? Раз никто не знает, значит — не брал.

Такое отношение к показаниям сторонних людей возможно только в относительно небольшом мире, где все хорошо знают друг друга и важнейшие события в жизни одного происходят на виду у всех. Такое отношение к показаниям людей возможно, далее, если тяжущиеся стороны стоят на одной социальной ступени, а не на качественно разных. Истец-государь ст. [35] и [42] и ответчик-государь ст. [29] — такой же человек, такой же член

¹⁵⁵ «Показания свидетелей давались без формальной присяги», — справедливо отмечает И. Е. Энгельман (Систематическое изложение. . ., с. 130).

мира, как те люди, к участию которых он взывает и которые ставятся на суд. Едва ли боярин или игумен крупного монастыря будет нуждаться в показаниях соседей для подтверждения своей правоты в споре с крестьянином, живущим у него в селе.¹⁵⁶ Сама постановка такого вопроса противоречит одному из основных принципов феодального иммунитета, в силу которого феодал сам является судьей для своих людей, во всяком случае по всем гражданским искам. Трудно представить себе, чтобы подобный судья-земледелец не мог без посторонней помощи удовлетворить собственный иск к своему крестьянину. Следовательно, не боярское или монастырское село, огражденное от мира стеной феодальных привилегий, а село — деревенька мелкого своеземца, всеми корнями связанного с этим миром, — вот наиболее вероятное и типичное место действия ст. [35] и [42].¹⁵⁷ В этом смысле они близки к ст. [6](9), [46] и [47].

Но если показания людей в этих трех статьях исчерпывают процесс и в последних двух статьях истец должен «правда дать» только при отсутствии таких показаний, то в ст. [42] присяга государя — обязательный второй этап процесса. Показания же людей хотя еще и необходимы, но уже недостаточны для позитивного решения дела, связанного с покрутой: требуется еще и личная присяга государя. Иск о покруте для истца-государя формально более труден, чем иск о земле или о наследстве. Кроме обычных старинных отношений, вполне контролируемых соседями, сторонними людьми, миром, тут еще и новые отношения — отношения по ссуде. Это такая сфера отношений, в которой ПСГ не признает авторитета добрых людей. Ст. [21](30) прямо запрещает иск по займам свыше рубля без заклада и без записи, ст. [24](33) запрещает в этих делах и поруку. В отличие от них ст. [35] и [42] не ограничивают размера покруты и не требуют обязательной записи или заклада. Они допускают иск на основании устного соглашения с изорником, но под контролем мира, с обязательным точным указанием состава покруты («сочить... по имени» в ст. [35]) и с присягой государя в качестве последнего судебного доказательства. Покрута — не обычная ссуда, давае-

¹⁵⁶ Вспомним хотя бы тех псковских, ржевских и лудских помещиков, на практику которых ссылается П. А. Аргунов. Эти дети боярские «хрестьян... мучат, и грабят, и в железа куют, и пожилое... емлют... рублей по пяти и по десяти» (ПРП, IV, с. 111). Самоуправство и беззаконие помещиков возможны в такой форме только на фоне фактического бесправия крестьян. Беззаконие здесь заключается в нарушении норм крестьянского отказа, установленных Судебниками. Но ни в этих нормах, ни в цитируемом челобитье и слова нет о каком-либо суде между феодалом и крестьянином, живущим у него в селе.

¹⁵⁷ ПСГ «имеет здесь в виду, вероятно, таких мелких землевладельцев, владельцев небольших имений с одним, двумя крестьянскими дворами в 1, 1½ обжи, какие встречаются в Новгородских псковых книгах конца XV в.» (Богословский и М. М. К вопросу об отношении крестьянина к землевладельцу... , с. 50—51).

мая постороннему человеку. Это — ссуда изорнику, сидящему на селе государя. Отсюда и участие мира, отсюда и отсутствие заклада (он не нужен при таких отношениях), отсюда и присяга государя, подготовленная предварительно свидетелем мира. Покрута — это ссуда, даваемая как бы «в своем миру». Отсюда и особый порядок ее взыскания.¹⁵⁸

Если ст. [35] и [42] имеют дело с законным, легальным отроком, то ст. [69](76) рисует совершенно иную ситуацию. Перед нами беглый изорник. Что такое бегство изорника? Как мы видели выше, легальный уход изорника возможен только в определенное время и в определенных условиях — при полном расчете с государем и выплате ему покруты. Несоблюдение изорником закона об отроке — уход его не в срок или без расчета с государем — это, очевидно, и есть бегство изорника. В этом случае изорник выступает как нарушитель закона и существенных прав государя. Сам по себе этот факт должен, по логике вещей, поставить изорника в чрезвычайно невыгодное для него положение по отношению к государю. Хорошо известно, что бегство закупа Русской Правды и челядина-наймита Правосудия Митрополичья приводило к потере ими социального статуса и превращению их в обельных холопов. Что же происходит в нашем случае?

В литературе ситуация, возникающая при бегстве изорника, расценивается весьма по-разному. Большинство историков XIX — начала XX в. видят в постановлениях ст. [69](76) ограничение прав государя на личность и имущество изорника и противопоставляют последнего бесправному закупу (Б. Н. Чичерин, В. О. Ключевский, Н. Л. Дювернуа, В. И. Сергеевич, П. Е. Михайлов и др.). И. Д. Беляев особенно подчеркивает, что «закон не только признает за крестьянином собственность, но и охраняет ее. . . господин может продать крестьянское имение не иначе, как перед приставом. . . и перед губскими старостами и сторонними людьми».¹⁵⁹

С совершенно иных позиций подошел к этой статье П. А. Аргунов. Он увидел в ней признание за государем, во-первых, права «на взыскание покруты», во-вторых, права «немедленно захватить оставленное изорником имущество для погашения долга по покруте». Следует отметить, что такая трактовка не совсем ясна. Если понимать ее в буквальном смысле, то получается, что реализация государем двух прав, гарантированных ему ст. [69](76), ведет к двум юридическим действиям — к взысканию покруты и к немедленному захвату имущества изорника. Однако подобное понимание противоречило бы не только здравому смыслу, но и самому тексту статьи, которая говорит именно о взыскании покруты

¹⁵⁸ М. М. Богословский верно подметил, что «словесная сделка о покруте допускалась. . . при простых деревенских отношениях. . . при известности деревенскому миру всего в его среде происходящего» (там же, с. 38).

¹⁵⁹ Б е л я е в И. Крестьяне на Руси, с. 23.

из имущества изорника, следовательно, не о двух правах государя, а только об одном его праве, праве взыскания покруты, причем вовсе не устанавливает это само собой разумеющееся право, а только определяет процедуру самого взыскания. Противопоставляя ст. 76 ст. 51, П. А. Аргунов далее утверждает: «. . . Государь в случае бегства изорника объявляет себя кредитором бежавшего, сам определяет сумму претензии, сам признает собственную претензию подлежащей удовлетворению и затем руководит приведением в исполнение собственного решения по своему иску. . . Право самому определять правильность и размеры своей претензии до такой степени полно и бесспорно у государя, что он не подлежит ни контролю, ни взысканию. . .».¹⁶⁰

Полемизируя с Аргуновым, М. М. Богословский рассматривает ст. 76 как одну из статей, свидетельствующих об отсутствии сенъеральных прав у государя, и подчеркивает значение мира, проявляющееся в статье: «Размеры (долга, — Ю. А.). . . конечно, хорошо известны тому деревенскому миру, откуда бежал изорник».¹⁶¹ Б. Б. Кафенгауз также считает, что «хозяин может вознаграждать себя за счет имущества изорника только при соблюдении определенных условий», одним из которых является присутствие сторонних людей. Как и М. М. Богословский, он видит в ст. 76 один из признаков отсутствия вотчинной юрисдикции.¹⁶²

И. И. Полосин в трактовке ст. 76 подошел весьма близко к П. А. Аргунову. «Статья 76 разрешает государю-феодалу при взыскании подмоги с изорника захватить в его отсутствие его имущество и продать его в обеспечение иска. . . (о «сотских», о «суседах» нет и упоминания). . . Имущество изорника объявляется имуществом феодала». В постановлении статьи И. И. Полосин видит повод для общей сентенции: «Крепостное право оформлялось во Пскове, как и повсюду в средневековой России».¹⁶³ Л. В. Черешнин также считает, что при бегстве изорника имущество его переходит к государю. Он делает далее интересную попытку сопоставить положение изорника с положением других категорий зависимого сельского населения, находя аналогию персонажу ст. 76 в «беглеце» княжеских договорных грамот.¹⁶⁴ А. А. Зимин в своем кратком комментарии отмечает, что хотя статья отражает «интересы псковского боярства», однако продажа имущества изорника поставлена «под контроль судебно-исполнительных органов власти». А. А. Зимин противопоставляет бегство за рубеж побегу в пределах Псковской земли и считает, что «в слу-

¹⁶⁰ А р г у н о в П. А. Крестьянин и землевладелец. . . , с. 32, 33.

¹⁶¹ Б о г о с л о в с к и й М. М. К вопросу об отношении крестьянина к землевладельцу. . . , с. 48.

¹⁶² К а ф е н г а у з Б. Б. Псковские «изорники», с. 30.

¹⁶³ П о л о с и н, с. 90, 91.

¹⁶⁴ Ч е р е ш н и н Л. В. Из истории русского крестьянства [XV в., с. 121—123.

чае обнаружения изорника где-либо во Пскове его могли вернуть на землю господина).¹⁶⁵

Что же говорит о данной ситуации сама ПСГ? Представляя собой палеографически, логически и грамматически единое целое, ст. [69] распадается на две основные части. Часть первая — от начала статьи до слов «поймати за свою покруту» включительно — определяет содержание действий государя по взысканию покруты с живота бежавшего изорника.¹⁶⁶ Эти действия довольно сложны. При бегстве изорника государь обращается прежде всего к князю и посаднику, чтобы «взять пристав». Но санкции государственной власти еще не достаточно. Государь должен обязательно обратиться к местным властям, старостам губским, дабы позвать их в село; и, наконец, к уже известным нам сторонним людям, которые также приглашаются в село. В присутствии всех этих лиц производится оценка «живота изорничя», оставленного им при бегстве на селе, и только после этого происходит удовлетворение имущественных претензий государя по покруте. Государь не может просто присвоить себе живот изорнич целиком или хотя бы частично (по своей собственной оценке) для взыскания покруты. Вместо этого он должен проделать сложную и, надо полагать, не дешевую процедуру. Текст ст. [69](76) не дает, следовательно, возможности присоединиться к П. А. Аргунову ни в противопоставлении этой статьи ст. [42](51), ни в оценке самого процесса взимания покруты. Государь и здесь, как и в ст. [35] и [42], действует отнюдь не самовластно и в присутствии не только представителей государственной власти, но и людей — тех же самых, которые выступают в этих статьях. Они и служат гарантами правильности претензии государя к имуществу изорника. Созданный П. А. Аргуновым образ автократичного государя, единолично решающего все вопросы, связанные с имуществом изорника, оказывается довольно далеким от государя ст. [69](76), действующего именно под контролем представителей и государства, и мира. Нельзя согласиться и с И. И. Полосиным, противопоставляющим людей ст. 76 «сотским» и «суседам» других статей: для такого противопоставления нет оснований. Как мы видели, сторонние люди представляют собой институт, хотя и выступающий под разными наименованиями, но в сущности однозначный. Процедура, описанная в первой части ст. [69], это не «захват» имущества изорника феодалом (как считают П. А. Аргунов и И. И. Полосин) и не автоматический переход этого имущества к государю (как думает Л. В. Черешнин). Это — правовое действие, имеющее целью не наказание изорника, а только возврат государю его имущества.

¹⁶⁵ Зимин, ПСГ, с. 365.

¹⁶⁶ «А которой изорник с села збежит за рубеж или инде где, а изорничь живот на сели останется государю покрута имать на изорники, — ино государю у князя и у посадника взять пристав, да и старость губьских позвати и сторонних людей, да тот живот изорнич пред приставы и пред сторонними людьми государю попродади да и поймати за свою покруту».

Хотя государь как кредитор удовлетворяется за счет живота изорничка в обязательном порядке, ст. [69] не противоречит другим статьям об изорнике и свидетельствует о «закабалении» изорника и об оформлении «крепостного права» (И. И. Полосин) не более и не менее, чем любая из них. На мой взгляд, наиболее верно определили сущность этой статьи в советской литературе М. М. Богословский и Б. Б. Кафенгауз, а в дореволюционной — И. Д. Беляев. Именно этим исследователям удалось показать и ограниченность власти государя над изорником, обнажаемую ст. [69](76), и роль мира в ситуации, созданной бегством изорника.

Если первая часть ст. [69] посвящена вопросам, непосредственно связанным с побегом изорника, то ее вторая часть — от слов «а чего не достанет» и до конца — рисует картину, создающуюся после его эвентуального возвращения.¹⁶⁷ Основной момент этой второй части — возможность для государя «искать остатка своего покруты» при отрицании за изорником права ответного иска к государю. Вторая часть статьи является непосредственным продолжением первой; она исходит из того, что процедура, предусмотренная в первой части статьи, проделана. Вместе с тем вторая часть рассматривает особый случай, могущий возникнуть при реализации постановления первой части: живот изорнич оценен и «пойман» за покруту, но имущественные претензии государя удовлетворены не полностью. Продолжая основную мысль первой части статьи об обязательном удовлетворении государя, вторая часть устанавливает для него право дополнительного иска к изорнику. Вероятно, П. Е. Михайлов прав, видя в этом случае необходимость вчинения нового иска,¹⁶⁸ а не просто автоматического взыскания из живота. Для нас, однако, интересна не только юридическая, но и бытовая сторона рисуемого в статье явления. Изорник вовсе не обязательно бежит навсегда за тридевять земель.¹⁶⁹ Вполне возможно, что он вернется и предъявит иск к государю о своем животе. Вот в предвидении этого случая и проделывается процедура, указанная в первой части статьи. Цель ее, во-первых, обезопасить государя от иска со стороны изорника, и, во-вторых, сохранить за ним право иска к изорнику на недостающую часть покруты. Обе эти возможности обеспечиваются арбитражем сторонних людей и санкцией государственной власти. П. А. Аргунов считает, что причина отказа изорнику в иске на государя — его возвращение «в сферу сеньерьяльных отношений, при которых государь является судьей своих расчетов с подвластным ему насе-

¹⁶⁷ «А чего не достанет, а по том времени явится изорник, — ино государю добровольно искать остатка своего покруты, а государю пенн нет. А изорнику на государи живота не сочит, а сочит исковским. . .».

¹⁶⁸ М и х а й л о в П. Е. Юридическая природа землепользования. . ., с. 116.

¹⁶⁹ Едва ли в этом случае прав А. А. Зимин, противопоставляющий бегство «за рубеж» бегству в пределах Псковской земли: статья рассматривает бегство за рубеж только как один из вариантов ситуации «или инде где».

лением, и никто из его подданных никакого иска к нему предъявить не вправе». ¹⁷⁰ С этим, однако, согласиться довольно трудно. Если подобная сеньериальная власть действительно имеется в виду в статье, зачем тогда, во-первых, специально запрещать иск изорника? По П. А. Аргунову, это должно подразумеваться само собой. Во-вторых, зачем особо оговаривать право государя на иск к изорнику по поводу недостающей части покрупты? Государь-сеньер, судья «своих расчетов с подвластным ему населением», едва ли нуждается в таком разрешении. Таким образом, государь, по смыслу ст. [69], не имеет никаких особых (сеньериальных) прав ни на личность изорника, ни на его живот. Даже в самом компрометирующем изорника случае государь ничего не может сделать с его имуществом без санкции публичной власти и без участия сторонних людей.

Другая существенно важная черта ст. [69] в том, что она не содержит никаких намеков на санкции в отношении бежавшего изорника. В этом — принципиальное отличие положения изорника от закупа Пространной Правды и челядина-наймита Правосудия Митрополичья. Если бегство последних от господина ведет к установлению для них пониженного социального статуса — полного (обельного) холопства, то побег изорника сам по себе не меняет его общественного положения. В этом смысле изорник ближе к крестьянину и посадскому XVI—XVII вв., чем к закупу и челядину-наймиту XII—XIV вв. Однако если изорник отличается от закупа более устойчивым социальным статусом, то от крепостного крестьянина он не в меньшей мере отличается тем, что закон не предполагает никаких мер для поисков и поимки беглеца. Напротив того, закон исходит из презумпции, что изорник может вернуться сам. В. И. Сергеевич объяснял это тем, что изорник «мог явиться уже после того, как прошел Юрьев день (Филиппово заговенье, — Ю. А.). . . Предписывая. . . продажу всех движимостей. . . т. е. крестьянского инвентаря, статья и не предполагает даже возвращения его к прежней деятельности, по крайней мере, в прежних условиях». ¹⁷¹ Мне кажется, что В. И. Сергеевич прав. Во всяком случае его комментарий не противоречит ни тексту ст. [69], ни общему смыслу других статей об изорнике.

Л. В. Черепнин считает, что «Псковская Судная грамота проводит такой же взгляд на беглого крестьянина как на нарушителя феодального права собственности (ибо хозяйство крестьянина ведется на земле феодала при его «подмоге»), какой выражен и в других юридических памятниках того времени». ¹⁷² В частности, он имеет в виду княжеские докончания о выдаче татя и беглеца

¹⁷⁰ А р г у н о в П. А. Крестьянин и землевладелец. . . , с. 33.

¹⁷¹ С е р г е е в и ч В. Древности русского права, т. I, с. 276.

¹⁷² Ч е р е п н и н Л. В. Из истории русского крестьянства XV в., с. 121—122.

по исправе.¹⁷³ Представляется, однако, что ст. [69] исходит из принципиально других установок, чем памятники, имеющие дело с феодально-зависимым крестьянином в боярской и монастырской вотчине. Если конечной целью действий, предпринимаемых феодалом XVI—XVII вв. при бегстве крестьянина из его вотчины, является водворение беглеца на прежнее место жительства и возобновление прежних хозяйственных отношений, что и провозглашается в соответствующих правовых актах, то государь ПСГ к этому вовсе не стремится. Судя по ст. [69], он хочет только не оказаться в убытке и вернуть себе не выплаченную беглецом покруту. Именно в этом, и только в этом стремлении его поддерживает закон. Правовое положение изорника по отношению к своему государю и его место в псковском обществе и в хозяйстве этого государя заметно отличаются от статуса зависимого крестьянина, живущего в вотчине боярина или монастыря и всецело подчиненного юрисдикции феодала. Устойчивость статуса изорника следует понимать только в том смысле, что этот статус не понижается при его бегстве. Бегство изорника не приводит к потере им прав свободного человека. Возвращение его не означает автоматического возобновления прежних отношений с государем. Именно из этого исходит закон, устанавливая право государя получить с изорника недостающую покруту, окончательно рассчитаться с ним. В этом существенное отличие изорника от боярского или монастырского крестьянина, известного по многим памятникам XV—XVI вв., и тем более от крепостного крестьянина XVII в. Поземельная зависимость изорника оказывается качественно менее прочной, чем зависимость такого крестьянина.

Если ст. [69] говорит о нелегальном разрыве изорником своих отношений с государем, то ст. [78](84) имеет в виду наиболее естественный конец состояния изорничества — смерть изорника.¹⁷⁴ В литературе эта статья обычно рассматривается как непосредственное продолжение ст. [69], с которой она связана словом «также». Только И. И. Полосин относит эти статьи к двум разным редакциям, видя в ст. 84 дальнейшую по времени разработку сюжетов ст. 76: «Растет крепостное право феодала на имущество изорника. Растет внеэкономическое принуждение».¹⁷⁵ П. А. Аргунов считает, что ст. 84, отражая умаленную правоспособность изорника и сенъериальную власть государя, «намекает на какие-то права государя на выморочное наследство изорника и даже не на выморочное, а только временно оставшееся без наследников».¹⁷⁶ А. А. Зимин идет еще дальше и связывает ст. 84 с нормами Про-

¹⁷³ Например: ДДГ, № 70, с. 234.

¹⁷⁴ «А которой изорник поумреть у государя на сели, а не будет у него ни жены, ни детей, ни брата, ни племени, — ино государю тако же живот изорнич с приставами, и сторонними людьми попродавать, да за свою покруту поимати; а по тому племени изорниччи, ни брату не сочит живота изорничча».

¹⁷⁵ Полосин, с. 94

¹⁷⁶ А р г у н о в П. А. Крестьянин и землевладелец. . . , с. 34.

странной Правды о выморочном наследии смерда.¹⁷⁷ Еще более категорически высказывается И. Д. Мартысевич: «Родственники умершего не имели прав на наследство».¹⁷⁸ В противоположность этим исследователям И. Д. Беляев подчеркивает, что государь мог взыскать покругу с имущества умершего изорника только в узаконенном порядке,¹⁷⁹ а М. М. Богословский видит в ст. 84 одно из доказательств отсутствия сепаральных отношений.¹⁸⁰

Обращаясь к тексту памятника, обнаруживаем, что ст. [78](84) в своей основной части совершенно отчетливо исходит из того положения, что у умершего на селе изорника наследников нет. Только в этом случае необходима и возможна процедура, уже указанная в ст. [69], на которую наша статья и ссылается, повторяя ее вкратце. Ст. [78] с самого начала подчеркивает, что она имеет дело не с имуществом изорника вообще (как считают П. А. Аргунов и И. И. Полосин, а в известной мере также Б. Д. Греков¹⁸¹ и А. А. Зимин), а с имуществом только такого изорника, у которого нет налицо наследников. Далее, статья в той же своей первой части точно указывает и на целевое назначение предписываемой ею процедуры — это возвращение государю его покругу. Следовательно, она говорит не о присвоении государем выморочного имущества как такового, а о взыскании покругу с этого ставшего бесхозным имущества. Итак, даже смерть одинокого изорника не только не делает государя полным и безоговорочным собственником выморочного имущества, но и не дает ему права самовольно взыскать данную изорнику покругу. В статье трудно увидеть также разрешение «взять больше, чем следовало по покруге» (П. А. Аргунов). Зачем тогда нужна была бы процедура с приставами и сторонними людьми? Нет в ней и черт растущего по сравнению со ст. 76 «крепостного права феодала на имущество изорника» (И. И. Полосин). И. Д. Беляев и М. М. Богословский гораздо ближе, как мне кажется, подошли к пониманию сущности статьи. Как и ст. [69], наша статья, ставя своей целью удовлетворение претензии государя, не мыслит это удовлетворение без активного участия сторонних людей — тех самых, к которым не раз уже обращался государь в своих спорах с изорником. Близость ст. [78] к ст. [69] проявляется и в их заключительных частях. Появившемуся с запозданием «племяни изорничичи» ст. [78] так же не дает сочить «живота изорничича» на государе, как и вернувшемуся из бегов изорнику ст. [69]. Основание для отказа в таких исках одно и то же: государь уже успел совершить формальный акт продажи

¹⁷⁷ Зимин, ПСГ, с. 367—368.

¹⁷⁸ Мартысевич И. Д., ПСГ, с. 53.

¹⁷⁹ Беляев И. Крестьяне на Руси, с. 24.

¹⁸⁰ Богословский М. М. К вопросу об отношении крестьянина к землевладельцу. . . , с. 50.

¹⁸¹ «В случае смерти изорника его государь . . . имеет право продать имущество изорника и таким путем вернуть покругу. . . » (Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. . . , кн. 1, с. 457).

живота и поимания покруги, а приставы и сторонние люди засвидетельствовали законность и правильность этого акта.¹⁸² Как и в ст. [69], все действия государя по отношению к бесхозному изорничью животу могут осуществляться только при посредничестве и под контролем сторонних людей — гарантов его отношений с изорником.

Что же происходит, если наследники изорника налицо? Этой ситуации посвящены ст. [79](85) и [80]—[81](86). По ст. [79] жена и дети изорника, с ним живущие и ведущие с ним одно хозяйство, во всех случаях несут ответственность за его покругу.¹⁸³ По ст. [80] «брат или иное племя» обязаны платить покругу в том случае, если они «за живот поймаются», т. е. предъявят претензии на имущество изорника, захотят вступить в наследство.¹⁸⁴ По мнению И. И. Полосина, ст. 85 свидетельствует, что «нарастание крепостного права шло во Пскове в темпах очень напряженных. Жена и дети не могли отказаться от обязанности уплаты покруги. . .».¹⁸⁵ Близко к этой точке зрения подошел и Л. В. Черепнин: статья связана с процессом закрепощения крестьян. После смерти изорника ответственность за его долги переходит на его семью.¹⁸⁶ Ответственность жены и детей за выплату покруги подчеркивает и Б. Д. Греков.¹⁸⁷ А. А. Зимин увидел в государе ст. 85 «феодала-ростовщика».¹⁸⁸

Комментируя ст. 86, П. А. Аргунов сосредоточил свое внимание на праве мертвой руки государя (*manus mortua*), проявляющемся, в частности, в том, что «все имущество умершего забирается государем» и наследникам предоставляется право иска лишь по поводу части наследства. Полемизируя с М. М. Богословским о значении слова «татбить», П. А. Аргунов находит «крайне неправдоподобным и несерьезным допускать мысль о возможности процесса, где изорничий родственник обвиняет государя в краже». П. А. Аргунов привлекает далее материалы Пространной Правды (ст. 90) и Устава Ярослава (ст. 54 Основного извода Пространной

¹⁸² Ввиду этого мне кажется довольно беспредметным спор, возникший между П. Е. Михайловым и М. М. Богословским о значении слов «по тому». Оба автора правы: «по тому» означает и причинность (П. Е. Михайлов), и время (М. М. Богословский), которые в данном случае взаимообусловлены, — наследники лишаются права иска, если они явились после публичного акта распродажи и в силу совершения этого акта.

¹⁸³ «А у которого человека, у государя, изорник помреть в записи, в покруги, а жена у него останется и дети не в записи [и]но изорничю жене и детям отклочи нет о[т] государеве покруги, а та им покруга платит по той записи; а будет не в записи был изорник, — ино их судити судом [по] псковской пошлице».

¹⁸⁴ «А будет у [и]зорника брат или иное племя, и за живот поймаются, — ино государю на них и покруги искать; изорничю брату, изорничю племяни государя не татбит ни лукошки, ни кадки. . .».

¹⁸⁵ Полосин, с. 94.

¹⁸⁶ Черепнин и Л. В. Из истории русского крестьянства XV в., с. 123.

¹⁸⁷ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. . ., кн. 1, с. 457.

¹⁸⁸ Зимин, ПСГ, с. 368.

редакции), находя в них аналогию постановлениям ПСГ. Наследство изорника он сопоставляет с «безатчиной» церковных людей Устава,¹⁸⁹ поступающей в распоряжение церковных властей независимо от наличия наследников: «Право сеньера на наследство устраняет всяких на него претендентов по родству или по завещанию». В отличие от этого сурового права мертвой руки в ПСГ «сеньерьяльные права государя уже встречаются с попытками ограничения их государственной властью. Правда, права завещания не имеет изорник, как имеет его по отношению к племяннику согласно ст. 100. . . всякий полноправный гражданин Пскова; но государь уже не вступает в права наследства, если у умершего изорника остаются жена и дети. Даже, когда наследуют умершему боковые, то права государя на наследство подвержены оспариванию в значительной его части (лошадь и корова)».¹⁹⁰ По П. А. Аргунову, изорник — прямой потомок пущенника и изгоя XII в., а от Пространной Правды до ПСГ происходит процесс ослабления сеньерьяльных прав государя. Однако сам автор не приводит достаточных аргументов в пользу своей концепции. Неясно, например, почему изорника нужно сближать именно с бесправными церковными людьми или с владельческими смердами, непонятно, почему государственной власти понадобилось вдруг встать на сторону этого *mainmortable* против его государя. Недостаточная убедительность доводов П. А. Аргунова привела к тому, что его точка зрения не получила поддержки в литературе. М. М. Богословский решительно оспорил тезис о сеньерьяльных правах государя по этой статье, а И. И. Полосин подчеркнул ограниченный характер претензий государя на имущество изорника.¹⁹¹

Для оценки постановлений ст. [79] и [80] с точки зрения объема наследственных прав изорника необходимо поставить основной вопрос: соответствует ли практика наследования и долговой ответственности наследников, отраженная в этих статьях, общепсковским нормам? О взыскании долгов с наследников по закону говорит, как мы уже видели, ст. [12](15). Смысл ее в том, что эти наследники, владеющие животом должника, несут безусловную ответственность за его долги. Все четыре статьи о наследстве изорника исходят именно из этой нормы. Ответственность родичей за покругу как за долг определяется в общей форме уже ст. [12],¹⁹² статьи же [78]—[81] вносят уточнение, исходя из особенностей реального положения изорника в селе государя. Основное из этих уточнений — различный подход к членам семьи

¹⁸⁹ ДКУ, с. 90.

¹⁹⁰ А р г у н о в П. А. Крестьянин и земледелец. . . , с. 38.

¹⁹¹ Б о г о с л о в с к и й М. М. К вопросу об отношении крестьянина к землевладельцу. . . , с. 50; Полосин, с. 94—95.

¹⁹² На это справедливо указывает И. Е. Энгельман: «Обязанность наследников изорника отвечать по всем обязательствам его основывается на общей такой обязанности всех наследников по закону» (Э н г е л ь м а н И. Систематическое изложение. . . , с. 61).

изорника и к его боковым родственникам. Ст. [80] прямо повторяет нормы ст. [12] применительно к боковым родичам. Ответственность их за покругу определяется фактическим владением имуществом изорника. Если эти родственники не окажутся налицо, не захотят или опоздают вступить во владение, они освобождаются от всякой ответственности за долги. Иное дело жена и дети. Они живут вместе с изорником, составляют его семью, ведут одно хозяйство. Они не могут отказаться от отцовского имущества, и на них безусловно переходят обязательства по покруге. Но такое положение молчаливо предполагается и в ст. [12] — едва ли допускается возможность для сына отказаться от живота и тем самым от долгов отца. Само же вступление сына в наследство после отца гарантируется ст. [46](55).

Прослеженные черты ст. [79] и [80] не дают оснований присоединиться ни к точке зрения П. А. Аргунова о наличии права мертвой руки у государя, ни к мнениям о «нарастании крепостного права». Достаточно большие фактические преимущества государя — землевладельца и заимодавца — перед изорником, сидящим у него на селе и взявшим у него покругу, не перерастают, однако, в преимущества юридические, в особый порядок вступления в наследство и распоряжения имуществом изорника.¹⁹³ Живот изорнич является реальной собственностью изорника и его семьи и потенциальной — других его наследников. Отсутствие среди них наследников по завещанию, о которых говорят ст. [9]—[11](14), объясняется, видимо, особым строем взаимоотношений в селе, живущем без письменного акта. Именно с этим животом связаны иски к государю со стороны изорника (ст. [69] и [82]) и его наследников (ст. [78], [80], [81]).

Уверенность изорника (и законодателя) в его праве владения животом простирается до того, что, вернувшись из бегов, он не исключает для себя возможность иска к государю о животе, оставленном им на селе у последнего; наследники изорника, явившиеся после его смерти, вчиняют подобный же иск. Закон исходит из реальной возможности такого иска, но ограничивает его двумя условиями. Первое из них определяет ценность имущества, о котором идет спор. Иск не должен касаться мелких предметов домашнего и хозяйственного обихода (лукошки, кадки); он имеет силу только если речь идет о действительно ценном имуществе, в первую очередь — о скоте (конь, корова).¹⁹⁴ Это постановление ст. [81] чрезвычайно важно для исследователя. Оно раскрывает хозяйственный облик изорника, выступающего в качестве

¹⁹³ На отсутствие каких-либо стеснений в наследовании имущества изорника обратил внимание еще И. Д. Веляев (О наследстве без завещания по древним русским законам до Уложения царя Алексея Михайловича. М., 1858, с. 63—64). Изорник «пользуется общими наследственными правами», — отмечает и Н. Н. Дебольский (Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII века, с. 125).

¹⁹⁴ «...А только будет конь или корова, — ино волно искати у государя».

потенциального собственника тяглого скота, важнейшего и ценнейшего орудия производства. Именно это качество изорника дает ему возможность вести самостоятельное крестьянское хозяйство на земле государя, в конечном счете определяет его основную социально-экономическую характеристику. Поэтому мне представляется, что конь, корова и, очевидно, мелкий скот в животе изорником — не случайность и не исключение, как считает Б. Д. Греков, а, напротив, характерное и распространенное явление, тесно связанное с самой природой и функцией изорника.¹⁹⁵ В связи с этим необходимо вспомнить, что ст. [35](44), говоря о типичном составе покруты, скота не упоминает. Предполагается, следовательно, что изорник обладает этим имуществом и от государя его, как правило, не получает. Живот изорника представляет достаточную ценность и в глазах государя, рассчитывающего покрыть из него свои расходы по покруте, и в глазах самого изорника и его наследников, и, наконец, в глазах властей и сторонних людей. Реальная возможность существования обедневших, несостоятельных крестьян-изорников, отказывающихся вести дальше свое хозяйство (именно их живот может оказаться недостаточным для покрытия покруты по ст. [69]),¹⁹⁶ не меняет существа того основного факта, что в статьях ПСГ изорник предстает не нищим на грани холопства и челядинства, а хозяином, собственником своего живота. Как видим, нет оснований присоединиться к мнению Б. Д. Грекова, что имущество изорника обычно состоит только из лукошек и кадок и что «едва ли даже у него была своя изба».¹⁹⁷ В то же время зависящее положение изорника в селе государя может привести к частичному расхищению его живота, к безнаказанному присвоению государем мелкого домашнего скарба, оставшегося после изорника.

Второе условие, ограничивающее иск о животе, определяется по ст. [69] и [78]: такой иск со стороны изорника и его наследников может быть предъявлен только до официального акта продажи живота государем в присутствии представителей власти и сторонних людей. Этот акт отсекает дальнейшую возможность иска. Но если изорник и его наследники не пропустили время и хлопочут не о пустяках, тогда начинается суд о животе изорником. Как же происходит этот суд? Ответ на этот вопрос содержится в ст. [82](87).¹⁹⁸ В этой статье И. И. Полосин видит только поми-

¹⁹⁵ По справедливому замечанию И. И. Полосина, «феодал» (государь) дает покруту «крестьянину, у которого есть и конь, и корова. Не было смысла кредитовать бедняка» (Полосин, с. 95).

¹⁹⁶ Л. В. Черепнин справедливо отмечает возможность известной имущественной дифференциации среди изорников: среди них «были и безлошадные, и лишенные молочного скота» (Черепнин Л. В. Из истории русского крестьянства XV в., с. 119).

¹⁹⁷ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. . . , кн. 1, с. 458.

¹⁹⁸ «А изорник поимается за живот у государя, и государь изведется тем, за что изорник поимался за свои живот у государя, а сторонним людям ведомо будет и околвым суседом, што государево, — ино изорник не доискался, а государь прав».

нальное сохранение «за изорником права предъявить иск в суд на „государя“ — феодала по поводу захвата им, феодалом, крестьянской движимости». Оспаривая мнение Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева, Полосин считает сторонних людей «агентами феодала» и отличает их от «однообщинников» — «окольных соседей». ¹⁹⁹ По мнению А. А. Зимина, в этой статье «закон последовательно защищал интересы исковских феодалов». ²⁰⁰ Однако большинство исследователей стоит на другой точке зрения. И. Д. Беляев подчеркивает, что «закон, признавая за крестьянином право собственности, допускал судебные иски крестьянина. . . и на господине». ²⁰¹ М. М. Богословский находит, что статья свидетельствует о равноправности изорника и государя «и о равном их значении как сторон на суде». ²⁰² «Закон предоставляет изорнику право возбуждать иск к феодалу о своем имуществе», — отмечает Л. В. Черепнин. ²⁰³

Мне кажется, что текст ст. [82] дает полную возможность присоединиться к мнению этих авторов. Статья не устанавливает права изорника предъявлять иск государю по поводу своего имущества — оно подразумевается само собой, оно вытекает из смысла всех предыдущих статей, — а только определяет, как именно ведется этот процесс. Основной момент суда о животе по иску изорника — показания сторонних людей и окольных соседей. Спор решается в зависимости от того, что «ведомо будет» этим людям. С такой постановкой вопроса мы уже знакомы. Она встречается в ст. [6](9) (суд о земле полней), [42] (о покруге), [46] (суд об отморшине), [47] (суд о купле на торгу). Перед нами — тот же институт местных очевидцев и экспертов, на глазах у которых протекает вся жизнь государя и его изорника. Конечно, эти люди могут и не отличить изорничьи лукошки или кадки от государевых, но зато уж им, безусловно, ведомо, «што государево», а что изорничье из коней или коров. На то они и «окольные соседы». ²⁰⁴

Как государь при сочении покруги не может обойтись без сторонних людей (ст. [35], [42]), так и изорник может искать своего живота только через них. Если вообще можно сочить по доскам, лишь бы иск не был безымянным (ст. [15]) и сумма его не превышала бы рубля (ст. [22]), то для изорника такая возможность по отношению к государю исключается: ст. [67](75) прямо запре-

¹⁹⁹ Полосин, с. 95.

²⁰⁰ Зимин, ПСГ, с. 368.

²⁰¹ Беляев И. Крестьяне на Руси, с. 24.

²⁰² Богословский М. М. Крестьянская аренда. . . , с. 16.

²⁰³ Черепнин Л. В. Из истории русского крестьянства XV в., с. 120.

²⁰⁴ В отличие от И. И. Полосина не вижу никаких оснований ни противопоставлять этих «окольных соседей» сторонним людям как «агентам феодала», ни считать, что ст. 87 «заключена не той политической силой, какой была возбуждена». Не вижу признаков того, что начинал статью князь, а заканчивала господа (Полосин, с. 95).

щает иски изорника к государю, основанные на досках.²⁰⁵ Ф. Н. Устрялов, Б. Н. Чичерин, И. Д. Беляев, П. Е. Михайлов понимали слово «посудит» этой статьи как «будет судить по доске», что, очевидно, неверно. В противоположность этому еще И. Е. Энгельман правильно понял, что «требования изорника на хозяина, основывающиеся только на досках, не должны быть уважаемы судом».²⁰⁶ М. М. Богословский и П. А. Аргунов видят в запрещении иска по доске на государя свидетельство неполноправного положения изорника по отношению к государю.²⁰⁷ И. И. Полосин, рассматривая ст. 75 и 75а как одно целое, связывает запрещение иска по доске с подводной повинностью: «Каковы бы ни были отметки на бирках об отбывании крестьянами гужевой повинности, изорник, ушедший по отроку... должен выполнять гужевую повинность по первопутку».²⁰⁸ Однако для такого понимания рассматриваемого текста нет никаких оснований. Досками ПСГ называет не «отметки на бирках» о выполнении тех или иных повинностей, а особого рода документы, удостоверяющие гражданские сделки по соблюдению, займу, торговым операциям и совместному обладанию имуществом. Гужевая повинность изорника к доскам отношения иметь не может.

Для оценки мнения М. М. Богословского и П. А. Аргунова нужно выяснить, что реально означает запрещение исков к государю по доске. Речь идет, очевидно, о делах стоимостью не свыше рубля, так как в остальных случаях кроме доски требуется еще и вклад (ст. [19], [20] и [23]). Но мелкие, малоценные иски — это как раз то, о чем и говорит ст. [80], отказываясь рассматривать тяжбы о лукошках, кадках и т. п. Вынося такие постановления, ПСГ остается верна своему принципу невмешательства во внутренние распоряжки государева села до тех пор, пока конфликт между сторонами не примет достаточно крупных размеров. А тогда вступает в силу ст. [82] с ее арбитражем сторонних людей и окольных соседей. Ст. [67], как и ст. [82], не противоречат в принципе ст. [99](103).²⁰⁹ Непринятие иска по доске не означает судебной неполноправности изорника. С другой стороны, ничего мы не знаем и о возможности для государя искать по доскам покругу на изорнике: по ст. [35] и [42] он сочит покругу тоже через сторонних людей. В отношениях между государем и изорником достоверно и существенно для права только то, что происходит на глазах мира и может быть подтверждено его представителями.

Характерная и существенная черта почти всех рассмотренных статей — отсутствие упоминаний о каких-либо письменных актах,

²⁰⁵ «А которой изорник на государя положит в чем доску, — ино та доска посудит».

²⁰⁶ Энгельман И. Систематическое изложение... с. 113.

²⁰⁷ Богословский М. М. Крестьянская аренда... с. 17; Аргунов П. А. Крестьянин и землевладелец... с. 31—32.

²⁰⁸ Полосин, с. 90.

²⁰⁹ «А подсоседник на государи [с]судьи или иного чего волно искатеи».

определяющих отношения между изорником и государем. Это — не случайное умолчание. Во всех этих случаях такого акта действительно нет. И спор об отроке, и взыскание покруты, и суд о животе изорничем исходят именно из отсутствия документа. Он не нужен: село государя на виду у околных соседей, без ведома которых в нем не может произойти никакого сколько-нибудь важного события. Весь строй жизни этого села, все его владельческие и хозяйственные отношения не мыслятся без гарантии со стороны этих соседей. Мир санкционирует и само обладание селом, и переход его от отца к сыну, и доброе имя владельца, и взыскание покруты с изорника; он же выступает арбитром в спорах о животе изорничьем и свидетелем-оценщиком при продаже этого живота. При таком деятельном, постоянном и всестороннем участии мира в делах села для письменного акта не остается места. Ст. [78]—[81], например, не предполагают, что изорник может составить рукописание и завещать свой живот кому-нибудь на сторону, кроме наследников по закону, как это предусматривается в ст. [9]. Права же прямых наследников на отморшину достаточно обеспечиваются ст. [46], опять-таки теми же сторонними людьми и околными соседями. Как видим, изорник всех рассмотренных статей заметно отличается от того крестьянина, для которого, по словам И. И. Смирнова, «переход с черной земли на боярскую означал тем самым переход. . . в зависимость от феодала». Если для такого крестьянина «право ухода. . . от феодала, на земле которого он сидел, не уничижало зависимого состояния. . . и не делало его свободным»,²¹⁰ то крестьянин-изорник, сидя на земле своего временного государя — мелкого вотчинника, сохраняет непосредственные связи с общиной соседей, а тем самым — реальную гарантию своих гражданских прав.

Но исчерпываются ли изорнические отношения этим обычным, старинным в своей основе правом, опирающимся не на документ, а на память и мнение соседей? На этот вопрос отвечает ст. [79](85), вводя категорию записи. Если историки XIX в. (И. Е. Энгельман, Ф. Н. Устрялов, И. Д. Беляев, Б. Н. Чичерин, М. Ф. Владимирский-Буданов) не придавали особого значения записи, то уже П. Е. Михайлов отметил, что запись — это «письменный договор» изорника с государем о взятии покруты, заключаемый «в большинстве случаев для большей обеспеченности получения ее со стороны государя».²¹¹ Таким образом, целевое назначение записи, по Михайлову, — это преимущественное обеспечение интересов государя. Особое внимание записи уделяет П. А. Аргунов. По его мнению, запись-покруга есть для изорника особый «акт об отречении от своих прав в пользу государя, запись о подданстве, т. е. до-

²¹⁰ Смирнов И. И. Проблемы крепостничества и феодализма в советской исторической литературе. — В кн.: Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.—Л., 1942, с. 102.

²¹¹ Михайлов П. Е. Юридическая природа землепользования. . . , с. 136.

кумент характера столько же частнопроводного, как и публично-правового». ²¹² Распространяя зависимость автоматически и на наследников изорника, запись-покрута «вооружает государя вотчинной юрисдикцией» ²¹³ и является одним из главных признаков и инструментов сенъериальной власти государя. Быть в записи — это то же, что «седесть на селе» по ст. 51. Следовательно, по П. А. Аргунову, запись-покрута не только образует сама по себе новое качество, но и является как бы квинтэссенцией изорнической зависимости, изорнического «подданства» по отношению к сенъеру-государю.

Однако точка зрения П. А. Аргунова не нашла поддержки у других советских исследователей. С решительными возражениями против трактовки записи как акта о вступлении в личное подданство выступил М. М. Богословский. ²¹⁴ Б. Д. Греков отметил, что П. А. Аргунов «произвольно объединяет два термина в один — „запись-покрута“ — и толкует изобретенный им договор очень сложно и запутанно». Однако он не принял и возражений М. М. Богословского против признания сенъериального подданства изорника. ²¹⁵ И. И. Полосин, трактуя ст. 85 в целом как «новый момент усиления феодальной кабалы: из личной она становится семейной, потомственной и наследственной», увидел в ней вместе с тем проявление «сложности и зигзагообразности общественной истории». По его мнению, статья отразила один из моментов борьбы князя (настаивавшего на записи «для решения дела в пользу феодала») и господы (противопоставлявшей записи псковскую пошлину). ²¹⁶ В противоположность исследователям, настаивавшим на значении записи, Л. В. Черепнин подчеркивает, что и при отсутствии записи принципиальные основы отношений изорника с государем остаются теми же: «Ответственность с его (изорника, — Ю. А.) семьи все равно не снимается и дело о взыскании покруты передается в суд». ²¹⁷

Обратимся к самой ст. [79]. Запись посвящена первая ее часть. Исходя из факта наличия такой записи, в которую не включены жена и дети изорника, эта часть статьи устанавливает два основных положения: во-первых, «изорничу жене и детям отклочи нет о[т] государеве покруты», во-вторых, «та им покрута платит по той записи». Что это значит — «нет отклочи»? Это не констатация того факта, что изорничья жена и дети не могут отказываться от выплаты покруты на том основании, что они лично не включены в запись: как известно, по псковским законам (ст. [12]) ответ-

²¹² Аргунов П. А. Крестьянин и землевладелец. . . , с. 27.

²¹³ Там же, с. 34.

²¹⁴ Богословский М. М. К вопросу об отношении крестьянина к землевладельцу. . . , с. 42.

²¹⁵ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. . . , кн. 1, с. 445—446, 448.

²¹⁶ Полосин, с. 94.

²¹⁷ Черепнин Л. В. Из истории русского крестьянства XV в., с. 123.

ственность прямых наследников за долги была безусловной и не требовала никакой записи. Дело в другом. Термин «откликъ» этимологически связан с термином «закличь», известным из Пространной Правды и ст. [29] и [35] ПСГ. Как мы видели, этот последний термин означает не что иное, как апелляцию к сторонним людям, соседям — представителям мира, которые и выступают арбитрами в споре (ст. [42]). Вот права на такую апелляцию к миру и лишаются наследники изорника в записи: по смыслу ст. [79], «та им покрута платит по той записи» без всякого участия мира.²¹⁸ Нельзя не увидеть здесь существенно нового момента в отношениях между изорником и государем. Введение записи не только вполне обеспечивает интересы государя, как справедливо отметил П. Е. Михайлов, предохраняя их от всяких случайностей, но и принципиально ограничивает сферу вмешательства мира в жизнь государева села.

В ст. [79] перед нами как бы два типа изорников — с записью и без нее. Новизна статьи в том, что в ней рядом со знакомым нам патриархальным изорником, обязательства которого перед государем удостоверяются сторонними людьми, изорник в записи, формально, документально связанный с государем. Стадиально это, конечно, более новый тип, отражающий большее развитие отношений подчинения-зависимости. В этом смысле И. И. Полосин в какой-то степени прав. Но это не значит еще, вообще говоря, что старый тип безусловно и с необходимостью вытесняется новым. Уделяя всюду большое внимание документу, ПСГ несколько и ни в чем не дискриминирует старое, устное изорничество. Напротив, она вполне допускает их сосуществование даже в рамках одной статьи. Возможно, и в реальной жизни устное изорничество существует рядом с записным, может быть, даже в пределах хозяйства одного и того же государя. Однако значительно вероятнее, что устное и записное изорничество находят разные сферы прило-

²¹⁸ Еще И. Е. Энгельман видел в термине «откликъ» «намек на прежний обвинный суд мира» (Э н г е л ь м а н И. Систематическое изложение. . . , с. 60). Правовые термины с корнем «кликъ» находим, например, в Псковской I летописи за 1484—1485 гг. Во время волнений в Пскове, связанных с так называемой смердьею грамотой, псковичи «посадников из заповѣдѣ з а к л и к а ш а (разрядка моя, — Ю. А.), что грамотоу новую списали. . . а Псковъ того не вѣдаетъ». Обвинение посадников в нарушении закона носило характер особого правового акта: оно было предъявлено от имени псковской городской общины и имело следствием убийство посадника Гавриила «всѣм Псковом на вече» (ПД, I, с. 79). Подобные действия псковичей вызвали ответную реакцию великому князю, который потребовал «посадников откликати», т. е., по-видимому, публично снять с них обвинение, признать виновными (там же, II, с. 65). В обоих случаях речь идет не просто об обвинении и снятии его, а об особых актах, оформляемых на вече. По аналогии с этим можно предположить, что и в сфере частного права, в отношениях между государем, с одной стороны, и изорником и наймитом — с другой, «закличь» и «откликъ» также носили характер своего рода общественного приговора — были связаны с решением местного мира. При наличии записи государю для получения покруты не надо ни закличи, ни сторонних людей, ни присяги: право его на покруту вполне определяется письменным договором.

жения и что, таким образом, первая и вторая части ст. [79] имеют разные социальные адреса. Патриархальное устное изорничество естественно видеть в селе, тесно связанном с миром, у такого государя, который без этого мира, без сторонних людей не может ступить и шагу в своих отношениях с изорником. Иная картина рисуется при изорничестве записном. Никакие сторонние люди, никакой мир тут государю не нужны. Свои отношения с изорником он строит на совершенно других основаниях — на основаниях чисто формальных, документальных, если можно так выразиться, безличных. Запись, данная на себя изорником, действует, как всякий документ, совершенно независимо от каких-либо других обстоятельств, — независимо, в частности, от сторонних людей, решающих вопрос о покруте в ст. [42]. Запись, раз данная, действует автоматически и после смерти изорника, действует, пока не будет выплачена покрута.

Напрашивается сравнение с судом о земле в ст. [6]. Государь устного изорника зависит от показаний сторонних людей не в меньшей мере, чем истец ст. [6](9), стражущий и владеющий землей полней, от мнения своих соседей. Устное изорничество оказывается в одном ряду с владением землей по обычному праву. Напротив, персонаж ст. [6](10), имеющий грамоты на землю и ведущий процесс по этим грамотам, не оглядываясь на соседей, находит аналогю в государе части первой ст. [79], держащем изорника в записи и в бесспорном порядке взыскивавшем покруту, опять-таки без всякого участия сторонних людей. Перед нами вырисовывается новый тип государя — землевладельца, в значительной степени эмансипированного от общины. Введение записи в наибольшей степени отвечает интересам именно такого государя, который может и хочет отгородиться от мира. Этот государь — феодал, уже достаточно сильный, чтобы обойтись без помощи соседей. Думаю поэтому, что нельзя согласиться с И. И. Полосиным в его оценке сил, боровшихся за и против записи. Если эта борьба и имела место, хотя никаких следов ее в источнике не осталось, то, вероятно, феодалы стояли именно на стороне записи. Текст статьи не дает также никаких оснований говорить о вмешательстве князя в дела Пскова. Было бы, на мой взгляд, принципиально ошибочным пытаться найти разгадку статьи в явлениях внешнего порядка, перенося центр ее тяжести из сферы социально-экономических отношений в область политической борьбы между князем и господой. Интерес и значимость статьи о записи именно в том, что она раскрывает один из существенных моментов внутренней жизни псковского общества — нарастание феодальных отношений в селе государя.

Важно, однако, подчеркнуть, что запись сама по себе еще не создает нового качества и не меняет положения изорника в принципе. Думаю, что в этом смысле Л. В. Черепнин прав. По-видимому, на изорника в записи распространяется вся псковская пошлина, связанная с изорником устным, первоначальным

и основным типом, на которого в целом и ориентированы статьи об изорнике. Записное изорничество — новость, и именно это отмечает часть вторая ст. [79], противопоставляющая новелле об изорнике в записи псковскую пошлину. Изорник в записи по ряду вопросов, прежде всего в спорах о животе, продолжает быть связанным с миром окольных соседей. Тем самым и эмансипация государя от этих соседей хотя и симптоматична, но не полна и не всестороння — она распространяется только на ту сферу его отношений с изорником, которая связана с покрутой, и не касается других проблем. Стена между селом государя и окружающим миром возведена еще не полностью.

Не создавая новых отношений, запись тем не менее обостряет и подчеркивает отношения старые, делая зависимость изорника от государя более жесткой и четкой. Какие же новые черты зависимости создает эта запись? Ст. [90](93) ставит изорника в записи рядом с должником в записи.²¹⁹ Если они тулятся (скрываются), обоим угрожает взятие под стражу и взыскание, кроме денежной суммы, всех проторей, в том числе и зловещего «железного».²²⁰ По мнению П. Е. Михайлова, смысл этой статьи в том, что она устанавливает «равномерную ответственность для изорника, как и для всякого „псковитина“».²²¹ П. И. Беляев, напротив, увидел в ст. 93 проявление сенъериальных прав государя: «Господин может при содействии только пристава арестовать скрывшегося изорника и связать его. . . как господин при содействии отрока вязал бежавшего холопа».²²² С близких позиций подошел к рассматриваемому тексту и П. А. Аргунов: «. . . Заинтересованная сторона приступает к насильственному захвату изорника, обладая правом даже наложения оков («железное»)». Цель этих мер — принудительное возвращение изорника в прежнее состояние в селе государя, так как за свои долги «изорник мог расплачиваться лишь своей работой у государя». В подтверждение этого мнения П. А. Аргунов приводит порядную 1619 г.²²³ Если П. И. Беляев в своем комментарии сближает скрывшегося изорника с беглым холопом, то П. А. Аргунов рассматривает его как прямую аналогию крепостному крестьянину. Близость позиций названных исследователей в том, что они оба видят в ст. [90], во-первых, проявление особых прав государя по отношению к изорнику, во-вторых, стремление государя вернуть изорника в прежнее его

²¹⁹ «А у кого стулится должник в записи, а на зарок не станет, или изорник в записи будет, а учет тулится, а что учинится проторы или приставное, или заповедь, — ино все платить виноватому, кто тулится, и железное».
²²⁰ Что такое «железное», объясняет Двинская Уставная грамота 1397 г. в ст. 8: «Жельзного. . . толко человек скуют, а не будет по нем поруки» (АСВР, III, № 7, с. 24).

²²¹ Михайлов П. Е. Юридическая природа землепользования. . . с. 159.

²²² Беляев П. И. Древнерусская сенъерия. . . — ЖМЮ, 1916, октябрь, с. 141.

²²³ Аргунов П. А. Крестьянин и землевладелец. . . с. 18.

положение. М. М. Богословский, возражая П. И. Беляеву, утверждал, что действия государя — обычное действие истца, известное древнему праву: приведение в суд ответчика.²²⁴ Значительное место ст. 93 уделил в своем комментарии И. И. Полосин — она свидетельствует о том, что «закрепощение изорника шагнуло чрезвычайно далеко вперед» по сравнению со ст. 42, 63 и др. Изорник, которого «привязывала к государю не экономика и не покрута, а вся система феодального насилия. . . в частности и право феодала заковать изорника-должника», по ст. 93 «платил за то, что его заковали».²²⁵

Основной смысл статьи, если исходить из ее текста, в том, что она распространяет на тулящегося изорника в записи нормы, выработанные для злостного должника. Статья относится к ним обоим одинаково. В этом смысле, мне кажется, П. Е. Михайлов прав. Напротив, с мнением П. И. Беляева нельзя согласиться: у государя по отношению к изорнику в записи права ничуть не большие, чем по отношению к любому должнику, скрывающемуся от расчета. Едва ли можно утверждать, что такой должник находится в сенъериальной зависимости от кредитора. Еще менее основательно сравнение тулящегося изорника в записи с беглым холопом. По ст. 114 Пространной Правды, которую, очевидно, имеет в виду П. И. Беляев, господин, «досочившийся» своего беглого холопа, должен, обратиться к посаднику, «пояти. . . отрок от него, и шедше увязати и (холопа, — Ю. А.), и дати ему (отроку, — Ю. А.) вязебную 10 кун».²²⁶ Господин ищет холопа как такового, он нужен ему сам по себе, как предмет его собственности; вязебное отроку платит, разумеется, сам господин, а не пойманный им холоп. Совсем другая картина в ст. [90] ПСГ. В ней речь идет не о действиях кредитора, в частном случае — государя изорника, а о материальной ответственности тулящегося должника, в частном случае — изорника в записи. Эта материальная ответственность реализуется во взыскании с должника всех издержек — проторей, приставного, заповеди и железного. Кто и каким образом ловит и задерживает должника, неизвестно. Вполне вероятно, что кредитор (государь) играет в этом акте поисков, поимки и задержания активную роль, как правдоподобно отметил М. М. Богословский, но во всяком случае статья не содержит никакого намека на возможность для господина лично «арестовать скрывшегося изорника и связать его» (П. И. Беляев) и тем более на «право феодала заковать изорника-должника» (И. И. Полосин). Напротив, задержание должника есть публично-правовой акт, осуществляемый соответствующими представителями государственной власти, получающими за свою деятельность определенное вознаграждение. Именно эта существенная черта ст. [90] оказа-

²²⁴ Богословский М. М. Крестьянская аренда. . . , с. 42.

²²⁵ Полосин, с. 97.

²²⁶ ПРП, I, с. 120.

лась совершенно игнорированной в комментариях П. И. Беляева, П. А. Аргунова и И. И. Полосина. По общей норме права это вознаграждение, входящее в состав судебных издержек, выплачивается стороной, проигравшей процесс, — в этом еще нет никакой дискриминации по отношению к должнику (изорнику).

Напрашивается сравнение тулящегося изорника в записи с беглым закупом ст. 56 Пространной Правды. По этой статье закуп при попытке бегства автоматически превращается в обельного холопа,²²⁷ и далее на него распространяются все нормы, выработанные Пространной Правдой в отношении такого холопа, в том числе и ст. 114, рассмотренная нами выше. Никаких расчетов холопа с господином или с кем бы то ни было ни эта, ни другие статьи не знают. Господин получает закупа, превратившегося в холопа, в свою собственность. Цель поимки тулящегося изорника в записи, как и вообще всякого злостного должника, совершенно другая. Их связывают или заковывают в железа не для того, чтобы превратить в свою собственность, а для того, чтобы взыскать с них долг. Оковы — мера пресечения для доставки на суд. В основе ст. [90] — расчеты должника (изорника) с кредитором (государем). При этом сохранение должником элементарной гражданской правоспособности подразумевается само собой — из него исходит статья, требуя от «виноватого, кто тулится» покрытия всех судебных издержек. Приравнивание изорника к должнику свидетельствует далее, что государь не стремится к насильственному возобновлению прежних с ним отношений, его задача — вернуть себе долг. Следовательно, нет оснований сравнивать изорника с холопом или видеть в ст. [90] проявление сеньериальных прав господина.

Нет оснований также видеть в изорнике ст. [90] крепостного крестьянина XVII в., как это делает П. А. Аргунов. Она ничего не говорит о том, как изорник будет расплачиваться со своими долгами и судебными издержками, точно так же, как законодателя в данном случае не интересует, где добудет деньги тулящийся должник вообще. Что дает порядная 1619 г., привлекаемая П. А. Аргуновым для понимания категорий ст. [90]? Не говоря уже о том, что эта порядная относится к совсем другой эпохе, она содержит два положения, не находящие никакой аналогии в известных нам статьях об изорнике. Во-первых, порядчик принимает на себя обязательство вообще никуда «ни сойти и не збежать», ничего при этом не говоря о покруте, во-вторых, порядная устанавливает право феодала своими силами, без участия представителей государства, «взять и вывезть» беглеца и «посадить» его на землю по своему усмотрению (последнее отмечено и П. А. Аргуновым). Приходится признать, что порядная 1619 г. отнюдь не подкрепляет аргументацию П. А. Аргунова, подчеркивая разницу между изорником XIV в. и крепостным крестьянином XVII в.

²²⁷ Там же, с. 114.

Едва ли можно говорить на основании этой статьи и о «феодалном насилии», противопоставляя его «экономике» и покруте, как это делает И. И. Полосин: напротив, статья посвящена как раз покруте, одному из элементов «экономики». Тем не менее ст. 93 проникнута определенной социальной тенденцией, и в этом смысле можно до известной степени согласиться с И. И. Полосиным, не присоединяясь, однако, к его чрезмерно решительной терминологии. Статья исходит из презумпции виновности должника, в частности изорника: виноватым считается тот, кто тулится. В этом есть своя логика — зачем бы тулиться тому, кто считает себя правым и надеется выиграть процесс? Но рядом с этой элементарной, общечеловеческой логикой здесь есть и логика социальная. Она связана с записью. Запись безоговорочно определяет судьбу ответчика — должника, делая спор о существовании сделки невозможным: или плати, или тулься, рискуя попасть в оковы. Ясно, что тулиться будет заведомо неплатежеспособный должник, и тут-то и проглядывает социальная, классовая разница между ним и кредитором. Конечно, в роли тулящегося банкрота может в частном случае оказаться социальная ровня кредитору, потерпевший жизненное крушение в силу неблагоприятного стечения обстоятельств. Но ст. [90] направлена не против него. В принципе гораздо чаще можно встретить такого безнадежного должника в низшем, беднейшем, опускающемся социальном слое, как и кредитора, обращающегося к господе за приставом, — в верхнем, обеспеченном, поднимающемся слое общества. Сопоставление изорника с таким должником не случайно — они оба относятся к одному и тому же слою имущественно несостоятельных, экономически зависимых людей.

Но судьба изорника сложнее. Ст. [90] бросает на нее новый и последний — в ПСГ — луч света. Из ст. [69] мы уже знаем, что бывает с изорником, если он бежит, не выплатив покруту: ничего страшного в юридическом плане его как будто не ждет, хотя, конечно, оказаться в бегах, бросив живот, достаточно неприятно. Но ст. [69] ничего не говорит о записи. В статье же [90] именно наличие записи определяет все остальное. По точному смыслу статьи бежавший изорник в записи подлежит насильственному задержанию, заковыванию в железа и взысканию всех проторей. О суде его с государем в духе ст. [42] и речи нет. Социальная дифференциация между этим изорником и государем выглядит здесь уже достаточно выразительно. Патриархальная равноправность изорничества вдруг прерывается непримиримой жесткостью записи и лязгом железных оков, смягчающее посредничество мира исчезает и изорник оказывается лицом к лицу со своим государем. По сравнению с обычным должником в записи положение его осложняется тем, что он должник бессрочный, живущий вдобавок на селе у государя. Взыскание долга (покруты) с него зависит от произвола государя и связано с поземельными отношениями между ними. Государь может потребовать [от него

покруту в ближайшее же Филиппово заговенье, поставив его перед перспективой оказаться в железах. Альтернатива взысканию покрупты по записи — бессрочное сиденье на селе у государя. Несостоятельный изорник в записи — закабаленный зависимый человек. Именно такие его черты рисует ст. [90], едва ли не самая суровая статья ПСГ. И тут нельзя не подумать о разнице — на первый взгляд формальной — между устным и записным изорничеством, о разной социальной среде, разном юридическом климате этих двух видов изорничества. Устное изорничество и изорничество по записи — это последовательные этапы развития изорничества как института поземельной зависимости. Нарастание зависимости изорника от государя идет параллельно с сокращением социальных и правовых связей государя с миром околных соседей; повышение социального статуса государя соответствует понижению социального статуса изорника. Можно сказать, что изорник превращается из свободного человека в феодально-зависимого крестьянина в той мере, в какой его государь из мелкого вотчинника крестьянского типа превращается в феодала.

«Брань о смердах»

«Брань о смердах» — крупнейший социальный конфликт, всколыхнувший Господин Псков на закате его существования. В нем, как в фокусе, отразилась классовая структура вечевых города-земли, обнажились социальные антагонизмы, четко определились политические позиции классов и социальных групп. Интересный и сам по себе как яркий взрыв классовой борьбы, этот конфликт имеет для нас особую ценность как своего рода эксперимент, как бы нарочно поставленный историей, чтобы вскрыть для исследователя с наибольшей возможной полнотой механизм классового и социального устройства вечевых города. Неоднократно изучавшиеся в литературе события 1483—1486 гг. тем не менее относятся к числу таких тем, которые не перестают быть предметом острых дискуссий.

Первая проблема, вызывающая споры, это социально-экономическая характеристика самих смердов. Большинство исследователей считают псковских смердов, участников событий 80-х гг. XV в., феодально-зависимыми крестьянами, несущими повинности в пользу и Господина Пскова, и феодалов-землевладельцев.¹ С наибольшей четкостью это мнение сформулировано Б. Д. Грековым: в известиях 1480-х гг. «речь идет... именно о смердах, т. е. крестьянах-земледельцах, обязанных повинностями как в пользу государства, так и в пользу своих господ-землевладельцев»; под смердами «разумеются люди, крепко сидящие на земле, не менее крепко связанные со своими хозяйствами и состоящие на государственном учете».² В системе повинностей смердов преобладает феодальная рента в пользу бояр-землевладельцев: «Псковская республика — боярская республика, и боярин не мог уступить смерда городу в сколько-нибудь значительной мере».³

¹ Беляев И. История города Пскова и Псковской земли. М., 1867, с. 55; Сергеевич В. Древности русского права, т. I, с. 206; Герасимова В. И. Присоединение Пскова к Московскому централизованному государству. — Учен. зап. ЛГПИ, 1948, т. 78, с. 120; Мартысевич И. Д. 1) ПСГ, с. 45; 2) Общественно-политический строй и право, ..., с. 12; Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству, с. 75—76.

² Греков Б. Д. Движение псковских смердов 1483—1486 гг. и «смерды грамоты». — Истор. записки, 20. М., 1946, с. 4.

³ Там же, с. 19.

Такое положение сложилось от того, что «процесс освоения земли (феодалами, — Ю. А.) в Псковской республике. . . должен был. . . проходить более интенсивно (чем в Новгороде, — Ю. А.), потому что земли здесь было значительно меньше».⁴ Взгляды Б. Д. Грекова на псковских смердов конца XV в. как на владельческих крестьян сформировались, как видим, под влиянием двух моментов: его общей концепции о смердах Древней Руси как основной массе крестьян-земледельцев и предположения о большой интенсивности развития феодальных отношений в Псковской земле. Близкую позицию занял С. В. Юшков, который различает в составе смердов (новгородских, а по аналогии и псковских) две группы — государственных и частновладельческих.⁵ Основанием для выделения группы частновладельческих смердов послужили С. В. Юшкову слова договора Новгорода с Казимиром Литовским: «А холопъ или роба, или смердъ почнетъ на осподу вадити. . .».⁶

В литературе высказывались и другие мнения. А. И. Никитский считал псковских смердов государственными тягльцами, не несущими частновладельческих повинностей.⁷ Эту мысль четко сформулировал М. Н. Покровский: «Псковские „смерды“ были, как и в Новгороде, подданными городской общины — платили в ее пользу подати и отправляли натуральные повинности».⁸ На близких позициях стоял А. Е. Пресняков.⁹ Свое наибольшее развитие эта точка зрения получила в трудах С. Н. Чернова и Л. В. Черепнина. По мнению С. Н. Чернова, «все смерды находятся в зависимости от веча и князя. . . , ни одна их часть не связана с частным землевладением и частными землевладельцами — все равно полностью или в порядке двоеподданничества».¹⁰ Л. В. Черепнин подчеркивает: «Из договоров Новгорода с великими князьями XIII—XV вв. . . ясно, что смерды — это крестьяне, зависимые не от отдельных феодалов, а от Новгородского государства, это — сельское население, близкое. . . к черным крестьянам Северо-Восточной Руси».¹¹ Эти взгляды разделили Л. М. Марасинова и Б. Б. Кафенгауз.¹²

⁴ Там же, с. 7.

⁵ Юшков С. В. Псковская «аграрная» революция, с. 34.

⁶ ГИП, № 77, с. 132.

⁷ Никитский А. Очерк внутренней истории Пскова, с. 278—282.

⁸ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен, т. I—II, с. 234.

⁹ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909, с. 212—213.

¹⁰ Чернов С. Н. Заметки о псковских смердах и волнениях 80-х годов XV века. — Тр. Горьк. гос. пед. ин-та им. М. Горького, 1939, т. III, с. 45.

¹¹ Черепнин Л. В. Социально-политическая борьба в Псковской феодальной республике в конце 70-х—начале 80-х гг. XV в. (из истории образования Русского централизованного государства). — История СССР, 1958, № 3, с. 160.

¹² Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты. . . , с. 157; Кафенгауз Б. Б. Древний Псков, с. 74.

Обращаясь к источникам, необходимо признать, что концепция Чернова—Черепнина выглядит более убедительной. О зависимости смердов от феодального государства, о их фискальных повинностях в пользу этого государства недвусмысленно говорят и новгородско-княжеские докончания, и летописные известия. В докончаниях смерд неизменно рассматривается как человек, тянувший в свой погост (в более ранних грамотах),¹³ или «погут» к Великому Новгороду (в более поздних).¹⁴ Во всех этих грамотах смерд сопоставляется с купцом (который идет в свое «сто»), а не с людьми, зависимыми от частных владельцев (холопом и робой). С последними ставится рядом половник («А холопа и половника не судити. . . безъ господаря. . . А холопъ или половникъ забѣжитъ въ Тѣфрскую волость, а тѣхъ. . . выдавати»),¹⁵ а также должник и поручник.¹⁶ Зависимые крестьяне, жившие на господской земле, в Великом Новгороде смердами не назывались. Об этом свидетельствует и рядная Робичинской волости с Юрьевым монастырем о феодальных повинностях; зависимые от монастыря люди — «христьяне робиччане», а не смерды.¹⁷ О том, что новгородские смерды рассматривались прежде всего как податное население, несущее повинности в пользу города-государства, говорят и данные летописи.¹⁸

На фоне этих сравнительно многочисленных и единодушных известий, говорящих о смердах как государственных тяглецах, довольно слабым выглядит единственный аргумент, приводимый С. В. Юшковым. Под господой для смерда не обязательно понимать частного владельца, как для холопа и робы, — господой для него могли являться прежде всего представители государственной власти Господина Великого Новгорода. Недостаточно убедительными представляются и приведенные выше положения Б. Д. Грекова. Первое из них, при всей своей принципиальной правильности, все же не учитывает конкретной специфики псковских смердов XIII—XV вв., а второе остается недоказанным, так как опирается не на источники, а опять же на общие соображения.

Мне кажется, что наблюдения над новгородскими смердами можно без особой натяжки перенести и на псковских. Псковские смерды 80-х гг. — это прежде всего крестьяне, несущие повинности в пользу феодального государства. О их частновладельче-

¹³ ГИП, № 3, с. 13 (1270 г.); № 6, с. 16 (1304/05 г.); № 9, с. 20 (1307/08 г.); № 14, с. 28 (1326/27 г.); № 15, с. 30 (1371 г.); № 19, с. 36 (1435 г.).

¹⁴ Там же, № 22, с. 41 (1456 г.); № 26, с. 48 (1471 г.).

¹⁵ Там же, № 7, с. 18 (1304/05 г.).

¹⁶ Там же, № 12, с. 24 (1317 г.); № 18, с. 34 (1375 г.).

¹⁷ Там же, № 115, с. 174.

¹⁸ Сюда в первую очередь следует отнести известие о восстании против Всеволода Мстиславича в 1136 г. (НПД, с. 24), а также сообщение о льготе, данной смердам князем Михаилом Всеволодовичем в 1229 г. (там же, с. 68).

ских повинностях нет никаких прямых указаний.¹⁹ В качестве такого указания нельзя рассматривать и текст договорной грамоты Пскова с Казимиром Литовским 30 декабря 1440 г.: «За холопа, за робу, за должника, за поручники, за смерда, за татя и за розбойника не стояти».²⁰ Речь идет здесь, вероятно, о беглом смерде, которого надо вернуть «в свой погост», выражаясь языком новгородско-княжеских докончаний. Ясно, что такого смерда нельзя сближать по его социальному и юридическому положению ни с холопом и робой, ни с поручником, ни с татем и разбойником. Общее между всеми этими людьми только то, что их по условиям договора нельзя удерживать (укрывать), а необходимо вернуть по принадлежности.

Рассматривая псковских и новгородских смердов прежде всего как своего рода государственных (черных) крестьян, надо иметь в виду, однако, их социально-экономическую неоднородность, о которой свидетельствуют акты об отчуждении ими земли. Надо полагать, что в смердье общине XIV—XV вв. нарастают процессы расслоения и ослабления общинных связей. Возможно, проявлением такой тенденции является попытка Власа Тупицына, жителя Княжеостровского погоста Новгородской земли, выделиться из своей общины, «ркия такъ: кладете на мене розрубъ, а язъ у васъ не живу». В данном случае эта попытка была пресечена решительным протестом княжеостровцев («Нашъ еси братъ княжьостровецъ, а кунамъ есте заемщики отецъ твой и ты») и решением новгородского суда («Потянетъ Уласке с княжьостровци въ старину, как отецъ его тянулъ»),²¹ но само стремление выделиться из тяглой погостской общины мне представляется симптоматичным. Внутри и на границе этой общины возникают отношения господства и подчинения, в которые с неизбежностью втягиваются в противоположных качествах и богатеющие, и беднеющие члены общины. Ввиду этого едва ли следует, мне кажется, столь категорически, как это делает С. Н. Чернов, отрицать самую возможность каких-либо частновладельческих повинностей смердов. Думается, что в реальной жизни такие повинности могли иметь место как переходное явление от смерда к частновладельческому крестьянину, не меняя, однако, в принципе облика смерда как прежде всего государственного тяглеца. Именно это качество, надо полагать, и определяло специфику смердов Пскова и Новгорода в XIV—XV вв.

Вторым предметом дискуссии являются «смердые грамоты», о которых идет речь в летописном известии о событиях 1483—1486 гг. Неясно прежде всего, сколько было этих грамот. Большинство исследователей (И. Д. Беляев, А. И. Никитский,

¹⁹ Как мы видели, частновладельческие крестьяне Вознесенского монастыря называются сиротами (НПГ, № 11, с. 54).

²⁰ ГНП, № 335, с. 322.

²¹ Там же, № 92, с. 148—149.

С. В. Юшков, С. Н. Чернов, В. И. Герасимова) говорит о двух таких грамотах — старой («законной») и новой (составленной без ведома веча). По мнению Б. Д. Грекова, было три грамоты — новая, старая и самая старая (найденная «неким попом»).²² Л. В. Черепнин считает, что новая грамота была собственно не смердье, а представляла собой измененный текст ПСР.²³ Л. М. Марасинова в понимании новой грамоты присоединяется к Л. В. Черепнину, а старую считает грамотой о даннических отношениях смердов Норовского погоста.²⁴ Б. Б. Кафенгауз занимает наиболее осторожную позицию. Он говорит только о новой грамоте, совсем не упоминая о существовании старой.²⁵ В то же время он обращает внимание на то, что текст Псковской II летописи, содержащий общую оценку брани о смердах, говорит о грамотах во множественном числе — «потаивше грамоты».²⁶

Что же говорят о смердских грамотах сами летописи? Новая грамота упоминается один раз в июне 1484 г.: «Того же лѣта смердов посадиша на крѣпость в погребѣ. А посадников из заповѣди закликаша, что грамотоу новую списали и в ларь вложили на сѣнях, со князем Ярославомъ, а Псковь того не вѣдаетъ».²⁷ Это известие I летописи приведено с пунктуацией, принятой издателем. Фактически же, вероятно, обе фразы представляли один текст и между ними не следует ставить точку. В пользу такого предположения говорит общая конструкция известий I летописи: они состоят из предложений, начинающихся либо со слов «в лето», либо со слов «того же лета». Если так, то заключение смердов в погреб и обвинение посадников в составлении новой грамоты представляют собой единое известие. Из него можно сделать два вывода: новая грамота действительно существовала и она, по всей вероятности, имела отношение к смердам.

Другой реально существовавшей грамотой была та, которая упоминается во II летописи осенью 1485 г.: «Прилучися вѣкоемоу попу оу норовскихъ смердов чести грамоти; и найде тую грамоту, како смердам из вѣков вѣчныхъ князю дань даяти и Пскову и всякии работы оурочныи. . . А о той грамоте смердѣи всеи земли смятенѣ бысть, что они, потаивше грамоти, не потягнуша на своя работы. . .».²⁸ Из этого текста можно сделать три вывода. Во-первых, некий поп нашел грамоту у норовских смердов, а не в государственном архиве, как предполагает Б. Д. Греков.²⁹ Во-вторых,

²² Греков Б. Д. Движение псковских смердов. . . , с. 3, 22—23.

²³ Черепнин Л. В. 1) Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I, с. 424; 2) Социально-политическая борьба. . . , с. 159.

²⁴ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты. . . , с. 160—161.

²⁵ Кафенгауз Б. Б. Древний Псков, с. 75, 83.

²⁶ Там же, с. 81.

²⁷ ПЛ, I, с. 79.

²⁸ Там же, II, с. 68.

²⁹ Греков Б. Д. Движение псковских смердов. . . , с. 14. — Если бы поп нашел грамоту в архиве Пскова, было бы непонятным все дальнейшее

грамота имела действительно существенное значение — она содержала перечень денежных и натуральных повинностей. Третий вывод представляется наиболее важным. Оказывается, смерды по-таили не одну, а несколько грамот, как справедливо отмечает Б. Б. Кафенгауз. Грамоты хранились у самих смердов, вероятно, в их погостских церквах. В одной из них и обнаружил подобную грамоту любознательный поп. Скрытие грамот сопровождалось отказом от урочных работ. «Всеи земли смятенье» не могло, конечно, произойти от действий одних только норовских смердов — надо думать, что и в других погостах картина была аналогичная. Таким образом, реально существовали погостские смерды грамоты³⁰ и новая грамота, составленная около июня 1484 г.

С одной из погостских смердых грамот мы уже встречались — она была предъявлена рожитскими смердами в. кн. Александру и посаднику Твердилу.³¹ В ней, как мы видели, перечислялись земли и угодья смердьеи общины. Теперь можно добавить, что в таких грамотах указывались и повинности смердов. Подобная грамота носила, стало быть, характер акта, всесторонне определяющего положение данной конкретной смердьеи общины по отношению как к ее соседям, так и к Господину Пскову. Вероятно, выдача смердых грамот относится к отдаленному времени, когда архив у св. Троицы еще не функционировал или когда еще не сложился обычай дублировать письменные акты, кладя их противень в ларь.³² Не исключено, что повинности у смердов разных погостов были неодинаковыми. Именно этим следует объяснить, что когда смерды нескольких погостов скрыли свои грамоты и не потянули на свои работы, псковичи не смогли определить в точности размера и характера этих повинностей. Это, конечно, было бы невозможным, если бы в ларе у св. Троицы хранилась общепсков-

его поведение — зачем он поехал в Норовский погост читать смердам грамоту об их повинностях, а не обратился к вечевым властям. Трудно также согласиться с Л. В. Черепниным, что грамота, найденная попом, и есть тот самый желанный для смердов «документ, который раскроет правду, на основе которого будет можно по праву добиваться улучшения их жизни...» (Черепнин Л. В. Социально-политическая борьба... , с. 168). Такой характеристике грамоты противоречит сам текст летописи, отождествляющий ее с одной из тех грамот, «потайше» которые смерды «не потягнуша на своя работы», «обольстиша князю великому» и т. п. Находка подобной грамоты была, следовательно, для смердов крайне нежелательна.

³⁰ Можно согласиться с Л. М. Марасиновой, что погостские смердых грамоты закрепляли давнишние отношения смердов к Пскову, хотя едва ли следует видеть в смердах «жителей покоренных мест», «населенных различными восточными племенами» (Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты... , с. 161).

³¹ ГИП, № 348, с. 338.

³² Терминология летописи «дань даяти... и всякия работы оурочныи... знати» несколько напоминает уставы, уроки, погосты, дань и оброки летописного же рассказа об Ольге, веда нас, таким образом, к седой старине. В этом смысле Б. Д. Греков, вероятно, прав, настаивая на большой древности документа, найденного «неким попом» (Греков Б. Д. Движение псковских смердов... , с. 14).

ская смердь грамота, утвержденная вечем. Такой грамоты во Пскове, видимо, до июня 1484 г. просто не существовало. Ни I, ни II летописи ни о какой смердье грамоте общепсковского характера (первой, по мнению большинства исследователей, второй по Б. Д. Грекову) ничего не говорят, и ее существование ничем не подтверждается. Отношения Пскова со смердами регулировались обычаями, сложившимися на основе норм, зафиксированных в старых смердских погостских грамотах. Если так, то грамота, которую посадники «со князем Ярославом» «списали и в ларь вложили на сѣнях», была действительно новой — не в том смысле, что она заменяла старую грамоту,³³ а в том, что была принципиально н о в ы м актом, впервые введившим какие-то общепсковские правила, относящиеся к смердам. В этом своем качестве она не могла быть ни грубым подлогом, как считают А. И. Никитский и С. В. Юшков, ни обманом, как думает С. Н. Чернов.³⁴ Но с точки зрения ПСГ она была незаконной, юридически недействительной, как это и отмечает Б. Д. Греков.

Прав ли Л. В. Черепнин в том, что «не единичный документ, затрагивающий частный, хотя и очень серьезный. . . вопрос, подвергся изменениям, а основной текст псковского законодательства»? По его мнению, в переговорах псковских послов с великим князем в 1484—1485 гг. «вопрос о смердах был частностью — речь шла об общей перестройке старинного вечевоего уклада».³⁵ Действительно, новая грамота нигде не названа «смердье», и это косвенно подтверждает гипотезу Л. В. Черепнина. Однако обращение к летописным текстам показывает, что в сложном комплексе вопросов, обсуждавшихся послами с великим князем, вопрос о смердах неизменно занимал центральное место. Особенно существенно, что он был главным именно для псковичей. Первое посольство (сентябрь 1484 г.) едет к великому князю «бити чолом, чтобы отдал своея нелюбкы, что казнили смердовъ». Неудача второго посольства (декабрь 1484 г.) объясняется летописцем прежде всего тем, что послы поехали «смердов не отпустя». «Брань и мятеж велик» между боярами и жителями, с одной стороны, и черными молодыдыми — с другой, начинается с готовности первых «смердовъ отпустити». Гонцы от «молодых людей» (март 1485 г.) тоже должны говорить в первую очередь о смердах — «твою волю створим о смердах и о посадниках».³⁶ Третье посольство (июнь 1485 г.), по определению I летописи, «послаше о смердах, чтобы нас князь великий

³³ «Незаконное составление. . . новой грамоты неизбежно предполагает наличие законной старой» (там же, с. 12).

³⁴ Никитский А. Очерк внутренней истории Пскова, с. 284; Юшков С. В. Псковская «аграрная» революция, с. 25; Чернов С. Н. Заметки о псковских смердах. . . , с. 17.

³⁵ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I, с. 424.

³⁶ ПЛ, II, с. 65—66.

держал в старшине». ³⁷ Капитуляция псковичей после третьего посольства включает прежде всего решение смердьево вопроса в том направлении, на котором настаивал великий князь. ³⁸ Наконец, центральный момент четвертого посольства (сентябрь 1485 г.) — челобитье псковичей «о своей проступке, что были смердовъ. . .». ³⁹ Нет никакого сомнения в том, что вопрос о смердах волновал псковичей больше и прежде всего. Остальные вопросы (о посадниках, о князе Ярославле) ими затрагиваются только попутно, в той мере, в какой этого требует великий князь. А это означает, что новая грамота, положившая начало конфликту с великим князем, была связана прежде всего именно со смердами. Если бы она представляла собой попытку пересмотра всей ПСГ, то, надо думать, вопрос о смердах стал бы в глазах псковичей действительно «частностью», которая не могла бы заслонить от их взора «общей перестройки старинного вечевого уклада».

Третья и самая главная проблема, поставленная в историографии событий 1483—1486 гг., — это общая характеристика этих событий, их политического и социального содержания. Споры вызывают и взаимоотношения основных участников событий (посадники, черные люди, смерды, великий князь), и конкретный характер их действий, и мотивы этих действий — их политическая направленность и социальный смысл. Согласно традиционной точке зрения, разделяемой большинством историков, как дореволюционных, так и советских, общая схема событий такова: попытка псковских посадников при участии наместника великого князя пересмотреть статус смердов с целью сокращения их повинностей в пользу Господина Пскова встретила одобрение и сочувствие смердов и поддержку великого князя, но вызвала резкий отпор со стороны псковского веча (черных людей). В ходе длительных переговоров великий князь добился удовлетворения своих требований — победили посадники и смерды, а черные люди (вече) потерпели поражение. Так именно считают И. Д. Беляев, А. И. Никитский, А. Е. Пресняков, С. В. Юшков, С. Н. Чернов, Б. Б. Кафенгауз, расходясь, однако, между собой в расстановке акцентов и в ряде более или менее существенных деталей и оценок. Иную концепцию предложил Б. Д. Греков. По его мнению, попытка боярского совета изменить положение смердов вызвала решительный протест как черных людей, так и самих смердов, и не была поддержана великим князем, почему и потерпела неудачу. ⁴⁰ Л. В. Черепнин также считает, что черные люди и смерды оказались фактически в одном лагере, хотя между ними и не было крепкого союза. Однако в отличие от Б. Д. Грекова он пишет, что действия посадников

³⁷ Там же, I, с. 80.

³⁸ Там же, II, с. 66.

³⁹ Там же, с. 68.

⁴⁰ Греков Б. Д. Движение псковских смердов. . ., с. 13, 23.

и наместника поддерживались великим князем.⁴¹ На близких позициях стоит и Н. Н. Масленникова.⁴² Особой точки зрения придерживается Л. М. Марасинова: в 80-х гг. XV в. «речь шла о частном конфликте смердов одного из пограничных районов Псковской земли с городскими властями».⁴³

Таким образом, намечаются три принципиальные схемы событий: посадники, смерды и великий князь против черных людей; посадники против смердов, черных людей и великого князя; посадники и великий князь против черных людей и смердов. Наличие столь существенно разнородных, взаимно исключаящих друг друга схем во многом объясняется, конечно, краткостью и неполнотой известий летописи — основного источника для изучения интересующих нас событий. Поэтому всякая реконструкция событий 1483—1486 гг. может носить только характер гипотезы, точнее, системы гипотез, в той мере, в какой эта реконструкция не опирается на бесспорные свидетельства памятника. Изложенные выше схемы событий и являются такими гипотезами, в большей или меньшей мере приближающимися к действительности. Несмотря на то что соответствующие тексты много раз изучались под разным углом зрения, возможности их не исчерпаны, что оправдывает попытку новых реконструкций, к числу которых относится и предлагаемая ниже.

Думается, что при анализе и оценке событий 1483—1486 гг. нужно исходить из того, что перед нами фактически три конфликта: между Господином Псковом и смердами; между Господином Псковом и великим князем; внутри самого Господина Пскова — между боярами и черными людьми. Особенность событий 1483—1486 гг. в том, что эти три конфликта существуют и развиваются не изолированно, не независимо друг от друга, а тесно переплетаются, взаимодействуют, накладываются один на другой и образуют сложный комплекс разнородных противоречий. Основной осью этого комплекса является, очевидно, первый из названных конфликтов, что отмечается и летописцем, давшим всему комплексу событий выразительное название «брань о смердах». Однако при всей своей важности этот конфликт не может рассматриваться в отрыве от других — суть событий именно в одновременном и параллельном развитии указанных противоречий.

Большинство исследователей считают, что события начались с составления новой грамоты.⁴⁴ Однако И. Д. Беляев начинает их с мая 1483 г.⁴⁵ Л. В. Черепнин также видит связь между волнени-

⁴¹ Черепнин Л. В. Социально-политическая борьба... с. 163.

⁴² Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству, с. 73—76.

⁴³ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты... с. 162.

⁴⁴ См., например: Греков Б. Д. Движение псковских смердов... с. 13.

⁴⁵ Беляев И. История города Пскова... с. 345.

ями в мае 1483 г., когда «посекоша дворы» многих посадников, и восстанием в июне 1484 г. и вслед за С. Н. Черновым считает, что брани о смердах «предшествовало широкое движение крестьянства, жившего на государственных землях». Это движение заключалось в отказе от трудовых повинностей и в то же время — в борьбе за «старину», за сохранение повинностей в их прежнем, традиционном виде.⁴⁶

В пользу первого положения Л. В. Черепнина говорят: относительная хронологическая близость событий мая 1483 г. и июня 1484 г.; совпадение в общих чертах в расстановке социально-политических сил — в обоих случаях «псковичи» («вече») выступают против посадников; упоминание в числе посадников, дворы которых «посёкоша» псковичи 6 мая 1483 г., Стефана Максимовича, вероятно, того самого, который позднее оказался «на Москвь». ⁴⁷ Вполне возможно, что в мае 1483 г. конфликт между посадниками и черными людьми в какой-то мере предвосхищал события июня 1484 г. Мнение о непосредственной связи событий мая 1483 г. с вопросом о смердах остается все же недоказанным. Один из аргументов против него — тот факт, что Степан Максимович вместе с двумя другими посадниками бежал в Москву не весной 1483 г., а только в июне 1484 г. После событий мая 1483 г. он, следовательно, оставался во Пскове. Другой аргумент можно найти при сопоставлении имен посадников, чьи дворы были посечены в мае 1483 г., и посадников, фигурирующих в событиях 1484—1486 гг.:

Май 1483 г.	Июнь 1484 г.	Сентябрь 1484—сентябрь 1485 г. (посольства в Москву)
Яков	Гаврила (убит)	Григорий Яковлевич Кротов
Стефан Максимович	Степан Максимович	Иван Агафонович
Зиновий	Леонтий Тимофеевич	Микита Ларионович
Микита	Василий Короставый	Зиновий Сидорович
Иван		Андрей Иванович
Кюрь		Кузьма Ондронович
		Яков Офанасьевич
		Григорий Хрусталеv
		Яков Ивaпович
		Макарий Васильевич
		Василий Логинович

Как видим, из шести посадников, чьи дворы были разгромлены 6 мая 1483 г., только один связан с событиями июня 1484 г. В составе же посольства к великому князю фигурируют Зиновий, Микита, Иван и два Якова — это имена персонажей мая 1483 г. Конечно, нельзя настаивать на отождествлении всех носителей этих имен с персонажами майских событий 1483 г. В тех же посольствах — два Григория и два Якова, что свидетельствует о повторя-

⁴⁶ Черепнин Л. В. Социально-политическая борьба..., с. 161.

⁴⁷ ПЛ, I, с. 79, 80.

емости одних и тех же имен у одновременно действующих посадников. Однако частичное совпадение предполагать можно, особенно у обладателя сравнительно редко встречающегося имени Зиновий.⁴⁸ Таким образом, сопоставление имен посадников не подтверждает мнение И. Д. Беляева и Л. В. Черепнина о непосредственной связи событий мая 1483 г. и июня 1484 г. Посадники, пострадавшие в майские дни 1483 г., продолжают оставаться во главе Господина Пскова и ведут от его имени переговоры с великим князем в 1484—1485 гг.

Весьма интересным является предположение Чернова—Черепнина о времени начала движения. В его пользу говорит текст II летописи, относящийся к известию о возвращении четвертого посольства во Псков в ноябре 1485 г. — «оуляже брань о смердахх . . . и о томъ вся земля мятjшеса по два года».⁴⁹ Если буквально придерживаться этого текста, брань о смердах началась в ноябре 1483 г., в более широком смысле — осенью этого года, по крайней мере на несколько месяцев раньше конфликта веча с посадниками по поводу новой грамоты. Если так, то инициатива брани должна была исходить не от посадников, составивших новую грамоту, и не от веча, дезавуировавшего посадников, а от самих смердов, а сама брань — носить характер более или менее массовых выступлений, приводящих в «смятение» «всю землю», на что справедливо указывает Л. В. Черепнин.⁵⁰ «Всеи земли смятение бысть» оттого, что смерды, «потаивше грамоты, не потягнуша на своя работы»,⁵¹ а вовсе не оттого, что посадники «списали» новую грамоту без ведома веча — при всей важности этого факта.

Но смерды не только потаили грамоты, не только отказались выполнять свои повинности, но и вступили в какие-то переговоры с великим князем — «обольстиша князю великому». Нет ли оснований для предположения, что эти переговоры и послужили поводом для составления той новой грамоты, которая вызвала внутренний взрыв во Пскове в июне 1484 г.? Мне кажется, такие основания есть. Новая грамота была составлена при участии кн. Ярослава, наместника великого князя; представители смердов в это время находились во Пскове и были там задержаны; ход всех дальнейших событий показывает, что смерды живо интересуют великого князя: именно поэтому псковичи бьют ему челом. Ввиду этого гипотезу о составлении новой грамоты в ответ на движение смердов нельзя считать исключенной.

⁴⁸ Б. Б. Кафенгауз отождествляет Ивана Агафоновича, Микиту Ларпоновича и Зиновия Сидоровича с участниками майских событий 1483 г. (К а ф е н г а у з Б. Б. Древний Псков, с. 58—59).

⁴⁹ ПЛ, II, с. 68.

⁵⁰ Черепнин Л. В. Социально-политическая борьба. . . , с. 161.— Трудно только согласиться с Л. В. Черепниным, когда он видит в этом движении борьбу за «старину».

⁵¹ ПЛ, II, с. 68. — Массовый характер движения смердов не позволяет согласиться с мнением Л. М. Марасиновой о локальном характере конфликта.

Принятие этой гипотезы проливает некоторый свет на содержание самой новой грамоты. Во-первых, она была составлена по инициативе не посадников, а наместника великого князя, действовавшего, надо полагать, по указанию последнего. В пользу этого — тот факт, что на протяжении всего конфликта великий князь неизменно поддерживает своего наместника, полностью одобряет его действия.⁵² Во-вторых, составленная в ответ на движение смердов и в результате переговоров с ними новая грамота скорее всего содержала какие-то льготы для них. Именно эти льготы и дали основание летописцу обвинять смердов в скрытии повинностей в переговорах с великим князем. Если бы великий князь не пошел на какие-то уступки смердам, вопрос о том, что они ему «кобольстища», не был бы актуальным. Какой характер носили эти льготы? Как известно, старые грамоты смердым погостам содержали перечисление их даней и уроков. «Всеи земли смятенъ» произошло от отказа смердов выполнять урочные работы. Вероятно, именно эти урочные работы и были основной темой переговоров великого князя или, точнее, его наместника, действовавшего по его полномочию, с представителями смердых общин. Льготы смердам скорее всего могли заключаться в сокращении или отмене «уроков» в пользу Господина Пскова.⁵³

Если это так, то становится понятным, почему смерды в конфликте с Господином Псковом ориентируются на великого князя. Причина этой ориентации — не в «наивности» смердов, как это принято повторять в литературе, а в совершенно реальной политике великого князя, действительно облегчавшей в своих собственных интересах положение государственных крестьян Псковской земли.⁵⁴ Другая существенная причина ориентации смердов на Москву — в представлении о великом князе как носителе высшего, наиболее авторитетного правопорядка в условиях удельно-вечевой анархии. Нельзя также не согласиться с С. Н. Черновым, что «в их (смердов, — Ю. А.) тяге к Москве. . . играло значительную роль и стремление избежать захвата родной земли литовскими и польскими панами или ливонскими рыцарями».⁵⁵ В условиях разложения удельно-вечевого сепаратизма, отживающего свой век, только сила и власть великого князя — главы нового централизованного государства — была способна решать широкую задачу внутренней и внешней политики, стоявшие перед Русью. Новая грамота носила, вероятно, характер своего рода жалован-

⁵² Нет оснований согласиться с Б. Д. Грековым, увидевшим перелом в поведении наместника после того, как он побывал в Москве осенью 1485 г. (Греков Б. Д. Движение псковских смердов. . . , с. 24). На прямую зависимость действий наместника от приказов великого князя обратил внимание еще И. Д. Беляев (История города Пскова. . . , с. 346).

⁵³ Речь едва ли могла идти о том, чтобы допустить смердов к участию в вече, как думает И. Д. Беляев (История города Пскова. . . , с. 345).

⁵⁴ К аналогичному мнению пришел и С. В. Юшков (Псковская «аграрная» революция. . . , с. 41).

⁵⁵ Чернов С. Н. Заметки о псковских смердах. . . , с. 54.

ной или уставной грамоты, имевшей общепсковский характер и содержавшей фиксацию смердских даней Господину Пскову при одновременной отмене или ограничении отработочных повинностей. С точки зрения великого князя принципиально важное значение имел самый факт выдачи такой грамоты его наместником помимо псковского веча. Великокняжеская власть открывала для себя возможность активного вмешательства во внутреннюю жизнь Господина Пскова; выдача подобного акта — реализация взгляда великого князя на себя как на государя всея Руси, что в свою очередь приводило к ограничению компетенции и значимости псковского веча.⁵⁶

Летописные известия не дают прямых оснований видеть в псковских посадниках, «списавших» грамоту, активных участников событий, заинтересованных в смердской реформе, как считает большинство исследователей, начиная с И. Д. Беляева. II летопись довольно откровенно и правдоподобно излагает мотивы подобных действий псковской верхушки — «блюдушеся от князя великого казни».⁵⁷ Эти соображения, относящиеся к событиям января 1485 г., можно без особой натяжки перенести и на более раннее время. Конечно, нельзя исключать возможность коррупции, повлиявшей на действия отдельных конкретных лиц, но едва ли псковское боярство в целом могло выиграть от смердской реформы. У нас нет никаких указаний, хотя бы косвенных, что эта реформа сопровождалась установлением каких-либо платежей и повинностей смердов в пользу боярской верхушки, на чем настаивают В. И. Сергеевич, Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин и Н. Н. Масленникова. Не видно также открытого раскола веча на бояр и черных в июне 1484 г., хотя вполне вероятно, что инициаторами изгнания посадников были черные люди. По сведениям летописца, «брань и мятеж велик» между посадниками, боярами и жителями, с одной стороны, и черными людьми молодыми — с другой, начались только в январе 1485 г., хотя, несомненно, назревали раньше. В событиях 1486 г., связанных с грамотой норовских смердов, не видно никакого противопоставления бояр и черных. Все это наводит на мысль, что социальный компромисс между великокняжеской властью, давшей льготу псковским смердам, и псковским боярством не имел места — боярство Господина Пскова как таковое не рассматривалось великокняжеской властью в качестве союзника.

Это было, вероятно, одной из главных причин того, что черные люди, антиподы бояр внутри городской общины, в момент наибольшего обострения конфликта в январе—феврале 1485 г., возлагали свои надежды именно на великого князя, пытаясь вступить с ним

⁵⁶ «Москве было совершенно необходимо... ослабить политическую роль веча», — верно замечает С. Н. Чернов (там же, с. 45—46). Но это означает ослабление особенности Господина Пскова в целом, ослабление псковского сепаратизма.

⁵⁷ ПЛ, II, с. 65.

в прямые, хотя и неофициальные, переговоры. По-видимому, за полгода конфликта великий князь не дал черным людям повода заподозрить себя в союзе с боярами. Смердья реформа, введенная новой грамотой, была направлена отнюдь не против черных людей. Недавние события в Новгороде, где великий князь выступил решительно именно против боярства, были одной из главных причин той лояльности черных людей по отношению к нему, которую подчеркивают все исследователи.⁵⁸ Трезвый политический расчет заставлял их держаться за великого князя,⁵⁹ искать соглашения с ним, всячески избегать открытого разрыва. В этом смысле поведение черных людей принципиально не отличалось от поведения бояр и определяло всю политическую линию Господина Пскова по отношению к великому князю.

Однако если оба основных социальных слоя псковской городской общины в равной степени понимали необходимость сохранения отношений с великим князем, то конкретные шаги для достижения этого соглашения они представляли себе очень поразному. В то время как бояре и житыи были готовы капитулировать в вопросе о смердах, «блюдущиеся от князя великого казни», черные люди были уверены, что соглашения можно достигнуть и без этих уступок. Основная причина такой разницы во взглядах коренится, без сомнения, в различии самой сути социально-экономического положения бояр и черных людей. Бояре и житыи — феодалы, собственники земель, населенных сиротами и половниками; именно эти земли и их население — источник экономического и социального могущества псковских и новгородских феодалов.⁶⁰ Черные люди — безземельные или малоземельные члены городской общины, владельцы крохотных участков, обрабатываемых своими силами. Их заинтересованность в повинностях смердovem больше, чем слабее и неустойчивее их собственное экономическое положение. Один шаг отделяет такого псковитина от потери земли и экономической самостоятельности; введение повинностей в пользу Господина Пскова, как следствие смердье реформы, может оказаться для многих из них роковым. Вместе с тем такая разверстка в принципе противоречит самому существу состояния свободного псковитина — члена правящей городской общины. Вспомним негодование и ярость новгородцев на Мирошкиничей в 1209 г., «яко ти повѣльѣша на новгородьцхъ сребро имати. . . по купцемъ виру дикую, и повозы возити»,⁶¹ их возмущение, когда

⁵⁸ См., например: Черепнин Л. В. Социально-политическая борьба. . ., с. 160, 163, 165.

⁵⁹ Достаточно вспомнить хотя бы нападение новгородцев на псковскую волость Гостятино в 1475 г. (ИЛ, II, с. 199—200), чтобы оценить ту обстановку почти непрерывной войны, которая была существенной чертой удельно-вечного сепаратизма.

⁶⁰ Юшков С. В. Псковская «аграрная» революция, с. 40; Чернов С. Н. Заметки о псковских смердах. . ., с. 48.

⁶¹ ИЛ, с. 51.

в 1259 г. «вятшши велят ся яти меншимъ по числу. . . Творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло». ⁶² Податной иммунитет новгородцев — членов городской общины — сохраняется до самых последних десятилетий Господина Великого Новгорода. Об этом свидетельствует грамота о черном боре с новоторжских волостей, датируемая 1448—1461 гг. Согласно этому документу, черный бор — посошную подать — платят только местные люди, жители новоторжских волостей. «А гдѣ будетъ нугородецъ заѣхалъ лодьею, или лавкою торгуеть. . . на томъ не взяти», подчеркивает грамота. ⁶³ Это все — такая же «старина», как и другие нормы черного бора. Введение государственных повинностей и их раскладка с неизбежностью приводили к росту социального неравенства в самой городской общине, к ухудшению положения «менших» и «черных» и к сравнительному улучшению положения «бояр» и «вятших». Именно эту сторону смердѣй реформы имеют в виду, вероятно, «черные люди молодии», когда пытаются апеллировать к великому князю на решение боярского совета в январе—феврале 1485 г.

Итак, черные люди, как и смерды, обращаются к великому князю, надеясь на его поддержку. Однако если интересы смердов заключаются в уменьшении их повинностей по отношению к Господину Пскову, то интересы черных людей состоят как раз в противоположном — в сохранении этих смердѣйских повинностей на прежнем уровне, по старине. ⁶⁴ Смерды стремятся к новому, черные — держатся за старое. Чаяния смердов объективно отвечают намерениям великого князя и соответствуют общему процессу объединения Руси, и в частности ликвидации псковского сепаратизма. Надежды черных людей на сохранение старого порядка отвечают противоположной, консервативной тенденции — поддержанию этого сепаратизма. Именно поэтому великий князь по-разному реагирует на обращение к нему этих двух групп населения Господина Пскова. Просьбы и требования смердов он в значительной мере удовлетворяет, давая им льготы; просьбы черных людей (псковского веча) сохранить старину он оставляет в сущности без внимания, требуя полного повиновения своей власти.

Но разница между смердами и черными людьми не только в их политической позиции и в отношении к ним великого князя. Она глубже и серьезнее. Трудно согласиться с историками, которые видят в смердах и черных людях — горожанах «братьев по классу» (В. И. Герасимова), естественных союзников (Л. В. Черепнин, Б. Б. Кафенгауз), считают «городскую демократию» защитницей смердов (Б. Д. Греков), рассматривают конфликт

⁶² Там же, с. 82.

⁶³ ГИИ, № 21, с. 39.

⁶⁴ По тексту летописи именно псковичи, а не смерды, стоят за старину, вопреки мнению Л. В. Черепнина, считающего, что смерды ведут борьбу «за сохранение (повинностей, — Ю. А.) в том составе, который утвержден стариной» (Черепнин Л. В. Социально-политическая борьба. . . , с. 161).

между черными людьми и смердами как своего рода досадное недоразумение, объясняемое «слабостью политического сознания горожан» (Л. В. Черепнин) или вообще затушевывают этот конфликт (Б. Д. Греков).⁶⁵ В основе таких взглядов лежит, видимо, представление о черных людях — горожанах как о массе ремесленников, эксплуатируемых боярской верхушкой и противостоящих ей как сложившийся класс. Наиболее ясно это воззрение — применительно к Пскову — отразил Б. Б. Кафенгауз, увидевший аналогию борьбе черных людей против бояр в восстаниях ремесленных цехов против патрициата в Западной Европе XIV—XV вв.⁶⁶

Брань о смердах свидетельствует, что дело фактически обстоит не так. При всей разнице своего социально-экономического положения по сравнению с боярами и жителями черные люди составляли вместе с ними одну и ту же городскую общину, господствующую в политическом отношении над всеми землями, тянувшими к Господину Пскову. Несмотря на то что в этой общине шел и усиливался процесс социального расслоения и развивался антагонизм между боярами и черными людьми, вся эта община в целом, пока она существовала как политическая организация, противостояла государственным крестьянам-смердам, платившим дань и несшим повинности в пользу этой общины как своего рода кол-

⁶⁵ Трудно, например, согласиться с Б. Д. Грековым, когда он утверждает, что «вече считало главарей смердов менее виновными, чем нарушителей псковской пошрины» и ограничилось арестом их, тогда как посадники были объявлены вне закона (Греков Б. Д. Движение псковских смердов. . . , с. 24). Судя по II летописи, вече сурово расправилось с оказавшимися во Пскове представителями смердских общин. Дело отнюдь не ограничилось арестом трех смердов, поименно названных в летописи. В переговорах первого посольства речь идет о том, что псковичи «казнили смердовъ»; во время «брани и мятежа» выясняется, что псковичи «пред послом князя великого смерда казнили» (ПЛ, II, с. 65). Едва ли тут можно видеть только арест трех смердов: четвертое посольство бьет челом о «проступке» псковичей, «что били смердовъ, чрезъ повеление князя великого казнили» (ПЛ, II, с. 68). Смердов не просто посадили в погреб, опечатав их животы, но и подвергли физической расправе — били, может быть, убивали. Едва ли можно также утверждать, что «казнь трех смердов. . . принадлежавших к верхушечной части крестьянского населения. . . вовсе не означала розни между основной массой городского населения и крестьянством» (Черепнин Л. В. Социально-политическая борьба. . . , с. 163). У нас нет никаких данных для противопоставления казненных смердов их основной массе; в то же время сам Л. В. Черепнин не отрицает, что «псковские горожане. . . протестовали против вывода смердов из подсудности и фискальной зависимости от Пскова» (там же, с. 162); значит «рознь» — налицо.

⁶⁶ Кафенгауз Б. Б. Древний Псков, с. 83—84. — Однако еще В. Н. Бернадский справедливо подчеркнул принципиальное отличие между Флоренцией XIV—XV вв., где «уже складывались капиталистические отношения», и Новгородом, где «новый способ производства еще не зародился» (Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке, с. 199). В меньшей мере это относится и к Пскову.

лективного феодала.⁶⁷ Отчетливо проявившаяся в событиях 1483—1486 гг. изоляция «городских черных людей от крестьянства», которая кажется Б. Б. Кафенгаузу «исключительной, временной и непрочной»,⁶⁸ а С. Н. Чернову — комбинацией, «по самому своему существу противоестественной»,⁶⁹ имеет на самом деле глубокие и прочные корни в особенностях социально-политического устройства вечевых городов-земель, в специфике свойственной им формы развития феодальных отношений и является естественным взаимоотношением двух разных классов развивающегося феодального общества. Потенциальные феодалы — черные люди,⁷⁰ являющиеся вместе с тем и реальными феодалами — членами господствующей городской общины, противостоят эксплуатируемому непривилегированному крестьянству.⁷¹ Только ликвидация привилегированной городской общины с ее ставшим анахронизмом вечевым строем и превращение массы горожан в тягловцев феодального государства создает действительные условия для сближения классовых интересов черных людей в новом понимании этого слова — жителей городского посада и массы черного и владельческого крестьянства. Но такие условия появляются только в Русском централизованном государстве, на новом, более высоком этапе развития всего феодального общества, всех общественных отношений феодальной Руси. В рамках Господина Пскова, доживавшего последние десятилетия своей особенности, противопоставление черных людей города черным крестьянам (смердам) — важный социально-политический фактор, ускоряющий конец этой феодальной республики и включение ее в состав единого Русского государства.

Одним из спорных является вопрос об «обидных людях» из пригородов и волостей и об их «обидах», упоминаемых в связи с делом норовских смердов. В. И. Сергеевич считает, что обидные люди — «землевладельцы, на землях которых сидели смерды».⁷² С. В. Юшков, считая обидных людей землевладельцами, формировавшимися главным образом из горожан, находит в их обидах доказательство в пользу своей трактовки смердией (старой) грамоты как документа, отражавшего не только государственные, но и частновладельческие повинности смердов.⁷³ В. И. Гераси-

⁶⁷ И. Д. Мартысевич считает, что черные люди Пскова «являлись тяглым или податным населением, платили подати и несли повинности» (М а р т ы с е в и ч И. Д. Общественно-политический строй и право. . . , с. 11).

⁶⁸ Кафенгауз Б. Б. Древний Псков, с. 83.

⁶⁹ Чернов С. Н. Заметки о псковских смердах. . . , с. 55.

⁷⁰ «Даже мелкие землевладельцы-земпы. . . формировались главным образом из среды горожан», — замечает С. В. Юшков (Псковская «аграрная» революция, с. 35).

⁷¹ Едва ли можно ввиду этого согласиться с Л. М. Марасиновой, что «смерды — свободные крестьяне-общинники не занимали какого-то особого, отличного от других категорий свободного населения, положения в псковском обществе» (М а р а с и н о в а Л. М. Новые псковские грамоты. . . , с. 156).

⁷² Сергеевич В. Древности русского права, т. I, с. 206.

⁷³ Юшков С. В. Псковская «аграрная» революция, с. 38.

мова стоит в принципе на тех же позициях, подчеркивая вместе с тем, что обидные люди — это «мелкие рядовые псковские землевладельцы».⁷⁴ По мнению Л. В. Черепнина, выступление обидных людей таит «прямую угрозу для господствующего класса»,⁷⁵ откуда можно заключить, что он считает их во всяком случае не феодалами; напротив, в отличие от С. В. Юшкова и В. И. Герасимовой он склонен сближать их классовые интересы со смердами. Против концепции С. В. Юшкова говорит тот факт, что смерды, как государственные крестьяне, не могут в массовом порядке нести сеньериальные повинности в пользу отдельных землевладельцев. Принять гипотезу Л. В. Черепнина затрудняет сам текст летописи, не дающий возможности отождествить интересы обидных людей, бьющих челом псковскому вечу, которое их выслушивает с сочувствием и симпатией, с интересами смердов, представитель которых посажен тем же вечем в крепость. Тем не менее выступление обидных людей могло иметь прямую связь с новым обострением смердского вопроса в 1486 г., уже после того как, по мнению летописца, «уляже брань» о смердах. Одним из проявлений этого обострения было дело норовских смердов, другим — выступление обидных людей.

Дело в том, что полная капитуляция Господина Пскова перед требованиями великого князя летом—осенью 1485 г. создала благоприятные условия для реализации великокняжеской администрацией тех положений, которые составили содержание новой грамоты и представляли собой некоторые льготы смердам. И наместники кн. Ярослава в пригородах, и он сам начали фактически проводить в жизнь ту линию, которая была намечена новой грамотой и послужила предметом брани о смердах. Смерды, по-видимому, повсеместно освобождались от натуральных повинностей, которые теперь стали либо разверстываться между псковичами — горожанами и землевладельцами, либо во всяком случае выполняться при их участии. Эта линия, последовательно проводимая княжеской администрацией, и могла вызвать массовый взрыв недовольства со стороны псковичей, именно то множество «обид», которое, по представлению летописца, даже «невозможно изчести». Массовый характер этих обид говорит в пользу того, что они были следствием не случайных обстоятельств, а определенной, целеустремленной политики, а их внезапное появление (во время брани о смердах вопрос об обидах даже не возникал) свидетельствует о том, что эта политика стала проводиться совсем недавно, скорее всего именно после того как «уляже брань о смердах» и Псков капитулировал. О связи же этих обид со смердским вопросом говорит непосредственно сам контекст летописи; известие об обидах текстуально и логически связано, с одной стороны, с делом норовского

⁷⁴ Герасимова В. И. Присоединение Пскова к Московскому централизованному государству, с. 120.

⁷⁵ Черепнин Л. В. Социально-политическая борьба... , с. 169.

смерда («И оттоле начаша, ис пригородов приезда. . .»), с другой — с новым посольством к великому князю летом 1486 г., посланным в результате этих обид и ведшим переговоры, согласно летописи, исключительно о смердьем вопросе («повѣдаша о смерде»). Так именно и понял цель и суть посольства великий князь («Давно ли яз вамъ о смердах вины отдах. . .»), который категорически отказался принять какую-либо жалобу на своего наместника.⁷⁶ В обидных людях естественнее всего видеть тех же черных людей молодших — мелких и мельчайших землевладельцев-своеземцев, а в их обидах — результат потери, вероятно частичной, прежнего привилегированного по отношению к смердам-тяглецам положения. Чем закончился новый конфликт, неизвестно. Надо полагать, что великий князь снова настоял на своем. Во всяком случае его наместник, кн. Ярослав, остался во Пскове, где и умер 4 октября 1487 г. в мор и был похоронен в Троицком соборе.⁷⁷

Подведем некоторые итоги. Общий ход событий 1483—1486 гг. выглядит, согласно нашей реконструкции, примерно так.

1. Осенью 1483 г. начинается широкое движение смердов против повинностей Господину Пскову. Смерды прячут свои грамоты, отказываются нести урочные работы.

2. В ходе этого движения смерды обращаются к наместнику великого князя (может быть, были сами запрошены им) с просьбой о смягчении своих повинностей.

3. Результат этих переговоров — составление новой грамоты, своего рода смердьяго устава, более льготного, чем старые смердья погостские грамоты.

4. Эта новая грамота, составленная посадниками под давлением наместника великого князя, вызывает в июне 1484 г. восстание черных людей на вече, причем восставшие расправляются и с посадниками — непосредственными составителями новой грамоты, и с представителями смердьях общин.

5. Действия веча приводят к острому конфликту с великим князем. В результате длительных переговоров (сентябрь 1484 г. — ноябрь 1485 г.) псковское вече вынуждено капитулировать, приняв все требования великого князя, и прежде всего в вопросе о смердах.

6. После примирения псковичей с великим князем его администрация начинает проводить смердью реформу в жизнь, что вызывает новое обострение смердьяго вопроса и угрозу нового конфликта с великим князем (летом 1486 г.).

Позиции сторон в этом многообразном и сложном переплетении событий определяются следующим образом.

С м е р д ы являются главной действующей стороной в социальном движении. Смерды, государственные крестьяне, ведут классовую борьбу против городской общины — коллективного феодала —

⁷⁶ ПЛ, II, с. 69.

⁷⁷ Там же, I, с. 80.

с целью уменьшения своих повинностей. В своей борьбе смерды находят поддержку великого князя и имеют частичный успех.

Черные люди — псковичи в массе своей выступают против смердзей реформы, охраняя свои привилегии членов городской общины и свои экономические интересы. Черные люди выступают также против верхушки псковской общины — бояр и житых, однако это выступление не приводит к существенным результатам и кончается на данном этапе примирением на базе совместной борьбы против смердзей реформы, проводимой княжеской администрацией. По отношению к великому князю черные люди сохраняют лояльность, обращаются к нему за помощью против бояр, но безуспешно.

Посадники, бояре и житы не занимают четкой однозначной позиции. Располагая крупными земельными владениями, они во имя их сохранения готовы пойти на соглашение с княжеской администрацией в смердзем вопросе. В то же время они частично поддерживают черных людей в их борьбе против реформы. В целом эта верхушка псковской общины больше всего боится гнева великого князя.

Великий князь через свою администрацию во Пскове проводит последовательную политику, общей целью которой является подготовка условий для полной ликвидации псковского сепаратизма. Он поддерживает смердов в их борьбе против Господина Пскова, вмешиваясь тем самым во внутренний строй псковской общины; от псковичей требует полной покорности, не отдавая предпочтения ни боярам, ни черным людям.

Общий итог событий — усиление зависимости Господина Пскова от Русского централизованного государства и ослабление внутренней структуры дряхлеющей феодальной республики.

Основная схема расстановки сил такова: смерды и великий князь против бояр и черных людей всего Господина Пскова. Государственная власть феодальной Руси и государственные тяглецы-смерды оказались на данном этапе в одном лагере в борьбе против общего врага — сепаратизма псковской вечевой общины. Разумеется, со стороны великого князя здесь действует не какое-либо смердолюбие, а трезвый и дальновидный расчет, основанный на тщательной оценке конкретной социально-политической ситуации.

Для Ивана III интерес к государственным крестьянам — не случайный эпизод. Именно в это время (80-е гг. XV в.) начинается большая аграрная реформа на землях Великого Новгорода, уже включенного в состав Русского централизованного государства. Один из существенных ее моментов — создание огромного фонда государственных (оброчных) земель за счет массовой ликвидации новгородских монастырщин и боярщин, а также владычных вотчин, социально-экономической опоры новгородского сепара-

тивизма.⁷⁸ Ликвидация многочисленных и разнообразных отработочных и натуральных повинностей (в пользу местных землевладельцев-феодалов, а также в пользу Великого Новгорода) и замена их единообразным оброком, без сомнения, улучшала экономическое и социальное положение новгородских крестьян.⁷⁹

Другой факт, характеризующий аграрную политику Ивана III, — прекращение раздач черных земель центра страны в вотчину церковным феодалам (возможно, также и светским). С этим широко известным фактом связано и другое, не менее известное явление — именно к последним двум десятилетиям XV в. и первым годам XVI в. относится основная масса судебных дел о земле между черными крестьянами и церковными феодалами — от этого времени таких дел сохранилось гораздо больше, чем за весь предыдущий и последующий периоды.⁸⁰ Обострение антифеодальной борьбы черных крестьян за землю не могло быть случайным, изолированным явлением. Оно имело корни в особенностях государственной аграрной политики того времени. Суть этой политики — сохранение фонда земель и крестьян в непосредственном распоряжении феодального государства и его главы — господаря всея Руси.⁸¹ Доходы, поступающие с этих земель в казну великого князя, способствуют укреплению военно-политического могущества Русского централизованного феодального государства. Сами эти земли и их население — резерв для наделения поместьями поднимающегося нового слоя феодалов, средних и мелких служилых людей великого князя, основной его социально-политической опоры. В ходе дальнейшего феодального развития, через два-три поколения, поместная система сметет основную массу черных земель,⁸² но для конца XV в. — это еще далекая перспектива. Иван III стремится крепко держать в своих собственных руках крестьян и их земли.

⁷⁸ По данным сохранившихся новгородских писцовых книг конца XV — начала XVI вв., в состав оброчных земель было включено более 17 тыс. обож — 45% всего известного нам земельного фонда Водской, Бежецкой, Деревской, Шелонской пятин и Заонежской половины Обонежской пятинны (Аграрная история северо-запада России, с. 90, 133, 212, 236, 273, 333).

⁷⁹ Так, в Водской пятине общая сумма платежей с одного двора сократилась примерно в полтора раза (там же, с. 213).

⁸⁰ См., например: Черепнин Л. В. 1) Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. II, с. 31—32; 2) Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., с. 189; Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., с. 193—198; Алексеев Ю. Г. 1) Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси... с. 39, 95—96; 2) Крестьянская волость в центре феодальной Руси, с. 101; Алексеев Ю. Г., Копанев А. И. Развитие поместной системы в XVI в. — В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975, с. 61, 66—67; Ивина Л. И. 1) Судебные документы и борьба за землю в Русском государстве... с. 336—337, 354; 2) Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в., с. 105, 126.

⁸¹ Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси... с. 148—151, 165—169.

⁸² Алексеев Ю. Г., Копанев А. И. Развитие поместной системы в XVI в., в, 58, 68—69.

Государственной форме эксплуатации он отдает явное предпочтение перед частновладельческой.

Нет оснований думать, что политика великого князя по отношению к псковским смердам принципиально отличалась от общей линии его аграрной политики в целом. Напротив, надо полагать, что и во Псковской земле он преследовал те же цели и ставил перед собой аналогичные задачи. Однако здесь необходимо было учитывать сохранение Господином Псковом остатков его самостоятельности, своеобразия его общественно-политического устройства. Господин Псков — вечевая община, и псковские смерды несут повинности в пользу этой общины. Эти повинности — источник военно-экономической силы Пскова; они питают его сепаратизм. Частичное их ограничение и установление контроля над ними со стороны великого князя через его наместника решает сразу несколько задач. Во-первых, ослабляется экономический, а следовательно, и политический потенциал Пскова, что облегчает задачу борьбы с его сепаратизмом, за полное включение его в состав единого государства. Во-вторых, создаются условия для усиления влияния великого князя на значительную и важную в политическом отношении массу населения Псковской земли. В-третьих, обостряются социальные конфликты, раздирающие псковскую городскую общину, что также в принципе способствует ослаблению местного сепаратизма. Политика Ивана III в вопросе о псковских смердах способствует дальнейшему упадку удельно-вечевой сепаратизма и укреплению Русского централизованного государства, а в классовом смысле отвечает дальнейшему развитию феодальных отношений на Руси на новой, более широкой основе, в рамках складывающегося нового огромного государства, объединяющего все русские земли в составе единой феодальной монархии.

Итак, смердья реформа 1484 г., навязанная великим князем, но вызванная классовой борьбой смердов, нанесла существенный удар по социально-экономической основе Псковской феодальной вечевой республики. Можно ли, однако, говорить о полной перестройке аграрных отношений Господина Пскова? Сторонником такой точки зрения является С. В. Юшков, который взял на вооружение предложенный В. И. Сергеевичем весьма неудачный термин «аграрная» революция: «Псковская „аграрная“ революция несомненно положила конец смердьяму праву в Пскове». ⁸³ Едва ли можно, однако, с этим согласиться. Если смерды — это государственные крестьяне, тянущие к Пскову, то ликвидация системы эксплуатации, в основе которой лежали их повинности в пользу Господина Пскова, была бы равносильна ликвидации самой вечевой республики. Полное прекращение повинностей смердов в пользу города не только наносило удар по массе «рядовых горожан», как считал С. В. Юшков, но означало конец всей вечевой системы;

⁸³ Юшков С. В., Псковская «аграрная» революция, с. 42.

городская община Пскова тем самым теряла право эксплуатации псковских земель, а черные люди ставились в положение тяглов в пользу города, теряя свое привилегированное положение по отношению к смердам.⁸⁴ Это была бы хотя и не „аграрная“ революция», но во всяком случае уничтожение всей социальной специфики Псковской земли, всего того, что отличало ее от княжеских земель Северо-Восточной Руси.

Произошло ли это на самом деле? Псковское войско издавна состояло из людей «рубленых» и «охотих»; первые ставились по определенному разряду (мобилизации), вторые шли добровольно. Так, в 1463 г. во время войны с Орденом главные силы во главе с посадниками ходили выручать Новый городок, «а иная сила псковьская нерубления люди, охочей человекъ» во главе с Ивашкой дьяком напала на орденские земли за Иаборском.⁸⁵ В январе 1480 г., в момент внезапного нападения Ордена на псковские земли, псковичи произвели чрезвычайную мобилизацию — «с четырех сох конь и человекъ».⁸⁶ В 1495 г., спустя 10 лет после смердъей реформы, в ответ на призыв великого князя «псковичи срубилися з десяти сох человекъ конны».⁸⁷ В 1500 г. во время большой войны с Литвой псковичи «порубившися в десяти сох конь, а з сорока рублев конь и человекъ в доспѣхе, а бобыли пѣши люди».⁸⁸ В 1501 г. «ратъ добровольныя люди» шла на немцев «во ускоуях и в лодьях».⁸⁹ В том же году, при угрозе нападения немцев на Псков, была проведена чрезвычайная мобилизация — «псковичи, исполна коневая ратъ, а молодые люди два третѣго покрутили щитом да с соулицю».⁹⁰

Из всех этих известий можно сделать вывод, что основы военной, а следовательно, и социальной организации Господина Пскова после событий 1484—1486 гг. не претерпели существенных изменений. События 1484—1486 гг. не означали коренного преобразования социально-экономических отношений Господина Пскова. «Старина» в своих основных чертах сохранилась и продолжала существовать еще четверть века, до ликвидации Господина Пскова в 1510 г. Именно это последнее событие — в центре летописных рассказов о «падении» Пскова; о смердъей реформе эти рассказы даже не упоминают. Итак, смердья реформа 1484 г. при всей своей важности не носила радикального характера, хотя и шла именно в том направлении, которое было, как мне кажется, верно понято С. В. Юшковым: «Создание необходимого кадра чернокунцев великого князя из псковского крестьянства, чтобы впоследствии

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ ПЛ, I, с. 64—65; II, с. 53.

⁸⁶ Там же, I, с. 76.

⁸⁷ Там же, с. 81.

⁸⁸ Там же, с. 84.

⁸⁹ Там же, с. 85.

⁹⁰ Там же, с. 86.

этих чернокунцев превратить в рабочую силу будущих псковских помещиков». ⁹¹

Брань о смердах — последнее известное нам крупное событие внутренней жизни Господина Пскова, своего рода итог его социально-политического бытия. Это итоговое событие достаточно ясно свидетельствует о наличии глубоких классовых антагонизмов, характерных для вечевой феодальной республики на последнем этапе ее существования. Власть городской привилегированной общины над тянущими к городу землями, населенными черными крестьянами — смердами, — вот что составляло на протяжении веков политическую основу вечевой республики. В ходе развития феодальных отношений в вечевом городе и в смердьем погосте усиливаются новые явления. Горожане становятся мелкими и крупными землевладельцами, они проникают вглубь погоста, приобретая земли и зависимых людей и подтачивая стабильность и единство смердьеи общины, наряду со смердами появляются сироты и изорники. Рост феодального землевладения горожан способствует выделению и усилению боярской верхушки и развитию антагонизма между нею и массой черных людей, малоземельных или безземельных членов городской общины. Социальное расслоение внутри городской общины имеет тенденцию перерасти в правовую дифференциацию. ⁹²

Однако все эти явления существуют и развиваются в условиях сохраняющегося господства города над погостом, псковитина над смердом. Социальное расслоение в среде псковитинов и превращение части смердьеих земель в частновладельческие вотчины, а самих смердов — в зависимых сирот, подготавливают условия для новой расстановки классовых сил, но при сохранении вечевой общины не приводит к коренной ломке сложившихся отношений. Для перестройки аграрных и социальных отношений на новых началах, для того чтобы распутать сложный клубок противоречий внутри городской общины при одновременном существовании антагонизма между городом и погостом, необходима ликвидация самой вечевой общины как таковой, необходимо включение вечевой земли в состав Русского централизованного государства.

⁹¹ Ю ш к о в С. В. Псковская «аграрная» революция, с. 36.

⁹² А л е к с е е в Ю. Г. «Черные люди» Новгородa и Пскова, с. 270, 272.

Заключение

Создавая свои «Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв.», И. И. Смирнов мог с полным основанием рассматривать Русскую Правду «как наиболее важный и всеобъемлющий источник» для избранной им темы.¹ Действительно, Русская Правда дает прямой ответ на основные вопросы социально-экономической истории Руси ее времени и позволяет увидеть боярина и холопа, зависимого смерда и закупа — именно те фигуры, которые в первую очередь отражают социальную динамику XII—XIII вв. Сложившись в основном центре русской жизни, под непосредственным влиянием княжеской власти, Русская Правда как памятник раннего русского феодального права отражает генеральную линию развития этого права и в этом смысле вполне адекватна своему времени.

В другом положении оказывается исследователь, пытающийся положить ПСГ в основу изучения Руси XIV—XV вв. ПСГ сложилась не в центре, а на периферии Руси; в ее статьях нет ни боярина, ни смерда, ни холопа — тех фигур, вокруг которых вращается русская жизнь XIV—XV вв. и которые традиционно приковывают к себе внимание историографии. Известный провинциализм и узость социальной тематики с самого начала ставят ПСГ в невыгодное положение по сравнению с Русской Правдой и Судебниками и заставляют исследователя усомниться в возможности решения поставленной им перед собой задачи. Однако по мере углубления в содержание памятника эти сомнения постепенно рассеиваются. Богатство содержания ПСГ, многократно и многообразно пересекающегося со всеми другими памятниками русской жизни ее времени, дает возможность в значительной мере избежать главной опасности — локально псковской ее интерпретации — и увидеть в ней не дальнюю боковую родственницу-провинциалку, а законную и прямую наследницу Русской Правды, принимающую из ее рук эстафету русского феодального права.

¹ Смирнов И. И. Очерки. . . , с. 3.

В качестве такой наследницы Грамоте приходится решать одновременно две задачи. С одной стороны, она, опираясь на фундамент русского феодального права, заложенный Правдой, освещает те вопросы, которые в Правду не вошли; с другой стороны, она вносит коррективы в вопросы, уже решенные Правдой. Эти две задачи решаются именно одновременно, зачастую в одних и тех же статьях: раскрывая специфику общества вечевого города-земли, Грамота рисует и старые социальные типы, не отраженные в Правде, и действительно новые черты общественной жизни, возникшие после Правды. Таким образом, Грамота, с одной стороны, углубляет и расширяет фундамент, заложенный Правдой, с другой — надстраивает над ним следующий хронологический этаж.

В отличие от Русской правды ПСГ не знает классической феодальной вотчины как таковой с характерной для нее галереей типов зависимых и несвободных людей, подвластных привилегированному сеньеру. Она сосредоточивает свое внимание на мире городских и сельских обывателей, на той питательной среде, из которой в ее время непрерывно и исподволь вырастают феодалы и их классовые антиподы. ПСГ застаёт этот слой достаточно мощным и жизнеспособным; в фокусе ста двадцати статей памятника этот слой обнаруживает многообразные и противоречивые черты, предстает перед нами не как далекая и чуждая законодателю вервь Русской Правды, а как живая ткань русской исторической жизни, сохраняющая старые и создающая новые социальные типы. Для русской городской и сельской общины ПСГ играет ту же роль основного кодекса права, какую для русской раннефеодальной вотчины играет Правда. В этом — главное значение и достоинство Грамоты как источника.

Сложившись в эпоху интенсивного развития феодальных отношений, Грамота показывает первоначальную исходную среду этого развития, позволяет проследить самую завязь феодальных отношений. Подобно тому как особые свойства новгородского почвенного слоя позволили сохраниться сотням берестяных грамот, исчезнувших в других местах, так и особые свойства вечевого города-земли дали возможность сохраниться кодексу права русской общины эпохи развивающегося феодализма — общины, служившей повсеместно основным базисом этого развития. Эта универсальность и повсеместная распространенность общины, составляющей второй план русского феодализма, почти никогда не попадающий в поле зрения памятников, может послужить главным оправданием избрания ПСГ в качестве основного источника проделанного исследования. Несмотря на свое периферийное происхождение, ПСГ имеет до известной степени общерусское значение — отражаемые ею юридические нормы находят широкое распространение по всей Руси и отмечаются много веков спустя в крестьянской среде самых разных районов; рисуемые ею социальные типы наймита и изорника, сохраняя конкретно исконские черты, являются

тем не менее определенным этапом в развитии феодальной зависимости далеко за пределами Псковской земли.

Однако характеристика Грамоты и рисуемых ею отношений будет неполной, более того — искаженной, если упустить из виду специфику ПСГ как памятника вечевого законодательства, возникшего в феодальной городской республике. Отражая коренные общерусские процессы развития феодальных отношений, ПСГ делает это не абстрактно, не в общей форме, а через призму особых черт городского общинно-вечевого строя — тех черт социально-политического устройства, которые сближают Господина Псков с его старшим братом и противопоставляют их обоих до известной степени другим русским землям с их княжеско-дружинным вариантом развития феодализма.

ПСГ в сочетании с актовым и летописным материалом позволяет вскрыть две системы противоречий, свойственных феодальной городской республике. Одна из них, непосредственно вытекающая из самой структуры вечевой республики, — это противоречия между господствующей городской общиной и подчиненными ей сельскими и пригородскими общинами. Эти противоречия не являются чем-то неподвижным и застывшим. Уходя своими корнями в далекое прошлое, они в условиях развития феодальных отношений наполняются новым классовым содержанием и в отдельных случаях принимают характер антифеодальной борьбы села против города-феодала (брань о смердах). Отражая в своем тексте не только городские, но и типично сельские, аграрные сюжеты, ПСГ является кодексом феодального права не только господствующей городской общины, но и всей Псковской земли. По крайней мере часть норм вечевого законодательства распространяется и на сельскую общину Господина Пскова, как и обычное право сельских общин является одним из источников псковской пошлины.

Вторая система противоречий — внутри самой городской и сельской общины. Эти противоречия отражают нарастающее социальное неравенство, фактически — процесс феодального классового образования внутри общины, раскалывающейся на привилегированных феодалов и малоимущих черных молодших людей. Наибольшего обострения эти противоречия достигают в Великом Новгороде в последние годы его политического бытия; аналогичные явления наблюдаются и во Пскове. Восходя в своей основной части к XIV в., ПСГ отражает тот этап развития феодальных отношений внутри городской и сельской общины, когда относительное единство этой общины еще сохраняется, хотя уже сильно подтачивается ростом социального и имущественного неравенства. Феодальное расслоение уже налицо, оно развивается и нарастает, но носит еще не заверченный характер. Вечевая городская община во времена ПСГ еще не полностью изжила себя, она еще сохраняет известное единство, а тем самым — некоторые перспективы развития. Сохранение территориальных общинных связей еще смягчает противоречия между государем и наймитом в городе, государем и изорником

в селе. Однако наряду со старыми внутриобщинными порядками, основанными на устной традиции, на мнении соседей, все громче и значительнее голос нового феодального права с его формально закрепленными классовыми отношениями господства и подчинения. Грамотчик, вторгающийся в патриархальный мир соседей, застарелый дворовый наймит, изорник в записи — вот показатели новых, развивающихся отношений, отношений, которым в XIV—XV вв. принадлежит будущее.

Достоинство ПСГ — в ее двуслойности, в том, что она улавливает и вчерашний, и завтрашний день феодализирующейся общины — и уходящее прошлое, и грядущее будущее. Кодекс развивающегося феодального права, Грамота отражает важный этап в истории феодальной вечевой республики и русского феодализма в целом — этап, предшествующий эпохе складывания единого Русского централизованного государства, эпохе ликвидации удельно-вечевого сепаратизма и перестройки аграрных и социальных отношений в бывших вечах на новой основе.

Список сокращений

- АСВР, I, II, III — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Т. I. М., 1952; т. II. М., 1958; т. III. М., 1964.
- ГНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950.
- ДКУ — Древнерусские княжеские уставы XI—первой половины XV в. М., 1976.
- ЗСПП — Закон Судный Людем Пространной и Сводной редакции. М., 1961.
- МП — Мерило Праведное по рукописи XIV в. М., 1961.
- НПГ — М а р а с и н о в а Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV веков. Разд. III. Тексты актов. [М.], 1966, с. 44—83.
- НПЛ — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.
- ПЛ, I, II — Псковские летописи. Вып. I. М.—Л., 1941; вып. II. М., 1955.
- ПР, I, II, III — Правда Русская. Т. I. М.—Л., 1940; т. II. М., 1947; т. III. М., 1963.
- ПРН, I, II, IV — Памятники русского права. Вып. первый. М., 1952; вып. второй. М., 1953; вып. четвертый. М., 1956.
- ПСРЛ, I, II, XIII — Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 1962; т. II. М., 1962; т. XIII. М., 1965.
- РИБ, VI — Русская историческая библиотека, издаваемая Археологическою комиссиею. Т. VI. Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880.
- Судебники Эклога — Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952.
- Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. Вступит. статья, пер. и коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965.
- Ecloga — Ecloga Leonis et Constantini. Ed. A. Monferratus. Athenis, 1889.

Литература

- Абрамович Г. В. К вопросу о значении кредитования крестьян феодалами в развитии сельского хозяйства Руси XV—XVI вв. — Ежегодник аграрной истории за 1965 г. М., 1970, с. 49—62 163
- Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. Руководитель авторского коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1971 26, 41, 130, 224
- Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.—Л., 1966 38, 121, 127, 129, 224
- Алексеев Ю. Г. Черная волость Костромского уезда XV в. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сб. статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967, с. 72—84 48, 127
- Алексеев Ю. Г. Крестьянская волость в центре феодальной Руси. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972, с. 71—103 119, 121, 127, 224
- Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт средневековой Руси. (От Русской Правды до Псковской Судной грамоты). — Вспомогат. истор. дисциплины, VI. Л., 1974, с. 125—141 103
- Алексеев Ю. Г. Псковские купчие XIV—XV вв. — Вспомогат. истор. дисциплины, VII. Л., 1976, с. 126—147 122
- Алексеев Ю. Г. Статьи о «вдачестве» (опыт терминологического анализа древнерусских юридических текстов). — Вспомогат. историч. дисциплины, IX. Л., 1978, с. 148—173 141
- Алексеев Ю. Г. Палеографические наблюдения над списками Псковской Судной грамоты. — Вспомогат. истор. дисциплины, X. Л., 1978, с. 70—103 6, 7, 75
- Алексеев Ю. Г. Вопросы истории текста Псковской Судной грамоты. — Вспомогат. истор. дисциплины, XI. Л., 1979, с. 48—68 11, 21
- Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова. (К вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины). — Истор. записки, 103. М., 1979, с. 242—274 37, 56, 227
- Алексеев Ю. Г., Копанев А. И. Развитие поместной системы в XVI в. — В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. Сб. статей, посвященный памяти Алексея Андреевича Новосельского. М., 1975, с. 57—69 224
- Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV вв. — СА, 1974, № 3, с. 100—110 22, 35
- Аргунов П. А. Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной грамоты. К истории сеньерьяльных отношений на Руси. (Отд. оттиск из «Ученых записок» Сарат. гос. ун-та за 1925, т. IV, вып. 4). Саратов, 1925, с. 1—41 5, 146—148, 150, 151, 154, 158, 159, 164, 166, 170, 173, 177, 183, 186, 187, 190, 194, 196, 199
- Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1952 г.). М., 1954 80

- Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963 83
- Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1955 г.). М., 1958 73
- Беляев И. О наследстве без завещания по древним русским законам до Уложения царя Алексея Михайловича. М., 1858 191
- Беляев И. Крестьяне на Руси. М., 1861. Изд. 4-е. М., 1903 5, 145, 149, 150, 153, 156, 163, 166, 177, 182, 188, 193
- Беляев И. История города Пскова и Псковской земли. М., 1867 (Расказы из русской истории. Кн. III) 204, 212, 215
- Беляев П. И. Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение. — Журнал Министерства юстиции, 1916, октябрь, с. 139—179, ноябрь, с. 129—166 145, 158, 166, 170, 177, 199
- Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961 26, 34, 41, 130, 219
- Богословский М. М. Крестьянская аренда в Псковской Судной грамоте. — Истор. изв., издаваемые Истор. о-вом при Моск. ун-те, 1917, № 2, с. 3—46 5, 150, 151, 157, 163, 169, 177, 193, 194, 200
- Богословский М. М. К вопросу об отношении крестьянина к земле-владельцу по Псковской Судной грамоте. — Летопись занятий Археогрaфической комиссии за 1926 г., вып. первый (тридцать четвертый), Л., 1927, с. 27—54 164, 181—183, 188, 190, 196
- Бромлей Ю. В. К вопросу о сoтне как общественной ячейке у восточных и южных славян в средние века. — В кн.: История. фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, с. 73—90 35, 37, 39
- Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964 38
- Веселовский С. Б. Село и деревня Северо-Восточной Руси. М.—Л., 1936 130
- Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М., 1947 79, 121, 130
- Владимирский-Буданов М. Обзор истории русского права. Изд. 4-е. Киев — СПб., 1905 145
- Гейман В. Г. Псковская Судная грамота. Вводная статья. (Машинопись). ГИБ, Рукоп. отд., ф. 1133, № 69 10
- Герасимова В. И. Присоединение Пскова к Московскому централизованному государству. — Учен. зап. ЛГПИ, 1948, т. 78, с. 107—131 204, 221
- Голубцов И. А. О происхождении «авось» по крестьянским документам XV—начала XVI в. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сб. статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967, с. 85—90 118
- Горина Л. В. Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве. М., 1972 47
- Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960 124
- Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV—начале XVI века. М., 1974 119—121, 224
- Греков Б. Д. Движение псковских смердов 1483—1486 гг. и «смердыя грамоты». — Истор. записки, 20. М., 1946, с. 3—23 204, 205, 208—212, 215, 219
- Греков Б. Д. Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв. М., 1951 44, 47, 71, 88
- Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. 1. Изд. 2-е. М., 1952 5, 120, 121, 127, 146, 147, 154, 155, 162, 164, 167, 169, 188, 189, 192, 196
- Греков Б. Д. Киевская Русь. — Избр. тр. Т. II. М., 1959, с. 13—412 22, 35, 145
- Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955 16, 26

- Дебольский П. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII века. СПб., 1903 133, 145, 191
- Демченко В. Историческое исследование о показаниях свидетелей, как доказательстве по судебным делам по русскому праву до Петра Великого. Киев, 1859 179
- Добrotворский Н. Крестьянские юридические обычаи в восточной части Владимирской губернии. — Юрид. вестник Моск. юрид. об-ва, 1888, июнь—июль, с. 322—349, 1889, июнь—июль, с. 261—293 96
- Дьяконов М. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898 163
- Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Изд. 3-е. СПб., 1910 145, 149, 164, 170
- Дювернуа П. Источники права и суд в древней России. Опыт по истории русского гражданского права. М., 1869 36, 52, 53, 55, 62, 74, 75, 78, 85, 86, 107, 137, 148, 178
- Ефименко П. С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Кн. 1. Архангельск, 1869 (Тр. Арханг. губ. стат. ком. за 1867 и 1868 гг. Вып. III) 108
- Ефименко Т. К вопросу о русской «сотне» княжеского периода. — Журнал Министерства народного просвещения, 1910, июнь, с. 298—317 24
- Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960 15
- Зимин А. А. Феодалная государственность и Русская Правда. — Истор. записки, 76. М., 1965, с. 230—275 95
- Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973 137, 140
- Зимин А. А. Крупная феодалная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977 122
- Ивина Л. И. Судебные документы и борьба за землю в Русском государстве второй половины XV—начала XVI в. — Истор. записки, 86. М., 1970, с. 326—356 118, 119, 122, 224
- Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XV—первой половины XVI в. Л., 1979 122, 224
- Исаев М. М. Уголовное право Новгорода и Пскова XIII—XV вв. — Тр. науч. сессии Всесоюзного ин-та юрид. наук. 1—6 июля 1946 г. М., 1948, с. 126—142 44, 45, 49—51
- Казачкова Н. А. Очерки истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970 122
- Кафенгауз Б. Б. Псковские «изорники». — Учен. зап. МГПИ им. К. Либкнехта, т. 4. Сер. истор., вып. II. М., 1939, с. 28—48 146, 149, 151, 157, 164, 167, 170, 176, 183
- Кафенгауз Б. Б. Посадники и боярский совет в древнем Пскове. — Истор. записки, 33. М., 1950, с. 173—202 18, 30
- Кафенгауз Б. Б. О псковских крестьянах XV—XVI вв. — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 132—139 146, 147—148
- Кафенгауз Б. Б. Вече в древнем Пскове. — История СССР, 1966, № 6, с. 110—123 23
- Кафенгауз Б. Б. Древний Псков. М., 1969 5, 146, 205, 208, 214, 219, 220
- Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI века. М., 1967 121—122
- Клейнбергер И. Э. Известия о новгородском вече первой четверти XV в. в ганзейских источниках. — История СССР, 1978, № 6, с. 170—175 23
- Ключевский В. О. Курс русской истории, ч. 2. — Соч., т. II. М., 1957 145
- Ключевский В. О. Псковская Правда. — Соч., т. VI. М., 1959, с. 109—128 73, 147, 150, 151, 153, 166
- Колотилова С. И. К вопросу о положении Пскова в составе Новгородской феодалной республики. — История СССР, 1975, № 2, с. 145—152 30—31

- К о п а н е в А. И. История землевладения Беловерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951 119, 121, 224
- К о п а н е в А. И. Крестьянство русского Севера в XVI в. Л., 1978 124
- К о р с у н с к и й А. Р. О развитии феодальных отношений в готской Испании V—VII вв. Формирование зависимого крестьянства. — Средние века, X. М., 1957, с. 27—57 40
- К о ч и н Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937 125
- К о ч и н Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII—начало XVI в. М.—Л., 1965 119, 124
- К у з а А. В. Новгородская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 144—201 37
- Л а п о - Д а н и л е в с к и й А. С. Очерк истории образования главных разрядов крестьянского населения в России. — В кн.: Крестьянский строй. Т. I. СПб., 1905, с. 1—156 146
- Л и п ш и ц Е. Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация. (Преимущественно по данным Земледельческого закона). — В кн.: Византийский сборник. М., 1945, с. 96—143 138
- Л и х а ч е в Д. С. К вопросу о политической позиции Владимира Мономаха. — В кн.: Из истории феодальной России. Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина. Л., 1978, с. 34—37 29
- М а р а с и н о в а Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV веков. Под ред. А. М. Сахарова. [М.], 1966 41, 78, 81, 103, 120, 122, 125, 127, 128, 146, 167, 205, 208, 209, 212, 220
- М а р т ы с е в и ч И. Д. Псковская Судная грамота. Историко-юридическое исследование. [М.], 1951 5, 12, 22, 44—46, 49, 52, 55, 58, 60, 62, 68, 74, 76, 81, 88, 89, 101, 108, 113, 139, 146, 157, 170, 176, 177, 188, 204
- М а р т ы с е в и ч И. Д. Общественно-политический строй и право Псковской феодальной республики XIV—XV вв. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра юрид. наук. М., 1965 5, 13, 31, 61, 62, 170 204, 220
- М а с л е н н и к о в а Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. [Л.], 1955 139, 204, 212
- М и л о в Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклоги). — История СССР, 1976, № 1, с. 142—163 54, 93
- М и х а й л о в П. Е. Юридическая природа землепользования по Псковской Судной грамоте. СПб., 1914 5, 145, 149, 150, 152, 154, 157, 163, 166, 169, 185, 195, 199
- М р о ч е к - Д р о з д о в с к и й П. Н. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов. — Юрид. вестник Моск. юрид. о-ва, 1884, май—июнь, с. 74—131 5
- Н а с о в о в А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951 28, 30, 37
- Н е в о л и н К. История российских гражданских законов. Т. I—III. СПб., 1851 114, 145
- Н е у с ь х и н А. И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964 132
- Н и к и т с к и й А. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873 31, 145, 205, 210
- Н и к и т с к и й А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893 26
- Н о с о в Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969 15
- Н о с о в Н. Е. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Доктябрьский период. Л., 1972, с. 44—71 124
- О г р ы з ь к о З. А. Из истории крестьянства на Севере феодальной России. М., 1968 163

- Островская М. А. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI—XVII вв. СПб., 1913 163
- Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. Одесса, 1871 121
- Павлов А. «Книги Законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные. СПб., 1885 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности Акад. наук. Т. 38) 77, 137
- Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. — Соч., т. III. СПб., 1910 145, 158
- Панеях В. М. Холопство в XVI—начале XVII века. Л., 1975 143
- Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. Т. 1—2. СПб., 1877—1879 89, 108
- Пашуто В. Т. Помезания. «Помезанская правда» как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII—XIV вв. М., 1955 44
- Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956 121
- Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 11—76 3, 22
- Пашуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства. — Там же, с. 77—127
- Пашуто В. Т. Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси. — В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 5—17 29
- Песнь о Роланде. Пер. со старофранц. Ф. де ла Барта. М., 1958 53
- Победимова Г. А. О некоторых формах кредитования крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря в первой половине XVI в. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сб. статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967, с. 91—97 163
- Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. I—II. — В кн.: Избр. произведения в четырех книгах. Кн. 1. М., 1966 25, 169, 205
- Покровский Н. Н. Актовые источники по истории чернососного землевладения в России XIV—начала XVI в. Новосибирск, 1973 122
- Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909 205
- Псков. Очерки истории. Л., 1971 23
- Псковская Судная грамота, составленная на вече в 1467 г. Издана по списку, хранящемуся в библиотеке кн. Михаила Семеновича Воронцова. Одесса, 1847 5, 112
- Псковская Судная грамота (1397—1467). Изд. 2-е. Одесса, 1868 5
- Псковская Судная грамота. Новый перевод и комментарий Л. В. Черепнина и И. Я. Яковлева. — Истор. записки, VI. М., 1940, с. 235—299 45, 113, 150, 157
- Псковская Судная грамота. Пер. и коммент. проф. И. И. Полосина. — Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1952, т. LXV, кафедра истории СССР, вып. 3 5, 12, 14, 19, 45, 58, 69, 70, 74—77, 84—86, 96, 100, 105, 107—109, 112—116, 137—139, 142, 146, 149, 154, 158, 167, 169, 172, 174, 177, 179, 183, 187, 189, 190, 192—194, 196, 200
- Псковская Судная грамота. Пер., историко-правовой обзор и текстол. коммент. А. А. Зимина. — В кн.: Памятники русского права. Под ред. проф. С. В. Юлкова. Вып. второй. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв. М., 1953, с. 282—383 5, 12, 14, 18, 33, 43—45, 49, 50, 52, 58, 59, 68, 70, 76, 78, 84, 112—114, 137—139, 146, 164, 167, 170, 184, 188, 189, 193
- Рожкова М. К. К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной грамоты. Л.—М., [1927] 5, 157, 160
- Руднев Л. О духовных завещаниях по русскому гражданскому праву в историческом развитии. Киев, 1895 92—94, 97, 102, 108

- Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. — Истор. записки, II. М., 1938, с. 132—152 35, 37
- Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948 25, 35
- Свердлов М. Б. Древнерусский акт X—XIV вв. — Вспомогат. истор. дисциплины, VIII. Л., 1976, с. 50—69 117
- Сергеевич В. Древности русского права. Т. I—II. Изд. 3-е. СПб., 1909, 1908 20, 145, 148, 152, 157, 163, 165, 186, 204, 220
- Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 6. М., 1979 148
- Смирнов И. И. Проблемы крепостничества и феодализма в советской исторической литературе. — В кн.: Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.—Л., 1942, с. 91—103 195
- Смирнов И. И. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. (по поводу исследования Л. В. Черепнина «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.»). — История СССР, 1962, № 2, с. 138—161, № 3, с. 137—161 120
- Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. М.—Л., 1963 3, 36, 51, 86, 93, 95, 111, 121, 137, 140, 145, 228
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1903 67
- Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города X—XV вв. М., 1960 25
- Струмилин С. Г. Договор займа в древнерусском праве. М., 1929 78
- Суворов Н. С. Псковское церковное и монастырское землевладение в XVI и XVII вв. — Журнал Министерства народного просвещения, 1905, декабрь, с. 225—264, 1906, апрель, с. 353—405, май, с. 1—26, июль, с. 43—112, август, с. 185—219, 1907, апрель, с. 334—362, июнь, с. 241—280, июль, с. 1—25 125
- Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955 22, 120, 127—128
- Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956 22, 24, 35
- Голочко П. П. Вече и народные движения в Киеве. — В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972, с. 125—143 22
- Удинцев В. История займа. Киев, 1908 74, 79, 81, 83
- Устрялов Ф. Исследование Псковской Судной грамоты 1467 г. СПб., 1855 44, 112—114, 145, 147, 153, 166
- Фадеев Л. А. Происхождение и роль системы городских конюв в развитии древнейших русских городов. — В кн.: Русский город (историко-методологический сборник). М., 1976, с. 17—31 25
- Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. (Пособие к лекциям). Ч. I. Изд. 5-е. Юрьев, 1914 145
- Фроянов И. Я. Вечевые собрания 1146—1147 гг. в Киеве. — Вестник Ленингр. ун-та. История. Язык. Литература. 1977, вып. 2, с. 28—36 23
- Фроянов И. Я. Вече в Киеве 1068—1069 гг. — В кн.: Из истории феодальной России. Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина. Л., 1978, с. 38—46 23
- Христоматия по истории русского права. Вып. I. Сост. М. Владимировский-Буданов. Изд. 5-е. СПб. — Киев, 1899, с. 148—190 5, 15, 44, 52, 53, 62, 68, 70, 78, 85, 139, 145, 147, 150, 151, 153, 166, 170
- Цитович П. Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870 92, 93, 107
- Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. I. М.—Л., 1948; ч. II. М., 1951 5, 20, 89, 119, 121, 208, 210, 224
- Черепнин Л. В. Из истории русского крестьянства XV в. — Доклады и сообщения Ин-та истории. М., 1954, вып. 3, с. 111—124 146, 147, 157, 163, 164, 167, 168, 170, 183, 186, 189, 192, 193, 196

- Черепнин Л. В. Социально-политическая борьба в Псковской феодальной республике в конце 70-х—начале 80-х гг. XV в. (из истории образования Русского централизованного государства). — История СССР, 1958, № 3, с. 145—171 205, 208, 209, 212—214, 217—219, 221
- Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960 121, 171, 224
- Черепнин Л. В. О формах объединения ремесленников в русских городах XIV—XV вв. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, с. 19—24 25
- Черепнин Л. В. Псковские грамоты конца XV в. как исторический источник. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию проф. С. Н. Валка. М.—Л., 1964 (Тр. Ленингр. отд-ния Ин-та истории АН СССР. Вып. 7), с. 426—434 18, 85, 128
- Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 128—278 3, 94
- Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969 44, 47, 73, 78, 80, 83, 89, 121, 144
- Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. — В кн.: Новосельцев А. Н., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 126—251 3
- Черепнин Л. В. Пути и формы политического развития русских земель XII—начала XIII в. — В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 23—47 13, 22
- Чернов С. Н. Заметки о псковских смердах и волнениях 80-х годов XV века. В порядке обсуждения. — Исторический сб. Тр. Горьк. гос. пед. ин-та им. М. Горького, 1939, т. III, с. 5—55 205, 210, 215—217, 220
- Чичерин Б. Опыты по истории русского права. М., 1858 150, 153, 156, 168
- Шапиро А. Л. О характере найма в Древней Руси. — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. II. Л., 1973, с. 95—102 138, 141
- Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977 22, 143
- Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972 36, 43, 56
- Щапов Я. Н. О функциях общины в Древней Руси. — В кн.: Общество и государство феодальной России. Сб. статей, посвященный 70-летию академика Льва Владимировича Черепнина. М., 1975, с. 13—21 24, 47, 93, 95
- Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. СПб., 1855 5, 12, 14—15, 33, 44, 49, 52, 62, 68, 69, 78, 81, 85, 86, 89, 114, 139, 145, 147, 150, 151, 153, 156, 163, 166, 168, 177, 180, 190, 194, 197
- Юшков С. В. Устав князя Всеволода. — В кн.: Юбилейный збірник на пошану акад. Д. Й. Багалія. Київ, 1927, с. 405—424 36
- Юшков С. В. Псковская «аграрная» революция. — Зап. науч. о-ва марксистов. М.—Л., 1928, № 3 (11), с. 25—42 134, 205, 210, 215, 217, 220, 225—227
- Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939 21
- Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949 26
- Янин В. Л. Вислые печати Пскова. — СА, 1960, № 3, с. 237—261 17, 18

- Янин В. Л. Новгородские посадники М., 1962 22, 24, 26—28, 30, 36
- Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1965 29
- Янин В. Л. Сфрагистический комментарий к псковским частным актам. — В кн.: М а р а с и н о в а Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV веков. [М.], 1966, с. 163—178 125
- Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики. — История СССР, 1970, № 1, с. 44—55 22
- Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. II. М., 1970 18
- Янин В. Л. Грамота кн. Святослава Ольговича 1137 г. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину. М., 1972, с. 243—251 14
- Янин В. Л. Комплекс берестяных грамот № 519—521 из Новгорода. — В кн.: Общество и государство феодальной России. Сб. статей, посвященный 70-летию акад. Льва Владимировича Черепнина. М., 1975, с. 30—39 131, 132
- Янин В. Л. К хронологии «Торгового Устава» кн. Всеволода. — Археологический ежегодник за 1976 г. М., 1977, с. 60—68 36
- Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977 24, 26, 34, 35, 37
- Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 5—56 25, 34
- G r u n n e r H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. I—II. Leipzig, 1887—1892 178
- P a s c h u t o W. Gesetzmässigkeiten und Besonderheiten der Entwicklung des Feudalismus in Russland bis zum 17 Jahrhundert. — In: Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. Bd. 1. Berlin, 1977, S. 121—134 3

Указатель статей Псковской Судной грамоты, упоминаемых в тексте

[1] (1, 2)	8, 12, 48—52, 63—65	[33] (42)	8, 147, 148, 150—152,
155—157, 160—162, 164,
169, 171—174, 176, 200
[2] (3, 4)	8, 13, 19, 21, 32, 33	[34] (43)	8, 147, 148, 152, 153,
155, 162, 168
[3] (5)	8, 13, 14	[35] (44, 45)	8, 84, 137, 147, 148,
155, 162, 164, 165, 176,
178, 180—182, 184,
192—194, 197
[4] (6)	8	[36] (46)	8, 62, 175
[5] (7, 8)	8, 44, 45, 48, 66—68	[37] (47)	8
[6] (9, 10,
11)	8, 62, 100, 111—116,
124—127, 137, 172, 178,
179, 181, 193, 198	[38] (48)	8, 13, 14
[7] (12)	8, 13, 65, 111, 116	[39] (49)	8, 13, 20, 57, 65
[8] (13)	8, 62, 111, 115, 116, 175	[40] (49)	8, 70
[9] (14)	8, 73, 74, 76, 88, 95, 98—
102, 106, 154, 191, 195	[41] (50)	8, 13, 17, 20, 58
[10] (14)	8, 73, 74, 95, 98, 100—
102, 154, 191	[42] (51)	8, 62, 100, 123, 147,
155, 166, 167, 175, 178—
184, 193, 194, 196—198,
202
[11] (14)	8, 73, 74, 95, 98, 100—
102, 154, 191	[43] (51, 52)	8
[12] (15)	8, 74, 95—100, 154, 190,
191, 196	[44] (53)	8, 107—109
[13] (16, 17)	8, 62, 75, 76	[45] (54)	8
[14] (18)	8, 62, 76, 77, 142, 175	[46] (55)	8, 62, 100, 101, 106, 111,
113, 175, 179, 181, 191,
193, 195
[15] (19)	8, 78, 84, 193	[47] (56)	8, 60, 62, 113, 175,
179—181, 193
[16] (20, 21,
22, 23, 24)	8, 13, 48, 51—53, 57, 62,
142	[48] (57)	8, 13, 62, 70, 71
[17] (25, 26)	8, 42, 51, 57, 58	[49] (58)	8, 13, 113
[18] (27)	8, 51, 59—62, 179	[50] (58, 59)	8, 13, 20, 65
[19] (28)	8, 62, 63, 78—80, 84,
154, 194	[51] (60)	8, 70
[20] (29)	8, 62, 78—80, 194	[52] (61)	8
[21] (30)	8, 65, 77, 78, 80, 85,
181	[53] (62)	8, 62, 84
[22] (30)	8, 65, 78, 80, 193	[54] (63)	8, 147, 155—158, 160—
162, 169, 171, 172, 200
[23] (31)	8, 78—80, 194	[55] (64)	8, 13, 65
[24] (32, 33)	8, 65, 78, 81, 83, 84, 184	[56] (65)	8, 65
[25] (34, 35)	8, 61—63, 68—70, 129	[57] (66)	9
[26] (36)	8, 62, 69, 79, 84	[58] (67)	9, 49, 71
[27] (37)	8, 13, 63, 65	[59] (68)	9, 33, 34
[28] (38)	8, 82—85	[60] (69)	9, 34
[29] (39)	8, 135—139, 142, 151,
178, 180, 197	[61] (70)	9, 111, 113
[30] (40)	8, 135, 138, 141, 142,
151	[62] (71)	9
[31] (41)	8, 135, 142, 151	[63] (72)	9, 102—104, 111, 123
[32] (42)	8, 147—149, 155, 157,
169, 171—174, 200		

[64] (73) 9, 86, 88
 [65] (74) 9, 87
 [66] (74) 9, 87
 [67] (75) 9, 147, 155, 169, 193,
 194
 [68] (75) 9, 147, 155, 168-172,
 194
 [69] (76) 9, 13, 147, 155, 167, 168,
 173, 182-189, 191, 192,
 202
 [70] (76, 77) 9, 20
 [71] (78, 79) 9, 13, 20, 38, 111, 115
 [72] (79) 9, 111
 [73] (80) 9, 60
 [74] (81) 9, 20
 [75] (82) 9, 13, 17, 20, 58, 65, 111,
 115
 [76] (82) 9, 58
 [77] (83) 9, 13, 65
 [78] (84) 9, 13, 101, 147, 155, 168,
 187, 188, 190-192, 195
 [79] (85) 9, 101, 147, 155, 189-
 191, 195-199
 [80] (86) 9, 101, 147, 155, 189-
 191, 194, 195
 [81] (86) 9, 101, 147, 155, 189-
 191, 195
 [82] (87) 9, 89, 147, 155, 156,
 191-194
 [83] (88) 9, 103-105, 109, 123
 [84] (89) 9, 103-105, 109, 123
 [85] (90) 9, 109
 [86] (90) 9, 62, 109
 [87] (91) 9, 109, 110

[88] (91) 9, 62, 109, 110
 [89] (92) 9, 62, 79, 80, 84, 85
 [90] (93) 9, 80, 81, 147, 155,
 199-203
 [91] (94) 9, 62, 96, 108, 109
 [92] (95) 9, 62, 108, 109, 175
 [93] (96, 97) 9, 13, 42, 43, 65
 [94] (98) 9, 13, 42, 71, 80
 [95] (99) 9, 62, 63, 69
 [96] (100) 9, 105-107, 111, 190
 [97] (101) 9, 62, 84, 85
 [98] (102) 9, 62, 135, 136, 142, 143
 [99] (103) 9, 194
 [100] (103) 9, 82, 84
 [101] (104) 9, 62, 81, 96, 111, 115,
 175
 [102] (105) 9, 62
 [103] (106) 9, 62, 84, 111, 115, 116,
 124, 175
 [104] (107) 9, 62, 80, 81
 [105] (108) 9, 21, 33
 [106] (108) 9, 21
 [107] (109) 9
 [108] (110) 9, 89
 [109] (111) 9, 13, 49, 65
 [110] (112) 9, 43, 62, 65
 [111] (112) 9, 65
 [112] (112) 9, 65
 113 60, 61
 114 62, 88
 116 62, 63, 70
 117 49, 56, 57, 62, 65, 69
 118 88
 120 49, 59-61, 65

Оглавление

Введение	3
Глава I. Князь, посадник и сотский	12
Глава II. Суд о головшине, татьбе и разбое	42
Глава III. Суд о сблюденни, ссуде, закладе и поруке	73
Глава IV. Суд о наследстве	92
Глава V. Суд о земле	111
Глава VI. Смерды и феодалы	119
1. Земли смердых общин	119
2. Феодалы и их земли	128
Глава VII. Наймит и его государь	135
Глава VIII. Изорник и его государь	145
Глава IX. «Брань о смердах»	204
Заключение	228
Список сокращений	232
Литература	233
Указатель статей Псковской Судной грамоты, упоминаемых в тексте	241